

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Факультет
государственного
управления

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ISSN 2070-1381

ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

PUBLIC ADMINISTRATION
E-journal

89
2021

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Издатель:

Факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Редакция:

Никонов В.А. — главный редактор, доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова;

Петрунин Ю.Ю. — зам. главного редактора, доктор философских наук;

Сухарева М.А. — ответственный секретарь, кандидат экономических наук;

Федько М.В. — редактор, кандидат филологических наук;

Чугунов А.А. — технический редактор.

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Петрунин Ю.Ю. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Барабашев А.Г. — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Россия);

Г. Букен-Кнапп — PhD (Гётеборгский университет, Швеция);

Д. Ван Слайк — Ph.D. (Сиракузский университет, США);

Л.С. ван Яарсвелд — PhD (Университет Южной Африки, ЮАР);

Глазьев С.Ю. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Григорьева Н.С. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Дубровская Ю.В. — кандидат экономических наук (ПНИПУ, Россия);

Зайцева Т.В. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Кудина М.В. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Купряшин Г.Л. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Лексин И.В. — доктор юридических наук (МГУ, Россия);

Лившин А.Я. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Логинов А.В. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Машкова А.Л. — кандидат технических наук (ОГУ, Россия);

Михайлова О.В. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Мягков М.Г. — PhD (Университет Орегона, США; ТГУ, Россия);

Полюшкевич О.А. — кандидат философских наук (ИГУ, Россия);

Попова С.С. — кандидат юридических наук (МГУ, Россия);

Рыбакова М.В. — доктор социологических наук (МГУ, Россия);

Сидоров А.В. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Соловьев А.И. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Сторчевой М.А. — кандидат экономических наук (НИУ ВШЭ, Россия);

Сухарева М.А. — кандидат экономических наук (МГУ, Россия);

Угнич Е.А. — кандидат экономических наук (ДГТУ, Россия);

Федько М.В. — кандидат филологических наук (МГУ, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77-6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77-56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала **ISSN 2070-1381**.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19-10/09 от 12 ноября 2009 года). Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по экономике, социологии, и политологии (с 22 октября 2010 года).

Журнал выходит 6 раз в год. Все номера находятся в свободном доступе на сайте: e-journal.spa.msu.ru.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701.

Тел.: +7 (495) 930-85-71. E-mail: e-journal@spa.msu.ru.

Founding Organization:

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University.

Publisher:

School of Public Administration Lomonosov Moscow State University.

Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — Editor-in-chief, DSc (History), Dean of School of Public Administration;

Yury Y. Petrunin — Deputy editor-in-chief, DSc (Philosophy);

Maria A. Sukhareva — Executive Secretary, PhD;

Maria V. Fedko — Editor, PhD;

Aleksey A. Chugunov — Layout editor.

Board of Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration (MSU, Russia);

Yury Y. Petrunin — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

Alexey G. Barabashev — DSc (Philosophy) (HSE, Russia);

Gregg Bucken-Knapp — PhD (University of Gothenburg, Sweden);

David Van Slyke — PhD (Syracuse University, USA);

Liza Ceciel van Jaarsveld — PhD (University of South Africa, RSA);

Sergey Yu. Glaziev — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Natalia S. Grigorieva — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Julia V. Dubrovskaya — PhD (PNRPU, Russia);

Tatyana V. Zaytseva — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Marianna V. Kudina — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Gennady L. Kupryashin — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Vladimir I. Leksin — DSc (Juridical Sciences) (MSU, Russia);

Alexander Y. Livshin — DSc (History) (MSU, Russia);

Andrey V. Loginov — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Aleksandra L. Mashkova — PhD (OSU, Russia);

Olga V. Mikhailova — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Mikhail G. Myagkov — PhD (University of Oregon, USA; TSU, Russia);

Oxana A. Polyushkevich — PhD (ISU, Russia);

Svetlana S. Popova — PhD (MSU, Russia);

Marina V. Rybakova — DSc (Sociology) (MSU, Russia);

Alexander V. Sidorov — DSc (History) (MSU, Russia);

Alexander I. Solovyev — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Maxim A. Storchevoy — PhD (Political Sciences) (MSU, Russia);

Maria A. Sukhareva — PhD (MSU, Russia);

Ekaterina A. Ugnich — PhD (DSTU, Russia);

Maria V. Fedko — PhD (MSU, Russia).

The journal is officially registered with the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation. International serial number of the magazine is **ISSN 2070-1381**.

“E-journal. Public Administration (Russia)” is included into RISC (Russian Index of Scientific Citation) and a Higher Attestation Commission (VAK) list.

The goal of “E-journal. Public Administration (Russia)” is to use the possibilities of Internet to promote cutting-edge theoretical and practical developments in public, municipal and corporate administration. All issues are available on the website: ee-journal.spa.msu.ru.

Address: 119992, Moscow, Lomonosovskiy prospekt 27/4, room A-701.

Telephone: + 7 (495) 930-85-71. E-mail: ee-journal@spa.msu.ru.

Содержание

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

Орлова Любовь Николаевна; Бондарева Полина Сергеевна

Новые инструменты венчурного финансирования стартапов на ранней стадии развития на современном венчурном рынке России..... 7

Liubov N. Orlova; Polina S. Bondareva

New Venture Instruments for Financing Start-Ups at Early Stages of Development on Modern Russian Venture Market

Кудина Марианна Валерьевна; Кузьмин Сергей Сергеевич

Интеграционная парадигма корпоративного роста: стратегии открытых инноваций..... 19

Marianna V. Kudina; Sergey S. Kuzmin

The Integration Paradigm of Corporate Growth: Open Innovation Strategies

Львова Ольга Александровна

Индикаторы оценки результативности системы управления банкротством в России по данным статистических источников 32

Olga A. Lvova

Indicators for Assessing the Effectiveness of Bankruptcy Management System in Russia according to Statistical Sources

Панова Екатерина Андреевна

Возможности маркетплейсов в развитии и повышении конкурентоспособности малых и средних предприятий 52

Ekaterina A. Panova

Opportunities of Marketplaces in Developing and Increasing the Competitiveness of Small and Medium-Sized Enterprises

Соколов Алексей Олегович

Индикаторы экономической целесообразности формирования наднациональных организационно-правовых форм в Евразийском экономическом союзе 62

Alexey O. Sokolov

Indicators of Economic Feasibility of Creating Supranational Organizational and Legal Forms within the Eurasian Economic Union

Социология управления
Management sociology

Колотуша Антон Васильевич

Загадка злоупотребления жирами более образованными людьми в России: профессиональный и гендерный аспект..... 79

Anton V. Kolotusha

Riddle of Fat Overuse by More Educated People in Russia: Professional and Gender Aspects

Молчанов Игорь Николаевич

Человеческий потенциал и перспективы развития образования..... 94

Igor N. Molchanov

Human Potential and Prospects for Education Development

**Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of administration**

Найдеров Юрий Вячеславович

Создание федеральной территории «Сириус» как фактор политического развития города Сочи 105

Yuri V. Naiderov

Creation of Federal Territory “Sirius” as a Factor for Sochi Political Development

Наумов Александр Олегович

Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика 122

Alexander O. Naumov

Joseph Nye’s Concept of Soft Power in Foreign Scientific Discourse: Interpretation and Criticism

Петрунина Ольга Евгениевна

«Русские эмигранты в Сирии»: М.И. Самсонов о положении выходцев с Кавказа в начале XX в. 132

Olga E. Petrunina

“Russian Emigrants in Syria”: M.I. Samsonov on the Status of Expatriates from the Caucasus at the Beginning of the 20th Century

Пушкарева Галина Викторовна

Легитимация государственных решений: возможности и ограничения убеждающей коммуникации 140

Galina V. Pushkareva

Legitimizing Government Decisions: Opportunities and Limitations of Persuasive Communication

**Стратегия цифровой экономики
Digital economy strategies**

Леонтьева Лидия Сергеевна; Кудина Марианна Валерьевна; Воронов Александр Сергеевич

Выявление степени влияния цифровой среды на социально-политическую активность молодежи 154

Lidiya S. Leontieva; Marianna V. Kudina; Aleksandr S. Voronov

Revealing a Degree of Digital Environment Influence on Socio-Political Activity of Young People

Пивоварова Марина Борисовна

Цифровизация научной и образовательной среды: управленческие аспекты 173

Marina B. Pivovarova

Digitalization of Scientific and Educational Spheres: Management Aspects

Швыряев Павел Сергеевич

Киберпреступность в России: новый вызов для общества и государства 184

Pavel S. Shvyriaev

Cybercrime in Russia as a New Challenge for Society and State

Исследования молодых ученых

Young scientists researches

Григорьева Наталия Сергеевна; Андрюшков Сергей Андреевич; Зубков Александр Вадимович;

Кулькова Полина Сергеевна; Хорошилова Марина Александровна

Влияние ограничительных мер на систему образования: переход на дистанционное обучение в оценках студентов российских вузов 197

Natalia S. Grigorieva; Sergey A. Andrushcov; Alexander V. Zubkov; Polina S. Kulkova; Marina A. Khoroshilova

Impact of Restrictive Measures on Higher Education: Transition to Distance Learning as Assessed by Russian Universities Students

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-89-7-18

Новые инструменты венчурного финансирования стартапов на ранней стадии
развития на современном венчурном рынке России

Орлова Любовь Николаевна

Доктор экономических наук, доцент, факультет экономики и бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, РФ.

E-mail: lnorlova@fa.ru

SPIN-код РИНЦ: [5071-9120](#)

ORCID ID: [0000-0002-8144-4900](#)

Бондарева Полина Сергеевна

Магистр менеджмента, Высшая школа государственного администрирования (факультет), МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: polinabond97@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [9596-2382](#)

ORCID ID: [0000-0002-0936-1377](#)

Аннотация

Сегодня венчурный рынок России находится на начальном этапе своего развития и характеризуется высоким бюрократическим барьером, который не позволяет в полной мере удовлетворить интересы различных типов инвесторов и стартапов. Неотъемлемой частью венчурного предпринимательства является высокий уровень гибкости и скорости принятия решений, которые оказывают существенное влияние на успех и привлекательность сделки. Именно поэтому возникает потребность в совершенствовании существующих, а также во внедрении новых финансовых инструментов в российскую практику заключения венчурных сделок, уже доказавших свою эффективность на мировых развитых венчурных рынках. Целью исследования является изучение особенностей применения новых финансовых инструментов (таких как конвертируемый займ и его производные инструменты), активно используемых на западном венчурном рынке, а также возможности внедрения практики применения данных инструментов на российском рынке. Актуальность исследования обусловлена значимостью развития новых финансовых инструментов венчурного рынка для перехода российской экономики на инновационный путь развития. Научный инструментарий, используемый для проведения исследования, представлен методами, позволяющими как выявить общенаучные зависимости (системный, ретроспективный и контент-анализ), так и определить специфические решения (статистический и финансовый анализ). В статье проводится сравнительный анализ венчурного рынка России и США, рассматриваются структура и направленность венчурных инвестиций по секторам экономики. На первый план выходит вопрос о стимулировании венчурных инвестиций посредством внедрения такого финансового инструмента, как конвертируемый займ. Помимо конвертируемого займа, появились другие производные инструменты, например SAFE (Simple Agreement for Future Equity) и KISS (Keep It Simple Security). Для российского венчурного рынка данные механизмы являются новыми и не имплементированы в практику заключения венчурных сделок. По мнению авторов, использование таких инструментов финансирования позволит стартапу получить инвестиции за очень короткий срок, а также по низкой ставке за счет перераспределения рисков, тогда как инвестор получит гибкий финансовый механизм, который даст ему возможность влиять на стратегию развития стартапа.

Ключевые слова

Венчурный капитал, стартап, финансовые инструменты, венчурный рынок, инновации, инвестор, конвертируемый займ, венчурный бизнес, инвестиционные риски.

New Venture Instruments for Financing Start-Ups at Early Stages of Development
on Modern Russian Venture Market

Liubov N. Orlova

DSc (Economics), Associate Professor, Faculty of Economics and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: lnorlova@fa.ru

ORCID ID: [0000-0002-8144-4900](#)

Polina S. Bondareva

Master's degree student, Higher School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: polinabond97@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-0936-1377](#)

Abstract

Today the Russian venture capital market is at the initial stage of its development. It is characterized by a high bureaucratic barrier, which does not fully satisfy the interests of various types of investors and start-ups. An integral part of venture capital entrepreneurship is a high level of flexibility and speed of decision-making, which significantly affects the future success and attractiveness of the transaction. That is why there is a need to improve existing instruments as well as to introduce new

financial instruments into the Russian practice of making venture deals, which have already proven their effectiveness in the world's developed venture capital markets. The aim of the study is to analyze features of applying new financial instruments (such as a convertible loan and its derivatives), which are actively used in the western venture capital market, as well as the possibility of implementing these instruments into the Russian market. The relevance of the study is defined by the importance of developing new financial instruments of the venture capital market for the transition of the Russian economy to an innovative path of development. The scientific tools used to conduct the study are presented by methods that allow both identifying general scientific dependencies (systemic, retrospective and content analysis) and determining specific solutions (statistical and financial analysis). The article provides a comparative analysis of the venture capital market in Russia and the United States, examines the structure and direction of venture capital investments by sectors of the economy. Today Russian Government is discussing the issue of stimulating venture capital investments through the introduction of such financial instrument as a convertible loan. In addition to the convertible loan, there are two new derivatives such as SAFE (Simple Agreement for Future Equity) and KISS (Keep It Simple Security). These mechanisms are new for the Russian venture capital market and they have not been implemented in the practice of making venture deals. These financing instruments will allow startups to receive investments in a short time, as well as at a low rate due to risks redistribution, while investors will receive flexible financial mechanisms that will let them influence the startup's development strategy.

Keywords

Venture capital, start-up, financial instruments, venture market, innovations, investor, convertible loan, venture business, investment risks.

Введение

Сегодня венчурный капитал в России является одной из наиболее молодых форм инвестирования, поскольку становление венчурного рынка в России берет свое начало лишь с 90-х гг. прошлого века, тогда как зарубежный опыт формирования развитого венчурного бизнеса существует еще с середины XX в. Западные страны как основные игроки на мировом венчурном рынке выбрали свое направление развития и поддержки венчурной индустрии. Каждая страна основывала выбор своего пути на исторически сложившихся традициях предпринимательства, уникальных региональных особенностях, локальных практиках ведения бизнеса. Опыт развитых стран показывает, что можно выделить общие системные подходы к построению венчурного рынка, которые будут учитывать особенности венчурного бизнеса в России.

Инструменты поддержки венчурного предпринимательства в России по-прежнему находятся на начальном этапе своего развития, особенно в части разработки и внедрения комплексных мер по устранению инвестиционных рисков, а также удовлетворения интересов различных типов инвесторов и стартапов. Сегодня российская политика в области стимулирования инновационного роста только начинает свое развитие. Создание благоприятной инвестиционной инфраструктуры посредством внедрения государственной поддержки возможно только, когда государство ориентировано на рост стоимости венчурного бизнеса, а создаваемые инновационные и технологичные продукты и услуги отвечают потребностям рынка и общества.

Использование передовых методов венчурного финансирования во многом определяет уровень развитости венчурного рынка страны, поскольку новые финансовые инструменты позволяют оптимизировать время заключения венчурной сделки, повысить ее эффективность, снизить инвестиционные риски, а также удовлетворить интересы различных типов инвесторов и стартапов.

Целью исследования является изучение особенностей применения новых финансовых инструментов (конвертируемый займ и его производные инструменты), активно используемых на западном венчурном рынке, а также возможности внедрения практики применения данных инструментов на российском рынке.

Развитие венчурного бизнеса. Материалы и методы исследования

Сегодня каждый из нас является потребителем продукции многих компаний, развитие которых началось с венчурного капитала, например Google, Apple и др. Венчурный капитал неразрывно связан с новыми технологиями и инновациями, поскольку именно инвестиционные

вложения в наукоемкие отрасли экономики оказали существенное влияние на развитие общества и создали целый пласт всемирно известных предпринимателей, которые руководили вышеупомянутыми компаниями, а также институциональных и частных инвесторов, которые инвестировали в эти компании. Масштаб многих успешно действующих компаний, основанных на венчурном капитале, огромен. Например, рыночная капитализация компании Tesla на 2020 г. составила более 500 млрд долл. США. По состоянию на 2020 г. рыночная капитализация российской компании «Яндекс» составила 366 млн долл. США (28,8 млрд руб.)¹.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды известных ученых и практиков в области инноваций и венчурного инвестирования в инновационные проекты; информационная база исследования представлена действующими нормативными документами в области венчурного инвестирования, статистическими данными российских и зарубежных венчурных фондов и компаний.

Венчурный капитал — относительно молодая форма инвестирования: колоссальный рост венчурного бизнеса наблюдается с конца прошлого века и обусловлен бурным технологическим развитием [Хавин, Беккер 2019]. Прямое инвестирование не только приобрело больший вес за счет финансирования меняющих мир компаний, но и распространило свое влияние за пределы непосредственных границ отрасли. Многие компании реального сектора, финансовые организации и даже правительства последовали примеру венчурных капиталистов и учредили свои собственные фонды для инвестирования как внутри своих организаций, так и вовне [Иншакова, Кагальницкова 2018].

Для формирования основных подходов к использованию венчурного капитала авторами на основе контент-анализа были выделены основные сущностные и управленческие характеристики венчурного капитала, присутствующие в трудах зарубежных и российских исследователей. Так, в работе зарубежных исследователей венчурный капитал определяется как совокупность средств, предоставляемых профессиональными (венчурными) инвесторами компаниям, которые находятся на ранних этапах жизненного цикла и реализуют прорывные инновационные проекты. По своей экономической природе венчурный капитал является совокупностью средств независимых фондов, «предназначенных для инвестиций в капитал непубличных быстрорастущих компаний» с целью «содействия экономическому развитию и извлечения доходов» [Лернер и др. 2016, 766]. При этом такая схема предоставления средств выступает как альтернативный источник капитала при невозможности для молодых компаний воспользоваться банковскими кредитами [Droveret al. 2017]. Участие же венчурного инвестора способствует возникновению положительного синергического эффекта за счет участия последнего в стратегическом управлении компанией, реализующей инновационную инициативу [Kogan et al. 2017].

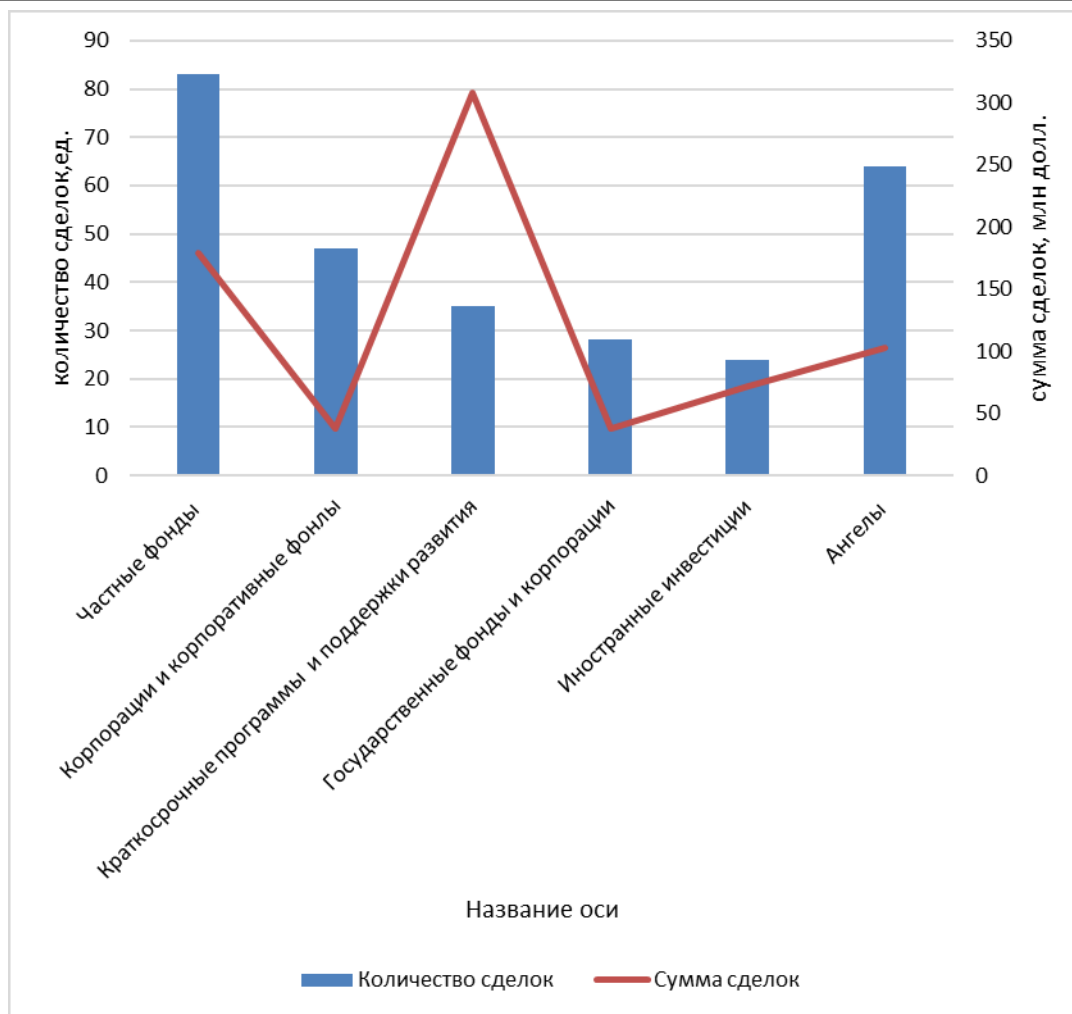
Работы российских исследователей акцентируют внимание на рисках и неопределенности при реализации инновационных стартапов, определяют венчурный капитал как особую форму инвестирования. Приведем некоторые определения венчурного капитала: это «новый вид финансирования, отвечающий требованиям высокорисковых проектов (ранняя стадия, высокая технологичность и инновационность проектов)» [Шкварина 2017, 85]; это форма участия государства в финансировании высокорисковых проектов через механизмы участия в венчурных фондах [Янина 2020].

¹ Капитализация Tesla впервые превысила \$500 млрд // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/414589-kapitalizaciya-tesla-vpervye-prevysila-500-mlrd> (дата обращения: 10.09.2021); Общая стоимость «Яндекса» и «Тинькофф» выросла на \$2 млрд // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/24/09/2020/5f6bb32e9a79471b261a60dd> (дата обращения: 10.09.2021).

Многие стартапы требуют существенных финансовых вложений. Основатель компании часто не имеет достаточного капитала, поэтому ему приходится привлекать внешнее финансирование. Стартапы характеризуются высокорисковой деятельностью, поэтому банки не стремятся кредитовать подобные компании и брать на себя их риск [Dzhandzhugazova et al. 2016; Dzhandzhugazova et al. 2018]. Сегодня существуют организации, занимающиеся венчурным капиталом. Они финансируют высокорисковые проекты-стартапы с потенциально высокой прибылью. Такие организации формируют свои фонды за счет средств институциональных инвесторов, будь то государственные фонды или частные лица. Они защищают свою долю, внесенную в уставный капитал, посредством проведения финансовой и коммерческой оценки до принятия решения об инвестировании. Они сохраняют также за собой широкий спектр прав в управлении деятельностью стартапа впоследствии. В конце концов они продают свои пакеты акций компании, в которую инвестировали, и возвращают инвесторам большую часть своей прибыли [Филиппов, Груздева 2019].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что венчурное финансирование — механизм предоставления профессиональными инвесторами (специализированные инвестиционные фонды, венчурные фонды) наукоемкому бизнесу финансового капитала для реализации инновационных стартапов, а также опыта управления высокорисковыми проектами.

Рассматривая возможности применения новых инструментов венчурного финансирования, необходимо отметить, что российский рынок венчурного капитала находится в стадии развития: по объему и количеству сделок он уступает рынкам ряда развитых стран (например, рынку венчурного капитала США), при этом находится в сильной зависимости от колебаний внешней конъюнктуры. Геополитический кризис и последовавшие за ним санкции спровоцировали в России спад рынка венчурного капитала в 2013–2016 гг. В 2017 и 2018 гг. ситуация немного стабилизировалась, стали проявляться тенденции роста рынка за счет вливания государственного капитала. По итогам 2020 г. объем венчурного рынка в России достиг 702,9 млн долларов (Рисунок 1), что на 19% меньше по сравнению с 2019 г.

Рисунок 1. Количество сделок и объем привлеченных инвестиций на венчурном рынке РФ в 2020 г. по типу инвестора, млн долл.²

Пандемия негативно повлияла на рынок венчурных инвестиций в России, что отразилось на их объеме. Но, несмотря на это падение, бизнес-ангелы совершили 64 инвестиции против 37 сделок в 2019 г. Пандемия COVID-19 отразилась и на структуре рынка, ускорив переход компаний различных секторов экономики к модели электронной коммерции. Произошел также рост образовательных стартапов, обусловленный масштабной трансформацией режима работы учебных заведений. Так, в 2020 г. образовательные стартапы были лидерами по числу заключенных инвестиционных сделок, общая сумма которых составила 119,1 млн долларов.

Проводя сравнительный анализ венчурного рынка России и США, можно выделить различия в структурных характеристиках рынков. Так, основными направлениями венчурного инвестирования в США являются программное обеспечение, биотехнологии, фармацевтика и здравоохранение, то есть наукоемкие и высокотехнологичные секторы экономики (Рисунок 2).

По данным венчурного фонда Rock Health, инвестирующего в сферу цифрового здравоохранения, инвестиции в данную отрасль выросли на 91% и достигли \$14,1 млрд в 2020 г., а глобальные инвестиции в здравоохранение выросли на 41% с прошлого года до объема \$80,6 млрд. Безусловно, подобное развитие сектор здравоохранения получил из-за возросшего интереса инвесторов к исследованиям в области разработки вакцины от COVID-19.

² Разработано авторами на основе Dsight Венчурная Россия Итоги 2020 // RB [Электронный ресурс]. URL: https://media.rbcdn.ru/media/reports/report_Venture_Russia_FY2020_RUS.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

Рисунок 2. Отраслевая структура венчурных инвестиций в США (2015–2020 гг, к общему объему инвестиций в США, %)³

Отраслевая структура венчурного инвестирования в России представлена на Рисунке 3. Более 90% всего венчурного капитала направляются в сферы информационных, промышленных исследований и биотехнологий.

Рисунок 3. Отраслевая структура венчурных инвестиций в РФ (2015–2020 гг, к общему объему инвестиций в РФ, %)⁴

Венчурное финансирование таких направлений, как сельское хозяйство, транспорт, электроника, энергетика, занимает менее 10%, при этом практически без участия венчурного капитала остаются проекты в области экологии, строительства, легкой промышленности.

³ Разработано по материалам: Venture Monitor Q4 2020 // PitchBook [Электронный ресурс]. URL: https://nvca.org/wp-content/uploads/2021/01/Q4_2020_PitchBook_NVCA_Venture_Monitor.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

⁴ Разработано по материалам: Обзор рынка прямых и венчурных инвестиций за 1-е полугодие 2020 г. // РАВИ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rvca.ru/upload/files/lib/RVCA-yearbook-I-2020-Russian-PE-and-VC-market-review-ru.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

Российский рынок венчурного инвестирования значительно отстает по объему от ряда стран-лидеров. Тем не менее, несмотря на неопределенную экономическую ситуацию, «недостаточный уровень практической применимости и продвижения разработок, непроработанный в достаточной мере механизм государственной поддержки, низкую долю привлечения частного капитала, отсутствие заинтересованности бизнеса в развитие отечественных инноваций» [Хавин, Беккер 2019, 14], необходимо все же отметить его рост и развитие.

Результаты исследования

Конвертируемый займ как финансовый инструмент венчурного инвестирования

Сегодня в российском законодательстве активно обсуждается вопрос о стимулировании венчурных инвестиций посредством внедрения такого финансового инструмента, как конвертируемый займ.

Инструмент конвертируемого займа используется в западной практике, как правило, на ранних стадиях развития стартапа, а именно, на предпосевном и посевном раундах. Конвертируемый займ предусматривает, что стартап привлекает займ у инвестора (предположим, у государственного венчурного фонда) с условием, что к определенному сроку он либо вернет деньги с процентами, либо передаст долю капитала (например, акции) инвестору [Янковский 2017]. У кредитора остается право выбора способа исполнения обязательств. Выгодность конвертируемого займа для каждой из сторон проявляется в том, что компания может реализовывать проект без участия инвестора, а инвестор не обязан приобретать долю в компании в момент инвестирования. С одной стороны, конвертируемый займ дает право инвестору впоследствии получить акции взамен на пропорционально вложенные инвестиции или вернуть заем с процентом, с другой стороны, у стартапа появляется возможность получить финансовые ресурсы для своего развития максимально быстро и просто.

Вместо приобретения доли в бизнесе, инвестор предоставляет компании, реализующей стартап, деньги в долг, в то время как стартап в обмен на данные условия при наступлении определенных условий, таких как выполнение операционных количественных показателей эффективности, конвертирует свой долг в акции или долю в уставном капитале. При этом важно отметить, что инвестор несет дополнительные риски в связи с тем, что инвестирует на ранней стадии развития стартапа, именно поэтому при конвертации вложенных им инвестиций он имеет право приобрести акции ниже рыночных условий входа в капитал компании. Если же стартап не будет соблюдать описанные условия, то он обязан вернуть полученный им займ. Использование такого инструмента финансирования позволит стартапу получить инвестиции за очень короткий срок, а также по низкой ставке за счет перераспределения рисков, тогда как инвестор получит гибкий финансовый механизм, который даст ему возможность влиять на стратегию развития стартапа.

Новые инструменты венчурного инвестирования

Сегодня развитие инструментов венчурного инвестирования стартапов на мировом рынке шагнуло вперед. Помимо конвертируемого займа, появились такие производные инструменты, как SAFE (Simple Agreement for Future Equity) и KISS (Keep It Simple Security) [Coyle, Green 2018]. Для российского венчурного рынка данные механизмы являются новыми и не имплементированы в практику заключения венчурных сделок. Рассмотрим каждый из приведенных способов инвестирования венчурных сделок.

SAFE является инструментом инвестирования в стартапы на ранней стадии развития, так же как и конвертируемый займ. Однако есть существенное различие между данными инструментами, которое заключается в том, что SAFE не является займом, а лишь долевым инвестированием, а значит, по нему не будут начисляться проценты по долгу. Он намного проще в оперировании, что выражается в условиях, прописываемых для сделки, а также в сокращенных правах инвестора.

Данный инструмент впервые был представлен в 2013 г. компанией Y Combinator — венчурным фондом в форме бизнес-инкубатора, специализирующимся на инвестициях в небольшие компании в области информационных технологий. Изначально компания представила данный инструмент как быстрый способ получить инвестиции на предпосевном раунде. Но впоследствии, на следующих раундах, размер инвестиций существенно возрастал, что усложняло процесс калькуляции долей вложенных инвесторами инвестиций, а сами стартапы не могли вычислить пропорциональное распределение акций между инвесторами. Именно поэтому компания Y Combinator выпустила обновленную версию инструмента.

SAFE-инструмент характеризуется тем, что его использование не предполагает оценку стартапа, так как он находится на ранней стадии развития. Например, инвестор вкладывает 1 млн долларов в стартап и обозначает предполагаемый срок, когда его инвестиции будут конвертированы в акции. Далее закладывается предпосылка, что за этот период компания должна вырасти и привлечь больший объем инвестиций на следующих раундах, которые отразят реальную стоимость стартапа. Если он будет оценен, например, в 100 млн долларов, то инвестор получит 1% акций компании.

Однако, в отличие от конвертируемого займа, данный инструмент не предполагает определенного срока, когда вложенные инвестиции будут конвертированы в акции. То есть по своей сути SAFE является правом на владение акциями по цене, которая будет определена в будущем. SAFE не обладает двумя отличительными характеристиками долгового обязательства — резерв по процентам и срок погашения. Он также не предоставляет прав инвестору, связанных с участием в капитале, таких как право на получение дивидендов или право голосовать при принятии стратегических решений компанией. SAFE можно рассматривать как производный инструмент долевого участия, по которому инвестор предоставляет финансовые ресурсы стартапу сегодня в обмен на право получить акции компании в будущем при соблюдении определенных договорных условий. Существует 4 вида SAFE-инструмента:

- 1) Valuation Cap, no Discount;
- 2) Discount, no Valuation Cap;
- 3) Valuation Cap и Discount;
- 4) MFN (Most Favored Nation), no Valuation Cap, no Discount и опциональное условие — Pro Rata Side Letter.

Valuation Cap — предел оценки компании на следующем, после посевного, раунде (Раунд А), чтобы не произошло слишком большого размытия доли инвестора. В США сегодня Valuation Cap, как правило, составляет около 5 млн долларов. Если применять такой подход к странам СНГ, то Cap будет варьироваться от 1 млн долларов до 2.

Discount Rate — скидка на покупку акций при конвертации инвестиций в акции компании. Считается как 100% минус процент скидки. Например, скидка 30% должна быть записана как Discount Rate 70%, обычно скидка находится в диапазоне 10–30%. На следующем, после посевного, раунде, когда происходит распределение акций между инвесторами, производится расчет цены акции по Valuation Cap и по Discount Rate и выбирается наименьшая из них.

SAFE MFN означает, что учитывается только общая сумма инвестиций, то есть если стартап привлекает дополнительные инвестиции с помощью SAFE, в которых уже прописан Valuation Cap и/или Discount Rate, то инвестор, предоставляющий инвестиции с помощью SAFE MFN, может присоединиться на тех же условиях.

Pro-rata Side Letter — дополнительное соглашение, позволяющее инвестору дополнительно инвестировать до процента до постпосевого раунда. Если инвестор до раунда А, то есть до момента, когда доли инвесторов начнут размываться, приобрел 10% компании, а после раунда А его доля составила 8%, то он имеет право доинвестировать до 10% на раунде А.

Инструмент KISS также является производным долговым обязательством, основанным на долевым инвестировании. Инвестор вкладывает капитал в компанию сегодня в обмен на право получения акций стартапа в будущем. Существует два вида KISS-инструмента: первый предполагает замену конвертируемого займа и предлагает процент по выплате вложенных инвестором средств; второй является альтернативой SAFE и, соответственно, не закладывает проценты выплаты по долгу. По сути, данный инструмент аккумулировал в себе характеристики конвертируемого займа и SAFE. Однако KISS вводит понятие главного инвестора, который инвестировал в стартап не менее 50 млн долларов и обладает определенной привилегией. Данная привилегия заключается в том, что новые инвесторы, входящие в последующих раундах на правах KISS, обязаны дополнительно инвестировать сумму, равную первоначальным инвестициям в данный стартап. Важно отметить, что, в отличие от SAFE, KISS-инструмент может быть передан любому физическому или юридическому лицу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что KISS-инструмент является упрощенной версией конвертируемого займа, но более сложной версией SAFE. KISS лучше защищает интересы инвесторов, поскольку может устанавливать процентную ставку по выплате долга.

Вопросы для обсуждения

Имплементация новых инструментов в российскую практику венчурного инвестирования

Рассмотренные инструменты активно используются на венчурном рынке США в течение последних 8 лет и уже успели доказать свою эффективность, поскольку они сумели существенно упростить процесс заключения сделок и усилить права стартапа. Но SAFE и KISS, являясь относительно молодыми инструментами венчурного инвестирования, также обладают высокими рисками для инвесторов, так как не имеют серьезной юридической базы. Однако венчурный капитал, в отличие от всех других видов инвестиций, обладает высокорисковым характером, что наделяет его ключевыми и необходимыми элементами, такими как гибкость и быстрота в принятии решений. Именно поэтому инструменты SAFE и KISS нашли свое место в развитии современного венчурного рынка в мире.

Важным аспектом внедрения данных инструментов в российскую практику является их законодательное закрепление, что позволит гарантировать юридические права как инвесторов, так и стартапов. Безусловно, описанные выше инструменты представляют большой интерес для корпоративных венчурных фондов. Однако стимулирование именно корпоративных инвестиций позволит существенным образом увеличить потенциал развития венчурного рынка в России.

Важно отметить, что зрелость рынка венчурного капитала характеризуется активностью корпоративного венчурного сектора, осуществляющего инвестиции в инновационные стартапы. В России же корпорации, особенно национальные, ориентированы в основном на осуществление вложений в более зрелые компании и минимизацию рисков инвестирования. Для повышения мотивации корпоративных венчурных фондов и гибкости принятия ими инвестиционных решений необходимо уменьшение регуляторного воздействия, снижение объема формальных процедур при обосновании венчурного инвестирования. С точки зрения минимизации рисков также привлекательным форматом является присоединение корпораций к внешним инвестиционным фондам, что позволяет в более удобном режиме перейти к практическому применению таких финансовых инструментов, как конвертируемый займ и его производные инструменты SAFE и KISS.

Заключение

Российский венчурный рынок — относительно молодая форма инвестирования, но вместе с тем она обладает огромным потенциалом для развития инноваций и новых технологий в нашей стране. Поскольку рынок венчурных инвестиций в России характеризуется высоким преобладанием государственных венчурных фондов по сравнению с западными рынками, необходимо рассмотреть возможность законодательного закрепления понятия «конвертируемый займ», а также последующего глубоко изучения производных инструментов, которые позволят существенно сократить разрыв между скоростью заключения сделок частных инвесторов и стартапов, а также государственных фондов и стартапов.

На сегодняшний день существующие инструменты венчурного инвестирования требуют внедрения новых подходов, которые позволяли бы сократить бюрократический аппарат при заключении венчурных сделок как между частными игроками на рынке и стартапами, так и между государственными фондами и стартапами. Законодательное закрепление понятия «конвертируемый заем» позволит стартапам привлекать инвестиции в укороченный срок и одновременно сможет удовлетворить интересы как инвестора, так и заемщиков, так как инвестору предоставляется гарантия возврата вложенных инвестиций посредством выкупа акций.

Такие производные долговые обязательства, как SAFE и KISS, могли бы стать альтернативными механизмами инвестирования для венчурных капиталистов. Подобные инструменты способны существовать и эффективно применяться только в условиях открытой рыночной экономики, тогда как государство может предоставить фондам возможность использования данных подходов с помощью рыночных механизмов регулирования и создания действенной правовой инфраструктуры, защищающей интересы как стартапов, так и венчурных инвесторов, в полной мере реализуя социально значимые и приоритетные направления экономики России в сфере инновационных технологий.

Список литературы:

Иншакова А.О., Кагальницкова Н.В. Венчурный капитал как основа финансирования малого и среднего предпринимательства в сфере нанотехнологий в условиях неблагоприятной хозяйственной среды: правовой аспект // Власть Закона. 2018. № 2(34). С. 32–41.

Лернер Д., Лимон Э., Хардимон Ф. Венчурный капитал, прямые инвестиции и финансирование предпринимательства. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Филиппов А.Г., Груздева Е.В. Модели венчурных инвестиций в России и США как основной элемент становления инновационных предприятий // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10. № 4. С. 501–515. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.4.501-515>.

Хавин Д.В., Беккер П.Р. Проблемы реализации стратегии инновационного развития страны // Инновации и инвестиции. 2019. № 9. С. 11–15.

Шкварина А.В. Венчурная индустрия России: современное состояние и перспективы развития // Успехи современной науки. 2017. Т. 4. № 3. С. 85–88.

Янина Е.Д. Развитие инноваций в России. Меры государственной поддержки и институты развития // Столыпинский вестник. 2020. № 2. С. 164–172.

Янковский Р.М. Конвертируемый заем: договорная модель и проблемы регулирования // Закон. 2017. № 11. С. 184–192.

Coyle J.F., Green J.M. The SAFE, the KISS, and the Note: A Survey of Startup Seed Financing Contracts // Minnesota Law Review Headnotes. 2018. Vol. 103. URL: https://www.minnesotalawreview.org/wp-content/uploads/2019/02/Coyle_Final.pdf.

Drover W., Busenitz L., Matusik S., Townsend D., Anglin A., Dushnitsky G. A Review and Road Map of Entrepreneurial Equity Financing Research: Venture Capital, Corporate Venture Capital, Angel Investment, Crowdfunding, and Accelerators // Journal of Management. 2017. Vol. 43. Is. 6. P. 1820–1853. DOI: <https://doi.org/10.1177/0149206317690584>.

Dzhandzhugazova E.A., Blinova E.A., Orlova L.N., Romanova M.M., Davydovich A.R. Innovations in Science and Industry-Specific Education // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. № 3. P. 10–21.

Dzhandzhugazova E.A., Blinova E.A., Romanova M.M., Orlova L.N. Innovations in Hospitality Industry // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. № 17. P. 10387–10400.

Kogan L., Papanikalaou D., Seru A., Stoffman N. Technological Innovation and Growth // Quarterly Journal of Economics. 2017. Vol. 132. Is. 2. P. 665–712. DOI: <https://doi.org/10.1093/qje/qjw040>.

References:

Coyle J.F., Green J.M. (2018) The SAFE, the KISS, and the Note: A Survey of Startup Seed Financing Contracts. *Minnesota Law Review Headnotes*. Vol. 103. Available: https://www.minnesotalawreview.org/wp-content/uploads/2019/02/Coyle_Final.pdf.

Drover W., Busenitz L., Matusik S., Townsend D., Anglin A., Dushnitsky G. (2017) A Review and Road Map of Entrepreneurial Equity Financing Research: Venture Capital, Corporate Venture Capital, Angel Investment, Crowdfunding, and Accelerators. *Journal of Management*. Vol. 43. Is. 6. P. 1820–1853. DOI: <https://doi.org/10.1177/0149206317690584>.

Dzhandzhugazova E.A., Blinova E.A., Orlova L.N., Romanova M.M., Davydovich A.R. (2018) Innovations in Science and Industry-Specific Education. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. Vol. 8. No. 3. P. 10–21.

Dzhandzhugazova E.A., Blinova E.A., Romanova M.M., Orlova L.N. (2016) Innovations in Hospitality Industry. *International Journal of Environmental and Science Education*. Vol. 11. No. 17. P. 10387–10400.

Havin D.V., Bekker P.R. (2019) Problems of Implementing the Strategy of Innovative Development of the Country. *Innovatsii i investitsii*. No. 9. P. 11–15.

Inshakova A.O., Kagalnitskaya N.V. (2018) Venture Capital as the Financial Basis of Small and Medium Business in the Field of Nanotechnology in Unfavorable Economic Conditions: Legal Aspects. *Vlast' Zakona*. No. 2 (34). P. 32–41.

Kogan L., Papanikalaou D., Seru A., Stoffman N. (2012) Technological Innovation and Growth. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 132. Is. 2. P. 665-712. DOI: <https://doi.org/10.1093/qje/qjw040>.

Lerner J. Leamon A. Hardymon F. (2016) *Venture Capital, Private Equity, and The Financing of Entrepreneurship*. Moscow: Iz-vo instituta Gaidara.

Philippov A.G., Gruzdeva E.V. (2019) Venture Capital Investments Models in Russia and the USA as Key Factor for Development of Innovative Enterprises. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye)*. Vol. 10. No. 4. P. 501–515. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.4.501-515>.

Shkvarina A.V. (2017) Venture Industry of Russia: Actual Position and Perspectives of Its Evolution. *Uspekhi sovremennoy nauki*. Vol. 4. No. 3. P. 85–88.

Yanina E.D. (2020) Development of Innovations in Russia. Government Support Measures and Development Institutions. *Stolypinskiy vestnik*. No. 2. P. 164–172.

Yankovskiy R.M. (2017) Convertible Loan: Deal Structure and Regulatory Issues. *Zakon*. No. 11. P. 184–192.

Дата поступления/Received: 11.09.2021

Интеграционная парадигма корпоративного роста: стратегии открытых инноваций¹

Кудина Марианна Валерьевна

Доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики инновационного развития, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: kudina@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5515-5825](#)

ORCID ID: [0000-0003-3923-515X](#)

Кузьмин Сергей Сергеевич

Кандидат технических наук, генеральный директор ООО «Сфера», Москва, РФ.

E-mail: sskuzmin@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [9870-4072](#)

Аннотация

В настоящее время происходит процесс становления и развития новой парадигмы корпоративного роста — интеграционной. Анализ этого процесса посвящена данная статья. Авторы исходят из положения, что ядром интеграционной парадигмы, обеспечивающим быстрый рост ее популярности, выступают открытые инновации, соответственно, задача исследования — выявить условия для эффективного использования компаниями возможностей роста на основе восприятия и адаптации открытых инноваций. В зависимости от широты охвата используемых источников открытых инноваций и уровня их концентрации, интенсивности, с которой черпаются знания из внешних источников, выделяются четыре стратегии использования открытых инноваций: рыночная, партнерская, сетевая и стратегия, основывающаяся на краудсорсинге. Правильно выбранный тип стратегии обеспечивает более высокую эффективность использования открытых инноваций для корпоративного роста. Потенциальное разнообразие способов использования открытых инноваций позволяет выделить различные типы стратегий, которые различаются по двум параметрам: широте охвата источников открытых инноваций и степени концентрации на том или ином источнике. Широта охвата проявляется в значительном количестве используемых источников и их большом многообразии по типу, размеру, уровню известности, респектабельности, легкости или сложности извлечения знаний и т.д. Степень концентрации определяется интенсивностью использования источника знаний. Она обратно пропорциональна количеству внешних партнеров, интегрированных в инновационную деятельность компании. Высокий уровень концентрации предполагает глубокую интеграцию в инновационной деятельности с одним или небольшим количеством внешних партнеров. При использовании сетевой стратегии компания становится частью крупной инновационной экосистемы, состоящей из отдельных лиц, групп и других организаций. Эта экосистема и является источником знаний и технологий.

Ключевые слова

Открытые инновации, популяционно-экологическая теория фирмы, организационная ниша, адаптация, стратегия фирмы, парадигма корпоративного роста.

The Integration Paradigm of Corporate Growth: Open Innovation Strategies²

Marianna V. Kudina

DSc (Economics), Professor, Head of Department of Economics of Innovative Development, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: kudina@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0003-3923-515X](#)

Sergey S. Kuzmin

PhD, CEO of the LLC "Sphere", Moscow, Russian Federation.

E-mail: sskuzmin@gmail.com

Abstract

Currently, integration as the process of formation and development of the corporate growth paradigm is taking place. This article is devoted to the analysis of this process. The authors proceed from the premise that the core of the integration paradigm which ensures the rapid growth of its use is open innovation, respectively, the task is to define the conditions for effective use of growth opportunities based on the adaptation of open innovations. Depending on the breadth of coverage of open innovation sources and the level of their concentration, the intensity with which knowledge is drawn from external sources, there are four strategies for using open innovation: market, partnership, network and a strategy based on crowdsourcing. The right type of strategy provides a better leverage of open innovation for corporate growth. The potential variety of ways to use open innovation makes it possible to single out different types of strategies that differ in two parameters: the breadth of coverage of open innovation sources and the degree of concentration on one or another source. The breadth of coverage is manifested in a significant number of sources and their wide variety by type, size, level of fame, respectability, ease or difficulty of extracting knowledge, etc. The degree of concentration is determined by the intensity of the use of knowledge source. It is inversely proportional to the number of external partners integrated

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07449.

² The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-07449.

into the company's innovation activities. A high level of concentration presupposes deep integration in innovation activities with one or a small number of external partners. With a networked strategy, the company becomes part of a large innovation ecosystem of individuals, groups, and other organizations. This ecosystem is the source of knowledge and technology.

Keywords

Open innovation, population-ecological theory of the company, organizational niche, adaptation, firm strategy, corporate growth paradigm.

Введение

Изучение особенностей теоретического осмысления механизмов и закономерностей корпоративного роста позволяют дифференцировать и классифицировать теории, концепции и подходы к описанию роста на базе методологии парадигм, успешно используемой в методологических исследованиях в разных областях науки. Эта методология, основы которой были заложены Т. Куном, а впоследствии существенно развиты И. Лакатосом, С. Тулминым и рядом других исследователей, позволяет логически реконструировать историю возникновения и развития теоретических подходов к осмыслению корпоративного роста посредством выделения парадигм, то есть групп теорий, объединенных общими философско-мировоззренческими и методологическими основаниями, общим пониманием сущности исследуемого объекта, конвенционально признаваемой научным сообществом, определяющей проблемное поле и задающей ориентиры для исследований.

На базе этих положений нами были выявлены три парадигмы корпоративного роста: каузальная парадигма, парадигма результатов роста и процессная парадигма [Кудина, Кузьмин 2014; Кудина, Кузьмин 2015; Кузьмин 2018; Кудина, Кузьмин 2021]. Все три парадигмы представляют корпоративный рост как процесс, базирующийся на собственных ресурсах, возможностях и компетенциях фирмы и подчиненный некоторым общим «правилам», выявление и уточнение которых составляет цель и признаваемые научным сообществом результаты исследований.

Другой взгляд на проблему роста базируется на перспективах внешнего роста, то есть роста за счет причин, находящихся вне фирмы. Наиболее распространенные и хорошо исследованные случаи связаны с формированием разного рода межфирменных объединений: альянсов, холдингов, партнерств, создания новых компаний на основе двух или большего числа предшественников. Теоретические исследования, модели, концепции, вскрывающие механизмы подобного рода использования внешних ресурсов для роста, составляют интеграционную парадигму корпоративного роста.

В рамках концепции внешнего роста внимание исследователей смещается на проблемы взаимоотношений организации с элементами ее окружения, внешней среды. В таком случае успех внешнего роста зависит от способности организации использовать возможности, предоставляемые внешней средой, и избегать продуцируемых ею же угроз. Если организация справляется с этими задачами успешно, ее можно определить как адаптированную к среде существования или к занимаемой ей экологической нише. Оценка путей адаптации и ее уровня является предметом исследования новой дисциплины в менеджменте — адаптивного менеджмента [Rist et al. 2013; Allen, Gunderson 2011]. Эта дисциплина позволяет сформулировать базисные принципы, лежащие в основании интеграционной парадигмы: интеграционные процессы являются ответом на вызовы и возможности внешней среды, а их успех (эффективность) определяется возрастанием степени адаптации организации к условиям существования, определяемым ее экологической нишей.

Анализ условий организационной адаптации составляет существенную часть теорий и концепций интеграционной парадигмы роста. Такой анализ проводится на базе популяционно-экологического подхода в экономической теории, основы которого были заложены М. Ханнаном и Дж. Фриманом, определившими, что механизм адаптации обеспечивается тем, что «менеджеры или доминирующие коалиции, внимательно изучают релевантную внешнюю среду организации на предмет ее возможностей и угроз, формулируют стратегические реакции и подстраивают соответствующим образом организационную структуру» [Ханнан, Фриман 2010, 416]. Они также пришли к выводу, что адаптация протекает наиболее успешно при централизованном принятии решений и авторитарной структуре управления, обеспечивающей иерархию власти и контроля. Именно при таких условиях менеджеры имеют лучшие возможности защитить свои организации от агрессивных, деструктивных факторов внешней среды.

Эволюция организационных популяций предполагает плавные, постепенные, «эволюционные» изменения, наносящие минимальный ущерб сложившемуся организационному порядку. Эти изменения можно по аналогии с миром живого назвать «организационными мутациями», причем полезными, то есть способствующими росту «мутации», они будут поддержаны естественным отбором, распространятся в «организационной популяции» и обеспечат рост ее адаптации до уровня, обеспечивающего восстановление динамического равновесия с изменившейся средой обитания. Если это требование не выполняется, то есть «мутации» носят революционный, радикальный характер, высока вероятность уменьшения уровня адаптации к параметрам «организационной ниши» и, соответственно, меньшей приспособленности организации к среде своего существования.

За этим общим тезисом могут скрываться вполне обыденные вещи. Например, ошибки в выборе стратегии, слишком быстрое, революционное внедрение инноваций могут привести к тому, что ресурсы организации быстро истощатся, а ее конкурентоспособность понизится, чем немедленно воспользуются конкуренты. Далее включается механизм положительной обратной связи, ведущий ко все большему ослаблению положения компании на конкурентном рынке. Для того, чтобы изменить эту тенденцию, восстановить приемлемый уровень адаптации, требуются все большие и большие усилия и ресурсы. Лишь немногие фирмы обладают такими ресурсами и необходимым управленческим потенциалом, да и то не всегда. Поэтому большинство фирм, особенно действующих в условиях быстрых изменений параметров занимаемых ими «экологических ниш», выбирают путь внешнего роста через инновационные изменения, базирующиеся на сотрудничестве с компаниями, университетами, другими организациями, частными лицами, которые обладают нужными фирме знаниями, на базе которых можно добиться инновационных прорывов.

Благоприятные условия для такого сотрудничества создаются все ускоряющимся прогрессом в области информационных и сетевых технологий, упрощающих и удешевляющих распространение знаний, обеспечивающих широкие и высокоскоростные коммуникации и координацию расходов, позволяющих находить доступ к знаниям, накопленным во всем мире.

Для реализации этих новых возможностей необходимо обеспечить максимально широкий, «планетарный» доступ к разным аспектам интересующих компании знаниям, к вариантам решения проблем, с которыми они сталкиваются. Способствует этому возникновение механизмов трансляции инноваций, их передачи через национальные, отраслевые и организационные границы, что происходит во многом спонтанно, путем самоорганизации и появления надорганизационных структур. Этот процесс получил наименование «открытые инновации» (ОИ) и привел к революционным изменениям в механизмах развития, эволюции организаций, что позволяет

определить мейнстрим, основную, главную тенденцию развития интеграционной парадигмы корпоративного роста — исследование роста, основанного на постоянной подпитке компании необходимой для этого информацией, поступающей из сетей ее связей и взаимодействий с внешними акторами: другими компаниями, организациями, стейкхолдерами, органами государственного управления и даже отдельными гражданами. Таким образом, теория и методология ОИ являются наиболее значимыми, перспективными и многообещающими как в теоретическом, так и практическом плане составляющими интеграционной парадигмы корпоративного роста.

Многочисленные публикации последних двух десятилетий позволяют выявить две главные проблемные области концепции ОИ. Первая из них предполагает обсуждение различных аспектов использования ОИ в качестве фактора, инструмента роста фирмы, вторая — выбор стратегии, то есть видов ОИ и способов их использования для достижения целей роста. Однако, прежде чем непосредственно обратиться к рассмотрению проблемы выбора стратегий использования ОИ для корпоративного роста, рассмотрим определения ОИ и на этой основе сделаем некоторые обобщения относительно содержания этого понятия.

Открытые инновации: определения и содержание понятия

В последнее десятилетие концепция использования ОИ для корпоративного роста широко обсуждается в научном сообществе [Гине, Майсснер 2012, Садыханова 2015]. Существуют многочисленные примеры из отечественной и зарубежной практики, свидетельствующие об успешности их применения для роста и развития компаний. Показательна в этом отношении работа ежегодно собирающегося Сколковского форума по ОИ, который посвящен как анализу, так и представлению в форме практических рекомендаций достижений в этой области³.

Несмотря на подобные мероприятия по популяризации и продвижению методологии ОИ, следует отметить, что в настоящее время не существует полной ясности относительно содержания этого понятия, хотя сформулированные разными авторами определения имеют ряд общих черт. Некоторые из таких определений приведены в качестве иллюстрации в Таблице 1.

Таблица 1. Некоторые определения ОИ⁴

Источник	Определение ОИ
[Chesbrough 2003, 1]	Открытые инновации — это использование целевых потоков знаний для ускорения внутренних инноваций и расширения рынков для внешнего использования инноваций. Данная парадигма предполагает, что фирмы могут и должны использовать внешние идеи и внутренние идеи, а также внутренние и внешние пути выхода на рынок, чтобы продвигать свои технологии.
[Gassmann, Enkel 2004, 2]	Открытые инновации означают, что компания должна открыть свои границы, обеспечить поток ценного знания извне для того, чтобы создать возможности для сотрудничества в области инновационных процессов с партнерами, клиентами и/или поставщиками. Они также включает в себя использование IP-технологий для того, чтобы вывести новый продукт на рынок быстрее, чем конкуренты.
[Dittrich, Duysters 2007, 512]	Открытые инновации характерны для открытых систем. Фирма является открытой системой, поскольку ее границы являются проницаемыми для идей и технологий, необходимых для разработки продукта.
[Perkmann, Walsh 2007, 259]	Инновации могут рассматриваться как открытые, поскольку исходят из распределенных межорганизационных сетей, а не от отдельных компаний.
[Terwiesch, Xu 2008, 1529]	Стремительно растет число инновационных процессов, которые полагаются на внешний мир; чтобы обеспечить компанию возможностями, выберите лучший из вариантов для дальнейшего развития. Такой подход часто называют «открытые инновации».

³ См., напр.: Московский международный форум инновационного развития 2020. 19–21 октября 2020 // Нефтегазовая вертикаль [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ngv.ru/ic/moskovskiy-mezhdunarodnyy-forum-otkrytye-innovatsii-2020/> (дата обращения: 14.08.2021).

⁴ Составлено авторами.

[Иода 2011, 97]	ОИ — опора на внешних участников как источники идей, так и как средства коммерциализации идей.
[Гине, Майсснер 2012, 27]	Открытые инновации — следствие объединения компетенций различных игроков как в пределах цепочки создания стоимости, так и вне ее, что оказывает серьезное влияние на отношения науки с промышленностью и политику в этой области.
[Saebi, Foss 2015, 202]	Открытые инновации предполагают использование внешних по отношению к компании инноваций для решения задач развития и модернизации используемых технологий и освоения новых, что в конечном итоге должно обеспечить развитие, рост фирмы.
[Садыханова 2015, 134]	Открытые инновации — пересмотр внутренних процессов управления НИОКР в сторону их открытости, диффузии технологий на основе взаимного сотрудничества университетов, национальных лабораторий, стартап-компаний, поставщиков, потребителей, отраслевых консорциумов.
[Курчиева, Хворостов 2016, 3]	Открытые инновации — свободное и добровольное заинтересованное взаимодействие многих независимых участников (как отдельных людей, так и организаций) в условиях высококонкурентной и динамично глобализующейся рыночной среды.
[West 2018, 1157]	Открытые инновации — это то, как организация использует потоки знаний, которые выходят границы компании для повышения успешности деятельности организации. Эти потоки могут быть входящими и/или исходящими от внешних партнеров, которые могут быть организациями, частными лицами или сетями и мотивированы денежными или другими льготами.
[Тромпенаарс, Куберг 2019, 110]	Открытые инновации — приобретение компаниями процессов и изобретений либо лицензий на их использование у других компаний и вывод за пределы фирмы внутренних изобретений, которые не используются (например, с помощью лицензирования, а также совместных или дочерних предприятий).

Можно выделить общие признаки приведенных в Таблице 1 определений, характерные для понятия ОИ и являющиеся важными для понимания его сущности.

Во-первых, ОИ рассматриваются как потоки знаний двух типов: входящие и исходящие. Если входящие потоки оцениваются и определяются с точки зрения использования их инновационного потенциала внутри организации, то исходящие — за ее пределами.

Во-вторых, исследователи согласны с тем, что условием эффективного использования ОИ является наличие проницаемости организационных границ, создание механизма аккумуляции и систематизации получаемой извне информации (технологий, знаний, данных и т.д.), что требует определенных усилий со стороны руководства компании и специфических навыков менеджмента.

В-третьих, среди существующих определений ОИ в той или иной мере присутствует требование наличия в организации механизма оценки валидности инноваций, возможности построения иерархии их ценности с точки зрения получаемых от их внедрения преимуществ, что Э. Хуизинг называет каркасом, «который охватывает, объединяет и интегрирует ряд уже существующих видов деятельности», добавляя при этом, что решающая роль в успехе этого процесса отводится оценке соотношения необходимых и наличных ресурсов компании для внедрения инноваций [Huizingh 2011, 3].

В-четвертых, определения позволяют относить к категории ОИ большое количество существенно различающихся процессов. Например, к ним относят различные методы сканирования внешней среды на предмет обнаружения интересующих фирму технологий, организацию краудсорсинга, конкурсов инноваций, создание совместных предприятий или поглощение внешних фирм с целью приобретения используемых ими технологий, создание альянсов в области НИОКР, членство в сетях для координации инновационной деятельности, финансирование исследований в университетских лабораториях и многое другое.

Важно обратить внимание на разнообразие в понимании атрибутов ОИ, приведенных в определениях, что порождает задачу их дифференцирования, отбора и выделения существенных для данной конкретной компании признаков и свойств и выделения разных видов ОИ, что, как мы увидим ниже, обуславливает существование различных инновационных стратегий компаний.

Стратегии корпоративного роста на основе ОИ

Организации могут получить доступ к внешним источникам знаний с помощью различных средств, относящихся как к совместной работе, так и к договорам с физическими и юридическими лицами, обладающими соответствующими знаниями. Они могут дополнить ими собственные НИОКР или непосредственно в готовом виде использовать их для достижения своих организационных целей. Таким образом, у компании есть выбор практик или технологий использования ОИ.

Потенциальное разнообразие способов использования ОИ позволяет выделить различные типы стратегий, которые различаются по двум параметрам: по широте охвата источников ОИ и степени концентрации на том или ином источнике.

Широта охвата проявляется в значительном количестве используемых источников и их большом многообразии по типу, размеру, уровню известности, респектабельности, легкости или сложности извлечения знаний и т.д. Примером максимальной широты охвата является краудсорсинг, предполагающий использование идей, знаний и технологий любых индивидов, групп, организаций, проявивших желание поучаствовать в этом процессе. А минимальная широта будет в случае, например, заключения договора с университетом на разработку конкретной технологии.

Степень концентрации определяется интенсивностью использования источника знаний. Она обратно пропорциональна количеству внешних партнеров, интегрированных в инновационную деятельность компании, то есть высокий уровень концентрации предполагает глубокую интеграцию в инновационной деятельности с одним или небольшим количеством внешних партнеров. Высокая степень концентрации характерна, например, для научно-технических альянсов или выполнения сложных, комплексных проектов на основе кооперации.

Если мы исходим из того, что стратегия использования ОИ — план и последовательность действий для достижения долгосрочных целей организации в области роста на основе инноваций, построение инновационной организации, то совокупность таких действий может быть представлена одним из четырех альтернативных вариантов. Эти варианты и являются базисными (то есть общими, по терминологии М.Портера «родовыми» [Портер 2005]) стратегиями использования ОИ. Эти стратегии схематически представлены на Рисунке 1, где они характеризуются посредством следующих действий:

- тип А: приобрести необходимые технологии на рынке — назовем ее «рыночная стратегия ОИ»;
- тип Б: получить необходимые технологии посредством организации краудсорсинга или внешнего «мозгового штурма» — «стратегия ОИ, основывающаяся на краудсорсинге»;
- тип В: вступить в сотрудничество с внешними источниками инноваций — «партнерская стратегия ОИ»;
- тип Г: стать частью сетевой структуры, члены которой на основании установленных регламентов (а часто и на основе неписаных правил) обмениваются важной технологической информацией — «сетевая стратегия ОИ».

Рисунок 1. Типология стратегий роста на ОИ⁵

Рассмотрим особенности этих четырех типов стратегий корпоративного роста на основе использования технологий ОИ.

1. Тип А. Рыночная стратегия ОИ (низкая концентрация/малая широта охвата). В рыночных условиях типичная внешняя стратегия роста на базе инноваций — это процесс приобретения на рынке технологий, лицензий, ноу-хау — всего того, что обеспечивает вклад в инновационное развитие фирмы. Эта стратегия характеризуется незначительной широтой охвата источников информации об инновациях (чаще всего используются один-два наиболее легкодоступных источника, например хорошо известная в отрасли фирма, продающая новейшее высокопроизводительное оборудование) и низкой концентрацией, то есть незначительной степенью «погруженности» источников инноваций в инновационные проблемы компании. На практике это выглядит как приобретение всех необходимых знаний, инновационных решений и технологий у фирмы-разработчика, что обеспечивает высокую скорость решения проблем компании. Типичным проявлением такой стратегии является приобретение малых предприятий, являющихся инновационными стартапами, со всеми их технологическими наработками. Таким образом, компании приобретают на рынке готовое решение проблемы, новую технологию или продукт одновременно с приобретением инновационного малого предприятия. Примеры такой стратегии многообразны. Так, корпорация Procter&Gamble приобрела в 1987 г. инновационную фирму SpinBrush, которая изобрела электрическую зубную щетку нового поколения. Это приобретение положило основу одной из самых успешных продуктовых линеек корпорации. Другой пример — приобретение технологии Skype компанией Microsoft для усиления ее позиций в области коммуникаций [Dodgson et al. 2006]. В качестве примера можно также привести, вслед за Б.Эбергсбергером с соавторами, аутсорсинг НИОКР, используемый корпорацией Dell [Ebersberger et al. 2012]. Этот метод также широко используется компаниями, работающими в фармацевтической промышленности [Chesbrough, Crowther 2006].

⁵ Составлено авторами.

2. Тип Б. Стратегия ОИ, основывающаяся на краудсорсинге (низкая концентрация/большая широта охвата). Краудсорсинг — это акт аутсорсинга по отношению к «толпе» — случайному, хаотичному собранию лиц, групп людей, проявляющих интерес к обсуждению инновационной проблемы, а не к конкретному агенту рыночных отношений, как в случае стратегии инноваций, основывающихся на рынке (обзор эволюции принципов краудсорсинга можно найти в [Ghezzi et al. 2017]). Базисный принцип краудсорсинга состоит в том, что коллективный разум большой, формально не организованной группы людей обладает существенными преимуществами по отношению к разуму индивидов или даже небольших профессиональных групп людей как в плане разнообразия идей, так и объема знания. При разработке стратегии ОИ, базирующейся на краудсорсинге, следует иметь в виду наличие различающихся в ряде важных характеристик типов краудсорсинга, каждый из которых требует модификации инновационного поведения фирмы. Пояснить это можно на базе классификации, предложенной Р. Хопкинсом, где описываются характеристики его четырех типов [Hopkins 2014]:

- «коллективный разум». Это широко используемый тип краудсорсинга, основывающийся на опросе мнения большого количества людей относительно проблемы, требующей инновационного решения. При этом создаются условия, чтобы любой желающий мог принять участие в обсуждении путей решения проблемы. Для этого могут использоваться такие простые средства, как «ящик предложений» для сотрудников компании, специально созданный для этой цели чат или более сложные «всемирные» мозговые штурмы с использованием интернета, что практикует, в частности, корпорация IBM [Jefferson 2020];
- «коллективное творчество». Этот тип краудсорсинга предполагает создание «толпы» из клиентов, поставщиков, подрядчиков и других стейкхолдеров компании. Организация обращается к ним, чтобы услышать мнение относительно желательных характеристик нового продукта. Формы его разнообразны: опросы (в том числе через электронные анкеты), интервью, телеконференции, совместные совещания для обсуждения отдельных этапов инновационного процесса. В качестве стимулирования активности участников им можно пообещать подряды для выполнения отдельных заданий в рамках решения инновационных проблем или премии за наиболее удачные предложения. В качестве примеров «коллективного творчества» И. Кристенсен и Ч. Карлсон приводят инновационную деятельность компаний Amazon Mechanical Turk, iStockphoto, Threadless, Schick, где участники, продемонстрировавшие свой профессионализм, получали возможность выполнять работы в рамках больших инновационных проектов [Christensen, Karlsson 2018];
- «народное голосование». Этот тип краудсорсинга основывается на опросе большого количества людей, осуществляющих выбор между альтернативными вариантами инновационных решений. Чаще всего такое голосование проводится на сайте компании и предполагает финансовое и иное стимулирование участников, приведших наиболее ценные аргументы в пользу того или иного решения. В нем могут участвовать как профессионалы, так и дилетанты, поэтому этот тип краудсорсинга хорошо сочетается с коллективным разумом и коллективным творчеством. Народное голосование может использоваться как метод прогнозирования, например, продаж нового продукта, когда «совокупная интуиция» большого количества людей нередко приводит к полезным для принятия инновационных решений выводам;

— краудфандинг. Метод, предполагающий использование «толпы» с целью привлечения средств для реализации инновационных проектов с помощью специально созданных для этой цели интернет-площадок, призванных собирать средства для инноваций. Высоко оценивая потенциал метода для решения организационных проблем на инновационной основе, В.Роуз характеризует его как «революционное изменение, которое находится только в самом начале своего пути» [Rouzé 2019, 29]. Разумеется, речь идет прежде всего об общественно значимых социальных проблемах, требующих решений: от экологических проектов до помощи инвалидам. Краудфандинг, таким образом, становится формой благотворительной деятельности, поддерживающей инновационные решения традиционных социальных проблем. Однако для его успешного осуществления от организаторов требуется наличие навыков проведения рекламных компаний и создания привлекательной для потенциальных участников медийной среды.

3. Тип В. Партнерская стратегия ОИ (высокая концентрация/малая широта охвата). В инновационной стратегии, построенной на партнерстве, компания заключает соглашения о сотрудничестве с несколькими «наукоемкими» партнерами, такими как университеты, научно-исследовательские институты, лаборатории и центры, организации, специализирующиеся на НИОКР. Включение внешних партнеров в инновационные процессы фирмы обеспечивает их тесное и частое взаимодействие с подразделениями, ответственными за инновации, способствует развитию взаимного доверия, что облегчает передачу неявных, неформализованных знаний в организацию.

4. Тип Г. Сетевая стратегия ОИ (высокая концентрация/большая широта охвата). Этот тип часто реализуется в рамках совместной инновационной стратегии двух и более компаний. Он предполагает глубокую интеграцию с внешними партнерами для обеспечения эффективного совместного развития на инновационной основе и распространения знаний среди участников сети. Так как инновационные знания широко распространяются за пределами организационных границ компаний, входящих в альянс, каждая из них имеет возможность реализовывать собственную сетевую стратегию для привлечения и поддержания отношений со своими внешними партнерами. Компания становится частью крупной инновационной экосистемы, состоящей из отдельных лиц, групп и других организаций [Granstrand, Holgersson 2020]. Именно эта экосистема является источником знаний и технологий — в этом отличие сетевой стратегии от стратегий инноваций, основывающихся на рынке и краудсорсинге, где источники знаний также находятся во внешней среде. Это отличие накладывает на компанию ограничение: она имеет возможность делать выбор относительно источников знаний в ограниченном пространстве экосистемы, к которой она принадлежит.

Заключение

Представленная выше система ОИ составляет методологическую основу интеграционной парадигмы. Это означает, что парадигма начинает выполнять свою главную функцию: очерчивать перед исследователями круг задач и проблем, которые обладают концептуальной ценностью, развивают и обогащают парадигму через выдвигание новых гипотез в области механизмов организационного адаптациогенеза посредством внедрения инноваций, исследования вновь возникающих вследствие этого процесса организационных ниш и особенностей конкурентной борьбы компаний внутри таких ниш.

Этот процесс не носит линейный характер: большее число внедренных инноваций автоматически не обеспечивает достижения конкурентного преимущества. Успех решающим образом зависит от правильного выбора стратегии развития на основе ОИ. Но и этого недостаточно: в современных условиях, когда параметры внешней среды (организационной ниши) меняются быстро, для успешного внедрения ОИ требуется создание такой совокупности организационных процессов, которые создавали бы оптимальные условия для быстрых изменений принятых стратегических решений, которые в изменившейся нише могут быстро терять способность повышения организационной адаптации. Для этого необходимо особое внимание уделить исследованию значения организационных бизнес-моделей, способствующих (или препятствующих) успешному внедрению стратегий ОИ, что будет сделано в последующей статье.

Список литературы:

- Гине Ж., Майсснер Д. Открытые инновации: эффекты для корпоративных стратегий, государственной политики и международного «перетока» исследований и разработок // Форсайт. 2012. Т. 6. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.17323/1995-459x.2012.1.26.36>.
- Иода Е.В. О концепции открытых инноваций // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 8. С. 96–101.
- Кудина М.В., Кузьмин С.С. Парадигмы корпоративного роста // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 47. С. 80–103.
- Кудина М.В., Кузьмин С.С. Развитие парадигм корпоративного роста // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 48. С. 66–89. DOI: 10.24411/2070-1381-2015-00004.
- Кудина М.В., Кузьмин С.С. Структура парадигм корпоративного роста // Вестник НГУЭУ. 2021. № 2. С. 8–21. DOI: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2021-2-008-021>.
- Кузьмин С.С. Парадигмы корпоративного роста. М.: Инфра-М, 2018.
- Курчеева Г.И., Хворостов В.А. Открытые инновации как фактор развития современного технологического уклада // Наукоедение. 2016. Т. 8. № 4. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/19EVN416.pdf>.
- Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
- Садыханова Г.А. Теоретические основы концепции открытых инноваций // Вестник КазНУ. Серия экономическая. 2015. № 6 (112). С. 133–137.
- Тромпенаарс Ф., Куберг П. Сто ключевых моделей и концепций управления. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
- Ханнан М., Фриман Дж. Экология организационных популяций // Теория организации / под ред. Т.Н. Клёминой. М.: Высшая школа менеджмента, 2010. С. 416–459.
- Allen C., Gunderson L. Pathology and Failure in the Design and Implementation of Adaptive Management // Journal of Environmental Management. 2011. Vol. 92. P. 1379–1384. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2010.10.063>.
- Chesbrough H. Open Innovation. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.
- Chesbrough H., Crowther A. Beyond High-Tech: Early Adopters of Open Innovation in Other Industries // R&D Management. 2006. Vol. 36. Is. 3. P. 229–236. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9310.2006.00428.x>.
- Christensen I., Karlsson Ch. Open Innovation and the Effects of Crowdsourcing // Journal of Innovation & Knowledge. 2018. Vol. 4. Is. 4. P. 240–247. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jik.2018.03.008>.

- Dittrich K., Duysters G. Networking as a Means to Strategy Change: The Case of Open Innovation in Mobile Telephony // *Journal of Product Innovation Management*. 2007. Vol. 24. Is. 6. P. 510–521. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5885.2007.00268.x>.
- Dodgson M., Gann D., Salter A. The Role of Technology in the Shift towards Open Innovation: The Case of Procter & Gamble // *R&D Management*. 2006. Vol. 36. Is. 3. P. 333–346. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9310.2006.00429.x>.
- Ebersberger B., Bloch C., Herstadt, S., van de Velde E. Open Innovation Practices and Their Performance Effect on Innovation Performance // *International Journal of Innovation and Technology Management*. 2012. Vol. 9. Is. 6. DOI: <https://doi.org/10.1142/S021987701250040X>.
- Gassmann O., Enkel E. Towards a Theory of Open Innovation: Three Core Process Archetypes // *R&D Management Conference (RADMA)*, Lissabon, 7 July 2004. URL: [https://www.alexandria.unisg.ch/274/1/Gassmann Enkel.pdf](https://www.alexandria.unisg.ch/274/1/Gassmann%20Enkel.pdf).
- Ghezzi A., Gabelloni D., Martini A., Natalicchio A. Crowdsourcing: A Review and Suggestions for Future Research // *International Journal of Management Reviews*. 2017. Vol. 20. Is. 2. P. 343–363. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijmr.12135>.
- Granstrand O., Holgersson V. Innovation Ecosystems: A Conceptual Review and a New Definition // *Technovation*. 2020. Vol. 90–91. Is. 2. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2019.102098>.
- Hopkins R. What Is Crowdsourcing? // *A Guide to Open Innovation and Crowdsourcing* / ed. by H. Sloane. London: Kogan Page, 2014. P. 15–21.
- Huizingh E. Open Innovation: State of the Art and Future Perspective // *Technovation*. 2011. Vol. 31. Is. 1. P. 2–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2010.10.002>.
- Jefferson B. *Digitize and Punish: Racial Criminalization in the Digital Age*. Saint Paul: University of Minnesota Press, 2020.
- Perkmann M., Walsh K. University-Industry Relationships and Open Innovation: Towards a Research Agenda // *International Journal of Management Review*. 2007. Vol. 9. Is. 4. P. 259–280. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2007.00225.x>.
- Rist L., Felton A., Samuelsson L., Sandström C., Rosvall O. A New Paradigm for Adaptive Management // *Ecology and Society*. 2013. Vol. 18. Is. 4. P. 63–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.5751/ES-06183-180463>.
- Rouzé, V. Crowdsourcing and Crowdfunding: The Origins of a New System? // *Cultural Crowdfunding: Platform Capitalism, Labour and Globalization* / ed. by V. Rouzé. London: University of Westminster Press, 2019. P. 15–33. DOI: <https://doi.org/10.16997/book38.b>.
- Saebi N., Foss N. Business Models for Open Innovation: Matching Heterogeneous Open Innovation Strategies with Business Model Dimensions // *European Management Journal*. 2015. Vol. 33. Is. 3. P. 201–213. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.emj.2014.11.002>.
- Terwiesch C., Xu Y. Innovation Contests, Open Innovation, and Multi-Agent Problem Solving // *Management Science*. 2008. Vol. 54. № 9. P. 1529–1543. DOI: <https://doi.org/10.1287/mnsc.1080.0884>.
- West J. Open Innovation // *The Palgrave Encyclopedia of Strategic Management* / ed. by M. Augier, D. Teece. London: Macmillan Publishers. 2018. P. 1157–1162.

References:

- Allen C., Gunderson L. (2011) Pathology and Failure in the Design and Implementation of Adaptive Management. *Journal of Environmental Management*. Vol. 92. P. 1379–1384. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2010.10.063>.
- Chesbrough H. (2003) *Open Innovation*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Chesbrough H., Crowther A. (2006) Beyond High-Tech: Early Adopters of Open Innovation in Other Industries. *R&D Management*. Vol. 36. Is. 3. P. 229–236. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9310.2006.00428.x>.
- Christensen I., Karlsson Ch. (2018) Open Innovation and the Effects of Crowdsourcing. *Journal of Innovation & Knowledge*. Vol. 4. Is. 4. P. 240–247. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jik.2018.03.008>.
- Dittrich K., Duysters G. (2007) Networking as a Means to Strategy Change: The Case of Open Innovation in Mobile Telephony. *Journal of Product Innovation Management*. Vol. 24. Is. 6. P. 510–521. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5885.2007.00268.x>.
- Dodgson M., Gann D., Salter A. (2006) The Role of Technology in the Shift towards Open Innovation: The Case of Procter & Gamble. *R&D Management*. Vol. 36. Is. 3. P. 333–346. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9310.2006.00429.x>.
- Ebersberger B., Bloch C., Herstadt S., van de Velde E. (2012) Open Innovation Practices and Their Performance Effect on Innovation Performance. *International Journal of Innovation and Technology Management*. Vol. 9. Is. 6. DOI: <https://doi.org/10.1142/S021987701250040X>.
- Gassmann O., Enkel E. (2004) Towards a Theory of Open Innovation: Three Core Process Archetypes. *R&D Management Conference (RADMA)*, Lissabon, 7 July. URL: https://www.alexandria.unisg.ch/274/1/Gassmann_Enkel.pdf.
- Ghezzi A., Gabelloni D., Martini A., Natalicchio A. (2017) Crowdsourcing: A Review and Suggestions for Future Research. *International Journal of Management Reviews*. Vol. 20. Is. 2. P. 343–363. DOI: <https://doi.org/10.1111/ijmr.12135>.
- Granstrand O., Holgersson V. (2020) Innovation Ecosystems: A Conceptual Review and a New Definition. *Technovation*. Vol. 90–91. Is. 2. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2019.102098>.
- Guinet J., Meissner D. (2012). Open Innovation: Implications for Corporate Strategies, Government Policy and International R&D Spillovers. *Forsyht*. Vol. 6. No. 1. P. 26–35. DOI: <https://doi.org/10.17323/1995-459x.2012.1.26.36>.
- Hannan M., Freeman J. (2010) The Population Ecology of Organizations. In: Klëmina T.N. (ed.) *Teoriya organizatsii*. Moscow: Vysshaya shkola menedzhmenta. P. 416–459.
- Hopkins R. (2014) What Is Crowdsourcing? In: Sloane H. (ed.) *A Guide to Open Innovation and Crowdsourcing*. London: Kogan Page. P. 15–21.
- Huizingh E. (2011) Open Innovation: State of the Art and Future Perspective. *Technovation*. Vol. 31. Is. 1. P. 2–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2010.10.002>.
- Ioda E.V. (2011) About the Concept of Open Innovations. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy*. No. 8. P. 96–101.
- Jefferson B. (2020) *Digitize and Punish: Racial Criminalization in the Digital Age*. Saint Paul: University of Minnesota Press.
- Kudina M.V., Kuz'min S.S. (2014) The Paradigms of the Corporate Growth. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 47. P. 80–103.
- Kudina M.V., Kuz'min S.S. (2015) Development of Paradigms of Corporate Growth. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 48. P. 66–89. DOI: 10.24411/2070-1381-2015-00004.
- Kudina M.V., Kuz'min S.S. (2021) Structure of the Corporate Growth Paradigms. *Vestnik NSUEM*. No. 2. P. 8–21. DOI: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2021-2-008-021>.
- Kurcheyeva G.I., Khvorostov V.A. (2016) Open Innovation as a Development Factor of the Modern Techno-Economic Paradigm. *Naukovedeniye*. Vol. 8. No. 4. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/19EVN416.pdf>.
- Kuz'min S.S. (2018) *Paradigmy korporativnogo rosta* [Paradigms of corporate growth]. Moscow: Infra-M.

Perkmann M., Walsh K. (2007) University-Industry Relationships and Open Innovation: Towards a Research Agenda. *International Journal of Management Review*. Vol. 9. Is. 4. P. 259–280. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2007.00225.x>.

Porter M. (2005) *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. Moscow: Al'pina Biznes Buks.

Rist L., Felton A., Samuelsson L., Sandström C., Rosvall O. (2013) A New Paradigm for Adaptive Management. *Ecology and Society*. Vol. 18. Is. 4. P. 63–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.5751/ES-06183-180463>.

Rouzé V. (2019) Crowdsourcing and Crowdfunding: The Origins of a New System? In: Rouzé V. (ed.) *Cultural Crowdfunding: Platform Capitalism, Labour and Globalization*. London: University of Westminster Press. P. 15–33. DOI: <https://doi.org/10.16997/book38.b>.

Sadykhanova G.A. (2015) The Theoretical Foundations of the Concept of Open Innovation. *Vestnik KazNU*. No. 6 (112). P. 133–137.

Saebi N., Foss N. (2015) Business Models for Open Innovation: Matching Heterogeneous Open Innovation Strategies with Business Model Dimensions. *European Management Journal*. Vol. 33. Is. 3. P. 201–213. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.emj.2014.11.002>.

Terwiesch C., Xu Y. (2008) Innovation Contests, Open Innovation, and Multi-Agent Problem Solving. *Management Science*. Vol. 54. No. 9. P. 1529–1543. DOI: <https://doi.org/10.1287/mnsc.1080.0884>.

Trompenaars F., Coebergh P. (2019) 100+ Management Models: How to Understand and Apply the World's Most Powerful Business Tools. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

West J. (2018) Open Innovation. In: Augier M., Teece D. (eds.) *The Palgrave Encyclopedia of Strategic Management*. London: Macmillan Publishers. P. 1157–1162.

Дата поступления/Received: 20.08.2021

Индикаторы оценки результативности системы управления банкротством в России по данным статистических источников

Львова Ольга Александровна

Кандидат экономических наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: lvova@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [3516-5230](#)

ORCID ID: [0000-0001-9835-3418](#)

Аннотация

В статье систематизирована современная информационная база статистических данных о банкротстве компаний в России, проведен компаративный анализ формирующих ее статистических ресурсов: ЕФРСБ (Федресурс), Судебного департамента при Верховном суде РФ, МВД России; выявлены особенности методических подходов к обработке первичных данных. Обоснованы также существенные ограничения использования индикатора «Разрешение неплатежеспособности» из рейтинга Всемирного банка «Doing business / Ведение бизнеса», не позволяющего в силу особенностей принятой методологии полностью применять его для оценки результативности института банкротства в России. В ходе анализа сформированы концептуальные основы для проведения статистического исследования функционирования института банкротства во взаимосвязи с внешними факторами, влияющими на интенсивность банкротств, среди которых: макроэкономические параметры и динамика рынков, условия кредитования, финансовые результаты и инвестиционная активность компаний, риски неплатежеспособности. В результате выявлены актуальные проблемы представления и практического использования открытых статистических данных о состоянии экономики страны, публикуемых Федеральной службой государственной статистики (Росстат): дублирование и представление неоптимизированной информации в разных форматах, неудобство навигации, несопоставимость с первичными данными профильных ведомств и проч. Для решения указанных проблем предложены стратегические направления совершенствования деятельности службы в части обобщения информации о состоянии экономики и предпринимательских структур с учетом возможностей цифровизации: улучшение бизнес-процессов работы с данными, использование новых технологий их сбора, оптимизация отчетных форм, использование машиночитаемых форматов представления данных, обеспечение единообразия их формата, создание активной формы обратной связи, улучшение пользовательского интерфейса, создание нового единого информационного блока о банкротстве компаний для увеличения прозрачности экономических реалий страны.

Ключевые слова

Статистика банкротств, банкротство компаний, банкротство юридических лиц, ЕФРСБ, Федресурс, рейтинг «Doing business / Ведение бизнеса», разрешение неплатежеспособности, экономическая статистика Росстата, ЕМИСС, судебная статистика банкротств, результативность института банкротства.

Indicators for Assessing the Effectiveness of Bankruptcy Management System in Russia according to Statistical Sources

Olga A. Lvova

PhD, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: lvova@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0001-9835-3418](#)

Abstract

The paper explores the modern information statistical database on corporate bankruptcy in Russia as well as provides a comparative analysis of the statistical resources (Unified Federal Register of Bankruptcy Information, UFRBI (Fedresurs), the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of Russia); the specific features of methodological approaches to the processing of primary data are revealed. Substantial limitations of the use of the “Resolving insolvency” indicator from the World Bank’s rating “Doing business” are substantiated, which should be considered as irrelevant for assessing the bankruptcy institute’s output in Russia (due to peculiarities of the methodology). The conceptual foundations have been formed for conducting a statistical study of the bankruptcy institute’s functioning in relation to macroeconomic factors affecting the intensity of bankruptcies. The actual problems of presentation and practical application of open statistical data on the country’s economy published by the Federal State Statistics Service (Rosstat) are identified, and strategic directions for improving the service’s activity in terms of generalizing and presentation of economic and business data on the digital basis are proposed.

Keywords

Bankruptcy (insolvency) statistics, corporate bankruptcy, UFRBI, Fedresurs, “Doing business” rating, resolving insolvency, economic statistics of Rosstat, EMISS, judicial statistics of bankruptcies, bankruptcy institute’s efficiency.

Введение

В современной цифровой экономике увеличение информационной прозрачности процессов банкротства в России невозможно без совершенствования соответствующей информационной базы. Ее формированием занимаются несколько ведомств: Судебный департамент при Верховном суде РФ, АО «Интерфакс» как оператор Единого федерального реестра сведений о банкротстве ЕФРСБ (часть Федресурса¹), Министерство внутренних дел РФ² в части правонарушений, связанных с банкротством, и Всемирный банк в рейтинге «Ведение бизнеса» (далее — рейтинг ВБ). Однако их данные не позволяют увидеть реальную картину, не дополняют друг друга, а дают несопоставимую и иногда противоречивую информацию. Это особенно относится к рейтингу ВБ по показателю «Разрешение неплатежеспособности», методология расчета которого содержит не применимые для России предпосылки и приводит к искусственному завышению результатов процедур банкротства, но активно принимается во внимание государственными органами, включается в «дорожные карты». Если данные ЕФРСБ отражают низкую результативность института банкротства для всех групп участников, то данные рейтинга ВБ по удовлетворению требований кредиторов на уровне 43% в России лишь дезинформируют аналитиков, занимающихся смежными вопросами. При этом многие исследователи [Воронова и др. 2018; Королев 2020; Томашицкая 2018] смело опираются на индикаторы этого рейтинга, считая их обоснованными, не уделяя достаточно внимания критическому анализу используемой методологии и ограничениям ее использования в России.

Данные перечисленных четырех источников являются первичными и обобщаются аналитическими структурами, например Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП)³, который раз в квартал проводит мониторинг банкротств компаний в отраслевом и региональном разрезе.

Экономическая природа неплатежеспособности и банкротства компаний, ассоциирующаяся с кризисом, обуславливает гипотезу об увеличении числа банкротств в период макроэкономических потрясений и объясняет попытки выявить внешние факторы, влияющие на интенсивность банкротств в экономике. Для этих целей используется информационная база о состоянии экономики, которая в нашей стране формируется Федеральной службой государственной статистики (Росстат). Приоритетом ее работы является «открытость деятельности и доступность государственных статистических ресурсов» [Суринов 2014, 3]. Однако на практике использование созданной базы данных, статистических сборников и интерактивных информационных систем сопряжено с множеством трудностей как технического, так и содержательного характера, которые нуждаются в выявлении, систематизации и устранении.

Обзор литературы

Анализу динамики банкротств компаний посвящены публикации многих российских авторов. Т.А. Полещук и Д.А. Маркова [Полещук, Маркова 2016], С.В. Матросова [Матросова 2015] рассматривают динамику и отраслевую структуру банкротств компаний до 2017 г. включительно; А.С. Белкина и В.Ю. Циклаури [Белкина, Циклаури 2018] дополняют аналогичный анализ распределением должников по формам собственности. В работе [Могилат 2015] представлен более комплексный анализ статистики банкротств предприятий за период с 2009 по 2014 гг.

¹ Федресурсом называется Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (ЕФРСБ/ФЕДРЕС). ЕФРСБ — его составная часть.

² Включая отчеты, подготовленные ФКУ «Главный информационно-аналитический центр».

³ Мониторинг. Банкротства юридических лиц в России // ЦМАКП [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forecast.ru/default.aspx> (дата обращения: 24.09.2021).

с учетом их типа и продолжительности процедур, доли успешных реабилитационных процедур, структуры учредителей, предложена группировка регионов по динамике и интенсивности банкротств компаний и «финансовый портрет компании-банкрота», сформированный автором по медианным показателям прибыльности и ликвидности. Анализ статистики числа банкротств и их отраслевой специфики служит вспомогательным способом аргументации тезисов, тогда как обобщению информационной базы о банкротствах и компаративному анализу всех современных источников уделяется недостаточно внимания. Закономерно также, что актуальность подобных работ снижается с течением времени. Среди наиболее новых комплексных работ следует отметить труды А.А. Пахарукова [Пахаруков 2019], где социально-экономический портрет должника-юридического лица формируется на основе данных всех перечисленных источников и ФНС (в части сведений о регистрации и ликвидации предприятий), однако данные рейтинга ВБ в части возврата долга учитываются автором как релевантные, что — как будет показано далее — не является корректным.

В «статистический анализ банкротств» отдельные авторы [Беляева, Лунова 2018] включают краткий обзор статистических методов прогнозирования банкротства, к примеру на основе множественного дискриминантного анализа. Представляется, что такой подход смешивает разные области исследования: анализ статистики банкротств необязательно дополнять методами их прогнозирования по причине совпадения семантического ядра в терминологии, ибо цели и масштаб здесь различны — если анализ динамики банкротств проводится на основе первичных данных статистических служб всей страны для определения фактической результативности института банкротства [Львова 2019], то прогнозирование банкротства компаний осуществляется и рассчитывается по данным ретроспективной отчетности отдельных (отобранных автором исследования) фирм для выявления будущих трендов. Комплексный анализ большинства существующих методов прогнозирования представлен в работе [Львова 2021] и не относится к области настоящего исследования.

Непосредственно технологии сбора статистических данных о компаниях и банкротствах исследуются Н.И. Юсуповой и Е.О. Волик [Юсупова, Волик 2008]. Раскрытие общемировых принципов статистической деятельности, а также сравнение деятельности Росстата и аналогичных служб других стран представлено в работе О.Н. Никифорова [Никифоров 2019]. Множество публикаций посвящено трансформации системы статистического учета в России, выявлению основных достижений и проблем в данной области. Так, прежний руководитель Росстата А.Е. Суринов раскрывает задачи «перехода официальной статистики на модернизированную технологическую основу в рамках создания федеральной системы управления данными на базе цифровой аналитической платформы» [Суринов 2018, 3]. Ж.В. Мещерякова проводит сравнительный анализ результатов организации статистического учета, оценивает степень цифрового развития в России и других странах, рассматривая такие показатели, как «индекс развития информационно-коммуникационных технологий», «индекс цифровой эволюции» и проч., по итогам оценки которых Россия, к сожалению, показывает не лучшие результаты [Мещерякова 2018]. В работе [Баранов 2012] достижения российской статистики оцениваются по следующим направлениям: создание открытой системы доступа к статистическим данным, адаптация учета к рыночному укладу экономики, статистической методологии — к международным стандартам. В то же время выделяются основные проблемы, связанные с методологией, представлением данных для пользователей и наличием неосвещенных областей, так называемых белых пятен статистики [Там же, 33]. Еще одна работа [Гореева, Демидова 2016] посвящена обобщению материалов, составляющих институт статистики,

его формальных и неформальных форм и основных преобразований. В другом исследовании [Карпова и др. 2016] раскрывается содержание «больших данных», выделяются возможности и проблемы их использования в статистической деятельности.

Однако перечисленные работы не всегда акцентируют внимание на проблемах конечного пользователя открытых данных и предлагают адаптированные рекомендации по совершенствованию системы представления информации, что является одной из задач настоящего исследования.

В данной связи углубленный анализ особенностей формирования информационной базы о банкротствах в России и методических подходов к обработке данных в целях обобщения имеющихся источников, выявления возможностей и ограничений их использования в аналитических исследованиях представляется актуальной задачей.

Компаративный анализ российских источников статистической информации о банкротстве

Анализ внутренних российских источников статистических данных о банкротствах демонстрирует тренд к улучшению информационной составляющей [Львова 2021b, 264]. Наиболее оперативно информацию раскрывает ЕФРСБ, который включает данные отчетов арбитражных управляющих по текущим и завершенным делам. Раскрытие сведений о банкротстве является обязанностью арбитражных управляющих и осуществляется в сжатые сроки, что позволяет агрегатору оперативно обобщать и раскрывать информацию. Судебный департамент при Верховном суде РФ собирает более объективную судебную статистику, но публикует ее только раз в полгода в формате, трудно сопоставимом с данными ЕФРСБ, архивом Высшего арбитражного суда РФ, который отвечал за статистику до 2013 г. Сводная характеристика внутренних российских источников первичных данных о банкротствах представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Основные источники статистических данных о банкротстве⁴

Наименование источника, периодичность публикаций	Раскрываемые данные ⁵	Источники информации	Особенности методологии сбора информации
<p>Судебный департамент при Верховном суде РФ</p> <p>Отчет о работе арбитражных судов РФ по делам о банкротстве: с 2014 г. (по полугодиям)</p>	<p>1. Движение дел: — поступило заявлений; — рассмотрено дел; — остаток неоконченных дел; — основания прекращения производства в соответствии с Законом о банкротстве.</p> <p>2. Рассмотрение ходатайств о применении / отмене обеспечительных мер.</p> <p>3. Процедуры банкротства ЮЛ⁶ и граждан⁷: — остаток дел на начало отчетного периода, по которым проводится процедура; — количество дел, по которым в отчетном периоде введена процедура; — результаты проведения процедуры; — остаток дел на конец отчетного периода, по которым не окончена процедура.</p> <p>4. Рассмотрение заявлений, жалоб, ходатайств, разногласий: — по характеру требований; — по субъектам (от арбитражных / финансовых управляющих); — по результатам («удовлетворено» / «отказано»).</p> <p>5. Справки к отчету: — принято к производству заявлений (по заявителю, по сумме долга); — заключение АУ об установлении наличия признаков фиктивного / преднамеренного банкротства; — количество дел, в которых рассмотрено заявлений об утверждении / пересмотре / расторжении мирового соглашения; — движение дел и результаты процедур по видам должников.</p>	<p>Данные первичного статистического учета, осуществляемого арбитражными судами → обработанные данные передаются Верховному суду РФ и Росстату.</p>	<p>Информация сгруппирована по признаку движения дел (на начало и конец отчетного периода и за весь период), поэтому сопоставление с данными ЕФРСБ часто затруднено.</p> <p>Отсутствует преимущество с данными ВАС РФ⁸.</p> <p>Ранжирование появляется относительно недавно: с 2018 г.— по типу кредитора-заявителя; с 2016 г. — по типам должника.</p> <p>Временной лаг в публикации Отчета — в течение 3–6 месяцев после отчетного года.</p>

⁴ Источник: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 24.09.2021); Обзор судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов // Федеральные арбитражные суды [Электронный ресурс]. URL: http://www.arbitr.ru/statisticheskie_dannie/ (дата обращения: 24.09.2021); Раздел «Новости», поиск по ключевому слову «Статистика» // Федресурс [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news> (дата обращения: 24.09.2021); Состояние преступности в России // МВД РФ [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 24.09.2021); Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/gosprogram/Gosprogramma> (дата обращения: 24.09.2021).

⁵ Принятые сокращения: ЮЛ — юридические лица, АУ — арбитражный управляющий, ГИС — государственные информационные системы.

⁶ Наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство.

⁷ Реструктуризация долга, реализация имущества, а также основания неприменения правил об освобождении гражданина от исполнения обязательств.

⁸ До 2013 г. включительно судебную статистику о работе федеральных арбитражных судов собирал Высший арбитражный суд РФ (ВАС РФ).

<p style="text-align: center;">ЕФРСБ (Федресурс)</p> <p>ЕФРСБ: с 2011 г.</p> <p>Статистический бюллетень: с 2017 г. (раз в полгода)</p>	<ul style="list-style-type: none"> — о введении процедур банкротства; — о прекращении производства по делу о банкротстве; — об утверждении, отстранении или освобождении АУ; — об удовлетворении заявлений третьих лиц о намерении погасить обязательства должника; — о проведении торгов по продаже имущества должника и о результатах их проведения; — сообщение о результатах соответствующей процедуры (отчет); — сообщение о продаже предприятия (имущества) и сообщение о результатах проведения торгов; — субсидиарная ответственность и взыскание убытков с контролирующих должника лиц; — уведомление о проведении собрания кредиторов и результаты собрания; — уведомление о проведении собрания работников и результаты собрания; — признание действий АУ незаконными или взыскание с АУ убытков; — оспаривание сделок должника; — сообщения о деятельности временной администрации и конкурсного управляющего финансовых организаций; — сведения о заключении договора купли-продажи по итогам торгов — сообщение о проведении торгов; — сведения о ходе проведения открытых торгов (дата начала представления заявок на участие в торгах, сведения об общем количестве представленных заявок на участие в торгах без указания идентифицирующих заявителей данных); — подписанный организатором торгов протокол об определении их участников; — протокол об итогах проведения торгов, сведения о результатах открытых торгов. 	<p style="text-align: center;">Основные:</p> <ul style="list-style-type: none"> — сообщения, введенные АУ и организаторами торгов (с эл. подписью); — сообщения СРО АУ (с эл. подписью); — сообщения электронных торговых площадок. <p style="text-align: center;">Дополнительные: данные ГИС (ЕГРЮЛ и ЕГРИП, картотека арбитражных дел), сообщения гос. органов.</p>	<p>Информация собирается отдельно по делам в производстве и по завершенным делам.</p> <p>Высокая роль человеческого фактора, встречаются ошибки при вводе данных.</p> <p>Самая оперативная информация среди всех источников: годовой бюллетень появляется в течение 2-х месяцев после отчетного года; отдельные данные регулярно публикуются в новостных сводках.</p>
<p style="text-align: center;">МВД РФ</p> <p>Ежегодно с 2013 г. в двух отчетах о состоянии преступности</p>	<ul style="list-style-type: none"> — количество выявленных преступлений, связанных с криминальным банкротством (неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное / фиктивное банкротство); — количество преступлений, связанных с банкротством, совершенных в крупном или особо крупном размерах либо причинивших крупный ущерб; — количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности; — размер причиненного ущерба; — сумма возмещенного ущерба. 	<p style="text-align: center;">Данные первичного статистического учета, подготовленные структурами МВД.</p>	<p>Информация представлена разрозненно в 2–3 разных отчетах в текстовом (не табличном) формате.</p> <p>Узкая специализация статистики.</p>

Особенность ЕФРСБ как информационного источника заключается в ручном введении первичных данных арбитражными управляющими, то есть наличии влияния человеческого фактора, снижающего достоверность данных. Так, к примеру, в отдельных делах были замечены ошибки, когда арбитражный управляющий ввел нули в графе «сумма удовлетворенных требований», тогда как в определении суда обозначена конкретная сумма выплат, опечтался при введении цифр так, что сумма удовлетворенных требований в тысячу раз превысила требования реестра, установленные судебным актом⁹.

⁹ Выступление руководителя Федресурса Юхнина А.В. на тему «Результаты процедур банкротства, ответственность арбитражных управляющих и контролирующих лиц» // Всероссийский семинар-конференция «Антикризисное и арбитражное управление 2021» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.crisisconf.ru/files/2021/ProgramCrisisConf2021.pdf> (дата обращения: 24.09.2021).

Следует отметить, что в последние годы Федресурс в пресс-релизах опирается на данные статистики Судебного департамента, однако они могут не совпадать между собой: так, к примеру, в 2015–2016 гг. Судебный департамент в показателе «Количество дел, по которым в отчетном периоде введена процедура конкурсного производства» давал число на 1,8–1,5 тыс. дел (соответственно) больше, чем аналогичный по смыслу показатель ЕФРСБ «Количество сообщений о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства». В 2018 г. наблюдалось минимальное расхождение в 137 дел. Тренд к снижению расхождений в данных этих источников, вероятно, вызван усилением ответственности арбитражных управляющих за несвоевременное раскрытие информации, однако полное совпадение все еще не достигнуто: с 2019 г. ситуация изменилась в обратную сторону, когда данные Судебного департамента стали отражать меньше дел (на 23 кейса), чем показатель ЕФРСБ.

В конечном итоге выбор того или иного источника как более достоверного и релевантного остается за аналитиком. К примеру, специалисты ЦМАКП, который обрабатывает первичные данные банкротствах юридических лиц и рассчитывает многолетние тренды по отраслям и регионам, определяют «число банкротств» как ежемесячное количество публикаций в ЕФРСБ о введении процедур банкротства, дающее освобожденную от влияния сезонности линию тренда¹⁰. По нашему мнению, «число банкротств» корректнее определять как количество поданных заявлений о банкротстве в отчетном периоде, то есть по данным более объективной судебной статистики, которая лучше отражает «настроения» корпоративного сектора, их ожидания, последствия действий и реакции, влияние макроэкономической ситуации на интенсивность банкротств в экономике.

Статистические показатели функционирования института банкротства

Наиболее релевантные сведения о банкротствах в России за последние пять лет по данным описанных российских источников приведены в Таблице 2.

Таблица 2. Индикаторы функционирования института банкротства компаний¹¹

№	Критерий	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Типы и сроки процедур							
1	Число ликвидационных процедур (конкурсное производство)	13044	12549	13541	13117	12401	9931
2	Число реабилитационных процедур (Финансовое оздоровление + Внешнее управление) и их доля (в скобках)	472 (2%)	424 (2%)	395 (1,5%)	297 (1,2%)	228 (1%)	173 (0,9%)
3	Средняя продолжительность типовой процедуры банкротства (наблюдение + конкурсное производство), годы	2,0	2,2	2,3	2,4	2,6	2,9
Результаты процедур							
4	Доля дел, в которых кредиторы получили ноль, %	68,6	67,1	67,1	65,0	62,0	60,6
5	Доля удовлетворенных требований кредиторов (все очереди), %	6,24	6,4	6,6	5,2	5,2	4,4
6	Изменение цены активов должника в процессе торгов, % к первоначальной цене						
	— открытый аукцион и конкурс (торги на повышение): “+”	+104,3	+124,9	+115,7	+137,2	+55,5	+63,5
	— публичное предложение (торги на понижение): “-”	-65,1	-65,2	-65,4	-66,2	-66,9	-62,1

¹⁰ Банкротства юридических лиц в России: основные тенденции. С. 18–19 // ЦМАКП [Электронный ресурс]. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/PROM/2015/Bnkrpc-2015-04.pdf (дата обращения: 26.09.2021).

¹¹ Рассчитано автором по данным ЕФРСБ и Судебного департамента при Верховном суде РФ.

7	Доля дел, завершившихся восстановлением платежеспособности, в общем объеме реабилитационных процедур (строка 2), %	13	15	16	22	21	28
8	Вознаграждение арбитражного управляющего и привлеченных им лиц, % к удовлетворенным требованиям	6,2	6,4	6,3	6,3	6,2	6,3
Криминальные банкротства и ответственность должника							
9	Доля должников, чьи активы по результатам инвентаризации составляли ноль, % от всех должников	41,1	41,1	37,7	37,1	37,0	37,2
10	Количество заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и доля удовлетворенных (в скобках)	444 (4%)	2699 (16%)	3652 (22%)	5107 (38%)	6103 (41%)	6635 (39%)
11	Количество заявлений об оспаривании сделок должника и доля удовлетворенных (в скобках)	3402 (41%)	5587 (41%)	7101 (41%)	8607 (38%)	11010 (36%)	11759 (36%)

Приведенное агрегированное представление статистики банкротств компаний позволяет нам подтвердить гипотезу о слабом выполнении институтом банкротства своих функций в экономике: его антикризисный потенциал не реализуется, кредиторы не могут рассчитывать на быстрый и достаточный возврат средств от продажи активов должника при его ликвидации, распространены криминальные банкротства. С учетом целого спектра проблем, выявляемых на основе статистического исследования имплементации банкротства в России, обоснованной представляется необходимость комплексной трансформации государственного регулирования процессов несостоятельности (банкротства) компаний, основные направления которой приведены в работах [Bobyleva, Lvova 2018; Lvova, Bobyleva 2019; Бобылева 2018].

Ограничения индикатора «Разрешение неплатежеспособности» из рейтинга Всемирного банка «Doing business / Ведение бизнеса»

Одним из показателей указанного рейтинга, с 2010 г. оценивающего инвестиционный климат в 190 странах мира, является индикатор «Resolving insolvency / Разрешение неплатежеспособности». К нему часто обращаются при оценке результативности национальных систем банкротства, а также при международных сравнениях для определения «бенчмарков», к достижению которых следует стремиться той или иной стране. Однако наше исследование показало, что статистика Всемирного банка в части оценки института банкротства в полной мере не может считаться объективной и релевантной, так как преобразует в балльный количественный формат субъективные суждения локальных экспертов (юристов, бизнес-консультантов и т.д.), точный состав, численность и квалификация которых не раскрываются. В методологии обозначена следующая за таким опросом проверка полученных экспертных данных, в течение которой создатели рейтинга 4 раза контактируют с экспертами¹², самостоятельно изучают внутривостановые нормативно-правовые акты и общедоступную информацию о процедурах банкротства.

Непосредственно сама методология, используемая Всемирным банком для расчета индикатора «Разрешение неплатежеспособности», была разработана в 2008 г. [Djankov et al. 2008] и с тех пор остается неизменной. Она учитывает временные и финансовые затраты, конечный исход процесса разрешения неплатежеспособности, где все участники являются местными предприятиями, позволяет рассчитать индекс эффективности нормативно-правовой базы

¹² Doing Business. Примечания к данным // Всемирный Банк [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/methodology/methodology-note> (дата обращения: 26.09.2021).

(ИЭН) по ряду показателей. В результате рейтинг стран определяется путем ранжирования полученных баллов (среднее арифметическое значение баллов по коэффициенту возврата долга и ИЭН). В рейтинге 2020 г. Россия занимает 57-е место по рассматриваемому индикатору, которое складывается из 5 элементов, описанных в Таблице 3.

Таблица 3. Положение Российской Федерации в рейтинге «Ведение бизнеса–2020» по показателю «Разрешение неплатежеспособности»¹³

№	Индикатор	Пояснение к индикатору	Балл
1	Коэффициент возврата средств	Показывает, сколько центов на доллар удастся взыскать заявителям требований (кредиторам, налоговым органам и сотрудникам) с должника.	43,0
2	Время (годы)	Сумма максимальных установленных законом сроков процедуры наблюдения (7 мес.) и ликвидации (6 мес. с продлением на 6 мес.). Итого: 19 месяцев + продление ликвидации несколько раз.	2
3	Стоимость (% от стоимости объекта недвижимости)	Основные затраты, включаемые в расчет: расходы на юристов (2,5%), вознаграждение арбитражного управляющего (4,5%), расходы на привлеченных специалистов — бухгалтеров и оценщиков (1,5% от стоимости имущества), судебные и прочие расходы (1%).	9
4	Конечный исход процесса (0–1 балл)	Удовлетворение требований кредиторов зависит от того, будет ли продолжать существовать фирма после завершения процедуры банкротства как единое целое, или же ее имущество будет распродано по частям: — 0 баллов: активы предприятия продаются по частям; — 1 балл: предприятие продолжает функционировать. В России активы распродаются по частям по более низкой стоимости.	0
5	Индекс эффективности нормативно-правовой базы (0–16 баллов)	Сумма баллов, присвоенных стране по субиндексам 5.1–5.4. Баллы по ним выставляются из расчета: — 0 баллов: отрицательный ответ на вопрос; — 1 балл: положительный ответ на вопрос.	11,5
5.1	Индекс открытия производства по делу о банкротстве (0–3 балла)	1. Имеют ли должники право инициировать производство по делу о реорганизации или ликвидации предприятия? 2. Имеют ли кредиторы право инициировать производство по делу о реорганизации или ликвидации предприятия? 3. Какой критерий (стандарт) используется для открытия производства по делу о несостоятельности?	2,5
5.2	Индекс управления имуществом должника (0–6 баллов)	1. Может ли должник (или управляющий) продолжить исполнение контрактов, принципиально важных для выживания должника? 2. Может ли должник (или выступающий от его имени управляющий) отказаться от чрезмерно обременительных контрактов? 3. После начала производства возможно ли расторжение сделок, заключенных до открытия дела и дающих преимущество одному или нескольким кредиторам? 4. После начала производства можно ли расторгнуть сделки с заниженной стоимостью, заключенные до возбуждения производства по делу о несостоятельности? 5. Предусматривает ли законодательство специальные положения, предоставляющие должнику (или выступающему от его имени управляющему) возможность получения кредита после возбуждения производства для финансирования текущих расходов в ходе производства? 6. Предоставляет ли законодательство приоритет кредитам, выданным после возбуждения производства по делу, по отношению к обычным необеспеченным кредиторам в ходе распределения имущества должника?	5

¹³ Составлено автором по Ease of Doing Business in Russian Federation // Doing Business [Электронный ресурс]. URL: https://www.doingbusiness.org/en/data/exploreconomies/russia#DB_ri (дата обращения: 26.09.2021).

5.3	Индекс процедуры реорганизации (0–3 балла)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Имеют ли право на участие в голосовании касательно плана реорганизации предприятия исключительно те кредиторы, чьи интересы затронуты или подлежат изменению данным планом? 2. Позволяет ли законодательство разделение кредиторов, имеющих право участвовать в голосовании по одобрению плана, на категории (включая раздельное голосование различных категорий кредиторов и применение единого режима к кредиторам из одной категории)? 3. Требуется ли законодательство, чтобы предлагаемый план реорганизации гарантировал кредиторам, не одобрявшим этот план, возмещение, как минимум равное тому, что они могли бы получить в процессе ликвидации? 	1
5.4	Индекс участия кредиторов (0–4 балла)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Предполагает ли законодательство, чтобы кредиторы назначали управляющего по делам о несостоятельности или чтобы они одобряли, утверждали или отклоняли кандидатуру назначенного управляющего? 2. Требуется ли применимое законодательство, чтобы кредиторы утверждали продажу значительных по размерам активов должника в ходе дела о банкротстве? 3. Имеет ли индивидуальный кредитор право доступа к информации о финансовом состоянии должника во время производства по делу? 4. Может ли индивидуальный кредитор возражать против решения суда или управляющего по делам о несостоятельности, которое удовлетворяет или отказывает в удовлетворении требований, заявленных данным кредитором или другими кредиторами против должника? 	3

Ситуация с коэффициентом возврата кредиторам не менее 40–43% характерна для позиции России за все годы существования рейтинга. Однако это высокое значение совершенно не согласуется с данными ЕФРСБ, согласно которым процент удовлетворения требований кредиторов не превышает 5–6%. Столь значительное различие объясняется особенностями методологии Всемирного банка. Во-первых, она дает возможность представить данные по Российской Федерации только на основе расчетов по Москве как крупнейшему городу. Во-вторых, другие принятые характеристики, необходимые для обеспечения сопоставимости показателя по разным странам, совершенно не отражают «типичный портрет должника» в нашей стране. Так, согласно методологии рейтинга, предприятие-должник обладает следующими первоначальными характеристиками¹⁴:

- организовано в форме общества с ограниченной ответственностью;
- действует в городе, являющемся крупнейшим деловым центром страны;
- полностью принадлежит местным инвесторам, при этом учредитель (он же является председателем наблюдательного совета) владеет долей в размере 51% (ни один другой акционер не владеет долей в размере более чем 5%);
- имеет в собственности объект недвижимости в центре города, в котором располагается гостиница — основной актив предприятия;
- пользуется услугами профессионального руководителя;
- имеет 201 сотрудника и 50 поставщиков, каждому из которых причитаются средства за последнюю поставку;
- заключило договор займа на 10 лет с местным банком под залог всего предприятия в целом (для стран, где признается такая форма обеспечения) либо под залог объекта недвижимости в виде гостиницы (для остальных стран);

¹⁴ Разрешение неплатежеспособности // Всемирный Банк [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/methodology/resolving-insolvency> (дата обращения: 28.09.2021).

- до настоящего момента соблюдало график выплат и все прочие условия займа;
- рыночная стоимость действующего предприятия равна 100-кратной величине дохода на душу населения или 200 000 долларов США в зависимости от того, какой из этих двух показателей выше. Рыночная стоимость активов компании в случае их продажи по частям составляет 70% от рыночной стоимости бизнеса.

Кроме первых двух – трех параметров, ни одна из представленных предпосылок не реализуется в России: должников, имеющих высоко ликвидную гостиничную недвижимость в центре столицы и штат сотрудников 200 человек, единицы. По данным ЕФРСБ, около 40% должников в России — общества с ограниченной ответственностью, не имеющие активов вообще¹⁵. Имущество остальных должников продается с дисконтом 60–70% к первоначальной цене¹⁶, что не позволяет выполнить и последнее условие для применения методологии.

Однако, несмотря на отмеченные ограничения, в нашей стране рейтингу «Doing business / Ведение бизнеса» придается преувеличенное значение не только в научных публикациях, но и на государственном уровне. Улучшение позиции России в рейтинге является одной из задач Минэкономразвития, которая ежегодно отслеживается в аналитических записках¹⁷: по показателю «Разрешение неплатежеспособности» с 2010 г. Россия поднялась со 103 места до 60 места (2012 г.) и далее держится на 53–55 местах (до 2019 г.). Периодическое снижение позиции в рейтинге объясняется «более высокими темпами роста позиций других стран за счет реализованных реформ»¹⁸. Официальные лица часто обращаются к рейтингу в том числе и потому, что он демонстрирует относительно высокую результативность института банкротства в России.

Возвращаясь к Таблице 3, заметим, что некоторые параметры совпадают с данными отечественной статистики: «средняя продолжительность процедуры банкротства» (2 года) и «конечный исход процесса», когда имущество продается по частям. Состав субиндексов, формирующий единый индекс эффективности нормативно-правовой базы, является своеобразной эталонной метрикой для развития института банкротства в России: обсуждаемые законопроекты и «дорожные карты» включают, например, положения, предоставляющие возможность обращения к реорганизации напрямую, что позволит увеличить субиндекс процедуры реорганизации (№ 5.4) и интегральный индекс эффективности нормативно-правовой базы (№ 5). При этом такой подход «во имя рейтинга», но без внедрения работающих механизмов представляется упрощенческим.

На наш взгляд, описанные серьезные ограничения не позволяют однозначно ориентироваться на рейтинг Всемирного банка по показателю «Разрешение неплатежеспособности» в части стремления повысить коэффициент возврата средств, который на практике никогда не приближался к рассчитанным 40%. В целом внимание к рейтингу «Ведение бизнеса» представляется справедливым в части отдельных из рассмотренных индексов, реализации реформ по стимулированию применения процедур реорганизации, но не может восприниматься всерьез

¹⁵ Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 г. // Федресурс [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc> (дата обращения: 28.09.2021).

¹⁶ Обзор: банкротству предложено исправиться // Федресурс [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/0ebb8cb8-7e0f-4ce1-848e-6c7bbbed341fc> (дата обращения: 28.09.2021).

¹⁷ Приоритетные направления. Инвестиционная деятельность. Улучшение инвестиционного климата // Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/investklimat/doing_business/?page= (дата обращения: 27.09.2021).

¹⁸ Аналитическая справка об итогах рейтинга Всемирного банка «Ведение бизнеса 2019: Готовясь к преобразованиям» и результатах реализации мер по улучшению бизнес-климата. С. 11 // Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: https://economy.gov.ru/material/file/9940b0a47c1239d3d4f669fa9c1bd8d0/wbrating_2019.pdf (дата обращения: 27.09.2021).

в части «коэффициента возврата долга». Данный индекс нельзя использовать как ориентир для реформирования современного института банкротства. Проведенный анализ также позволяет нам предостеречь исследователей от его использования в качестве релевантной статистики.

Практические проблемы представления и использования открытых данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата)

Распространенным является мнение о наличии обратной зависимости между стадией экономического цикла и числом банкротств, которое снижается в период подъема экономики и увеличивается в периоды кризисов. Эмпирическая верификация данной гипотезы не ограничивается исходными данными рассмотренных выше источников, но включает анализ массива статистических данных о состоянии экономики. Ежегодно эту информацию обобщает Федеральная служба государственной статистики (Росстат) в виде трех основных сборников: «Россия в цифрах»¹⁹, «Российский статистический ежегодник»²⁰, «Финансы России»²¹, а также разных статистических бюллетеней по отдельным направлениям.

Анализ с позиции конечного пользователя этих данных обнаружил наличие серьезных проблем в их представлении:

- трудная навигация по многостраничному сайту, которую осложняет внезапное и нигде не обозначенное изменение состава и номеров разделов сборников: так, с 2017 г. из сборника «Россия в цифрах» исключены данные о числе убыточных предприятий, оставлены только «удельный вес убыточных предприятий» и «сумма убытка». Число убыточных фирм можно обнаружить в сборнике «Финансы России», состав которого тоже меняется вместе с нумерацией разделов, что затрудняет аналитическую обработку за длительный период времени, не позволяет осуществить нормальную интеграцию данных в Единую межведомственную информационно-статистическую систему (ЕМИСС);
- дублирование показателей в разных изданиях, которые могут отличаться по одинаковым годам и измеряться в разных единицах²²: к примеру, данные о ВВП, индексе потребительских цен, задолженности организаций по заработной плате есть не только в сборниках, но и в ежемесячных информационно-аналитических материалах, сопоставление с которыми не всегда приводит к одинаковым результатам;
- «неоптимизированное» представление информации: так, данные о просроченной задолженности по заработной плате никак не сгруппированы и представляют собой «матрешку архивов»²³. Годовой файл формата .tag включает перечень из 12 обозначенных числовыми шифрами таких же архивных файлов (по числу месяцев в году), каждый из которых требует отдельной разархивации и для одного месяца включает еще 37 файлов;

¹⁹ Россия в цифрах. Сборники за период 2003-2020 гг. // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993> (дата обращения: 29.09.2021).

²⁰ Российский статистический ежегодник. Сборники за период 2003-2020 гг. // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 29.09.2021).

²¹ Финансы России. Сборники за период 2002-2020 гг. (издается раз в два года) // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13237> (дата обращения: 29.09.2021).

²² Например, в сборнике «Россия в цифрах» ВВП измеряется в млрд руб., в «Российском статистическом ежегоднике» — в млн руб., что усложняет сопоставление данных.

²³ Просроченная задолженность по заработной плате // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13267> (дата обращения: 29.09.2021).

- разный формат представления данных: под одним годом и показателям таблицы с цифрами опубликованы прямо на сайте (в формате .web), по другим — загружаются отдельным текстовым файлом (формата .doc). Размерность таких таблиц разная, что требует ручного ввода данных. Возможности более подходящей для работы с цифрами программы Excel (.xls) недоиспользуются;
- несовпадение периодов: к примеру, данные о количестве зарегистрированных предприятий Росстат представляет на 1 января каждого года, все остальные показатели — за год или на конец года²⁴;
- несопоставимость или некорректность данных. Для примера выборочно возьмем 2014 г. (когда вся доступная информация об убыточности предприятий аккумулировалась в одном сборнике «Россия в цифрах»): число убыточных организаций составляет 34096²⁵, их удельный вес в общем объеме организаций 33%, при этом число предприятий и организаций на 1 января того же 2014 г. — 4886 тыс. ед. (на 01.01.2015 — 5043,6 тыс. ед.). Данные об общем числе зарегистрированных в ЕГРЮЛ организаций почти совпадают с данными ФНС (4 659 623 ед.), что, однако, никак не позволяет получить заявленные 33% убыточных, которые при пересчете составляют менее 7%²⁶;
- несовпадение данных Росстата и профильных ведомств, которые собирают первичную информацию. Выше рассмотрен пример расхождения общего числа зарегистрированных предприятий по данным Росстата и ФНС, которое за все годы отличается приблизительно на 10%. Другой пример: сведения Росстата о «кредитах, предоставленных предприятиям, организациям, банкам и физическим лицам», отдельно — о «кредитах, предоставленных предприятиям и организациям», и данные Банка России об «объеме кредитов, предоставленных юридическим лицам-резидентам и индивидуальным предпринимателям»²⁷, кардинально отличаются в 4–6 раз во все годы, попытка найти полностью сопоставимые данные не увенчалась успехом;
- создание при участии Минцифры России в 2011 г. упомянутой системы ЕМИСС можно оценить положительно: она должна позволить пользователям выбирать переменные из огромного массива, указывать нужные периоды, группировать их в удобном табличном виде. Подобная система есть, например, в Германии, она удобна и интуитивно понятна. Огромные массивы информации по множеству стран собирает ОЭСР: данные хорошо сгруппированы и организованы, согласуются со статистикой Всемирного банка, допускается кастомизация настроек. Однако на сегодняшний день реализация идеи в России не доведена до конца: ЕМИСС сложна и неудобна для использования. В частности, применяются исходные шифры Росстата (из 9 цифр для одного показателя), которые с 2017 г. поменялись вместе с разделом расположения, что создает препятствия для поиска по ключевым словам. Таким образом, интеграция данных статистических систем носит исключительно технический характер и не решает проблемы несоответствия данных разных ведомств, несмотря на заявленную характеристику ЕМИСС как «государственного информационного

²⁴ Данные за последний год перед заявленным в названии сборника, по всей вероятности, даются за полгода.

²⁵ Единицы измерения не установлены, что позволяет предположить число организаций, то есть единиц.

²⁶ Автором подано 3 запроса через форму обратной связи на сайтах Росстата и ЕМИСС, а также по личной электронной почте ответственного за подготовку раздела специалиста, но ответ не был получен.

²⁷ Сведения о размещенных и привлеченных средствах (ретроспективная информация до 01.02.2019) // ЦБ РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://old.cbr.ru/statistics/pdco/sors/retro/> (дата обращения: 29.09.2021).

ресурса, объединяющего официальные государственные информационные статистические ресурсы, формируемые субъектами официального статистического учета в рамках реализации федерального плана статистических работ»²⁸.

Представляется, что эти указанные недостатки объясняются отсутствием аудита публикуемых данных, а также адекватной стратегии развития деятельности Росстата. Следует отметить, что другие официальные ведомства, собирающие специализированную статистику, имеют подобные документы и регулярно совершенствуют их. Например, Центральный Банк принял Программу развития статистической деятельности Банка России в области макроэкономической статистики на 2021–2025 гг.²⁹, которая является продолжением его Стратегии статистической деятельности на 2016–2020 гг.³⁰.

Развитие статистической деятельности Росстата на основе цифровизации

С учетом выявленных проблем, по нашему мнению, следует сформировать аналогичную стратегию для Росстата, включающую следующие направления:

- построение бизнес-процессов работы с данными;
- использование новых технологий сбора данных;
- снижение нагрузки на организации, предоставляющие первичные данные за счет оптимизации отчетных форм;
- использование машиночитаемых форматов представления данных для попадания в международные статистические базы и обеспечения сопоставимости с зарубежной статистикой;
- создание условий для облегчения проведения анализа данных пользователями путем организации интерактивного доступа к статистической информации;
- создание платформы для определения потребностей пользователей в актуальных статистических данных.

В качестве первого шага можно предложить исправление ошибок и вышеперечисленных несоответствий, а также представление числовой информации в табличном формате .xls, что позволит в дальнейшем осуществлять интеграцию синтерактивной системой ЕМИСС. В качестве прообраза для доработки ЕМИСС может быть выбрана «оболочка» упомянутой системы OECD.Stat, которая в том числе включает данные по России (по отдельным показателям и годам). Так, пользователь имеет возможность выбрать из логично сгруппированных данных макроэкономической статистики (без сложных шифров), представленных в виде многоуровневого визуально выстроенного каскада, определить период запрашиваемых данных начиная с 1990-х годов, быстро увидеть методологию расчета (и ее изменение) при наведении курсора на символ «i», выбрать формат выгрузки кастомизированной или оригинальной таблицы в любом из пяти форматов (.xls, .csv, .html и др.), обеспечивающих совместимость с компьютерными программами,

²⁸ Постановление Правительства РФ №367 от 26 мая 2010 г. «О Единой межведомственной информационно-статистической системе» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100843/ (дата обращения: 30.09.2021).

²⁹ Программа развития статистической деятельности Банка России в области макроэкономической статистики на 2021–2025 гг. // ЦБ РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/117582/program_2021-2025.pdf (дата обращения: 30.09.2021).

³⁰ Стратегия статистической деятельности на 2016–2020 гг. (основные положения) // ЦБ РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru/Content/Document/File/107624/strategy.pdf> (дата обращения: 30.09.2021).

а не ручной ввод. Представляется, что у Росстата есть все необходимые первичные данные для совершенствования ЕМИСС, что, однако, требует сведения и преобразования в удобный пользовательский интерфейс.

Общепринятой практикой является включение данных о банкротстве в национальные и международные статистические базы. Так, OECD.Stat с 2011 г. публикует так называемый индекс банкротства, рассчитанный ежеквартально к уровню 2007 г. (равному 100) для нескольких стран³¹. Всемирный банк обобщает собранные данные по индикатору «Разрешение неплатежеспособности» не только на сайте рейтинга, но и на ресурсе, общем для всей собираемой Всемирным банком статистики по странам³².

С учетом федерального статуса Росстата обобщение информации о банкротствах компаний в новый информационный блок представляется необходимым. Это особенно важно при сохраняющихся различиях между внутривнутригосударственными данными о банкротствах, публикуемыми ЕФРСБ и Судебным департаментом при Верховном суде РФ, ЦМАКП, статистикой МВД по преступлениям, связанным с банкротствами. Первые шаги уже реализуются: данные Таблицы 1 показывают, что Судебный департамент при Верховном суде передает Росстату собранную статистику.

Росстат как федеральная служба обладает полномочиями по определению релевантной методологии формирования статистических данных для аналитической обработки, может сделать ее универсальной и сконцентрировать единую статистику о банкротствах на своей платформе. Представляется, что в таком разделе целесообразно обобщить данные, представляемые разными ведомствами:

- количество поданных и принятых заявлений о банкротстве компаний;
- число введенных и завершенных процедур с указанием их типа;
- суммы включенных и удовлетворенных требований кредиторов;
- типы компаний-должников (включая расшифровку типов «иных организаций» по размеру бизнеса);
- отраслевая принадлежность компаний-должников;
- региональный и отраслевой разрез банкротств юридических лиц;
- прочая доступная информация, собранная из единых оптимизированных отчетных форм, что может обеспечить их сопоставимость.

В соответствующем разделе также можно разместить ретроспективные таблицы статистических индикаторов, которые — по данным проведенного нами исследования за период с 2000 по 2020 гг. — влияют на активизацию банкротств компаний в российской экономике. Они сгруппированы по четырем наиболее значимым категориям (Таблица 4).

³¹ Timely Indicators of Entrepreneurship (ISIC4): Bankruptcies of enterprises // OECD.Stat [Электронный ресурс]. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=74180> (дата обращения: 30.09.2021).

³² Time to resolve insolvency (years) // The World Bank Data [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IC.ISV.DURS> (дата обращения: 30.09.2021).

Таблица 4. Основные экономические индикаторы, влияющие на динамику банкротств компаний³³

1. Макроэкономические параметры и динамика рынков	2. Условия кредитования
1.1. Темп роста ВВП, % к предыдущему году, в сопоставимых ценах. 1.2. Официальный курс доллара США к рублю (на конец года), руб./долл. 1.3. Индекс потребительских цен (декабрь к декабрю предыдущего года), %. 1.4. Реальные располагаемые доходы населения, % к предыдущему году.	1.1. Ставка рефинансирования до 2015 г. (на конец года), %. 1.2. Ключевая ставка с 2013 г. ³⁴ (на конец года), %. 1.3. Процентные ставки по кредитам (среднегодовые).
3. Финансовые результаты и инвестиционная активность	4. Риски неплатежеспособности
3.1. Удельный вес убыточных организаций, % от общего числа организаций. 3.2. Сальдированный финансовый результат организаций по всем видам экономической деятельности (прибыль минус убыток), млрд руб. 3.3. Сумма убытка, млрд руб. 3.4. Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) по всем отраслям экономики, %. 3.5. Рентабельность активов по всем отраслям экономики, %. 3.6. Инвестиции в основной капитал в процентах к предыдущему году (в постоянных ценах).	4.1. Удельный вес организаций, имевших просроченную задолженность поставщикам, в общем числе организаций, %. 4.2. Удельный вес организаций, имевших просроченную задолженность по кредитам и займам, в общем числе организаций, %. 4.3. Доля просроченной задолженности в суммарной задолженности, %.

С указанными конкретными индикаторами, публикуемыми Росстатом, можно сопоставлять динамику банкротств, определять наличие или отсутствие корреляции, тем самым облегчая задачу прогнозирования влияния изменения того или иного параметра на интенсивность банкротств бизнеса с учетом временного лага. В базах Росстата раздел о банкротствах может стать продолжением тематики убыточности предприятий, состояния взаиморасчетов, то есть будет способствовать более полному отражению экономических реалий страны.

Заключение

Статистика является широко известным, традиционным и вместе с тем явно недооцененным инструментом информационного и аналитического обеспечения для принятия научно обоснованных и грамотных управленческих решений, касающихся стратегии развития и будущего Российской Федерации [Золотарева, Карманов 2019, 53–54]. Этот тезис справедлив и для сферы банкротства. Необходимая сегодня в силу доказанной низкой результативности института целостная концепция совершенствования государственного регулирования несостоятельности (банкротства) должна формироваться с учетом выявленных статистических зависимостей, определения «точек контроля» реализации мероприятий «дорожных карт», проведения мониторинга данных, собранных на основе утвержденных и единых методических подходов, учитывающих современные возможности цифровизации.

³³ Составлено автором по данным Росстата и Банка России.

³⁴ В период 2013–2015 гг. ставка рефинансирования и ключевая ставка использовались параллельно (Росстат).

Список литературы:

- Баранов Э.Ф. Российская статистика: достижения и проблемы // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». 2012. Т. 2. № 3. С. 23–34.
- Белкина А.С., Циклаури В.Ю. Оценка отраслевой структуры банкротств российских организаций // Актуальные вопросы развития современного общества. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2018. С. 36–40.
- Беляева Е.С., Лунева О.П. Статистический анализ банкротств российских организаций // Актуальные вопросы налогообложения, налогового администрирования и экономической безопасности. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018. С. 163–168.
- Бобылева А.З. Инициативы совершенствования института банкротства в России: шаг вперед, два шага назад // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 7–32. DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00081.
- Воронова Н.С., Львова Н.А., Покровская Н.В. Детерминанты финансового развития в условиях евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. 2018. № 1 (65). С. 6–10.
- Гореева Н.М., Демидова Л.Н. Институциональные преобразования в России и их развитие в статистике // Калужский экономический вестник. 2016. № 1. С. 66–72.
- Золотарева О.А., Карманов М.В. Статистика как недооцененный инструмент стратегического управления // Экономические стратегии. 2019. Т. 21. № 4. С. 50–59. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-4.162.2019.50-59>.
- Карпова Н.С., Суринов А.Е., Ульянов И.С. Проблемы и возможности использования больших данных в российской статистике // Вопросы статистики. 2016. № 7. С. 3–9.
- Королев Ю.Ю. Итоги Doing Business'2020: проблемы и перспективы совершенствования экономико-правового института несостоятельности (банкротства) // Научные проблемы водного транспорта. 2020. № 62. С. 112–123. DOI: <https://doi.org/10.37890/jwt.vi62.42>.
- Львова О.А. Возможности и ограничения применения моделей диагностики банкротства для предупреждения несостоятельности // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2021а. № 4. С. 73–94.
- Львова О.А. Оценка результативности и эффективности банкротства // Финансы. 2019. № 7. С. 58–62.
- Львова О.А. Российский институт банкротства в условиях его правовой трансформации // Актуальные проблемы экономики и права. 2021б. Т. 15. № 2. С. 249–269. DOI: <http://doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.249-269>.
- Матросова С.В. Банкротство российских предприятий: динамика и отраслевая структура // Инновационная наука. 2015. № 10–2. С. 86–90.
- Мещерякова Ж.В. Государственная статистика и цифровая экономика: реалии и перспективы развития // Современные проблемы проектирования, применения и безопасности информационных систем в цифровой экономике. Ростов-на-Дону: ООО «АзовПринт», 2018. С. 17–22.
- Могилат А.Н. Банкротство компаний реального сектора в России: основные тенденции и финансовый «портрет» типичного банкрота // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2015. № 13. С. 156–186.
- Никифоров О.Н. Размышления профессионального статистика // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 6. С. 31–38. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-6-31-38>.

Пахаруков А.А. Должник как субъект отношений, возникающих при несостоятельности (банкротстве): социально-экономическая и правовая характеристика // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 4. С. 327–338.

Полещук Т.А., Маркова Д.А. Банкротство юридических лиц в России // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 8. С. 63–67.

Суринов А.Е. Об итогах работы органов государственной статистики в 2013 году и основных задачах Росстата на 2014–2016 годы // Вопросы статистики. 2014. № 3. С. 3–15.

Суринов А.Е. Цифровая экономика: вызовы для российской статистики // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 3. С. 3–14.

Томашницкая И.В. Некоторые подходы к определению сфер предпринимательской деятельности с избыточным и недостаточным государственным регулированием // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 84–106. DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00085.

Юсупова Н.И., Волик Е.О. Мониторинг банкротств с использованием методов интеллектуального анализа данных // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. 2008. Т. 10. № 2. С. 71–79.

Bobyleva A., Lvova O. The Bankruptcy Law and Its Enforcement in Russia // From Policy Design to Policy Practice. E-Proceedings of the 27th NISPAcee Annual Conference May 24–26, 2019. Prague: NISPAcee PRESS, 2019. URL: https://www.nispa.org/files/conferences/2019/e-proceedings/system_files/papers/the-bankruptcy-bobyleva.pdf.

Djankov S., Hart O., McLiesh C., Shleifer A. Debt Enforcement around the World // Journal of Political Economy. 2008. Vol. 116. Is. 6. P. 1105–1149.

Lvova O., Bobyleva A. Insolvent Business Rescue in Modern Russia: Lessons for New Legislative Approaches // 34th International Scientific Conference on Economic and Social Development — XVIII International Social Congress (ISC-2018). Moscow, 18–19 October. Varazdin: Varazdin Development and Entrepreneurship Agency, 2018. P. 34–41.

References:

Baranov E.F. (2012) Rossiyskaya statistika: dostizheniya i problemy [Russian statistics: Achievements and problems]. *Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal «EKO»*. Vol. 2. No. 3. P. 23–34.

Belkina A.S., Tsiklauri V.Yu. (2018) Evaluation of the Sectoral Structure of Bankruptcies of Russian Organizations. *Aktual'nyye voprosy razvitiya sovremennogo obshchestva*. Kursk: Zakrytoye aktsionernoye obshchestvo "Universitetskaya kniga". P. 36–40.

Belyaeva E.S., Luneva O.P. (2018) Statistical Analysis of Failures of Russian Organizations. *Aktual'nyye voprosy nalogoblozheniya, nalogovogo administrirovaniya i ekonomicheskoy bezopasnosti*. Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet. P. 163–168.

Bobyleva A., Lvova O. (2019) The Bankruptcy Law and Its Enforcement in Russia. From Policy Design to Policy Practice. *E-Proceedings of the 27th NISPAcee Annual Conference, May 24–26*. Prague: NISPAcee PRESS. Available: https://www.nispa.org/files/conferences/2019/e-proceedings/system_files/papers/the-bankruptcy-bobyleva.pdf.

Bobyleva A.Z. (2018) Initiatives to Improve the Institution of Bankruptcy in Russia: Step Forward, Two Steps Back. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 70. P. 7–32. DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00081.

Djankov S., Hart O., McLiesh C., Shleifer A. (2008) Debt Enforcement around the World. *Journal of Political Economy*. Vol. 116. Is. 6. P. 1105–1149.

- Goreeva N.M., Demidova L.N. (2016) Institutional Changes in Russia and Their Development in Statistics. *Kaluzhskiy ekonomicheskii vestnik*. No. 1. P. 66–72.
- Karpova N.S., Surinov A.E., Ulyanov I.S. (2016) Problems and Possibilities for Using Big Data in the Russian Statistics. *Voprosy statistiki*. No. 7. P. 3–9.
- Korolev Y.Y. (2020) Doing Business'2020 Results: Problems and Perspectives of Improvement of the Economic and Legal Institute of Insolvency (Bankruptcy). *Nauchnyye problemy vodnogo transporta*. No. 62. P. 112–123. DOI: <https://doi.org/10.37890/jwt.vi62.42>.
- Lvova O., Bobyleva A. (2018) Insolvent Business Rescue in Modern Russia: Lessons for New Legislative Approaches. *34th International Scientific Conference on Economic and Social Development — XVIII International Social Congress (ISC-2018)*. Moscow, 18–19 October. Varazdin: Varazdin Development and Entrepreneurship Agency. P. 34–41.
- Lvova O.A. (2019) Otsenka rezul'tativnosti i effektivnosti bankrotstva [Evaluation of the effectiveness and efficiency of bankruptcy]. *Finansy*. No. 7. P. 58–62.
- Lvova O.A. (2021a) Possibilities and Limitations of Bankruptcy Prediction Models Applied in Preventing Insolvency. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. No. 4. P. 73–94.
- Lvova O.A. (2021b) Russian Institution of Bankruptcy under Its Legal Transformation. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava*. Vol. 15. No. 2. P. 249–269. DOI: <http://doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.249-269>.
- Matrosova S.V. (2015) Bankrotstvo rossiyskikh predpriyatiy: dinamika i otraslevaya struktura [Bankruptcy of Russian enterprises: Dynamics and industry structure]. *Innovatsionnaya nauka*. No. 10–2. P. 86–90.
- Meshcheryakova Zh.V. (2018) Gosudarstvennaya statistika i tsifrovaya ekonomika: realii i perspektivy razvitiya [State statistics and digital economy: realities and development prospects]. *Sovremennyye problemy proyektirovaniya, primeneniya i bezopasnosti informatsionnykh sistem v tsifrovoy ekonomike*. Rostov-on-Don: OOO "AzovPrint". P. 17–22.
- Mogilat A.N. (2015) Bankrotstvo kompaniy real'nogo sektora v Rossii: osnovnyye tendentsii i finansovyy "portret" tipichnogo bankrota [Bankruptcy of real sector companies in Russia: Main trends and financial "portrait" of a typical bankrupt]. *Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN*. No. 13. P. 156–186.
- Nikiforov O.N. (2019) Reflections of a Professional Statistician. *Voprosy statistiki*. Vol. 26. No. 6. P. 31–38. DOI: <http://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-6-31-38>.
- Pakharukov A.A. (2019) The Debtor as a Subject of Relationship Arising in Case of Insolvency (Bankruptcy): Socio-Economic and Legal Characteristic. *Sotsial'naya kompetentnost'*. Vol. 4. No. 4. P. 327–338.
- Poleshchuk T.A., Markova D.A. (2016) Bankruptcy of Legal Entities in Russia. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. No. 8. P. 63–67.
- Surinov A.E. (2014) On the Performance of the State Statistical Offices in 2013 and the Key Goals of Rosstat for 2014–2016. *Voprosy statistiki*. No. 3. P. 3–15.
- Surinov A.E. (2018) Digital Economy: Challenges for the Russian Statistics. *Voprosy statistiki*. Vol. 25. No. 3. P. 3–14.
- Tomashitskaya I.V. (2018) Some Approaches to Defining Areas of Business Activity with Excessive and Insufficient State Regulation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 70. P. 84–106. DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00085.
- Voronova N.S., Lvova N.A., Pokrovskaya N.V. (2018) Determinanty finansovogo razvitiya v usloviyakh evraziyskoy integratsii [Determinants of financial development in the conditions of Eurasian integration]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. No. 1 (65). P. 6–10.

Yusupova N.I., Volik E.O. (2008) Monitoring bankrotstv s ispol'zovaniyem metodov intellektual'nogo analiza dannykh [Monitoring of bankruptcies using data mining methods]. *Vestnik Ufimskogo gosudarstvennogo aviatsionnogo tekhnicheskogo universiteta*. Vol. 10. No. 2. P. 71–79.

Zolotareva O.A., Karmanov M.V. (2019) Statistics as an Underevaluated Tool of Strategic Management. *Ekonomicheskiye strategii*. Vol. 21. No. 4. P. 50–59. DOI: <http://doi.org/10.33917/es-4.162.2019.50-59>.

Дата поступления/Received: 30.09.2021

Возможности маркетплейсов в развитии и повышении конкурентоспособности малых и средних предприятий

Панова Екатерина Андреевна

Кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления, Москва, РФ.

E-mail: k79@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [3963-5321](#)

ORCID ID: [0000-0002-5830-0087](#)

Аннотация

Стремительные, масштабные и радикальные изменения, привнесенные интернетом в бизнес-среду, привели к широкому распространению электронной торговли, важное место в которой занимают маркетплейсы. Несмотря на то, что онлайн-продажи являются относительно новым методом продвижения товаров, они зарекомендовали себя не только с точки зрения удобства, но и с позиции эффективности в плане экономии затрат. Маркетплейсы включают в себя широкий спектр деловых онлайн-операций, связанных с реализацией продуктов и услуг. Пользователи электронных платформ имеют возможность управлять взаимодействиями между собой, нивелируя временные и территориальные ограничения. Информация о поставщиках становится доступной широкому кругу лиц, а покупатели могут выбирать товары и услуги, просматривать их характеристики и делать заказы в любом месте, где есть доступ в интернет. Маркетплейсы могут использоваться малыми и средними предприятиями (МСП) для реализации стратегии быстрого роста бизнеса. Игнорирование электронных рынков представляет собой серьезную угрозу конкурентоспособности МСП, исключая потенциальные возможности расширения целевой аудитории, охвата новых рынков и облегчения торговли за пределами региональных границ. В исследовании рассматриваются сущность маркетплейсов, преимущества участия в торговле на электронных площадках и препятствующие ему барьеры. Понимание движущих сил и сложностей, возникающих на пути развития онлайн-торговли, является фактором, положительным образом сказывающимся на внедрении маркетплейсов в среде МСП. Работа может быть полезной для менеджеров и руководителей, а также лиц, исследующих влияние электронной торговли на развитие МСП.

Ключевые слова

Маркетплейсы, электронные торговые площадки, онлайн-продажи, малые и средние предприятия, цифровые инновации.

Opportunities of Marketplaces in Developing and Increasing the Competitiveness of Small and Medium-Sized Enterprises

Ekaterina A. Panova

PhD, Associate Professor, State University of Management, Moscow, Russian Federation.

E-mail: k79@yandex.ru

ORCID ID: [0000-0002-5830-0087](#)

Abstract

The rapid, large-scale and radical changes brought by the Internet to the business environment have led to the widespread of e-commerce, and marketplaces play an important part in it. Online sales are a relatively new method of promoting products — convenient and cost saving. Marketplaces include a wide range of online business operations related to sales and services. Information about suppliers becomes available to a wide range of people. E-platforms users can manage their communication regardless of the time and territorial remoteness. Buyers are able to choose goods and services, view their characteristics and make orders anywhere where they can get Internet access. Marketplaces can be used as a strategy of rapid business growth for small and medium-sized enterprises (SMEs). Ignoring electronic markets is a serious threat to the competitiveness of SMEs, excluding the potential opportunities to expand the target audience, reach new markets and facilitate trade across regional borders. The study examines the essence of marketplaces, their value for SMEs, the advantages of trading on e-platforms and the barriers that prevent it. Understanding the driving forces and obstacles on the way of e-commerce development stimulates introduction of marketplaces in the SMEs environment. The paper can be useful for managers, as well as researchers studying the impact of e-commerce on SMEs development.

Keywords

Marketplaces, e-platforms, online sales, small and medium-sized enterprises (SMEs), digital innovations.

Введение

Цифровые инновации неизменно приносят новые тенденции в мировую экономику. Развитие интернета произвело революцию в возможностях обмена информацией между предприятиями и потребителями, что способствовало радикальным преобразованиям в организационной практике закупок и проведении финансовых операций. С развитием электронной коммерции людям, осуществляющим покупки через интернет, больше не нужно физически присутствовать при совершении транзакций: они могут делать это из дома или офиса.

Пандемия коронавируса также ощутимо повлияла на розничную торговлю и сферу услуг, ускорив цифровую трансформацию предприятий, особенно малых и средних (МСП): для них участие в электронной торговле стало необходимостью, зачастую связанной с вопросом выживания.

Во всем мире онлайн-продажи непрерывно растут, и это может способствовать увеличению товарооборота и наращиванию прибыли МСП. Исследования подтверждают, что чем выше уровень внедрения электронной коммерции, тем больше выгод получают МСП [Govinnage, Sachitra 2019; Rahayu, Day 2016]. МСП, осуществляющие электронные продажи и обладающие более сложными веб-сайтами, достигают больших объемов реализации по сравнению с предприятиями с базовыми веб-сайтами или вовсе их не имеющими [Alderete 2019]. Однако разработка и дальнейшее продвижение веб-сайтов с привлечением специализированных компаний обходится недешево, и далеко не все МСП могут позволить себе подобные расходы. Маркетплейсы представляют собой решение этой проблемы. Электронные торговые платформы позволяют МСП вести и продвигать бизнес с минимальными затратами, без осуществления ощутимых вложений в создание веб-сайтов.

Сущность и классификация маркетплейсов

С точки зрения бизнеса электронная коммерция подразумевает применение компьютерных технологий с целью автоматизации процессов реализации. Маркетплейсы являются важным элементом онлайн-торговли, который можно охарактеризовать как платформы, позволяющие их участникам (продавцам и покупателям) осуществлять прямое взаимодействие с помощью электронных средств¹. Маркетплейсы представляют собой онлайн-витрины различных производителей и поставщиков, при этом оплата и непосредственное оказание услуг не обязательно должны осуществляться в режиме онлайн. За счет того, что маркетплейсы позволяют достаточно легко масштабировать и расширять возможности малого и среднего бизнеса, обеспечивая мгновенный доступ к рынку без необходимости осуществления инвестиций в торговые точки, они стимулируют развитие небольших предприятий.

Маркетплейсы — это не просто заказ товаров из дома или офиса с использованием онлайн-каталогов. Помимо подробных характеристик товаров и услуг, они содержат реальные отзывы покупателей, а также включают в себя все аспекты электронного взаимодействия предприятия с заинтересованными сторонами. Маркетплейсы поддерживают обмен деловой информацией и знаниями между предприятиями, формируя важный сектор экономики, стимулирующий экономический рост и инновации.

Продукция небольших предприятий со скромной репутацией может вызывать недоверие у покупателей. Маркетплейсы позволяют решить проблему надежности как в плане замены некачественного товара, так и с финансовой точки зрения: онлайн-транзакции с известными электронными площадками, например Ozon или Wildberries, представляются большинству покупателей безопасными.

Кроме того, маркетплейсы позволяют осуществить больший охват покупательской аудитории при меньших затратах ресурсов. Известные электронные площадки обладают сложившейся клиентской базой, а за счет эффективной организации логистических процессов они могут обеспечить высокий уровень обслуживания и оперативную доставку, от которых напрямую зависят перспективы повторных заказов. Электронные платформы также предлагают маркетинговые и аналитические услуги, которые помогают бизнесу расти, позволяют анализировать и понимать потребности, привычки и новые тенденции покупательской среды,

¹The Role of Digital Platforms in the Collection of VAT/GST on Online Sales. 2019 // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/tax/consumption/the-role-of-digital-platforms-in-the-collection-of-vat-gst-on-online-sales.pdf> (дата обращения: 02.09.2021).

а также предоставляют возможности приобретения специальных навыков и устранения пробелов в цифровых знаниях. Таким образом, маркетплейсы позволяют МСП быстро и с минимальными затратами охватить широкую покупательскую аудиторию, легко и эффективно продвигать продукцию и услуги, не ограничиваясь регионом своего местоположения.

В настоящий момент существует большое разнообразие маркетплейсов, и, исходя из специфики своей деятельности, МСП могут выбрать наиболее подходящий для взаимодействия с клиентами. Классификация маркетплейсов представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Классификация маркетплейсов²

Критерий подразделения	Виды маркетплейсов		
Характер взаимоотношений поставщиков и клиентов	Бизнес для потребителей (B2C): основными клиентами являются физические лица, но поставки юридическим лицам также возможны (Ozon)	Потребители для потребителей (C2C): поставщики и клиенты являются преимущественно физическими лицами (Profi.ru)	Бизнес для бизнеса (B2B): поставщики и клиенты представляют собой юридические лица (B2B-платформы «Леруа-Мерлен», «М.Видео-Эльдорадо», «Мегафон»)
Тип коммерческих предложений	Торговые платформы («Ла Мода»)	Платформы, предлагающие услуги (Booking)	Комбинированные платформы, предлагающие как товары, так и услуги («Авито»)
Тип продуктов	Горизонтальные платформы, специализирующиеся на одном типе товаров или услуг («СитиМобил»)	Вертикальные платформы, предлагающие несколько видов товаров или услуг одной категории («Ситилинк»)	Мультипродуктовые платформы («СберМегаМаркет»)
Характер охвата	Национальные платформы, обслуживающие клиентов определенной страны (Wildberries)	Международные платформы, не учитывающие национальные особенности — язык, валюту и т.п. (Amazon)	Представительства международных платформ, принимающие во внимание национальную специфику (AliExpress Россия)

Эксперты утверждают, что вслед за развитием маркетплейсов, предлагающих широкий ассортимент товаров, будут активно внедряться платформы, узко специализированные в отдельных областях. В Европе начало этой тенденции можно увидеть в секторе модной одежды и обуви и электроники [Kawa, Walesiak 2019, 526].

Что касается России, то в рейтинге (составляется Forbes) 10 крупнейших продавцов товаров и услуг в Рунете присутствуют мультипродуктовые маркетплейсы: Wildberries, Ozon и AliExpress Russia³. Их выручка в 2020 г. составила 169,8 млрд руб., 112,1 млрд руб. и 49 млрд руб. соответственно⁴. Опираясь на данные East-West Digital News⁵ — международного информационного агентства, освещающего технологические инновации в России, — следует также выделить маркетплейсы «Ситилинк», Lamoda, «Яндекс.Маркет» и «СберМегаМаркет», обороты которых в прошлом году составили 116,5 млрд руб., 40,3 млрд руб., 31,5 млрд руб. и 17,27 млрд руб.⁶

² Составлено автором.

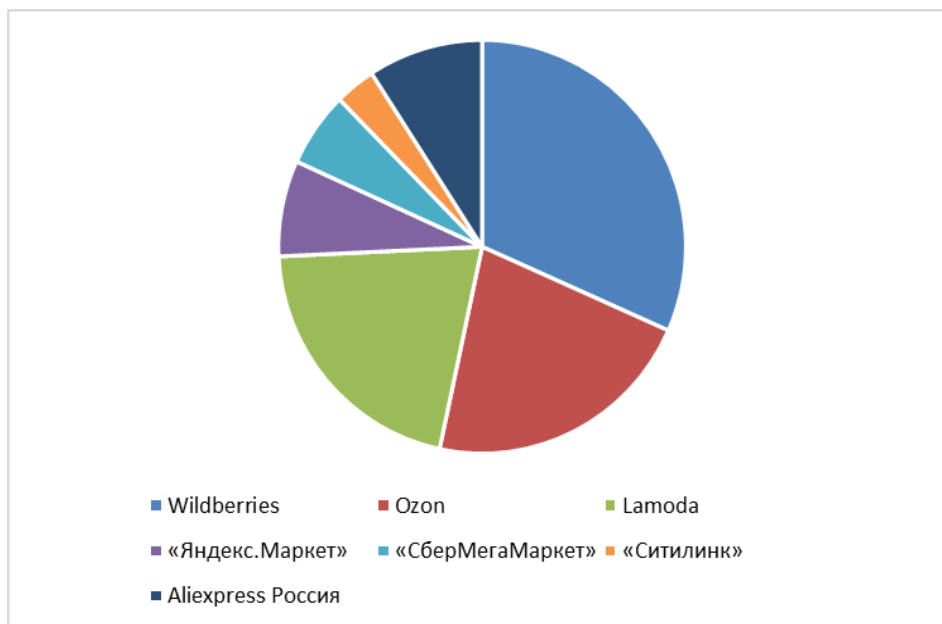
³ 10 главных продавцов Рунета. Рейтинг Forbes // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes-photogallery/393349-10-glavnyh-prodavcov-runeta-reyting-forbes> (дата обращения: 01.09.2021).

⁴ Согласно данным отчетов о финансовых результатах ООО «Вайлдберриз» и ООО «Интернет-решения» (Ozon), а также раскрытию годовых финансовых результатов AliExpress Россия: AliExpress Россия впервые раскрывает годовые финансовые результаты // AliExpress [Электронный ресурс]. URL: <https://press.aliexpress.ru/page18635284.html> (дата обращения: 05.09.2021).

⁵ E-commerce in Russia. Part 1: Market trends and players' strategies // East-West digital news [Электронный ресурс]. URL: http://ewdn.com/files/russian_ecom_part1.pdf (дата обращения: 03.09.2021).

⁶ Согласно данным отчетов о финансовых результатах ООО «СИТИЛИНК», ООО «Купишуз» (Lamoda), ООО «ЯНДЕКС.МАРКЕТ» и ООО «Маркетплейс» (СберМегаМаркет).

Данные анализа выручки крупнейших российских маркетплейсов наглядно представлены на Рисунке 1. Как можно увидеть, два из семи крупнейших маркетплейсов — Lamoda, занимающийся реализацией брендовой одежды и обуви, и «Ситилинк», торгующий бытовой техникой и электроникой, — являются специализированными.

Рисунок 1. Сравнительный анализ выручки крупнейших маркетплейсов в России в 2020 г.⁷

Преимущества электронных торговых площадок

Цифровые платформы важны с точки зрения того, что они потенциально могут стимулировать формирование новых предприятий и повысить вероятность выживания и успеха бизнеса [Holland, Gutiérrez-Leefmans 2018]. Они не только способствуют в целом росту продаж, к которому стремятся все предприятия, но и позволяют охватить узкие сегменты рынка, разбросанные географически. По результатам опроса, проведенного Data Insight — исследовательским агентством, специализирующимся на рынке электронной коммерции, — 79% российских продавцов, реализующих и продвигающих товары на онлайн-платформах, делают это для увеличения аудитории и продаж, а 42% — с целью присутствия в регионах. При этом 90% опрошенных отметили увеличение объемов продаж за счет присутствия на маркетплейсах, а у более чем половины из них увеличение было значительным⁸.

МСП, использующие онлайн-продажи, находятся в более выгодном положении по сравнению предприятиями, придерживающимися исключительно традиционных методов продвижения продукции и маркетинга. Преимуществом электронных торговых площадок является накопление информации на одном сайте. Прозрачность информации дает МСП представление о рыночной среде, позволяет им оценивать значимость ее участников и свое положение на рынке, а также определять, как они могут выгодно выделить свои продукты и услуги по сравнению с конкурирующими компаниями.

МСП, избегающие использования цифровых технологий, становятся более уязвимыми не только за счет упущенных возможностей, но из-за посягательств на их рынки со стороны большого числа фирм, осуществляющих онлайн-продажи.

⁷ Составлено автором.

⁸ Селлеры на российских маркетплейсах. 2020 // Data Insight [Электронный ресурс]. URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DataInsight_SellersOnMarketplaces2020.pdf (дата обращения: 03.09.2021).

Небольшие компании часто не видят себя частью электронного рынка и недооценивают то, как он может облегчить их взаимодействие с покупателями, обеспечивая обмен информацией, исполнение, отслеживание заказов и уменьшение затрат ресурсов, в том числе временных. Электронная коммерция не только повышает способность поддерживать географически удаленные торговые отношения, тем самым расширяя клиентскую базу, но и повышает качество администрирования продаж, одновременно снижая расходы на поиск новых клиентов, логистику, содержание складов. Автоматическая обработка заказов и платежей является более эффективной и менее дорогостоящей. Вместе с тем решается проблема разных часовых поясов, и клиенты могут размещать заказы в любое удобное для них время.

Изготовление каталогов продукции, реклама на радио, телевидении, в газетах и журналах могут быть слишком дорогими для МСП, а их охват может быть ограничен [Nuseir 2018, 8]. Присутствие на маркетплейсах сводит к минимуму обращение к традиционным методам маркетинга. Кроме того, маркетплейсы позволяют сократить расходы на телефонные звонки, встречи, командировки и т.п. за счет привлечения многочисленных клиентов через интернет. Присутствие на маркетплейсах улучшает имидж МСП, способствует саморекламе и продвижению новых продуктов, а также поощряет компанию к созданию собственных разработок [Gunawardana 2018, 64].

Часто руководство и менеджмент МСП не понимают преимуществ электронной коммерции и препятствуют ее внедрению в деловой оборот, не принимая во внимание тот факт, что цифровые технологии не изменили принципов рыночной торговли, а лишь привнесли новые способы ее осуществления [Stockdale, Standing 2004, 302]. Не являясь причиной существования рынка, онлайн-продажи имеют преимущества перед традиционными методами ведения бизнеса и помогают МСП добиваться успеха быстрее и проще. Маркетплейсы способны удовлетворить потребности МСП в информации и консультациях по вопросам продаж, в решении юридических и маркетинговых вопросов, а также эффективном использовании технологий.

Сложности, связанные с участием МСП в торговле на маркетплейсах

При принятии решения о присутствии на маркетплейсах МСП необходимо оценить не только возможности электронной торговли, но и потенциальные затраты, а также барьеры, которые необходимо преодолеть для того, чтобы извлечь выгоду из участия.

При осуществлении торговли через маркетплейсы предприятия уплачивают комиссию за исполнение заказа, величина которой чаще всего зависит от категории товара. Кроме того, предприятия могут нести расходы, связанные с расчетно-кассовым обслуживанием, эквайрингом, лицензионными сборами, дополнительной рекламой и приобретением маркетинговых данных.

Основными препятствиями присутствия МСП на маркетплейсах являются сомнения в безопасности и конфиденциальности, высокая стоимость поддержки пользователей и превышение величины эксплуатационных расходов над ожидаемым уровнем прибыли, ограниченные знания и навыки МСП в области электронной коммерции [Jahanshahi et al. 2013, 42]. Многие МСП избегают использования маркетплейсов ввиду неготовности адаптироваться к подобным быстроразвивающимся цифровым инновациям, а также в связи с нехваткой обученного персонала.

В российских условиях наблюдается отсутствие стандартов, регулирующих деятельность маркетплейсов, и специальных законов, защищающих права потребителей в сфере электронной торговли⁹. Помимо этого, из-за большой территориальной протяженности России, ощутимых расстояний между регионами и неразвитости транспортной инфраструктуры в небольших населенных пунктах наблюдается отставание по срокам доставки и безопасности грузов в отдаленных районах¹⁰. К общим проблемам относятся низкая осведомленность о возможностях электронной торговли, отсутствие доверия к электронным финансовым транзакциям и обеспечению онлайн-безопасности¹¹. От решения указанных проблем напрямую зависит скорость внедрения электронной торговли. Содействие тому, чтобы МСП владели полной информацией относительно преимуществ электронной коммерции, будет способствовать повышению уровня доверия к ней. Важным является фактор организационной готовности: МСП должны иметь стабильный доступ в интернет и достаточный уровень компьютерной грамотности.

Очевидно, что для быстрого создания технологической инфраструктуры и стимулирования использования электронной коммерции необходимы поддержка и участие государства. Обеспечение законодательного регулирования, формирование инструкций, стандартов, касающихся процедур работы с маркетплейсами, будут способствовать реализации потенциала МСП в этой области. Создание деловой среды, позволяющей использовать по максимуму цифровые возможности, поможет компаниям нарастить технологические навыки и преодолеть отсутствие опыта электронных продаж. Мышление владельцев и руководителей, ответственных за принятие решений в МСП, должно измениться в сторону инновационности и внедрения электронной коммерции. Освещение успехов участников маркетплейсов с помощью программ обратной связи поможет повысить доверие к ним [Bahaddad et al. 2014]. Это может осуществляться на базе стратегического развития социальных медиа-платформ малого и среднего бизнеса, а также сотрудничества между электронными платформами и государственными органами.

Государственная политика должна поощрять развитие и внедрение маркетплейсов, в частности, совместно с банками и технологическими компаниями, которые также заинтересованы в успехе и росте новых предприятий. Удовлетворение организационных и технических потребностей МСП будет способствовать привлечению инвестиций на онлайн-рынок, а государственное регулирование деятельности маркетплейсов поможет обеспечить безопасную среду в этой области. Регулирующие органы должны найти баланс между обеспечением целостности и стабильности рынка и предоставлением онлайн-торговле достаточного пространства для конкуренции, инноваций и быстрого расширения. В связи с этим регулирование должно включать в себя такие аспекты, как защита личных данных, обеспечение информационной безопасности в киберпространстве и борьба с незаконными финансовыми потоками [Disse, Sommer 2020].

В целом можно выделить следующие факторы, влияющие на внедрение маркетплейсов в среде МСП:

- образование, профессиональная подготовка, инновационная направленность собственников и персонала компании;

⁹ Status, opportunities and challenges of e-commerce. 2017. // International Trade Centre [Электронный ресурс]. URL: https://www.intracen.org/uploadedFiles/intracenorg/Content/Publications/BRICS%20E-commerce%20_Status%20Opportunities%20and%20Challenges_22AUG2017_final.pdf (дата обращения: 03.09.2021).

¹⁰ E-commerce Development Report of the Small and Medium Sized Enterprises of BRICS Countries. 2016. // UNIDO report. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2018-07/E-commerce%20Development%20Report%20%28SASS%29_09072018.pdf (дата обращения: 03.09.2021).

¹¹ Brics Plus E-Commerce Development Report in 2018 // UNIDO [Электронный ресурс]. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2019-10/BRICS_Plus_E-Commerce_Development_Report_in_2018.pdf (дата обращения: 03.09.2021).

- опыт предшествующего использования и уровень внедрения цифровых технологий на предприятии;
- наличие финансовых и технологических ресурсов для процесса внедрения электронной коммерции;
- сила конкурентного давления со стороны других участников рынка;
- государственная политика в области развития электронной коммерции;
- возможности получения консультаций и поддержки при внедрении электронных платформ [Savrul et al. 2014; Elsmami et al. 2017].

На Рисунке 2 представлена модель внедрения электронных торговых платформ в среду МСП.

Рисунок 2. Внедрение маркетплейсов в среду МСП¹²

Заключение

В последние годы рыночная среда претерпела глобальные изменения. Цифровизация трансформировала многие отрасли и секторы, открыв МСП большие перспективы для быстрого развития. Маркетплейсы являются инновационным способом организации продаж. Они функциональны и в то же время просты в использовании даже для МСП, обладающих ограниченными управленческими возможностями. Участие в торговле через онлайн-площадки позволяет экономить на привлечении рабочей силы, рекламе, продвижении товаров, складских

¹² Составлено автором.

и логистических расходах. Продажи через маркетплейсы осуществляются двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, и при этом не возникает необходимость оплаты сотрудникам сверхурочной и ночной работы. Рост продаж и снижение расходов ведут не только к росту прибыли, но и позволяют МСП предлагать покупателям наиболее привлекательные цены на продукцию. Это приводит к освоению новых клиентских сегментов, которые ранее были не охвачены из-за высокой стоимости продукции.

Не размещая свою продукцию на маркетплейсах, МСП ограничивают свои конкурентные возможности и могут пострадать в результате падения продаж, поскольку часть их целевой аудитории сделает выбор в пользу аналогичных товаров на маркетплейсах по причине более привлекательной цены или удобства.

МСП должны пользоваться возможностью извлечения выгод от динамичной и богатой информационной среды, предоставляющей возможность легко анализировать потребности клиентов и предложения конкурентов. Использование маркетплейсов позволяет решить проблемы ограниченности рыночных пространств, высоких маркетинговых расходов и использования посредников для привлечения потенциальных клиентов.

Присутствие на маркетплейсах ведет к стратегическим улучшениям, выражающимся не только в снижении затрат времени и ресурсов, но и ускорении коммуникаций между МСП и потребителями, нивелировании региональных ограничений и доступе к новым рынкам.

Внедрению маркетплейсов в деятельность МСП препятствует ряд сложностей, ключевую роль в решении которых должно играть государство путем создания максимально комфортной и безопасной цифровой среды. В то же время очень важно, чтобы сами МСП — их руководство и сотрудники — обладали знаниями и умениями, необходимыми для эффективного взаимодействия с сектором электронной коммерции.

Список литературы:

- Alderete M.V. Electronic Commerce Contribution to the SME Performance in Manufacturing Firms: A Structural Equation Model // *Contaduría y Administración*. 2019. Vol. 64. № 4. DOI: <https://doi.org/10.22201/fca.24488410e.2019.1922>.
- Baghdad A.A., AlGhamdi R., Alkhalaf S. Adoption Factors for e-Malls in the SME Sector in Saudi Arabia // (IJCSIT) *International Journal of Computer Science and Information Technologies*. 2014. Vol. 5. Is. 4. P. 5835–5856.
- Disse S., Sommer C. Digitalisation and its Impact on SME Finance in Sub-Saharan Africa: Reviewing the Hype and Actual Developments // *German Development Institute Discussion Paper*. 2020. № 4. DOI: <https://doi.org/10.23661/dp4.2020>.
- Elsmani R.M.O., Rahim A.A., Mohammed A.M. A Review of the E-commerce Barriers Faced by the SMEs in Africa // *International Journal of Innovation and Business Strategy (IJIBS)*. 2017. Vol. 7. № 1. P. 54–65.
- Govinnage D.Y., Sachitra K.M.V. Factors Affecting E-commerce Adoption of Small and Medium Enterprises in Sri Lanka: Evidence from Retail Sector // *Asian Journal of Advanced Research and Reports*. 2019. Vol. 6. Is. 2. DOI: <https://doi.org/10.9734/ajarr/2019/v6i230147>.
- Gunawardana K.D. E-Commerce in Small and Medium Enterprises in Sri Lanka // *International Journal of Sociotechnology and Knowledge Development*. 2018. Vol. 10. Is. 2. DOI: <https://doi.org/10.4018/IJSKD.2018040104>.
- Holland C.P., Gutiérrez-Leefmans M. A Taxonomy of SME E-Commerce Platforms Derived from a Market-Level Analysis // *International Journal of Electronic Commerce*. 2018. Vol. 22. Is. 2. P. 161–201. DOI: <https://doi.org/10.1080/10864415.2017.1364114>.

Jahanshahi A.A., Zhang S.X., Brem A. E-Commerce for SMEs: Empirical Insights from Three Countries // *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 2013. Vol. 4. Is. 4. P. 849–865. DOI: [10.1108/JSBED-03-2012-0039](https://doi.org/10.1108/JSBED-03-2012-0039).

Kawa A., Wałęsiak M. Marketplace as a Key Actor in E-commerce Value Networks // *LogForum*. 2019. Vol. 15. Is. 4. P. 521–529. DOI: <https://doi.org/10.17270/J.LOG.2019.351>.

Nuseir M.T. Digital Media Impact on SMEs Performance in the UAE // *Academy of Entrepreneurship Journal*. 2018. Vol. 24. Is. 2. URL: <https://www.abacademies.org/articles/Digital-Media-Impact-on-SMEs-Performance-in-the-UAE-1528-2686-24-2-134.pdf>.

Rahayu R., Day J. E-commerce Adoption by SMEs in Developing Countries: Evidence from Indonesia // *Eurasian Economic Review*. 2016. № 7. P. 25–41. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40821-016-0044-6>.

Savrul M., Incekara M.S.A., Sener S. The Potential of E-commerce for SMEs in a Globalizing Business Environment // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 10th International Strategic Management Conference. 2014. P. 35–45. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.09.005>.

Stockdale R., Standing C. Benefits and Barriers of Electronic Marketplace Participation: An SME Perspective // *Journal of Enterprise Information Management*. 2004. Vol. 17. № 4. P. 301–311. DOI: <https://doi.org/10.1108/17410390410548715>.

References:

Alderete M.V. (2019) Electronic Commerce Contribution to the SME Performance in Manufacturing Firms: A Structural Equation Model. *Contaduría y Administración*. Vol. 64. No. 4. DOI: <https://doi.org/10.22201/fca.24488410e.2019.1922>.

Baghdad A.A., AlGhamdi R., Alkhalaf S. (2014) Adoption Factors for e-Malls in the SME Sector in Saudi Arabia. *(IJCSIT) International Journal of Computer Science and Information Technologies*. Vol. 5. Is. 4. P. 5835–5856.

Disse S., Sommer C. (2020) Digitalisation and its Impact on SME Finance in Sub-Saharan Africa: Reviewing the Hype and Actual Developments. *German Development Institute Discussion Paper*. No. 4. DOI: <https://doi.org/10.23661/dp4.2020>.

Elsmani R.M.O., Rahim A.A., Mohammed A.M. (2017) A Review of the E-commerce Barriers Faced by the SMEs in Africa. *International Journal of Innovation and Business Strategy (IJIBS)*. Vol. 7. No. 1. P. 54–65.

Govinnage D.Y., Sachitra K.M.V. (2019) Factors Affecting E-commerce Adoption of Small and Medium Enterprises in Sri Lanka: Evidence from Retail Sector. *Asian Journal of Advanced Research and Reports*. Vol. 6. Is. 2. DOI: [10.9734/ajarr/2019/v6i230147](https://doi.org/10.9734/ajarr/2019/v6i230147).

Gunawardana K.D. (2018) E-Commerce in Small and Medium Enterprises in Sri Lanka. *International Journal of Sociotechnology and Knowledge Development*. Vol. 10. Is. 2. DOI: <https://doi.org/10.4018/IJSKD.2018040104>.

Holland C.P., Gutiérrez-Leefmans M. (2018) A Taxonomy of SME E-Commerce Platforms Derived from a Market-Level Analysis. *International Journal of Electronic Commerce*. Vol. 22. Is. 2. P. 161–201. DOI: <https://doi.org/10.1080/10864415.2017.1364114>.

Jahanshahi A.A., Zhang S.X., Brem A. (2013) E-Commerce for SMEs: Empirical Insights from Three Countries. *Journal of Small Business and Enterprise Development*. Vol. 4. Is. 4. P. 849–865. DOI: <https://doi.org/10.1108/JSBED-03-2012-0039>.

Kawa A., Wałęsiak M. (2019). Marketplace as a Key Actor in E-commerce Value Networks. *LogForum*. Vol. 15. Is. 4. P. 521–529. DOI: <https://doi.org/10.17270/J.LOG.2019.351>.

Nuseir M.T. (2018) Digital Media Impact on SMEs Performance in the UAE. *Academy of Entrepreneurship Journal*. Vol. 24. Is. 2. URL: <https://www.abacademies.org/articles/Digital-Media-Impact-on-SMEs-Performance-in-the-UAE-1528-2686-24-2-134.pdf>

Rahayu R., Day J. (2016) E-commerce Adoption by SMEs in Developing Countries: Evidence from Indonesia. *Eurasian Business Review*. No. 7. P. 25–41. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40821-016-0044-6>.

Savrul M., Incekarab M.S.A., Sener S. (2014) The Potential of E-commerce for SMEs in a Globalizing Business Environment. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 10th International Strategic Management Conference. P. 35–45. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.09.005>.

Stockdale R., Standing C. (2004) Benefits and Barriers of Electronic Marketplace Participation: an SME Perspective. *Journal of Enterprise Information Management*. Vol. 17. Is. 4. P. 301–311. DOI: <https://doi.org/10.1108/17410390410548715>.

Дата поступления/Received: 05.09.2021

Индикаторы экономической целесообразности формирования наднациональных организационно-правовых форм в Евразийском экономическом союзе

Соколов Алексей Олегович

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: a.o.sokolov94@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [1655-9919](https://elibrary.ru/1655-9919)

Аннотация

Статья посвящена анализу института наднациональных организационно-правовых форм хозяйствования, возможностей его создания в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), выбору индикаторов, позволяющих объективно оценить целесообразность разработки и внедрения тех или иных наднациональных организационно-правовых форм (НОПФ). В ходе анализа подробно проанализированы причины, по которым в последней трети XX столетия на фоне углубления процессов региональной интеграции появился институт наднациональных юридических лиц, даны его основные характеристики: учреждение решением уполномоченного наднационального органа; регистрация в одной из союзных стран; возможность осуществления деятельности на всей территории интеграционного объединения; участники (учредители) должны представлять не менее чем две страны интеграционного объединения; цели деятельности организации не должны противоречить заявленным целям интеграции. Представлено краткое описание действующих и находящихся в стадии разработки моделей НОПФ, таких как группа экономических интересов, группа территориального сотрудничества, акционерное общество, кооператив, малое предприятие, фонд. Дана оценка перспектив внедрения института НОПФ в ЕАЭС, определены наиболее перспективные и востребованные в рамках евразийской интеграции модели. В результате обобщены подходы к оценке экономической целесообразности различных видов наднациональных организационно-правовых форм путем изучения динамики регистрации хозяйствующих субъектов, их рыночной выживаемости, изменения рыночной стоимости наднациональных компаний, готовности экономических агентов к кооперационному сотрудничеству в рамках НОПФ и др. Кроме того, обоснован комплекс индикаторов, которые позволят дать объективную оценку целесообразности внедрения НОПФ в ЕАЭС: релевантность учреждаемых правовых форм стратегическим целям интеграционного объединения; уровень готовности организаций и предприятий к сотрудничеству в рамках НОПФ; экономия административных и правовых издержек, связанных с организацией и ведением хозяйственной деятельности одним экономическим субъектом в нескольких государствах интеграционного объединения; динамика взаимных прямых инвестиций.

Ключевые слова

ЕАЭС, евразийская компания, наднациональная организационно-правовая форма хозяйствования, группа экономических интересов, группа территориального сотрудничества, взаимные инвестиции.

Indicators of Economic Feasibility of Creating Supranational Organizational and Legal Forms within the Eurasian Economic Union

Alexey O. Sokolov

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: a.o.sokolov94@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the analysis of the institute of supranational business entity forms, the possibilities of its creation in Eurasian Economic Union (EAEU), the choice of indicators to ensure an objective assessment of the feasibility of developing and implementing certain supranational organizational and legal forms. The reasons why the institute of supranational legal entities appeared in the last third of the twentieth century against the background of deepening regional integration processes are analyzed in detail, its main characteristics are given: establishment by a decision of an authorized supranational body; registration in one of the union countries; the possibility of carrying out activities throughout the territory of the integration association; participants (founders) must represent at least two countries of the integration association; the goals of the organization's activities should not contradict the stated goals of integration. A brief description of the existing and currently under development models of supranational organizational and legal forms, such as a group of economic interests, a group of territorial cooperation, a joint-stock company, a cooperative, a small enterprise, a foundation, is presented. The prospects for the establishment of the institution of supranational organizational and legal form in the EAEU are assessed, the most promising and in-demand models within the framework of Eurasian integration are identified. As a result, the approaches to assessing the economic feasibility of various types of supranational organizational and legal forms are generalized by studying the dynamics of registration of economic entities, their market survival, changes in the market value of supranational companies, the readiness of economic agents for economic cooperation within the framework of supranational organizational and legal forms, etc. Furthermore, a set of indicators is substantiated that will allow an objective assessment of feasibility of introducing a supranational organizational and legal form in the EAEU: the relevance of the legal forms being established to the strategic goals of the integration association; the level of readiness of organizations and enterprises to cooperate within the framework of a supranational organizational and legal form; savings in administrative and legal costs associated with the organization and conduct of economic activity by one economic entity in several states of the integration association; the dynamics of mutual direct investments.

Keywords

EAEU, Eurasian company, supranational organizational and legal form of management, group of economic interests, group of territorial cooperation, mutual investments.

Введение

Повышение эффективности интеграционного процесса — главная задача, стоящая сегодня перед государствами, входящими в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В Стратегических направлениях развития евразийской интеграции до 2025 г. отмечается, что ее решение будет осуществляться, в том числе путем реализации совместных кооперационных проектов¹. Как показывает международная практика, одним из наиболее перспективных механизмов кооперации может выступать институт наднациональных организационно-правовых форм (НОПФ). В соответствии с поручением Евразийского межправительственного совета (ЕМПС) еще в 2019 г. была начата проработка вопроса формирования системы евразийского корпоративного права и создания наднациональных «Евразийских компаний» (ЕК)². На проектно-аналитической сессии по вопросам создания евразийских компаний, проведенной в январе 2020 г. Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) совместно с Деловым советом ЕАЭС и НП «Евразийский центр интеграционных исследований и коммуникаций», была подтверждена достаточно высокая заинтересованность бизнес-сообщества государств ЕАЭС в создании подобных структур.

Наиболее успешным примером наднациональных юридических лиц считаются действующие в ЕС с 2007 г. Европейские публичные общества (Societas Europaea — SE). Именно этот опыт планируется использовать при разработке модели евразийских компаний. При этом в евразийском научном сообществе практически не изучены иные действующие и разрабатываемые модели НОПФ, такие как группы экономических интересов, группы территориального сотрудничества, кооперативы, малые предприятия.

Остается открытым и вопрос оценки экономической целесообразности создания НОПФ. Исследований, посвященных данной проблеме, крайне мало. В отдельных работах зарубежных авторов анализируется эффективность формирования наднациональных хозяйствующих субъектов на примере Societas Europaea. При этом используются самые разные методы: оценка на основании результатов экспертных опросов руководителей SE [Kirshner 2010], исследование динамики и рыночной выживаемости хозяйствующих субъектов [Cathiard, Lecourt 2017], анализ результатов деятельности SE³, изучение реакции рынка на информацию о получении компанией статуса SE [Hornuf et al. 2019].

Цель данного исследования состоит в комплексном анализе апробированных в мировой практике наднациональных организационно-правовых форм хозяйствования и обосновании системы индикаторов, позволяющих оценить экономическую целесообразность внедрения таких институтов в ЕАЭС. Представляется, что полученные результаты будут способствовать более объективной оценке перспектив внедрения тех или иных НОПФ, их влияния на интеграционный процесс, а следовательно, повышению качества принимаемых управленческих решений.

Наднациональная организационно-правовая форма хозяйствования

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о том, какие наднациональные организационно-правовые формы хозяйствования наиболее приемлемы для Евразийского экономического союза и каким образом оценивать целесообразность их внедрения и возможную экономическую эффективность, необходимо дать определение наднациональной организационно-правовой формы.

¹ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. Утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. №12 // ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 20.09.2021).

² Поручение Евразийского межправительственного совета от 01.02.2019 № 4 // Альта-Софт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.altaru.ru/tamdoc/19mr0004/> (дата обращения: 20.09.2021).

³ La Société Européenne (SE) // ANECS. Grands sujets d'actualité. 19 Decembre 2018. URL: <http://anecs.anecc-cjec.org/Actualites/Grands-sujets-d-actualite/La-Societe-Europeenne-SE> (дата обращения 10.09.2021).

Понятие «организационно-правовая форма» (ОПФ) обозначает тип (форму) самостоятельного субъекта экономической деятельности, закрепленную законодательством того или иного государства. Чаще всего ОПФ дифференцируются в зависимости от способа формирования и управления имуществом (паевые взносы, вклады в уставный капитал, акции и др.), состава участников, целей деятельности.

В каждом из государств сложилась собственная система организационно-правовых форм, однако в большинстве случаев наиболее популярные и распространенные формы хозяйствования, такие как акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, кооперативы и др., отличаются лишь названиями и отдельными юридическими деталями.

Если речь идет об организационно-правовых формах, закрепленных корпоративным правом национального государства, то априори подразумевается, что организация регистрируется на территории данного государства и действует в его границах. При осуществлении деятельности за рубежом, а она, как правило, предполагает открытие филиала или представительства, хозяйствующий субъект должен осуществлять ее в соответствии с законодательством принимающего государства. Например, деятельность структурных подразделений (филиалов и представительств) иностранных юридических лиц в Российской Федерации регулируется Гражданским кодексом, федеральными законами «О банках и банковской деятельности», «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами органов государственной власти и Банка России.

В процессе региональной интеграции формируется особое наднациональное образование — союз государств. Наднациональность, как особый феномен, проявляющийся в интеграционном процессе, воплощается в форме наднациональных институтов. Так, по мере развития подобных союзов постепенно формируются наднациональные властные, политические, правовые, финансовые институты, субрегиональные публичные учреждения и т.д. Одним из таких институтов и выступают наднациональные организационно-правовые формы хозяйствования.

Конструкция НОПФ должна обладать рядом признаков. Прежде всего, она предполагает возможность осуществления деятельности на территории всего интеграционного объединения. Не менее важно, на основании какой системы корпоративного права и каким органом принимается нормативный акт, определяющий порядок учреждения НОПФ. Если в отдельных государствах такой порядок определен нормами национального законодательства, то применительно к НОПФ речь должна идти о корпоративном праве интеграционного объединения либо о нормативном акте, утвержденном руководящим органом такого объединения.

Практика показывает, что участниками наднациональных хозяйствующих субъектов, как правило, выступают государства-участники или их экономические агенты, представляющие две и более стороны интеграционного объединения; таким образом, состав и структуру субъектов хозяйственной деятельности также можно отнести к числу особенностей НОПФ.

Достаточно дискуссионным остается вопрос о необходимости фиксации в учредительных документах наднациональных хозяйствующих субъектов целей и предмета хозяйственной деятельности. В национальных законодательствах сложились различные подходы к данному вопросу. Так, в соответствии с законом Республики Беларусь «О хозяйственных обществах», устав хозяйственного общества в обязательном порядке должен содержать информацию о «цели деятельности, а в случаях, предусмотренных законодательством, и предмете деятельности» (ст. 13)⁴. Требование указания целей создания и предполагаемого круга деятельности содержат законы

⁴ Закон Республики Беларусь 9 декабря 1992 г. № 2020-XI «О хозяйственных обществах» (ред. от 05.01.2021 № 95-3). [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19202020> (дата обращения: 10.09.2021).

«О компаниях с ограниченной ответственностью» (§3)⁵ и «Об акционерных обществах» (§23) ФРГ⁶. Аналогичную норму содержал закон «О компаниях» Великобритании 1989 г.⁷ — цели компании должны были описываться в «Меморандуме об ассоциации» («Memorandum of association»), однако в закон «О компаниях» 2006 г.⁸ это требование уже не было включено. Законодательство Российской Федерации также не содержит требования указания целей и предмета деятельности в Уставе компании.

Применительно к наднациональным хозяйствующим субъектам вопрос о целях экономической деятельности представляется достаточно важным. Цель их деятельности, по крайней мере, не должна противоречить общим целям интеграции, а в тех случаях, когда наднациональный статус предусматривает какие-либо льготы и преференции, такая цель должна в обязательном порядке фиксироваться в учредительных документах.

Таким образом, наднациональная организационно-правовая форма хозяйствующих субъектов является принципиально новым наднациональным институтом, формируемым при достаточно высоком уровне развития интеграционного процесса. Основными (базовыми) характеристиками такой ОПФ должны являться:

- учреждение в соответствии с нормами корпоративного права интеграционного объединения или в соответствии с решением уполномоченного наднационального органа;
- регистрация в одной из союзных стран;
- возможность осуществления деятельности на всей территории интеграционного объединения;
- состав участников (учредителей), в качестве которых должны выступать исключительно (или преимущественно) резиденты не менее чем двух государств, входящих в интеграционное объединение;
- цели деятельности организации не должны противоречить общим целям интеграционного процесса.

Мировая практика разработки и внедрения наднациональных организационно-правовых форм

В процессе обсуждения возможности внедрения НОПФ в ЕАЭС основное внимание уделяется крупным компаниям, функционирующим в форме акционерных обществ. Действительно, в условиях региональной интеграции именно крупные корпорации рассматриваются как структуры, которые могут получить новые возможности для развития. В Европе о необходимости создания таких общеевропейских акционерных обществ впервые заявили уже в 1960 г., вскоре после подписания Римского договора (1957 г.)⁹. Предполагалось, что эти компании смогут составить

⁵ Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG). Vom 20. April 1892. § 3 Inhalt des Gesellschaftsvertrags // BMJV [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gmbhg/_3.html (дата обращения: 10.09.2021).

⁶ Aktiengesetz vom 30. Januar 1937. § 23 Feststellung der Satzung // BMJV [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/aktg/_23.html (дата обращения: 10.09.2021).

⁷ Companies Act 1985 // Legislation.gov.uk [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/6> (дата обращения: 10.09.2021).

⁸ Companies Act 2006 // Legislation.gov.uk [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения: 10.09.2021).

⁹ European Economic Interest Grouping: The only transnational legal instrument for cooperation between entrepreneurs in Europe. P.2 // DIPARTIMENTO DI STUDI AZIENDALI E GIURIDICIURL. Электронный ресурс]. URL: https://www.disag.unisi.it/sites/st07/files/allegatiparagrafo/14-05-2018/eeig_basic_info.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

конкуренцию американским и японским ТНК¹⁰. После длительного обсуждения в 2001 г. ЕС учредил НОПФ — европейское публичное общество. Регламент об Уставе европейской компании вступил в силу 8 октября 2004 г., а к началу 2021 г. в Европейском союзе действовали уже 3558 европейских компаний. Статус SE имеют в том числе и такие всемирно известные корпорации, как Airbus, Allianz, BASF, Fresenius, Moët Hennessy — Louis Vuitton, SAP и др.

В Андском сообществе (АС) с момента его образования (1969 г.) предусмотрена возможность создания андских многонациональных компаний (Empresa Multinacional Andina, ЕМА) — акционерных обществ, зарегистрированных в одном из государств Сообщества, в которых доля субрегиональных инвесторов составляет не менее 60%, а административное, финансовое и коммерческое управление контролируется представителями стран АС (ст. 38 Картахенского договора)¹¹. В настоящий момент в АС действует свыше 50 ЕМА, что позволяет реализовывать проекты в области базовой инфраструктуры, дорожного хозяйства, телекоммуникаций и энергетики, а также производственного развития. Оценивая экономическую целесообразность создания такой наднациональной ОПФ, как ЕМА, специалисты региона отмечают возможность привлечения иностранных инвесторов в развитие ряда отраслей при сохранении рычагов управления компаниями в этих секторах [Cherol, Del Arco 1983].

В рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) с 1971 г. стали создаваться международные хозяйственные объединения (МХО)¹², которые хотя формально и не являлись акционерными обществами, тем не менее представляли собой крупные государственные корпорации.

Не удивительно, что, рассматривая вопрос о возможности создания «евразийских компаний», руководство ЕАЭС также акцентирует внимание на возможности создания своего рода региональных ТНК¹³. Вместе с тем не следует забывать, что наднациональные ОПФ отнюдь не ограничиваются акционерными обществами. Так, в Европейском союзе, где к настоящему времени сформирована наиболее развитая структура НОПФ, наряду с европейскими публичными обществами действуют также европейские группы экономических интересов (European Economic Interest Grouping EEIG); европейские кооперативные общества (Societas Cooperativa Europaea, SCE); европейские группы территориального сотрудничества (European Grouping of Territorial Cooperation, EGTC).

Концепция «группы экономических интересов» была разработана во Франции, причем именно с целью организации трансграничного сотрудничества в рамках формирующихся европейских сообществ. В 1965 г. правительство Франции подготовило специальный меморандум, содержащий предложение разработать законодательство о европейской компании. Предполагалось, что такие компании могут формироваться в результате заключения договоров между государствами Европейского экономического союза (ЕЭС). Европейская комиссия приняла данное предложение и к 1966 г. также подготовила меморандум в поддержку данной идеи¹⁴, однако этот документ содержал только общую концепцию европейских компаний, базирующуюся

¹⁰ Internal Market and Cooperation — Statute for the European Company — Internal Market White Paper, point 137 // University of Pittsburgh [Электронный ресурс]. URL: <https://aei.pitt.edu/1114/> (дата обращения: 10.09.2021).

¹¹ Acuerdo de Cartagena (Pacto Andino) — Acuerdo de Integración Subregional // Dipublico [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dipublico.org/10598/acuerdo-de-cartagena-pacto-andino-acuerdo-de-integracion-subregional-1969/> (дата обращения: 10.09.2021).

¹² Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ. М.: Политиздат, 1971.

¹³ Михаил Мясникович: надо сделать все, чтобы евразийский бизнес сконцентрировался в ТНК ЕАЭС // Евразийский банк развития [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/press/news/mikhail-myasnikovich-nado-sdelat-vsye-chtoby-evraziyskiy-biznes-skontsentrirualsya-v-tnk-eaes/> (дата обращения: 10.09.2021); Евразийские компании имеют большие перспективы в ЕАЭС // TKS.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tks.ru/news/nearby/2020/02/05/0002> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁴ Projet d'un Statut des Societes Anonymes Europeennes // University of Pittsburgh Library System. URL: <http://aei.pitt.edu/39000/1/A3884.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

на основных положениях Римского договора 1957 г. Понимая, что процесс выработки единой позиции государств, вошедших в ЕЭС, будет достаточно сложным, французское правительство инициировало разработку новой правовой конструкции — группы экономических интересов (Un groupement d'intérêt économique, GIE).

Цель такой группы была определена как поддержка действующих компаний из разных стран; при этом объединения активов или формирования обязательного уставного капитала группа не предполагала, что существенно облегчало организацию совместной деятельности. Не дожидаясь решения на уровне европейских сообществ, Франция приняла в 1967 г. соответствующий закон и включила GIE в перечень французских юридических лиц¹⁵, а в 1985 г. после длительных обсуждений Постановлением Совета ЕЭС № 2137/85¹⁶ была создана и первая европейская наднациональная ОПФ — европейская группа экономических интересов.

Ресурсы, необходимые для осуществления деятельности группы, формируются за счет взносов. Получаемая прибыль распределяется между участниками, которые и выступают в качестве плательщика корпоративного налога. Предоставление учредителям групп достаточно большой свободы в договорных отношениях и внутренней организации сделали данную ОПФ достаточно популярной, что позволило решить широкий круг вопросов организации трансграничного сотрудничества: от реализации масштабных научных и научно-технических проектов до поддержки деятельности малых компаний и индивидуальных предпринимателей. Активными участниками таких групп стали образовательные и научные организации, крупные корпорации, предприятия малого сектора экономики.

В соответствии с Регламентом Совета (ЕЭС) № 2137/85 от 25.07.1985 г. государства ЕС получили право учреждать EEIG начиная с 1989 г. Всего за период 1989–2020 гг. в Европейском союзе было зарегистрировано 2678 EEIG, на начало 2021 г. действуют 2224 EEIG¹⁷.

Анализ функционирования европейских EEIG показывает, что на начальном этапе интеграции они способствуют сплочению государств интеграционного ядра, установлению доверия между экономическими агентами. Нацеленность на локальные экономические задачи, а также возможность с помощью данного механизма «обойти» более сложные вопросы, такие как, например, распределение капитала или налогообложение создаваемого юридического лица, позволяет максимально эффективно решать многие экономические задачи.

Чрезвычайно важным представляется и то, что формирование «группы экономических интересов» позволяет организовать трансграничное сотрудничество без угрозы для субъектности национальных бизнес-структур, риска быть поглощенными более сильными конкурентами.

Еще одна особенность рассматриваемой правовой конструкции состоит в том, что она сама способна «подстроиться» под национальные правовые системы, тогда как попытки формирования наднационального юридического лица в более традиционных формах, как правило, входят в противоречие с уже сложившимися в каждом из интегрирующихся государств правовыми институтами, изменение которых более длительный и сложный процесс. В результате растет интерес к данной организационно-правовой форме как со стороны национальных государств, так и региональных интеграционных объединений, например, МЕРКОСУР [Melem, Pedro 2016].

¹⁵ Ordonnance n°67-821 du 23 septembre 1967 Sur les groupements d'interet economique (Creation but Composition Dissolution) // Légifrance [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT00000339915> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁶ Council Regulation (EEC) №2137/85 of 25 July 1985 on the European Economic Interest Grouping (EEIG) // Eur-lex [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:31985R2137&from=FR> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁷ Europäisches EWIV. Informationszentrum // LIBERTAS European Institute [Электронный ресурс]. URL: <https://www.libertas-institut.com/wp-content/uploads/2020/11/ewiv-jaenderliste.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

Достаточно интересной наднациональной организационно-правовой формой в ЕС являются группы территориального сотрудничества¹⁸. Необходимость организации территориального сотрудничества обосновывается потребностью «гармоничного развития территории Союза, достижения большей экономической, социальной и территориальной сплоченности, снижения трудностей, с которыми сталкиваются региональные и местные органы власти государств-членов при осуществлении и управлении действиями территориального сотрудничества в рамках различных национальных законов и процедур»¹⁹.

Участниками EGTS, в соответствии с Постановлением № 1082/2006, могут являться: государства-члены; региональные власти; местные власти; государственные и иные организации и предприятия, регулируемые нормами публичного права; ассоциации, представляющие вышеперечисленные структуры.

Цель создания каждой группы территориального сотрудничества должна быть четко определена. Чаще всего в качестве таких целей выступает решение вопросов, находящихся в ведении местных сообществ (образование, культура, здравоохранение, туризм и др.). Срок деятельности может фиксироваться в учредительных документах, но возможно и образование групп на неопределенный срок.

Всего с 2008 по 2019 гг. в Европейском союзе было создано 75 EGTS²⁰. Ежегодно создается от 3 до 11 таких групп. Большая часть EGTC финансируется Европейским фондом регионального развития, Европейским социальным фондом и др. Однако привлекаются и иные ресурсы: средства национальных и региональных фондов, взносы участников группы, средства частных фондов, частные пожертвования. Наличие институционализированной структуры, отвечающей за реализацию трансграничных проектов, позволяет достаточно эффективно контролировать расходование выделяемых средств.

По данным комиссии по политике территориальной сплоченности и бюджету ЕС, опубликованным в 2020 г., внутренние приграничные регионы ЕС занимают 40% его территории, на них приходится 30% населения (150 миллионов человек), в том числе 1,3 миллиона трансграничных работников. При этом возможность роста ВВП Европейского союза только за счет развития территориального сотрудничества, в том числе путем интенсификации деятельности групп территориального сотрудничества, по оценке Комиссии, составляет 8%²¹.

В 2003 г. в Европейском союзе было принято Положение о Совете европейского кооперативного общества (ЕС) № 1435/2003, в соответствии с которым начиная с 18 августа 2006 г. на территории государств, входящих в Европейскую экономическую зону, стало возможным создание европейских кооперативных обществ (*Societas cooperativa Europaea*)²². Несмотря на то, что кооперативные предприятия — достаточно распространенная форма ведения бизнеса в Европейском союзе, наднациональная модель оказалась слабо востребована и массовым явлением общеевропейские кооперативные структуры пока не стали. Кроме того, внедрение SCE состоялось накануне финансового кризиса 2008 г., что в известной степени затормозило развитие данного

¹⁸ Regulation (EC) №1082/2006 of the European Parliament and of the Council of 5 July 2006 on a European grouping of territorial cooperation (EGTC) // Eur-lex [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32006R1082> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁹ Там же.

²⁰ EGTC monitoring report 2017 // European Committee of the Regions [Электронный ресурс]. URL: <https://cor.europa.eu/en/engage/studies/Documents/EGTC%20monitoring%20report%202017/EGTC-MR-2017.pdf> (дата обращения: 10.09.2021); EGTC monitoring report 2018–2019 // European Committee of the Regions [Электронный ресурс]. URL: <https://cor.europa.eu/en/engage/studies/Documents/EGTC-MR-2018-2019/EGTC-MR-2018-2019.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

²¹ Report Public Consultations on the Future of Cross-Border Cooperation // European Committee of the Regions [Электронный ресурс]. URL: https://portal.cor.europa.eu/egtc/about/Documents/Report_on_the_Consultations-Future_of_CBC.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

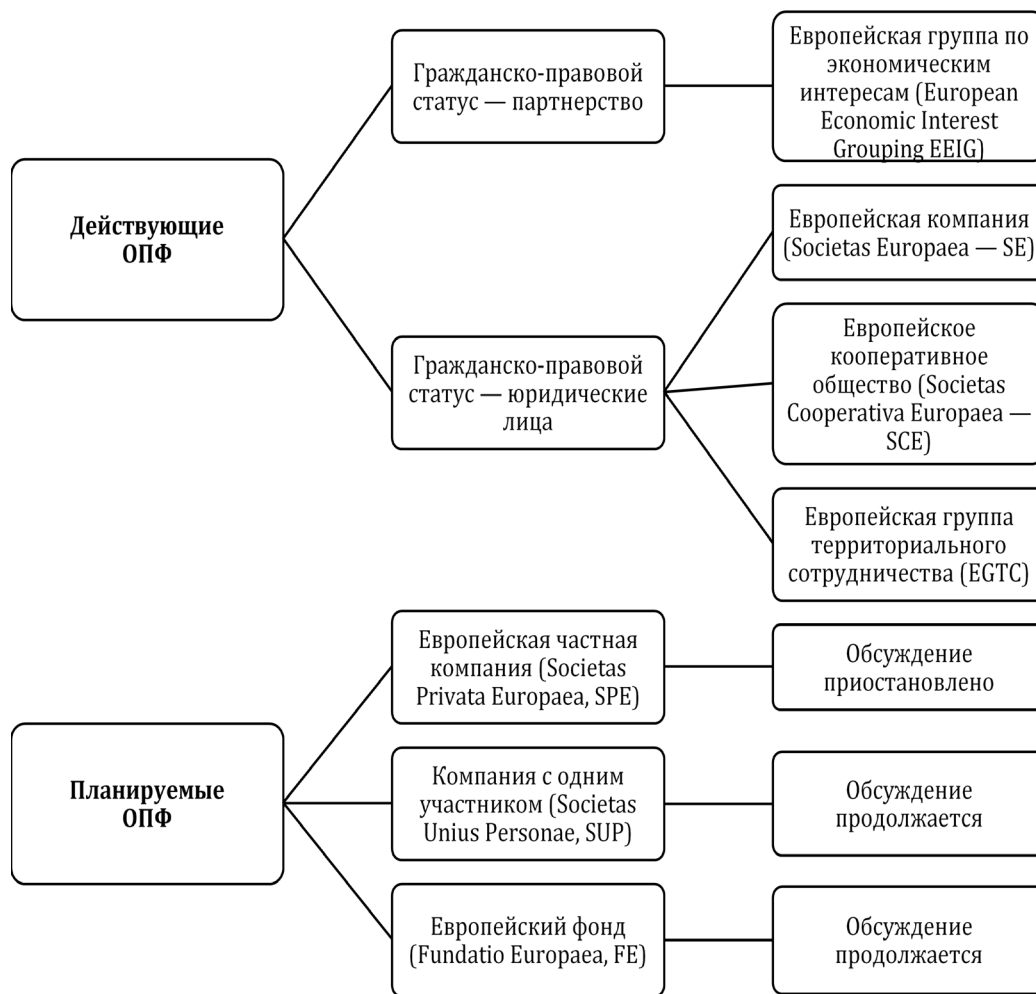
²² Council Regulation (EC) № 1435/2003 of 22 July 2003 on the Statute for a European Cooperative Society (SCE) // Eur-lex [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2003/1435/oj> (дата обращения: 10.09.2021).

института [Соколов 2020]. По данным на конец 2018 г. (последняя официальная статистика), в Европейском союзе действует 41 SCE, а штаб-квартиры европейских кооперативов представлены всего в 10 странах ЕС²³. Чаще всего кооперативы создаются в таких сферах, как инвестиции, включая создание своего рода «касс взаимопомощи», недвижимость (аренда), клининг и др.

Сложившиеся в Европейском союзе наднациональные ОПФ в известной степени дополняют друг друга. Благодаря достаточно гибким, легко подстраиваемым под любую национальную правовую систему EEIG было активизировано сотрудничество организаций и предприятий государств-членов. Европейские компании способствуют росту экономики ЕС за счет максимально эффективного использования возможностей общего рынка. Крупные европейские компании успешно конкурируют с ведущими мировыми ТНК, представляя, по сути, единый европейский бренд. Европейские кооперативы хотя и являются значительно менее значимой с экономической точки зрения структурой, также занимают определенную нишу в общеевропейской социально-экономической системе. Модель европейских групп территориального сотрудничества играет важную роль в организации межгосударственного взаимодействия на разных уровнях власти и управления при решении конкретных задач трансграничного и транснационального сотрудничества.

На стадии обсуждения находятся такие НОПФ, как «европейский фонд» (Fundatio Europea, FE) и «европейское общество с единственным участником» (Societas Unius Personae, SUP) (малые предприятия). После их утверждения система НОПФ в Европейском союзе приобретет целостный вид, в рамках которого будет обеспечен охват всех основных форм хозяйственной деятельности (Рисунок 1).

²³ Liste der Europäischen Genossenschaften (SCE = Societas cooperativa europeae). List of European Cooperatives (SCE) // LIBERTAS European Institute. URL: <https://www.libertas-institut.com/wp-content/uploads/2018/08/sce-list.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

Рисунок 1. Структура наднациональных организационно-правовых форм хозяйствования в Европейском союзе²⁴

По мнению автора, в процессе анализа перспектив развития наднациональных организационно-правовых форм хозяйствования в рамках ЕАЭС следует рассмотреть не только возможность создания евразийских акционерных обществ, но и евразийских «аналогов», по крайней мере, таких моделей, как группы экономического и территориального сотрудничества, эффективность которых убедительно доказана опытом их функционирования в Европейском союзе.

Критерии экономической целесообразности разработки и внедрения наднациональных организационно-правовых форм

Осмысление роли института наднациональных субъектов хозяйствования предполагает оценку его влияния на процесс интеграции, экономику государств-членов, финансовое состояние и рыночные позиции самих хозяйствующих субъектов. Обычно такая оценка проводится путем определения эффектов интеграционного взаимодействия.

²⁴ Составлено автором.

Такие категории, как «эффект» и «эффективность», являются достаточно многозначными. Упрощенное понимание эффективности как «соотношения между достигнутым результатом и использованными ресурсами»²⁵, достаточно точное и объективное для оценки процессов материального производства, вряд ли может быть применено к изучению сложного и многоуровневого интеграционного процесса, поэтому «интеграционным эффектом» принято называть разницу между показателями на доинтеграционном этапе и после возникновения союзных отношений.

Этот подход восходит к теоретической модели Джекоба Вайнера, в которой рассматривались «эффекты» для интегрирующихся государств в случае формирования таможенного союза [Viner 2014]. Именно Вайнером было сформулировано определение «статических», то есть проявляющихся сразу, и «динамических», то есть проявляющихся с течением времени, интеграционных эффектов. Исследуя по большей части влияние таможенного соглашения на динамику внешнеторговых операций, к статическим эффектам Дж. Вайнер относил те, которые связаны с устранением экспортных и импортных пошлин. Динамические эффекты рассматривались как отдаленные, постепенно накапливающиеся последствия, связанные с изменением доходов правительств и благосостоянием населения.

Как правило, в качестве динамических эффектов рассматриваются такие показатели, как изменение ВВП стран-участниц, динамика внешних и взаимных торговых потоков, внешних и взаимных инвестиций и другие показатели, дающие общее представление о том, как может измениться или как на практике меняется экономическое положение того или иного государства, вступающего в таможенный или экономический союз.

По мере развития теории региональной интеграции и изучения практического опыта реализации интеграционных проектов расширялись и представления об интеграционных эффектах. Сегодня принято выделять не только экономические, но также социальные, институциональные, инновационно-технологические, экологические, или энвайронментальные (от англ. environment — окружающая среда), эффекты, причем роль последней группы стремительно возрастает в условиях декларируемого на глобальном уровне и поддержанного большинством стран мира перехода к так называемой «климатической повестке» [Lopez-Cordova, Mesquita Moreira 2002].

Многообразие интеграционных эффектов отмечают разные авторы. Например, в работе С.В. Ткачука указывается, что «...эффекты интеграции сами по себе многообразны, в связи с этим получение общей оценки эффективности экономической интеграции многокомпонентный и достаточно условный процесс»²⁶. К конкретным показателям, которые позволяют дать общую оценку интеграционного эффекта, данный автор относит показатели свободного перемещения факторов производства в рамках единого рынка; показатели открытости экономики, значимости внешней торговли, промышленной кооперации и взаимного инвестирования, а также макроэкономические параметры национальных государств и динамику их конкурентоспособности.

В действующих интеграционных объединениях сложились различные системы мониторинга процесса интеграции де-факто и/или де-юре с помощью серии индикаторов. К таким системам можно отнести: Информационно-справочный бюллетень внутреннего рынка ЕС (Internal Market Scoreboard); Бюллетень экономического сообщества АСЕАН (Economic Community Scorecard); систему индикаторов экономической интеграции Евразийского банка развития.

²⁵ ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. Утв. Приказом Росстандарта от 28.09.2015 № 1390-ст // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200124393> (дата обращения: 10.09.2021).

²⁶ Ткачук С.П. Повышение эффективности экономической интеграции государств-участников ЕАЭС. Автореф. дисс... канд. экон. наук. М., 2020. С. 13–14.

Центром интеграционных исследований ЕАБР была обоснована необходимость дифференцированной оценки региональной кооперации и интеграции²⁷, выделены два основных аспекта региональной интеграции: интеграция рынков на базе показателей взаимной торговли, инвестиций, трудовой миграции и ряда секторов экономики и конвергенция экономических систем на основе макроэкономики и монетарной, фискальной и финансовой политики²⁸. В исследованиях ЕАБР при оценке интеграционных эффектов серьезное внимание уделяется также различным аспектам экономической безопасности: энергетической, продовольственной и др.²⁹

Спектр показателей, которые могут изучаться для оценки влияния интеграции в целом весьма обширен, а итоговые оценки всегда носят в известной степени приближенный характер, так как крайне сложно выделить в чистом виде влияние именно интеграционного эффекта.

На это обстоятельство обращает внимание В.Н. Зуев, отмечая, что «...проблема оценки эффектов интеграционного взаимодействия заключается в том, что используемые индикаторы часто не позволяют однозначно выделить именно интеграционное воздействие» [Зуев 2014, 27]. В качестве примера он приводит известный параметр оценки глубины взаимной интеграции — показатели торгового потока. Наиболее высоки эти показатели у современных США и Китая, что отнюдь не означает их стремления к интеграции.

За рубежом для оценки эффекта региональной экономической интеграции чаще всего исследуются динамика интеграции рынков и степень сближения экономик государств-участников. В Европейском союзе в число основных индикаторов интеграционного процесса включены показатели торговли товарами и услугами, а также динамика прямых иностранных инвестиций (ПИИ), включая внешние и взаимные, большое внимание уделяется вопросу транспозиции европейских Директив в национальное законодательство.

В АСЕАН предлагается достаточно обширная система индикаторов интеграции, «привязываемая» к каждому конкретному проекту, что позволяет оценивать не только общий интеграционный эффект, но и влияние на экономику государств-членов отдельных мероприятий.

Несмотря на достаточно глубокую проработанность вопроса оценки интеграционных эффектов, многие широко применяемые показатели далеко не всегда позволяют объективно оценить протекающий процесс. По данным ряда исследователей, очень часто динамика таких ключевых параметров, как ВВП, торговые потоки, инвестиции, связана с процессами, не имеющими отношения к интеграции. Так, проанализировав динамику параметров степени интеграции рынков и сближения экономик для основных интеграционных проектов, включая ЕС, АСЕАН, общий рынок Восточной и Южной Африки (COMESA), ученые установили, что свыше 30% показателей являются неинформативными с точки зрения интеграции, так как меняются по иным причинам [Bhatia 2017]. Еще более проблематичной представляется оценка влияния на интеграционный процесс отдельного наднационального механизма, что требует достаточного взвешенного отношения к выбору конкретных индикаторов.

Создание новой наднациональной организационно-правовой формы предполагает появление на просторстве регионального интеграционного объединения новых хозяйствующих субъектов, которые становятся результатом объединения усилий большого числа акторов, включая не только органы управления на наднациональном уровне и уровне государств-членов, но и конкретных организаций, бизнес-структур государств-членов, граждан государств, входящих

²⁷ Система индикаторов евразийской интеграции ЕАБР // Евразийский банк развития [Электронный ресурс]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/410/edb-centre-report-22_siei-ii_rus_1.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

²⁸ Там же.

²⁹ ЕАБР Экономические эффекты вступления Таджикистана в Евразийский экономический союз: аналитический доклад. С. 37, 39 // Евразийский банк развития [Электронный ресурс]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/97a/EABR_Analytical_Report_RT_11_2020_RU_1.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

в интеграционное объединение. Таким образом, в основе данного процесса должна лежать «готовность к взаимодействию».

На это измерение интеграции еще в 1990-е г. обратили внимание Дж. Шотт и Г. Хафбауэр, включившие в число индикаторов, характеризующих интеграцию, «уровень готовности интенсифицировать интеграцию» [Hufbauer, Schott 1994]. Правда, рассматривался этот показатель в первую очередь с позиций национальных правительств. Такой же подход применили изучавшие африканские, азиатские и латиноамериканские интеграционные проекты У. Фенг и Дж. Джена [Feng, Genna 2004]. Однако их оценка показателя «готовность к интеграции» была основана «...на телефонном опросе чиновников, результаты которого не всегда можно считать репрезентативными, ...результаты анализа основываются на качественных, а не количественных показателях»³⁰, что делало его достаточно субъективным.

Достаточно много социологических исследований посвящено восприятию интеграционных процессов гражданами. Действительно, характер взаимодействия в рамках интеграционного объединения во многом зависит не только от решений, принимаемых органами управления, но и от позиции граждан. Можно вспомнить фразу одного из «отцов» европейской интеграции Ж. Монне: «Мы объединяем людей, а не государства». В развитие этого тезиса отметим, что интеграция происходит на разных уровнях, в том числе и на уровне таких экономических агентов, как организации и предприятия. Причем степень готовности к взаимодействию может существенно отличаться в зависимости от формата, в котором такое взаимодействие организовано. Хорошо известно, что в ряде случаев в ЕАЭС сотрудничество на уровне предприятий вызывает противодействие в силу возможного недружественного поглощения или угрозы монополизации.

В этой связи достаточно объективным можно считать такой показатель, как «уровень готовности организаций и предприятий к сотрудничеству в рамках НОПФ». Он может быть получен путем проведения опроса заинтересованных организаций и предприятий в каждой из стран интеграционного объединения. Опрос необходимо проводить применительно к каждой конкретной НОПФ с учетом других вариантов организации сотрудничества. Например, если речь будет идти о деятельности промышленного предприятия, действующего в форме акционерного общества, необходимо учитывать готовность к сотрудничеству в различных форматах промышленной кооперации: совместное решение локальных задач, смежные предприятия, совместные предприятия, наднациональная форма.

Полезным для оценки уровня готовности к сотрудничеству в рамках НОПФ может быть и общественное обсуждение. В Европейском союзе такое обсуждение впервые было организовано в рамках изучения возможности создания «европейских фондов». Службой Европейской комиссии по внутреннему рынку, промышленности, предпринимательству и МСП (DG Internal Market) на веб-сайте был опубликован перечень вопросов для действующих в странах ЕС фондов. Таким образом Европейская комиссия смогла организовать коммуникацию с достаточно большим кругом заинтересованных лиц, получить подробную информацию об операционных проблемах, с которыми сталкиваются фонды в случае совершения трансграничных операций и их заинтересованности в создании НОПФ.

Создание наднациональных ОПФ в качестве одной из главных целей преследует оптимизацию организационных, административных и правовых издержек. Оценить этот показатель можно путем расчета затрат, которые производятся бизнес-структурами в других государствах-членах. Эти расходы весьма существенны. Так, по данным Competitiveness Advisory

³⁰ Система индикаторов евразийской интеграции II // Евразийский банк развития [Электронный ресурс]. URL: http://eabr.org/r/research/centre/projectsCII/siei/index.php?id_16=37608 (дата обращения: 10.09.2021).

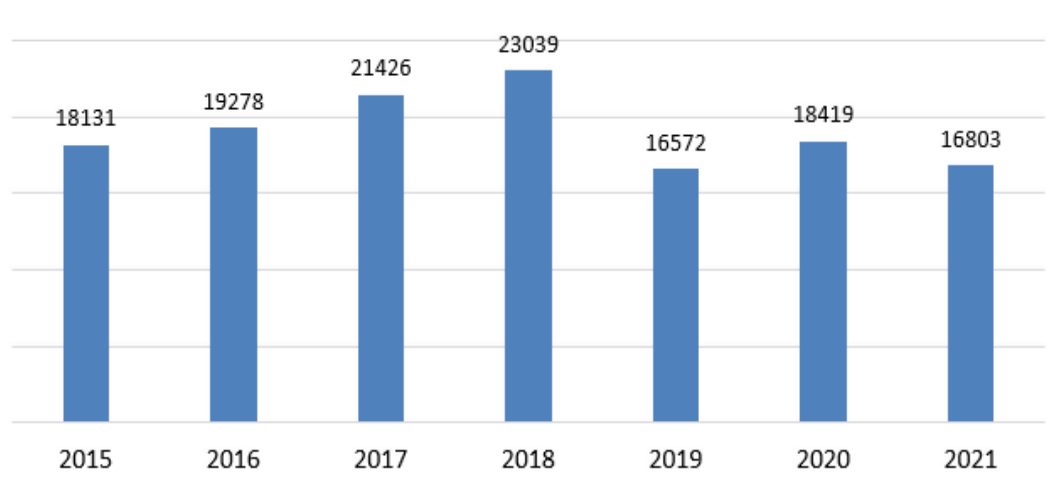
Group of Industrialists («Европейский круглый стол промышленников»), введение в Европейском союзе института «европейской компании» открыло предприятиям ЕС возможность экономии в размере до 30 млрд евро ежегодно (в целом по еврозоне)³¹.

Вопросы организации введения бизнеса в государствах ЕАЭС, несмотря на меньшее количество стран — участниц, также достаточно актуальны. Различия в правовых системах, необходимость формирования достаточно сложной структуры дочерних и совместных предприятий в различных организационно-правовых формах приводят к значительному росту издержек крупных компаний, ведущих бизнес в нескольких государствах ЕАЭС.

Применительно к наднациональным публичным обществам значимым критерием может выступать рыночная стоимость компании. Европейские исследования подтверждают, что, как правило, рынок позитивно реагирует на информацию о реинкорпорации, особенно в тех случаях, когда речь идет о крупных компаниях [Hornuf et al. 2019]. Нейтральная или позитивная реакция на создание наднациональных компаний может быть объяснима тем, что такие слияния обычно носят дружественный характер и связаны именно с потребностями оптимизации деятельности в субрегионе.

Экономический эффект от формирования наднациональных хозяйствующих субъектов может состоять и в росте взаимных инвестиций. В Европейском союзе возможности развития новых бизнес-моделей, предполагающих участие более чем одной страны ЕС (таких как «европейские группы», «европейские компании» и др.), напрямую связывают с позитивной динамикой взаимных инвестиций³².

Для ЕАЭС вопрос увеличения объема взаимных инвестиций имеет принципиально важное значение. Несмотря на то, что процесс евразийской интеграции продолжается уже более 20 лет, инвестиционные «связи» союзных государств до сих пор недостаточно прочны. По данным на начало 2021 г., общий объем накопленных прямых инвестиций (ПИ) составил всего 16,8 млрд долл. США (Рисунок 2).

Рисунок 2. Объем накопленных взаимных прямых инвестиций в ЕАЭС, млрд долл. США, данные на начало года³³

Основным инструментом взаимных ПИ в ЕАЭС являются инвестиции в капитал компаний.

³¹ Европейская компания // DKLex [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dklex.ee/publikatsii/evropejskaya-kompaniya.html> (дата обращения: 10.09.2021).

³² Single Market Scoreboard. Integration and market openness. Foreign Direct Investments // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/internal_market/scoreboard/integration_market_openness/fdi/index_en.htm (дата обращения: 10.09.2021).

³³ Источник: Взаимные инвестиции // ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/express_information/Pages/express_mut_investments.aspx (дата обращения: 10.09.2021).

Развитие института «евразийских компаний» будет способствовать как росту взаимных ПИ, так и более сбалансированному их распределению в государствах ЕАЭС.

Достаточно интересным в контексте изучения эффективности наднациональных организационно-правовых форм представляется исследование показателей деятельности национальных и мультинациональных фирм, работающих в Ирландии³⁴. Авторы исследования проанализировали основные показатели деятельности предприятий, работающих на территории Ирландии, разделив их на три группы: национальные компании; мультинациональные европейские компании, включая категорию «европейские предприятия»; иностранные неевропейские компании. Согласно полученным данным, по сравнению с исключительно ирландскими фирмами, мультинациональные компании оказались более производительны, они платят более высокую заработную плату, больше инвестируют в материальные и нематериальные активы. Еще более интересным представляется и вывод авторов о том, что наличие мультинациональных компаний стимулирует молодые национальные предприятия инвестировать средства в НИОКР.

Важной оценочной категорией для любого наднационального института является его целесообразность. Естественно, что, говоря об экономической целесообразности, мы предполагаем оценить соответствие планируемого к внедрению института именно экономическим и в несколько более широком понимании социально-экономическим целям интеграции. Такой подход предполагает «точечную настройку» системы оцениваемых параметров, так как региональная экономическая интеграция не универсальный процесс и каждое из интеграционных объединений формулирует собственные, значимые именно для него цели и задачи интеграции. Они могут совпадать по определенным параметрам — все объединения стремятся к укреплению своих экономических позиций, а также повышению благосостояния граждан, — а могут существенно отличаться от внешне схожих проектов.

Так, например, для Андского сообщества одной из главных целей было привлечение в регион иностранных инвестиций и при этом обеспечение защиты национальных экономик от негативного воздействия ТНК. Именно по этой причине большое внимание при выработке условий создания Андских компаний было уделено такому вопросу, как соотношение субрегиональных и иностранных долей в капитале. Это соотношение нормативно закреплено, а в случае его нарушения компания теряет статус ЕМА.

Европейский союз в число главных целей включил построение единого внутреннего рынка и обеспечение свободной и добросовестной конкуренции, построение социальной рыночной экономики, достижение экономической, социальной и территориальной сплоченности и солидарности между государствами-членами. Отсюда вытекает разнообразие наднациональных ОПФ, разработка таких специфичных форм наднациональных юридических лиц, как группы территориального сотрудничества, европейские фонды, европейские кооперативы.

Для Евразийского экономического союза, наряду с традиционной для интеграционных объединений цели формирования единого рынка, магистральным направлением заявлена «модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик»³⁵. Формирование института НОПФ напрямую касается вопроса кооперации, по сути, переводя его в новое качество и способствуя тем самым росту конкурентоспособности как экономик государств-членов, так и экономики ЕАЭС в целом.

Своевременность обращения к данному вопросу подтверждает и перечень тех целей,

³⁴ Comparative performance of indigenous and multinational firms operating in Ireland. Background documents for the European Semester // European Commission [Электронный ресурс]. URL: <https://www.esri.ie/system/files?file=media/file-uploads/2018-03/BKMNEXT353.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

³⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29.05.2014. (ред. от 01.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.10.2021) // Консультант-Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 10.09.2021).

которые планирует достичь ЕАЭС к 2025 г. В ряду этих целей применительно к исследуемой проблеме наиболее важны:

- создание механизмов целевого содействия экономическому развитию;
- выстраивание системы управления совместными кооперационными проектами, развитие высокопроизводительных секторов;
- стимулирование научно-технического прогресса (НТП);
- повышение эффективности институтов ЕАЭС;
- развертывание механизмов сотрудничества в области образования, здравоохранения, туризма и спорта³⁶.

Концепция наднациональных ОПФ прямо отвечает запросу на стимулирование кооперационных связей на уровне конкретных производств и росту их конкурентоспособности на внешних рынках, а такие модели НОПФ, как группа экономических интересов или группа территориального сотрудничества, позволят евразийским хозяйствующим субъектам более интенсивно развивать научно-техническое сотрудничество, реализовывать совместные социальные проекты.

Заключение

Обобщая сложившиеся подходы к оценке целесообразности создания НОПФ, в качестве ключевых индикаторов для ЕАЭС можно предложить модель, представленную на рисунке 3.

Рисунок 3. Критерии целесообразности разработки и внедрения наднациональной организационно-правовой формы юридического лица³⁷

Предложенная система индикаторов не претендует на полноту. В реальности число показателей, характеризующих экономическое состояние самих наднациональных хозяйствующих субъектов и их влияние на интеграционный процесс, экономические и социальные показатели государств, на территории которых они будут вести деятельности, может быть значительно шире и включать такие показатели, как рыночная стоимость реинкорпорируемых компаний, их инновационная активность по сравнению с аналогичными национальными субъектами и др.

³⁶ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. // ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: http://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 10.09.2021).

³⁷ Составлено автором.

Завершая анализ перспектив развития наднациональных организационно-правовых форм хозяйствования в ЕАЭС, необходимо сказать, что институт НОПФ существует уже более 50 лет и зарекомендовал себя как достаточно эффективный инструмент, способствующий достижению целей интеграционного процесса. Можно предположить, что и в рамках ЕАЭС наднациональные организационно-правовые формы, в случае принятия соответствующего решения, сыграют важную позитивную роль.

Список литературы:

Зуев В.Н. Методология классификации и оценки форм региональной интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 3 (24). С. 25–43.

Соколов А.О. Европейская компания и Европейское кооперативное общество как формы наднациональной организации бизнеса в Европейском Союзе // Экономические стратегии. 2020. № 2. С. 134–141. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-2.168.2020.134-141>.

Bhatia R.J. Assessing Regional Integration at the Country Level: A Possible Framework as Illustrated for the COMESA Region // Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration / ed. by P. De Lombaerde, E. Saucedo Acosta. New York: Springer International Publishing, 2017. P. 261–284.

Cathiard C., Lecourt A. La pratique du droit européen des sociétés: Pratique des affaires. Paris: Joly, 2017.

Cherol R.L. Del Arco J.N. Empresas Multinacionales Andinas: Un Nuevo Enfoque de la Inversion Multinacional en el Grupo Andino // The International Lawyer. 1983. Vol. 17. Is. 2. P. 309–332.

Feng Y., Genna G.M. Domestic Institutional Convergence and Regional Integration: Further Evidence // Aspects of Globalization, Regionalisation and Business / ed. by I.D. Salavrakos. Athens: Atiner, 2004. P. 23–37.

Hornuf L., Mohamed A., Schweinbacher A. The Economic Impact of Forming a European Company // Journal of Common Market Studies. 2019. Vol. 57. Is. 4. P. 659–674. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12839>.

Hufbauer G., Schott J. Western Hemisphere Economic Integration. Institute for International Economics. Washington, D.C.: Peterson Inst. for Intl. Economics, 1994.

Kirshner J.A. «An Ever Closer Union» in Corporate Identity? A Transatlantic Perspective on Regional Dynamics and the Societas Europaea // St. John's Law Review. 2010. Vol. 84. № 4. P. 1273–1345.

Lopez-Cordova E., Mesquita Moreira M. Regional Integration and Productivity // BID-Intal-ITD-STA Working Paper № 14. 2002. P. 245–268.

Melem F.A., Pedro J.M. The European System of Economic Interest Groupings: One Possible Role Model for Brasilia // LIBERTAS — European Institute. 2016. April. URL: https://www.libertas-institut.com/wp-content/uploads/2016/04/TCC_BR_GIE_Brazil.pdf.

Viner J. The Customs Union Issue. Oxford: Oxford University Press, 2014.

References:

Bhatia R.J. (2017) Assessing Regional Integration at the Country Level: A Possible Framework as Illustrated for the COMESA Region. In: P. De Lombaerde, E. Saucedo Acosta (eds.) *Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration*. New York: Springer International Publishing, 2017. P. 261–284.

Cathiard C., Lecourt A. (2017) *La pratique du droit européen des sociétés: Pratique des affaires*. Paris: Joly.

Cherol R.L. Del Arco J.N. (1983) Empresas Multinacionales Andinas: Un Nuevo Enfoque de la Inversion Multinacional en el Grupo Andino. *The International Lawyer*. Vol. 17. Is. 2. P. 309–332.

- Feng Y., Genna G.M. (2004) Domestic Institutional Convergence and Regional Integration: Further Evidence. In: Salavrakos I.D. (ed.): *Aspects of Globalization, Regionalisation and Business*. Athens: Atiner. P. 23–37.
- Hornuf L., Mohamed A., Schweinbacher A. (2019) The Economic Impact of Forming a European Company. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 57. Is. 4. P. 659–674. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12839>.
- Hufbauer G., Schott J. *Western Hemisphere Economic Integration*. Institute for International Economics. Washington, D.C.: Peterson Inst. for Intl. Economics.
- Kirshner J.A. (2010) «An Ever Closer Union» in Corporate Identity? A Transatlantic Perspective on Regional Dynamics and the Societas Europaea. *St. John's Law Review*. Vol. 84. No. 4. P. 1273–1345.
- Lopez-Cordova E., Mesquita Moreira M. (2002) Regional Integration and Productivity. *BID-Intal-ITD-STA Working Paper No. 14*. P. 245–268.
- Melem F.A., Pedro J.M. The European system of Economic Interest Groupings: One possible role model for Brasilia. *LIBERTAS — European Institute*. April. URL: https://www.libertas-institut.com/wp-content/uploads/2016/04/TCC_BR_GIE_Brazil.pdf.
- Sokolov A. (2020) European Company and European Cooperative Society as Forms of Supranational Business Organization in the European Union. *Ekonomicheskie strategii*. No. 2. P. 134–141. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-2.168.2020.134-141>.
- Viner J. (2014) *The Customs Union Issue*. Oxford: Oxford University Press.
- Zuev V.N. (2014) Methodology of Classification and Evaluation of Regional Integration Forms. *Evraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya*. No. 3 (24). P. 25–43.

Дата поступления/Received: 30.09.2021

Социология управления
Management sociology

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-89-79-93

Загадка злоупотребления жирами более образованными людьми в России:
профессиональный и гендерный аспект¹

Колотуша Антон Васильевич

Аспирант, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: tony_kol@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 8318-7132

ORCID ID: [0000-0002-3089-3327](https://orcid.org/0000-0002-3089-3327)

Аннотация

Статья посвящена поиску ответа на загадку избыточного потребления жиров более образованными людьми в сравнении с менее образованными, наблюдаемую отечественными исследователями Л. Родионовой и Е. Копновой на основе данных Выборочного наблюдения рациона питания населения (далее — ВНРП-2013). Эта взаимосвязь существенно расходится с традиционными результатами, которые говорят о том, что образование выступает фактором, сдерживающим людей от нездорового питания, включая злоупотребление жирной пищей, делая их более информированными об угрозах нарушения принципов здорового питания или укрепляя их способность к контролю над собственной жизнью. Тем не менее содержательное объяснение представленного выше парадокса пока не найдено. Его разрешение могло бы иметь значение с точки зрения выработки рекомендаций по снижению заболеваемости и смертности от алиментарно-зависимых заболеваний (заболеваний, связанных с питанием). В данной работе предпринята попытка решения этого парадокса путем его рассмотрения в разрезе профессиональных групп при помощи аппарата моделей бинарного выбора на данных ВНРП-2013. Результаты регрессионного анализа могут свидетельствовать в пользу того, что более образованные респонденты чаще занимают руководящие должности, что подталкивает их к «заеданию» стресса более жирной пищей, причем этот эффект приобретает более выраженный характер у женщин, нежели у мужчин. Возможным дальнейшим направлением исследований может быть переход к дополнительному качественному исследованию, которое могло бы позволить нам более уверенно утверждать, что ведущим побудителем к переяданию жирной пищи у более образованных работников, по сравнению с менее образованными, является именно фактор стресса.

Ключевые слова

Питание, здоровье, уровень образования, жиры, логит-модели, модели бинарного выбора, гендер, гендерные различия, профессиональные группы, Россия.

Riddle of Fat Overuse by More Educated People in Russia:
Professional and Gender Aspects²

Anton V. Kolotusha

Postgraduate student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: tony_kol@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-3089-3327](https://orcid.org/0000-0002-3089-3327)

Abstract

The article is devoted to finding the solution to the riddle of excessive fat consumption by more educated people in comparison with less educated ones. In earlier studies, the results mostly indicated that education is a factor that deters people from unhealthy diets, including the abuse of fatty foods, making them more informed about the threats of violating the principles of healthy eating, or strengthening their ability to control their own lives. At the same time, Russian researchers L. Rodionova and E. Kopnova found the opposite result on the data of a Sample observation of the population's diet (hereinafter — SOPD-2013), that more educated individuals consume more fatty foods compared to less educated ones. However, a meaningful explanation of the above paradox has not yet been found. The resolution of this paradox could be important from the point of view of developing recommendations for reducing morbidity and mortality from alimentary-dependent diseases (diseases related to nutrition). In this paper, an attempt is made to resolve this paradox by considering it in the context of professional groups using the apparatus of binary choice models based on the data of SOPD-2013. It is found that the differences in fat abuse between more and less educated individuals are eliminated when the factor of belonging to professional groups is included in the model. The results of the regression analysis may indicate that more educated respondents are more likely to occupy leadership positions, which encourages them to “eat” stress with more fatty foods, and this effect is more pronounced in women than in men. A possible further direction of research may be to move to an additional qualitative study, which could allow us to more confidently assert that the leading motivator for overeating fatty foods in more educated workers compared to less educated ones is precisely the stress factor.

Keywords

Nutrition, health, education level, fat, logit models, binary choice models, gender, gender differences, professional groups, Russia.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-310-90071 «Поведенческие эффекты в структуре питания членов российских домохозяйств» (руководитель — д.э.н., проф. Кучмаева О.В.).

² The research is performed under the financial support of RFBR as a part of project № 20-310-90071 “Behavioral effects in a structure of Russian households’ nutrition” (head — DSc, professor Kuchmaeva O.V.).

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется актуализацией роли, которую играет рацион питания в контексте здоровья человека. Структура питания является важной характеристикой уровня и качества жизни человека. От структуры питания зависит риск возникновения различных заболеваний, в том числе болезней кровообращения и новообразований, а также появления избыточного веса и ожирения, которые, в свою очередь, влекут за собой снижение качества жизни населения, повышенную травматичность и преждевременную смертность. По последним доступным оценкам ВОЗ, на 2016 г. свыше 1,9 миллиарда взрослых людей по всему миру имели лишний вес, что соответствовало на тот момент примерно 40% населения. Из них у каждого третьего отмечалось ожирение. При этом за последние 40 лет мировые масштабы ожирения возросли примерно до 13% населения мира (в 2016 г.), постепенно охватывая страны с меньшими доходами на душу населения. Начиная с принятой в 2004 г. «Глобальной стратегии ВОЗ по питанию, физической активности и здоровью», ВОЗ разрабатывает стратегии и декларации, в которых выдвигаются меры по противодействию нарушениям структуры питания на глобальном, региональном и индивидуальном уровнях, включая количественные ориентиры по среднесуточному потреблению отдельных групп питательных веществ, а также призывы к повышению уровня физической активности³. Однако в то же время существенного замедления процесса распространения нарушения структуры питания по миру не наблюдается. В долгосрочной перспективе в России складывается также не самая благоприятная ситуация вокруг последствий нарушения структуры питания: по данным Росстата на 2017 г.⁴, несмотря на наметившееся сокращение числа смертей от болезней кровообращения (588 чел. на 100 тыс. населения за 2017 г. к 806 чел. на 100 тыс. за 2010 г.) и новообразований (201 чел. на 100 тыс. населения за 2017 г. к 205 чел. на 100 тыс. за 2010 г.), в структуре смертности по основным классам причин смертности 2 вышеуказанные группы продолжают преобладать (по данным Росстата, причины 47,2% случаев смертей связаны с нарушениями работы органов кровообращения, 16,1% приходится на новообразования, следующая же по значению группа, внешние причины, имеет долю 8,4%). Цифры говорят о наметившейся опасной тенденции, требующей выработки мер по снижению уровня заболеваемости и смертности вследствие нарушения структуры и режима питания, без чего невозможна реализация поставленных целей демографической политики РФ⁵. В свою очередь, разработка этих мер невозможна без исследования факторов, влияющих на рацион питания, а также каналов их влияния на состояние здоровья людей через изменение рациона питания. Поставленный в исследовании рациона питания вопрос поиска способов сокращения масштабов заболеваемости и смертности представляется важным и для экономики, поскольку торможение процессов роста заболеваемости и смертности ведет к предотвращению потерь в человеческом капитале страны, предупреждению снижения как его производительности, так и объемов.

³ Ожирение и избыточный вес // Всемирная Организация Здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight> (дата обращения: 06.09.2021).

⁴ Российский статистический ежегодник // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://gks.ru/storage/mediabank/year18.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

⁵ Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года (далее – КДП РФ-2025) провозглашает в качестве целей создание условий роста численности населения к 2025 году до 145 млн человек и повышение качества жизни наряду с увеличением ожидаемой продолжительности жизни к 2025 году до 75 лет. Достижение этих целей предполагает выполнение задач по сокращению смертности, включая смертность от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний (прежде всего граждан трудоспособного возраста), а также по укреплению здоровья населения и снижению уровня социально-значимых заболеваний (к которым авторы КДП РФ-2025 в том числе относят алиментарно-зависимые заболевания, включая злокачественные новообразования и сахарный диабет). Источник: Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902064587/> (дата обращения: 03.09.2021).

В данной работе подробно рассмотрен вопрос, связанный с определением факторов, побуждающих людей злоупотреблять жирной пищей. А именно, мы попытаемся определить, является ли для индивида руководящее положение на работе фактором, подталкивающим его к нарушению рациона питания в смысле избыточного потребления жиров, и если да, то имеются ли гендерные различия в степени подверженности руководящих работников к злоупотреблению жирами.

Выдвижение гипотезы на основе обзора современного состояния исследований

Говоря о возможном влиянии руководящего положения на предполагаемую повышенную склонность к злоупотреблению жирами, мы должны отметить, что положение работника на «служебной лестнице», уровень его стресса и уровень его образования тесно связаны между собой. Поэтому в этой части работы последовательно рассматривается научная литература, посвященная вопросу взаимосвязи уровня образования и уровня потребления жирной пищи; взаимосвязи уровня стресса и злоупотребления жирной пищей; взаимосвязи руководящего положения и уровня стресса. Кроме того, необходимо проанализировать, как распределены индивиды по уровню образования в разрезе профессиональных групп в выборочном обследовании, на основе которого построена эмпирическая часть настоящей работы.

Важным детерминантом питания, о котором пойдет речь в данном исследовании, является образование человека. Уровень образования в тематической литературе считается фактором, сдерживающим людей от нерационального питания, включая избыточное потребление жирной пищи, по той причине, что оно повышает осведомленность людей об угрозах нарушения питания либо их способность контролировать собственную жизнь [Drewnowski, Specter 2004; Kim et al. 2017]. В то же время в современных исследованиях встречаются результаты, расходящиеся с этим интуитивным предположением. В частности, в работе [Devaux et al. 2011] позднепереходный Китай выступает исключением из общего правила. Причиной тому выступают исторически сформировавшиеся там рационы питания бедных, состоящие преимущественно из рыбных продуктов, и богатых, в которых преобладают жиронасыщенные мясопродукты, существование которых подкреплено действием эффекта Веблена⁶ (демонстративного потребления). Образование, выступая лифтом восходящей социальной мобильности, содействует переходу людей из категории бедных в категорию богатых. Положительную взаимосвязь между уровнем образования и склонностью к злоупотреблению жирами обнаруживают также Л. Родионова и Е. Копнова [Родионова, Копнова 2017] на основе российских данных Выборочного наблюдения рациона питания населения (далее — ВНРП-2013) при Федеральной Службе Государственной Статистики (далее — ФСГС, Росстат). Авторы осторожно заключают, что хоть в РФ образование и сдерживает людей от избыточного потребления сладкой пищи и недостаточного потребления фруктов и овощей, тем не менее более образованные люди больше склонны злоупотреблять жирной пищей, нежели менее образованные. В то же время содержательное объяснение полученного видимого парадокса, основанного на российских данных, в научной литературе до сих пор не представлено.

В данной работе предпринимается попытка разрешения этого парадокса и выдвигается гипотеза, что за сравнительно более высоким уровнем злоупотребления жирами у более образованных людей может стоять более высокий уровень перманентно переживаемого стресса.

⁶ Поведенческий эффект, фактор нефункционального спроса, связанный со стремлением людей путем потребления блага подчеркнуть свой высокий статус, исключительную платежеспособность [Veblen 1994].

В научной литературе стресс рассматривается как фактор, ассоциирующийся с набором веса [Sinha 2018; Tomiyama 2019], что может происходить, в частности, по причине подталкивания людей к избыточному потреблению жирной пищи. Медицинские обследования также подтверждают положительную взаимосвязь между уровнем стресса и склонностью людей к перееданию: у людей, переживающих продолжительный стресс, происходит повышенная выработка кортизола, который, в свою очередь, повышает вероятность того, что такие люди будут склонны к «заеданию» стресса [Carroll et al. 2017; Jackson et al. 2017].

Кроме того, в научной литературе находятся свидетельства в пользу того, что люди на руководящих должностях испытывают больше стресса, нежели остальные работники, причем, по-видимому, женщин это касается в большей степени, чем мужчин. В работе [Nelson, Burke 2000] отмечается, что женщины-руководители испытывают больше стресса, чем не только мужчины-руководители, но и женщины-представители других профессиональных групп. Это связывается с тем, что женщины-руководители больше других испытывают дисбаланс «семья-работа», чаще чувствуют себя изолированными на работе. Некоторые авторы [Veena, Poduval 1992] указывают на то, что для женщин-руководителей дополнительным фактором стресса может быть переживание социального давления из-за гендерных стереотипов, для которых характерно и скептическое отношение к женщинам-руководителям. Этот результат подтверждается и в более поздних работах, содержащих качественные исследования рабочих в Южной Корее [Cho et al. 2017] и США [Finkelstein 2018]. Кроме того, дополнительный стресс женщин-руководителей может быть обусловлен тем, что на них, помимо рабочих вопросов, ложится избыточное бремя домашних и семейных проблем [Davidson, Cooper 1983].

Наконец, распределение респондентов ВНРП-2013 по профессиональным группам в разрезе уровня образования, как отмечено в разделе «Методы исследования», указывает на то, что более образованные люди чаще, чем менее образованные, занимаются более ответственной работой, включая более частое (более чем в 2 раза) занятие руководящих должностей.

Проведенный обзор литературы и описательный анализ данных подводит нас к выработке гипотезы о том, что полученный на данных Л. Родионовой и Е. Копновой отрыв более образованных от менее образованных людей в злоупотреблении жирной пищей объясняется тем, что более образованные в среднем чаще занимают руководящую должность, работа на которой подталкивает их к злоупотреблению жирами. Дополнительно мы выдвигаем и тестируем предположение, что у женщин эффект переедания жиров от занятия руководящей должности более сильно выражен, чем у мужчин.

Методы исследования

В силу того, что зависимая переменная потребления жиров в рамках нормы ВОЗ (не выше 30% от дневного энергетического рациона) или выше нормы⁷ принимает бинарный характер, разумной эмпирической стратегией для оценки влияния уровня образования на переедание жиров с учетом профессиональных групп является использование моделей бинарного выбора. В частности, в качестве базовой мы используем следующую постановку логит-модели бинарного выбора: для проверки поставленной гипотезы мы строим модель:

$$P(GIR_i = 1) = \frac{1}{1 + e^{-Z_i}}, \quad (1)$$

$$\text{где } Z_i = \beta_0 + \sum_{j=1}^9 \beta_j * PROF_{ij} + \beta_2 * HIGHED_i + \alpha * C_i + \varepsilon_i.$$

⁷ Здоровое питание // Всемирная Организация Здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet> (дата обращения: 06.09.2021).

В данной модели участвуют следующие переменные:

- *GIR* — индикатор потребления жиров (1 — выше нормы в 30%, 0 — не выше нормы);
- *PROF* — набор индикаторов профессиональных групп (от 1 до 9, базовая группа — законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена);
- *HIGHED* — индикаторная переменная наличия высшего образования у респондента (1 — есть, 0 — нет);
- *C* — вектор контрольных переменных, включающий в себя:
  - *AGE* — возраст, в годах;
  - *AGE_SQ* — квадрат возраста респондента;
  - *CHILD* — количество детей в домохозяйстве, ед.;
  - *MARRIED* — индикатор брачного статуса (1 — в зарегистрированном или незарегистрированном браке, 0 — иначе);
  - *DOX* — самооценка доходов домохозяйства (от 1 — денег с трудом хватает даже на еду, до 5 — легко могу позволить себе крупные покупки вроде автомобиля или квартиры);
  - *URBAN* — индикатор проживания в городской местности (1 — если респондент проживает в городской местности, 0 — если в сельской);
  - *HOURS* — число отработанных часов в неделю;
  - *KPA* — коэффициент физической активности⁸ (1 — малоподвижность (KPA от 1 до 1,4), 2 — средняя степень активности (KPA от 1,4 до 1,8), 3 — высокая степень активности (KPA>1,8)).

Общий размер выборки составляет 88736 наблюдений, распределение наблюдений по профессиональным группам представлено в Таблице 1. Респонденты распределены по профессиональным группам очень неравномерно: различия наблюдаются более чем в 30 раз⁹. Это говорит в пользу необходимости работы с более сбалансированными по размеру группами.

С этой целью мы укрупняем группы, составляя поправочные коэффициенты для каждой из групп на основе обратных показателей к частостям этих групп: $\frac{1}{p_j}$, где j — индикатор профессиональной группы.

⁸ Отношение фактических среднесуточных энергозатрат к среднесуточным затратам организма в состоянии покоя. Соответственно, чем больше человек затрачивает энергии на физическую активность, тем выше числитель дроби и, как следствие, значение KPA.

⁹ Объем самой многочисленной группы «специалисты высшего уровня квалификации» (18875 человек) превышает объем самой малочисленной «военнослужащие» (558 человек) в 33,8 раза.

**Таблица 1. Распределение респондентов ВНРП-2013
по профессиональным группам¹⁰**

Название профессиональной группы	Количество наблюдений	Частость	Кумулятивная частость
Военнослужащие	558	0,63	0,63
Законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и среднего звена	8620	9,71	10,34
Специалисты высшего уровня квалификации	18875	21,27	31,61
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники	14354	16,18	47,79
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	3674	4,14	51,93
Работники сферы торговли и услуг	11160	12,58	64,51
Квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства	994	1,12	65,63
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	10953	12,34	77,97
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	10506	11,84	89,81
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	9042	10,19	100,00
Сумма	88736	100,00	

Распределение представителей профессиональных групп в разрезе наличия или отсутствия высшего образования (Таблица 2) в целом хорошо соответствует интуитивным представлениям о профессиях, требующих или не требующих высшего образования. В частности, мы видим резкий перекоп в сторону более образованных респондентов в подгруппах «военнослужащие», «законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и среднего звена» и «специалисты высшего уровня квалификации». В группах «специалисты среднего уровня квалификации; чиновники», «работники сферы торговли и услуг», «квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства», «квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом», «квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы» и «неквалифицированные рабочие всех отраслей», напротив, заметно преобладание менее образованных респондентов над более образованными. Группа же офисных служащих и служащих по работе с клиентами представлена практически в равной мере респондентами как с высшим образованием, так и без него.

¹⁰ Составлено автором в программном пакете Stata 14.2. на основе ВНРП-2013 // ФСГС [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/food1/survey0/index.html (дата обращения: 10.09.2021).

Таблица 2. Распределение представителей профессиональных групп ВНРП-2013 по уровню образования¹¹

Название профессиональной группы	Без высшего образования	С высшим образованием	Всего
Военнослужащие	222	336	558
Законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и среднего звена	2718	5902	8620
Специалисты высшего уровня квалификации	3216	15659	18875
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники	8153	6201	14354
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	1862	1812	3674
Работники сферы торговли и услуг	8260	2900	11160
Квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства	866	128	994
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	9237	1716	10953
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	9012	1494	10506
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	8046	996	9042
Сумма	51592	37144	88736

Для оценки гипотезы о том, что к злоупотреблению жирами респондентов может подталкивать характер работы, которую чаще выбирают более образованные, мы провели корреляционный анализ факторов злоупотребления жирами (Таблица 3) при помощи коэффициентов корреляции рангов Спирмена, поскольку практически все факторы, за исключением возраста, количества детей и числа часов работы, представлены в порядковой шкале. Почти все коэффициенты значимы на 1%-ом уровне, кроме коэффициентов корреляции между количеством детей и профессиональными группами, количеством детей и наличием высшего образования, возрастом и самооценкой доходов и между самооценкой доходов и числом часов работы, которые оказались статистически незначимыми. Анализ показывает в целом невысокий уровень связи между параметрами. Исключение составляет коэффициент корреляции между индикатором наличия высшего образования и параметром соответствия профессиональным группам, который принял значение $-0,5049$, что говорит в пользу тесноты связи между переменными выше среднего.

Таблица 3. Корреляционная матрица факторов моделей (на основе коэффициентов корреляции рангов Спирмена)¹²

	Профессия	Наличие высшего образования	Женат или замужем	Городская местность	Число детей	Само-оценка доходов	Возраст
Профессия	1,00						
Наличие высшего образования	-0,50	1,00					
Женат или замужем	0,01	-0,03	1,00				
Городская местность	-0,13	0,18	-0,05	1,00			

¹¹ Составлено автором в программном пакете Stata 14.2. на основе ВНРП-2013 // ФСГС [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/food1/survey0/index.html (дата обращения: 10.09.2021).

¹² Составлено автором в программном пакете Stata 14.2. на основе ВНРП-2013 // ФСГС [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/food1/survey0/index.html (дата обращения: 10.09.2021).

Число детей	0,01	-0,01	0,24	-0,06	1,00		
Самооценка доходов	-0,21	0,21	0,13	0,12	-0,06	1,00	
Возраст	0,04	-0,12	0,14	-0,06	-0,30	-0,12	1,00
Число часов работы	0,10	-0,07	0,05	0,03	0,04	0,00	-0,08
Коэффициент физической активности	0,30	-0,30	0,08	-0,23	0,10	-0,15	0,03
	Число часов работы			Коэффициент физической активности			
Число часов работы	1,00						
Коэффициент физической активности	0,08			1,00			

Это наводит нас на мысль о том, что совместное использование этих регрессоров в моделях может привести к смещению оценок перед индикаторами принадлежности профессиональным группам по причине мультиколлинеарности факторов высшего образования и профессиональных групп. По этой причине в дальнейшем регрессионном анализе планируется включение в модель только набора фиктивных переменных профессиональных групп без включения фактора образования.

При совместном использовании в регрессии индикаторов профессионального статуса и переменной наличия высшего образования значимость коэффициента при параметре высшего образования «поглощается» индикаторами профессиональных групп (Таблица 4). Это может указывать на то, что объяснение загадки, полученной на данных Родионовой и Копновой, может лежать в области различий в особенностях питания между представителями профессиональных групп. Все модели значимы на 1%-ом уровне.

Таблица 4. Средние предельные эффекты моделей ненормированного потребления жиров с учетом фактора образования¹³

	Зависимая переменная: потребление жиров выше нормы		
	Модель 1: полная выборка	Модель 2: мужчины	Модель 3: женщины
Высшее образование	0,001 (0,003)	-0,002 (0,004)	0,002 (0,004)
Базовая группа: законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и среднего звена			
Военнослужащие	0,018 (0,014)	0,022 (0,013)	0,005 (0,036)
Специалисты высшего уровня квалификации	-0,024*** (0,005)	-0,008 (0,006)	-0,033*** (0,008)
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники	-0,020** (0,005)	-0,001 (0,006)	-0,031*** (0,008)
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	-0,011 (0,007)	-0,045** (0,018)	-0,008 (0,009)
Работники сферы торговли и услуг	-0,022*** (0,005)	-0,014* (0,007)	-0,028*** (0,009)
Квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства	-0,025** (0,011)	-0,026** (0,013)	-0,009 (0,019)

¹³ Составлено автором в программном пакете Stata 14.2. на основе ВНПП-2013 // ФСГС [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/food1/survey0/index.html (дата обращения: 10.09.2021). Примечание: здесь и далее *** — значимость коэффициентов на 1%-ом уровне; ** — на 5%-ом; * — на 10%-ом уровне. Стандартные ошибки робастные с учетом гетероскедастичности.

Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	-0,015*** (0,005)	-0,008 (0,006)	-0,043*** (0,012)
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	-0,009* (0,005)	-0,007 (0,006)	-0,007 (0,013)
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	-0,034*** (0,006)	-0,022*** (0,007)	-0,047*** (0,010)
Женат или замужем	0,023*** (0,002)	0,018*** (0,004)	0,020*** (0,003)
Городская местность	0,024*** (0,003)	0,026*** (0,004)	0,021*** (0,004)
Количество детей	-0,004*** (0,001)	-0,002 (0,002)	-0,005** (0,002)
Самооценка доходов (логарифм)	0,031*** (0,002)	0,031*** (0,003)	0,030*** (0,003)
Возраст	0,004*** (0,001)	0,002* (0,001)	0,006*** (0,001)
Возраст^2	-0,000*** (0,000)	-0,000** (0,000)	-0,000*** (0,000)
Число часов работы в неделю	0,000*** (0,000)	0,000 (0,000)	0,001*** (0,000)
Коэффициент физической активности	-0,009** (0,004)	-0,011** (0,005)	-0,006 (0,007)
Число наблюдений	82250	40212	42038
Доля корректно предсказанных исходов	90,39%	91,33%	89,50%

Результаты исследования

В моделях без параметра уровня образования заметны значимые различия между мужчинами и женщинами разных профессий в части злоупотребления жирной пищей (Таблица 5). Все модели, как и прежде, значимы на 1%-ом уровне.

Таблица 5. Средние предельные эффекты моделей ненормированного потребления жиров без учета фактора образования¹⁴

	Зависимая переменная: потребление жиров выше нормы		
	Модель 1: полная выборка	Модель 2: мужчины	Модель 3: женщины
<i>Базовая группа: законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и среднего звена</i>			
Военнослужащие	0,018 (0,014)	0,021 (0,013)	0,005 (0,037)
Специалисты высшего уровня квалификации	-0,023*** (0,005)	-0,009 (0,006)	-0,032*** (0,008)
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники	-0,020** (0,005)	-0,001 (0,006)	-0,032*** (0,008)
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	-0,011 (0,007)	-0,044** (0,019)	-0,009 (0,009)
Работники сферы торговли и услуг	-0,022*** (0,005)	-0,014* (0,007)	-0,029*** (0,008)

¹⁴ Составлено автором в программном пакете Stata 14.2. на основе ВНРП-2013 // ФСГС [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/food1/survey0/index.html (дата обращения: 10.09.2021).

Квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства	-0,025** (0,011)	-0,025** (0,013)	-0,010 (0,019)
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	-0,015*** (0,005)	-0,007 (0,005)	-0,045*** (0,012)
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	-0,009* (0,005)	-0,006 (0,005)	-0,008 (0,013)
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	-0,034*** (0,006)	0,021 (0,013)	-0,048*** (0,010)
Женат или замужем	0,023*** (0,002)	0,018*** (0,004)	0,020*** (0,003)
Городская местность	0,024*** (0,003)	0,025*** (0,004)	0,022*** (0,004)
Количество детей	-0,004*** (0,001)	-0,002 (0,002)	-0,005** (0,002)
Самооценка доходов (логарифм)	0,031*** (0,002)	0,032*** (0,002)	0,030*** (0,002)
Возраст	0,004*** (0,001)	0,002* (0,001)	0,006*** (0,001)
Возраст ²	-0,000*** (0,000)	-0,000** (0,000)	-0,000*** (0,000)
Число часов работы в неделю	0,000*** (0,000)	0,000 (0,000)	0,001*** (0,000)
Коэффициент физической активности	-0,009** (0,004)	-0,011** (0,005)	-0,006 (0,007)
Число наблюдений	82250	40212	42038
Доля корректно предсказанных исходов	90,39%	91,33%	89,50%

Руководящие работники значительно больше представителей других групп злоупотребляют жирной пищей, однако набор профессиональных групп, в которых присутствуют значимые отличия от руководящих работников в склонности к злоупотреблению жирами, заметно различается между полами. В частности, можно выделить следующие наборы групп, представители которых потребляют жиров меньше, чем руководящие работники:

Мужчины:

- служащие офисные и по обслуживанию клиентов;
- работники сферы торговли и услуг;
- квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства.

Женщины:

- специалисты высшего уровня квалификации;
- специалисты среднего уровня квалификации; чиновники;

- работники сферы торговли и услуг (эффект в 2 раза сильнее, чем у мужчин);
- квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом;
- неквалифицированные рабочие всех отраслей.

В женской подвыборке намного больше групп, представители которых потребляют жиров значительно меньше по сравнению с руководящими работниками.

То, что не обнаружено групп, представители которых злоупотребляли бы жирами больше, чем руководящие работники, может говорить в пользу того, что в перечне групп нет таких, которые могли бы вызывать у людей больше стресса, чем пребывание на руководящем посту. Такое заключение, безусловно, может звучать очень смело, однако тот факт, что значимые различия в потреблении жиров между представителями профессиональных групп сохранились даже после добавления в модель контрольных переменных, может говорить о том, что полученные результаты не смещены из-за искажающего влияния со стороны доходов, плотности рабочего графика и уровня физической активности. То есть если бы различия в потреблении жиров между профессиональными группами полностью исчезли после введения этих переменных, то можно было бы списать полученный результат на то, что руководящие работники имеют более высокие трудовые заработки (и, как следствие, продукты питания отличаются для них более высокой экономической доступностью), располагают меньшим количеством времени на трапезу (как следствие, могут отдавать больше предпочтений быстрой в приготовлении пище, как правило, более насыщенной жирами) и/или проявляют меньше физической активности (как следствие, менее фанатично привержены идее ведения здорового образа жизни, включая подгонку своего рациона питания под следование этой идее), однако в полной мере эти различия не устранились.

Из результатов, представленных в Таблице 5, мы можем предположить следующую картину. Если принять руководящую должность за эталон «стрессовой» работы, то у мужчин и женщин портреты «спокойных» профессий различаются между собой. В частности, у мужчин, занимающихся работой, близкой по функционалу к той, которой они занимаются на руководящем посту (группы специалистов высшего и среднего уровня квалификации, а также некрупные чиновники), нет значимых отличий в злоупотреблении жирами от руководящих работников, в то время как у женщин эти отличия наблюдаются. Однако полученный результат не обязательно строго указывает на то, что пребывание на руководящей должности вызывает у женщин больше стресса, который они стремятся заглушить, в том числе «заедая» его жирной пищей, нежели у мужчин. Поскольку возможно, что руководящие работники и специалисты высшей и средней квалификации, а также крупные и некрупные чиновники в мужской подвыборке в среднем потребляют жиров одинаково, но при этом во всех группах значительно больше, чем в таких же группах у женщин. Для этого мы дополнительно рассчитаем средние уровни потребления жиров в разрезе профессиональных групп (Таблицы 6, 7).

Таблица 6. Средние уровни потребления жиров мужчинами в разрезе профессиональных групп (в % от дневного энергетического рациона)¹⁵

Название группы	Число наблюдений	Средняя	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и среднего звена	5369	41,79	7,92	5,73	70,39
Военнослужащие	456	42,37	7,68	17,11	73,24
Специалисты высшего уровня квалификации	5627	41,35	7,94	3,27	72,59
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники	4339	41,28	8,17	4,39	72,53
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	410	40,49	8,08	19,37	65,64
Работники сферы торговли и услуг	3140	40,61	8,18	10,63	76,77
Квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства	649	38,70	8,50	4,26	65,05
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	8860	40,40	7,97	11,55	74,49
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	9397	40,41	8,01	8,17	70,61
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	4433	39,34	8,49	2,30	68,20

Таблица 7. Средние уровни потребления жиров женщинами в разрезе профессиональных групп (в % от дневного энергетического рациона)¹⁶

Название группы	Число наблюдений	Средняя	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и среднего звена	3251	42,08	8,57	7,44	77,56
Военнослужащие	102	45,63	8,38	17,43	63,46
Специалисты высшего уровня квалификации	13248	40,98	8,56	3,20	78,31
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники	10015	40,51	8,67	3,27	78,8
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	3264	41,17	8,30	7,06	71,07
Работники сферы торговли и услуг	8020	40,86	8,79	4,73	78,14
Квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства	345	39,29	8,34	11,7	62,88
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	2093	40,15	8,65	7,63	74,93
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	1109	41,13	8,35	6,44	65,2
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	4609	39,31	8,92	2,64	71,82

¹⁵ Составлено автором в программном пакете Stata 14.2. на основе ВНРП-2013 // ФСГС [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/food1/survey0/index.html (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁶ Составлено автором в программном пакете Stata 14.2. на основе ВНРП-2013 // ФСГС [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/food1/survey0/index.html (дата обращения: 10.09.2021).

В ходе проведения t-теста на сравнение средних мы получили, что различия в средних значениях долей потребления жиров в среднесуточном потреблении калорий значимы на 1%-ом уровне почти на всех подгруппах¹⁷, что дает нам основание считать правомерными дальнейшие выводы в ходе сравнения средних. Сравнение средних уровней потребления жиров мужчинами и женщинами в разрезе профессиональных групп показывает, что уровень потребления жиров женщинами-руководителями превышает не только уровень потребления жиров мужчинами-руководителями, но и практически лидирует во всех профессиональных подгруппах по полу, уступая только аналогичному значению для мужчин и женщин военнослужащих. Не исключено, что в случае с военнослужащими могло сыграть роль то, что они недостаточно представлены в выборке (всего 456 среди мужчин и 102 среди женщин), поэтому этим результатам сложно доверять. В то же время количество руководящих работников, как и представителей практически всех остальных профессиональных групп¹⁸, исчисляется тысячами, что может говорить в пользу большей надежности оценок среднего потребления жиров для остальных групп. Специалисты высшего и среднего уровня квалификации и чиновники-мужчины едят столько же жирной пищи, сколько руководящие работники-мужчины, однако все же меньше, чем представители аналогичных профессиональных групп в женской подвыборке. При этом практически во всех остальных группах (кроме квалифицированных рабочих, занятых ручным трудом и неквалифицированных рабочих) женщины потребляют больше жирной пищи, чем мужчины из каждой аналогичной группы.

Выводы и дискуссия

Результаты исследования могут указывать на то, что за выявленными различиями в злоупотреблении жирной пищей действительно может стоять стрессовый фактор, который значимо подталкивает женщин-руководителей к переяданию по сравнению с представителями других профессиональных групп, что проявляется в том же направлении, но не в сходном масштабе для мужчин. Не исключено, что в свете отсутствия в выборочных обследованиях строгих маркеров, которые могли бы позволить нам окончательно утверждать, что более жиронасыщенный рацион руководящих работников, по сравнению с другими профессиональными группами, обуславливается именно фактором стресса, не лишним было бы проведение дополнительного качественного исследования.

Список литературы:

Родионова Л.А., Копнова Е. Д. Статистический анализ характеристик рационального питания населения России // Вопросы статистики. 2017. № 7. С. 28–40.

Beena C., Poduval P.R. Gender Differences in Work Stress of Executives // Psychological Studies. 1992. Vol. 37. Is. 2–3. P. 109–113.

Carroll D., Ginty A.T., Whittaker A.C., Lovallo W.R., de Rooij S.R. The Behavioural, Cognitive, and Neural Corollaries of Blunted Cardiovascular and Cortisol Reactions to Acute Psychological Stress // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2017. Vol. 77. P. 74–86. DOI: [10.1016/j.neubiorev.2017.02.025](https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2017.02.025).

Cho Y., Park J., Han S.J., Ju B., You J., Ju A., Park Ch.K., Park H.Y. How Do South Korean Female Executives' Definitions of Career Success Differ from Those of Male Executives? // European Journal of Training and Development. 2017. Vol. 41 № 6. P. 490–507. DOI: <https://doi.org/10.1108/EJTD-12-2016-0093>.

Davidson M., Cooper C.L. Stress and the Woman Manager. Oxford: Robertson, 1983.

¹⁷ Исключение составляют пары средних между работниками среднего уровня квалификации и неквалифицированными рабочими, а также между офисными сотрудниками и военнослужащими у мужчин и между руководящими работниками и офисными служащими у женщин, различия в которых оказались статистически незначимыми.

¹⁸ Кроме военнослужащих и работников сельского, лесного хозяйства и рыбоводства.

Devaux M., Sassi F., Church J., Cecchini M., Borgonovi F. Exploring the Relationship between Education and Obesity // *Economic Studies*. 2011. Vol. 2011. Is. 1. DOI: https://doi.org/10.1787/eco_studies-2011-5kg5825v1k23.

Drewnowski A., Specter S.E. Poverty and Obesity: The Role of Energy Density and Energy Costs // *The American Journal of Clinical Nutrition*. 2004. Vol. 79. Is. 1. P. 6–16. DOI: [10.1093/ajcn/79.1.6](https://doi.org/10.1093/ajcn/79.1.6).

Finkelstein C.A. Women Managers: Career Patterns and Changes in the United States // *Access to Power* / ed. by Cynthia Fuchs Epstein, Rose Laub Coser. London: Routledge, 2018. P. 193–210.

Jackson S.E., Kirschbaum C., Steptoe A. Hair Cortisol and Adiposity in a Population-Based Sample of 2,527 Men and Women Aged 54 to 87 Years // *Obesity*. 2017. Vol. 25. Is. 3. P. 539–544. DOI: [10.1002/oby.21733](https://doi.org/10.1002/oby.21733).

Kim T. J., Roesler N. M., von dem Knesebeck O. Causation or Selection—Examining the Relation Between Education and Overweight / Obesity in Prospective Observational Studies: A Meta-Analysis // *Obesity Reviews*. 2017. Vol. 18. Is. 6. P. 660–672. DOI: [10.1111/obr.12537](https://doi.org/10.1111/obr.12537).

Nelson D.L., Burke R.J. Women Executives: Health, Stress, and Success // *Academy of Management Perspectives*. 2000. Vol. 14. Is. 2. P. 107–121.

Sinha R. Role of Addiction and Stress Neurobiology on Food Intake and Obesity // *Biological Psychology*. 2018. Vol. 131. P. 5–13. DOI: [10.1016/j.biopsycho.2017.05.001](https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2017.05.001).

Tomiya A.J. Stress and Obesity // *Annual Review of Psychology*. 2019. Vol. 70. P. 703–718. DOI: [10.1146/annurev-psych-010418-102936](https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-102936).

Veblen T. *The Theory of the Leisure Class*. New York: Penguin Books, 1994.

References:

Beena C., Poduval P.R. (1992) Gender Differences in Work Stress of Executives. *Psychological Studies*. Vol. 37. Is. 2–3. P. 109–113.

Carroll D., Ginty A.T., Whittaker A.C., Lovallo W.R., de Rooij S.R. (2017) The Behavioural, Cognitive, and Neural Corollaries of Blunted Cardiovascular and Cortisol Reactions to Acute Psychological Stress. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. Vol. 77. P. 74–86. DOI: [10.1016/j.neubiorev.2017.02.025](https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2017.02.025).

Cho Y. Park J., Han S.J., Ju B., You J., Ju A., Park Ch.K., Park H.Y. (2017) How Do South Korean Female Executives' Definitions of Career Success Differ from Those of Male Executives? *European Journal of Training and Development*. Vol. 41. No. 6. P. 490–507. DOI: <https://doi.org/10.1108/EJTD-12-2016-0093>.

Davidson M., Cooper C.L. (1983) *Stress and the Woman Manager*. Oxford: Robertson.

Devaux M., Sassi F., Church J., Cecchini M., Borgonovi F. (2011) Exploring the Relationship between Education and Obesity. *Economic Studies*. Vol. 2011. Is. 1. DOI: https://doi.org/10.1787/eco_studies-2011-5kg5825v1k23.

Drewnowski A., Specter S.E. (2004) Poverty and Obesity: The Role of Energy Density and Energy Costs. *The American Journal of Clinical Nutrition*. Vol. 79. Is. 1. P. 6–16. DOI: [10.1093/ajcn/79.1.6](https://doi.org/10.1093/ajcn/79.1.6).

Finkelstein C.A. (2018) Women Managers: Career Patterns and Changes in the United States. In: Fuchs Epstein C., Laub Coser R. (eds.) *Access to Power*. London: Routledge, 2018. P. 193–210.

Jackson S.E., Kirschbaum C., Steptoe A. (2017) Hair Cortisol and Adiposity in a Population-Based Sample of 2,527 Men and Women Aged 54 to 87 Years. *Obesity*. Vol. 25. Is. 3. P. 539–544. DOI: [10.1002/oby.21733](https://doi.org/10.1002/oby.21733).

Kim T.J., Roesler N.M., von dem Knesebeck O. (2017) Causation or Selection—Examining the Relation Between Education and Overweight/Obesity in Prospective Observational Studies: A Meta-Analysis. *Obesity Reviews*. Vol. 18. Is. 6. P. 660–672. DOI: [10.1111/obr.12537](https://doi.org/10.1111/obr.12537).

Nelson D.L., Burke R.J. (2000) Women Executives: Health, Stress, and Success. *Academy of Management Perspectives*. Vol. 14. Is. 2. P. 107–121.

Rodionova, L.A., Kopnova, E.D. (2017) Statistical Analysis of Characteristics of Balanced Nutrition of Population in Russia. *Voprosy Statistiki*. No. 7. P. 28–40.

Sinha R. (2018) Role of Addiction and Stress Neurobiology on Food Intake and Obesity. *Biological Psychology*. Vol. 131. P. 5–13. DOI: [10.1016/j.biopsycho.2017.05.001](https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2017.05.001).

Tomiyama A.J. (2019) Stress and Obesity. *Annual Review of Psychology*. Vol. 70. P. 703–718. DOI: [10.1146/annurev-psych-010418-102936](https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-102936).

Veblen T. (1994) *The Theory of the Leisure Class*. New York: Penguin Books.

Дата поступления/Received: 15.09.2021

Человеческий потенциал и перспективы развития образования

Молчанов Игорь Николаевич

Доктор экономических наук, профессор, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; департамент общественных финансов, финансовый факультет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, РФ.

E-mail: 9392940@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [1300-2679](#)

ORCID ID: [0000-0003-4252-2387](#)

Аннотация

В составе факторов, влияющих на экономический рост, видная роль отводится образованию. В разных странах мира существуют различия в подходах к организации образовательной деятельности и управлению ей. Цель статьи — поиск средств и инструментов образовательной политики, способствующих накоплению человеческого потенциала. При проведении междисциплинарного исследования использовались труды российских и зарубежных ученых; применялись диалектический и цивилизационный подходы, методы индукции и дедукции, контент-анализа, логических сравнений, экспертных оценок. В результате установлено, что ключевой характеристикой человеческого потенциала является образование (формальное, неформальное, информальное); в условиях глобальных изменений качественные характеристики человеческого потенциала во многом определяют положение государств на мировой арене; на передовых рубежах находятся страны и субъекты экономики, обладающие конкурентными преимуществами, достигающие наибольших результатов хозяйствования в результате эффективного задействования человеческого фактора. Обосновано влияние среднего профессионального и высшего образования на конкурентоспособность национальной экономики; доказана справедливость проведения политики «образование в течение всей жизни», которая предполагает постоянное накопление человеческого капитала посредством системного применения разных форм обучения и повышения квалификации, овладения новыми профессиями и компетенциями. Сделаны выводы о своевременности введения инновационных форм получения знаний на разных ступенях профессионального образования, результатом которого станет улучшение обеспеченности постиндустриального общества квалифицированными специалистами в направлениях и профилях подготовки, востребованных рынком. Дальнейшие исследования целесообразно посвятить изучению инновационных форм обучения слушателей профессиональных образовательных программ в целях максимального обеспечения доступности работников требуемых профессий и квалификаций для нужд социально ориентированной экономики и общества в целом.

Ключевые слова

Человеческий потенциал, политика в сфере образования, законодательные новации, новые профессии и компетенции, креативность, система образования.

Human Potential and Prospects for Education Development

Igor N. Molchanov

DSc (Economics), Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Finance Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation; Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russian Federation.

E-mail: 9392940@gmail.com

ORCID ID: [0000-0003-4252-2387](#)

Abstract

Among the factors influencing economic growth, a prominent role is assigned to education. In different countries of the world, there are differences in approaches to the organization and management of educational activities. The purpose of the article is to search for means and tools of educational policy that contribute to the accumulation of human potential. During the interdisciplinary research, the works of Russian and foreign scientists were used. Dialectical and civilizational approaches, methods of induction and deduction, content analysis, logical comparisons, expert assessments were applied. The study established that the key characteristic of human potential is education (formal, non-formal, informal); that in the context of global changes, the qualitative characteristics of human potential largely determine the position of states in the world arena; at the forefront are countries and economic entities that have competitive advantages, achieve the greatest economic results because of the effective use of the human factor. The influence of secondary vocational and higher education on the competitiveness of the national economy has been substantiated. The fairness of the policy “education throughout life”, which implies the constant accumulation of human capital through the systematic application of various forms of training and advanced training, mastering new professions and competencies has been proven. Conclusions about the timeliness of introducing innovative forms of obtaining knowledge at different levels of vocational education, the result of which will be an improvement in providing post-industrial society with qualified specialists in the areas and training profiles demanded by the market are made. It is advisable to devote further research to the study of innovative forms of training for students of professional educational programs to maximize the availability of workers with required professions and qualifications for the needs of a socially oriented economy and society.

Keywords

Human potential, education policy, legislative innovations, new professions and competence, creativity, education system.

Введение

Повышение конкурентоспособности национальной экономики обуславливает рост взаимосвязанности различных сфер жизнедеятельности, необходимость продолжения образования обучающимися, овладения новыми профессиями, повышения квалификации работающих и всего населения в целях достижения соответствия требованиям рынка труда в условиях формирующегося постиндустриального общества. Перманентно протекающие глобальные изменения инициируют организацию непрерывного процесса обучения в высших учебных заведениях в офлайн и онлайн форматах в целях обеспечения равного доступа к качественному образованию. Развитые и развивающиеся страны мира, ориентируясь на располагаемые ресурсы, решают задачи повышения качества образования и укрепления международного сотрудничества посредством содействия студенческим обменов и передовым педагогическим практикам; создания условий для академической мобильности и трансграничного образования; оказания помощи в развитии профессиональных компетенций преподавателей; финансирования инновационных образовательных проектов и привлечения государственных и частных инвестиций; определения стратегий по улучшению результатов обучения; развития образования как инструмента инклюзивности в разрезе приоритетных STEM-отраслей¹.

Будучи подверженным влиянию технологических инноваций, образование призвано сохранить свою ценность, уникальность. Несмотря на ускоряющийся процесс цифровизации, именно обучение остается основой развития человеческих ресурсов, «вооружения» людей навыками, знаниями и компетенциями. Университеты становятся площадками для подготовки высокопрофессиональных специалистов в XXI веке, характеризующемся улучшением уровня равенства и инклюзии в образовании с помощью инновационных технологий, изменением моделей обучения в сегменте STEM-отраслей, вызванным цифровой трансформацией, расширением возможностей для продуктивного международного сотрудничества.

В качестве ключевых векторов российской образовательной политики выступают формирование человеческого потенциала и активизация подготовки высококвалифицированных специалистов, востребованных для работы не только в субъектах Российской Федерации, но и в сопредельных государствах, на всем Евразийском пространстве, в других регионах мира. Реализация стратегических ориентиров системы образования предполагает обновление законодательной базы, упорядочение прогнозных и плановых документов, системную работу над созданием конкурентной образовательной среды.

Обзор литературы

Формирование у обучающихся уровня знаний, навыков и компетенций, соответствующих потребностям высокотехнологичной Индустрии 4.0, создание условий для их быстрого обновления — главные задачи современной системы образования. Политика государства в образовательной сфере ориентирована на развитие человеческого капитала, увеличение трудовой мобильности работающих. В научных публикациях анализируются различные подходы к изучению человеческого капитала [Булина и др. 2020], предметно рассматриваются проблемы и перспективы формирования кадрового потенциала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики [Эскиндаров и др. 2020]. Повышение качества образования, капитализация знаний, приобретение новых навыков и компетенций обучающимися — все это, по мнению российских экспертов, требует роста финансирования и введения новшеств в деятельность образовательных организаций [Как увеличить человеческий капитал... 2018, 13–17; 30–31]. Общеизвестно, что

¹ STEM-отрасли: Science, Technologies, Engineering and Mathematics.

особенности социально-экономического развития разных стран мира проявляются не только в уровне макропоказателей, но и в разнообразии подходов к организации образовательной деятельности. Однако, как полагают исследователи, одних финансовых мер недостаточно для решения накопившихся в данной сфере проблем и только общая заинтересованность, координация действий, совместное участие в работе по обучению и воспитанию молодежи в изменяющихся условиях могут принести общественно значимые результаты [Как сделать образование двигателем социально-экономического развития 2019; Andrews 2013].

В зарубежных прикладных исследованиях внимание уделяется преимущественно двум аспектам: изучению источников получения ресурсов, которые можно задействовать для формирования человеческого капитала [World Population and Human Capital in the Twenty-First Century 2017], и определению факторов производства, влияющих на конкурентоспособность [Olimpia 2019]. В работах российских ученых рассматриваются различные стороны данной проблематики: междисциплинарный характер категории «человеческий потенциал», проводится ее увязка со стратегическим управлением человеческими ресурсами [Давыденко и др. 2019]; изучаются взаимосвязи между ресурсами человеческого и социального капитала [Ромашкина, Худякова 2020]; наряду с общегосударственными вопросами внимание уделяется региональным системам образования, особенности функционирования которых способствуют усилению (либо снижению) неравномерности пространственного развития [Акаев и др. 2020]. Применение различных подходов к исследованию образовательной деятельности и разнообразие методологий измерения результатов обучения позволяют разносторонне оценить человеческий капитал на макро- и микроуровне, получить обширный материал для анализа и разработки рекомендаций по его развитию и капитализации.

Методология и методы исследования

Объектом исследования стали вопросы проведения образовательной политики в России. По ряду позиций проводилось сравнение с развитыми странами (США, Республика Корея, Япония) и развивающимися странами БРИКС (Китай, Индия, Бразилия, Южно-Африканская Республика). Особое внимание уделялось изучению российской специфики формирования человеческого капитала. Источники информации — законодательные документы, российские и зарубежные аналитические материалы, работы отечественных и иностранных авторов. В процессе исследования использовались общенаучные и специальные методы познания. Диалектический и цивилизационный подходы применялись для исследования закономерностей и особенностей функционирования национальных образовательных систем в увязке с проблемными вопросами формирования концептуальных основ их будущего развития. При сравнении образовательного потенциала населения разных стран подготовке рекомендаций анализировались показатели уровня образования, занятости и безработицы, результаты оценки грамотности 15-летних обучающихся.

Анализ результатов исследования

Изучение образовательных достижений населения целесообразно начинать с рассмотрения оценочных данных об уровне грамотности 15-летних обучающихся (в сравнении России с рядом развитых стран мира). Такие возможности для анализа дают материалы PISA (Таблица 1).

Таблица 1. Оценка грамотности 15-летних обучающихся (2018 г.)²

Показатели	Россия	США	Республика Корея	Япония
Средний балл по международной 1000-балльной шкале				
Читательская грамотность	479	505	514	504
Математическая грамотность	488	478	426	527
Естественнонаучная грамотность	478	502	519	529

Исследование уровней читательской, математической и естественнонаучной грамотности проходило в 2018 г. К примеру, удельный вес школьников, показавших низкий и высокий уровни читательской грамотности, соответственно 1-й уровень и ниже (менее 407 баллов) и 5–6 уровни (626 баллов и более), составил: в России — 22,1:5,64; США — 19,3:13,5; Республике Корея — 15,1:13,1; Японии — 16,8:10,3. По показателю уровня математической грамотности, соответственно 1-й уровень и ниже (менее 420 баллов) и 5–6 уровни (607 баллов и более), соотношение следующее: в России — 21,6:8,1; США — 27,1:8,3; Республике Корея — 15,0:21,4; Японии — 11,5:18,3. По показателю уровня естественнонаучной грамотности, соответственно 1-й уровень и ниже и 5–6 уровни (633 балла и более), составил: в России — 21,2:3,1; США — 18,6:9,1; Республике Корея — 14,2:11,8; Японии — 10,8:12,2³. Представленные данные свидетельствуют о различиях в приоритетах подготовки обучающихся по названным группам дисциплин в указанных странах.

Анализ уровня образования взрослого населения России и ряда развитых и развивающихся стран мира (по ступеням МСКО⁴ 2011 г.) представлен по материалам Росстата и ряда зарубежных источников (Таблица 2).

Таблица 2. Уровень образования взрослого населения: 2019 (в возрасте 25–64 лет; в % от общей численности населения данной возрастной группы)⁵

Показатели	Россия	США	Китай	Республика Корея	Япония	Бразилия	Южная Африка	Индия
Имеют образование	97,3	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Основное общее и ниже (МСКО 0, 1, 2)	5,8	9,2	75,5	11,3	n*	47,0	25,8	71,3
Среднее общее, среднее профессиональное по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих (МСКО 3, 4)	26,8	42,5	14,8	38,7	47,3	34,6	67,0	18,1
Среднее профессиональное по программам подготовки специалистов среднего звена (МСКО 5)	34,5	10,7	5,8	13,9	21,4	n*	1,0	0,8

² Источник: Индикаторы образования 2021: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 495–496.

³ Индикаторы образования 2021: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 497–502.

⁴ МСКО — Международная стандартная классификация образования.

⁵ Источник: Индикаторы образования 2021: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 450–453. Примечание: * — символ n означает, что данные включены в нижеследующую строку данной графы; ** — по зарубежным странам, включая МСКО 5.

Высшее (МСКО 6, 7, 8)	30,2	37,6	3,9	36,1	31,3	18,4	6,2	9,8
Удельный вес взрослого населения, имеющего высшее образование (МСКО 6, 7, 8) — возраст, лет**								
25–34	30,2	43,4	н/д	69,8	61,5	21,3	5,6	н/д
55–64	40,3	50,4	н/д	24,4	44,5	14,3	9,1	н/д

В начале XXI в. в России обозначилась тенденция возрастания заинтересованности молодежи в получении профессионального образования (среднего — МСКО 5 и высшего — МСКО 6,7,8). Одновременно наблюдается снижение интереса к получению рабочих профессий (МСКО 2,3). Это подтверждает динамика валовых коэффициентов выпуска специалистов с профессиональным образованием (бакалавров, специалистов, магистров, квалифицированных рабочих, служащих)⁶. Числовые значения этих коэффициентов (2019 г. в сравнении с 2000 г.): выпуск бакалавров, специалистов, магистров — 68,6:28,8; специалистов среднего звена — 40,1:23,6; квалифицированных рабочих, служащих — 11,5:26,9⁷.

Вследствие выхода на рынок труда ежегодно возрастающего количества дипломированных выпускников вузов возникла проблема избыточного образования. Данный термин означает снижение ценности высшего образования из-за перенасыщения рынка труда специалистами определенных профессий и квалификаций. В результате сложившейся ситуации завершившим обучение бакалаврам, магистрам, специалистам приходится занимать должности, не требующие высокого (вузовского) уровня подготовки. В России данная проблема носит достаточно острый характер. Так, в 2019 г. из общего количества выпускников (335,9 тыс. чел. (100%)) по очной форме обучения (МСКО 6,7,8) направление на работу получили 181,0 тыс. чел. (53,9%); трудоустроились самостоятельно 76,5 тыс. чел. (22,8%); приняли решение о продолжении обучения на следующем уровне образования 91,5 тыс. чел. (27,4%); были призваны на военную службу 13,9 тыс. чел. (4,1%)⁸.

Несовершенство механизмов согласования планов набора в вузы по направлениям и профилям подготовки со спросом рынка труда в работниках определенных профессий и квалификаций инициировало появление еще одной проблемы: место трудоустройства выпускников учебных заведений профессионального образования не всегда увязано с образовательными программами, по которым велось обучение слушателей (Таблица 3).

⁶ Валовые коэффициенты выпуска рассчитываются как отношение численности выпускников, обучавшихся по программам профессионального образования, к численности населения в возрасте, теоретически соответствующем окончанию образования на определенной ступени: 22 года для выпуска бакалавров, специалистов, магистров; 18 лет — для выпуска специалистов среднего звена; 17 лет — для квалифицированных рабочих, служащих.

⁷ Индикаторы образования 2021: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 65.

⁸ Там же. С. 88.

**Таблица 3. Работа выпускников и завершивших обучение в 2016–2018 гг.
по полученной профессии⁹**

Показатели	Выпускники, всего	Из них обучавшихся по программам		
		среднего профессионального образования		программам высшего образования
		программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих	программам подготовки специалистов среднего звена	
Всего, тыс. чел.	3405,6	450,4	910,4	2044,8
Из них имеют работу:				
1) связанную с полученной профессией	2157,2	225,8	521,1	1410,3
2) не связанную с полученной профессией	1248,4	224,6	389,3	634,5
В % от общей численности выпускников имеют работу:				
1) связанную с полученной профессией	63,3	50,1	57,2	69,0
2) не связанную с полученной профессией	49,9	49,9	42,8	31,0

Согласно представленной информации, получают работу в соответствии с выбранной профессией от 50 до 70% выпускников, обучавшихся по программам МСКО 5,6,7,8; трудоустраиваются на работу, не связанную с полученной профессией, от 30 до 50% завершивших обучение лиц. Следствием данной ситуации становится появление потребности в получении новой профессии, пользующейся спросом на рынке труда. Ориентируясь на цифры приема в российские колледжи и вузы, можно сделать вывод об имеющихся проблемах в трудоустройстве выпускников образовательных организаций. Одним из приемлемых выходов является рост заинтересованности молодежи в продолжении обучения.

На основе официальной информации можно проанализировать состояние безработицы среди выпускников образовательных организаций в России (данные на конец 2019 г., тыс. чел.): общая численность безработных — 691,4; из них завершивших обучение в 2019 г. по образовательным программам: МСКО 3,4 — 2,5; МСКО 5 — 9,1; МСКО 6,7,8 — 2,4¹⁰. Сложившаяся на рынке труда ситуация инициирует рост спроса на получение образовательных услуг (в том числе платных) у части населения (особенно у молодежи). О наличии проблем в сферах занятости и безработицы, а также их об остроте в разных странах мира свидетельствуют данные, представленные в Таблице 4.

⁹ Источник: Индикаторы образования 2021: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 83-87.

¹⁰ Индикаторы образования 2021: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 89.

**Таблица 4. Уровень занятости и безработицы населения по образованию: 2019
(в возрасте 25–64 лет; в % от общей численности населения данной возрастной группы)¹¹**

Показатели	Россия	США	Бразилия	Южная Африка	Республика Корея	Япония
Уровень занятости по образованию**						
Основное общее и ниже (МСКО 0, 1, 2)	54,7	56,1	58,8	43,9	63,8	n*
Среднее общее, среднее профессиональное по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих (МСКО 3, 4)	73,1	71,0	72,0	57,1	72,2	81,3
Среднее профессиональное по программам подготовки специалистов среднего звена (МСКО 5), высшее (МСКО 6, 7, 8)	83,1	82,7	82,6	84,6	77,7	86,0****
Уровень безработицы по образованию***						
Основное общее и ниже (МСКО 0, 1, 2)	9,7	6,5	9,7	25,4	3,9	н/д
Среднее общее, среднее профессиональное по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих (МСКО 3, 4)	5,2	5,0	10,0	25,6	3,5	н/д
Среднее профессиональное по программам подготовки специалистов среднего звена (МСКО 5), высшее (МСКО 6, 7, 8)	2,7	2,1	5,5	6,2	3,2	1,9

Из представленной информации следует вывод о наличии безработицы среди лиц, имеющих определенный уровень образования (по МСКО 2011 г.). Это подтверждает необходимость, с одной стороны, взаимной увязки и повышения научной обоснованности разрабатываемых прогнозов демографического и социально-экономического развития в отраслевом и территориальном разрезе; с другой стороны, активизации деятельности правомочных органов в направлении поиска новых возможностей и ресурсов для разностороннего учета потребностей различных возрастных групп населения в получении более высокого уровня образования.

Обсуждение результатов исследования

Рассмотрение изложенных выше тенденций развития образовательной деятельности в России и ряде развитых и развивающихся стран мира приводит к следующим выводам. В сфере профессионального образования России появляются новые векторы развития. Это подтверждают данные о росте заинтересованности молодежи в продолжении обучения. Исследование намерений населения продолжить обучение по уровню образования¹² выполнено по материалам выборочного обследования, которое регулярно проводится Росстатом в рамках комплексного наблюдения условий жизни населения в субъектах Российской Федерации и охватывает 60 тыс. домохозяйств¹³.

¹¹ Источник: Индикаторы образования 2021: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 454-456. Примечание: * — символ n означает, что данные включены в нижеследующую строку данной графы; ** — удельный вес занятых в общей численности населения соответствующего уровня образования; *** — удельный вес безработных в численности рабочей силы соответствующего уровня образования; **** — включая МСКО 4.

¹² Рассчитывается в % от общей численности респондентов в возрасте 15–55 лет (женщины) / 15–60 лет (мужчины), обучающихся в образовательных организациях (за исключением обучающихся по программам подготовки кадров высшей квалификации и необучающейся молодежи в возрасте до 24 лет по соответствующему уровню образования).

¹³ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111763/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 06.09.2021).

Сводный показатель (в % от общей численности респондентов, обучающихся по соответствующей группе, 2018 г.): собираются продолжить обучение 54,0%, не собираются 33,1%, не определились 12,9%. Более подробная информация об образовательных стратегиях населения: по МСКО 6,7,8 — соответственно 23,0%, 65,5%, 11,4%; по МСКО 5 — 29,5%, 54,5%, 15,9%; по МСКО 4 — 19,7%, 61,0%, 19,3%; по МСКО 3 — 48,0%, 36,9%, 15,0%¹⁴.

Устойчивое положение вузов на рынке образовательных услуг во многом определяется достаточностью объемов финансовых ресурсов. В Таблице 5 представлены объем и структура средств от образовательной деятельности, полученных российскими образовательными организациями высшего образования, по видам реализуемых образовательных программ и источникам финансирования.

Таблица 5. Средства от образовательной деятельности, полученные образовательными организациями высшего образования, по видам реализуемых образовательных программ и источникам финансирования (Россия, 2019 г.)¹⁵

Показатели	Объем средств, всего, млн руб./%	В том числе:				
		бюджетные средства	средства организаций	средства населения	внебюджетные фонды	иностранные источники
Объем средств, всего	658740,5/100,0	406488,4/61,7	23509,3/3,6	210304,8/31,9	899,3/0,1	17538,8/2,7
Программы подготовки квалифицированных рабочих, служащих	520,1/100,0	330,9/63,6	85,3/16,4	90,1/17,3	—	13,8/2,7
Программы подготовки специалистов среднего звена	30777,1/100,0	15989,9/52,0	245,4/0,8	14297,0/46,5	74,5/0,2	170,2/0,6
Программы высшего образования: бакалавриат, специалитет, магистратура	531428,7/100,0	334574,8/63,0	8427,2/1,6	172973,0/32,5	771,1/0,1	14682,6/2,8
Программы высшего образования: подготовка научно-педагогических кадров (аспирантура, ординатура, ассистентура-стажировка)	27364,3/100,0	20542,2/75,1	470,1/1,7	5777,9/21,1	15,5/0,1	558,6/2,0
Программы профессионального обучения	1501,6/100,0	385,1/25,6	537,7/35,8	531,8/35,4	0,6/0,0	46,4/3,1
Дополнительные профессиональные программы	33530,1/100,0	7623,9/22,7	11963,6/35,7	12557,3/37,5	35,0/0,1	1350,3/4,0

¹⁴ Индикаторы образования 2021: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 66–67.

¹⁵ Источник: Индикаторы образования 2021: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 118–119.

Новые возможности для развития человеческого потенциала и повышения качества человеческого капитала открывает деятельность созданного в 2019 г. Московского научно-образовательного Консорциума на базе образовательных организаций высшего образования Москвы. В состав Консорциума входят ведущие вузы по семи направлениям Стратегии¹⁶. Миссия Консорциума — поиск путей и формирование предложений по обеспечению эффективной реализации стратегических ориентиров Российской Федерации. Деятельность этой организации сконцентрирована на научном потенциале вузов, организации работы по приоритетным направлениям технологического развития, созданию перспективных индустриальных технологий и их практическому исполнению.

Межотраслевое сотрудничество высших учебных заведений, имеющих разную ведомственную подчиненность, выступает стимулом для создания прорывных инноваций и новых аспектов научных исследований междисциплинарного характера, способствует привлечению потенциала профессорско-преподавательского состава для реализации студенческих проектов. Подобное взаимодействие вузов возможно на основе системного подхода и применения инструментария стратегического планирования. Организация образовательной деятельности на принципе системности позволит подготовить специалистов, владеющих методологией гуманитарного знания, умеющих делать квалифицированные прогнозы и проекты. Новые подходы к освоению методологии науки задают тренды для целого ряда прикладных исследований, стимулируют вузы к формированию новой картины мира, работе на будущее.

Заключение

Конечными целями построения Индустрии 4.0 являются освобождение людей от рутинной деятельности; переориентация производства на удовлетворение индивидуальных потребностей; ресурсосбережение. Однако центральной, главной составлявшей системы управления в Индустрии 4.0 остается человек. В системах образования России, других развитых и развивающихся стран наблюдается определенная специфика в организации работы образовательных учреждений и управлении ими, что и обуславливает существенные различия в уровне образовательных достижений населения. Российская система высшего образования характеризуется исторически устоявшимися традициями обучения и воспитания молодежи. Однако ускоряющаяся цифровая трансформация объективно корректирует подходы к подготовке специалистов, инициирует создание новых критериев для оценки результатов образовательной деятельности.

В условиях глобальных изменений обновляются ключевые приоритеты развития образования. Ориентация на национальные цели развития обуславливает реализацию ведущими высокорейтинговыми университетами России программы стратегического академического лидерства. Задачи переоснащения материально-технического потенциала и укрепления кадрового потенциала решаются в субъектах Российской Федерации научно-исследовательскими и федеральными университетами. Устойчивое функционирование вузов на мировом рынке образовательных услуг становится ключевым компонентом для создания инновационно ориентированной академической среды и вовлечения студентов в научные изыскания. Стратегическое планирование деятельности колледжей и вузов, построенное на долгосрочных демографических прогнозах и одновременно учитывающее конкурентные преимущества территории, становится приоритетным направлением работы региональных систем профессионального образования. «Опорные» университеты

¹⁶ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (дата обращения: 06.09.2021).

выстраивают эксклюзивные программы подготовки обучающихся в бакалавриате, специалитете и магистратуре для работы в STEM-областях, с ориентацией на закрепление квалифицированных кадров в регионах проживания.

Первоочередная задача накопления человеческого потенциала — формирование системы поддержки раннего развития (дети 0–6 лет). Инвестиции на данном этапе становления личности характеризуются отложенным эффектом, но чрезвычайно важны для карьерного роста и социальной мобильности индивида в будущем. В области общего среднего образования необходимо создавать и периодически обновлять цифровые образовательные ресурсы, которые решали бы критически важные задачи организации творческого учебного процесса в общеобразовательных школах: применение цифровых учебно-методических комплексов; активизация работы по вовлечению школьников посредством разработки и внедрения цифровых обучающих игр и цифровых симуляторов; продвижение открытых онлайн-курсов высокопрофессиональных педагогов по основным технологическим дисциплинам средней школы и дополнительного образования; создание для учащихся возможностей освоения дисциплин на углубленном уровне совместно с вузами, включая онлайн-формат.

В целях активизации фундаментальных и поисковых исследований, подготовки обучающихся для работы в субъектах Российской Федерации следует практиковать максимальное использование вузами региональной и отраслевой инфраструктуры поддержки инноваций (бизнес-инкубаторов, бизнес-акселераторов, инновационных парков, технопарков) для создания экспериментальной базы для международных проектов, развития кооперации с передовыми научными организациями Российской академии наук. Для подготовки высококвалифицированных специалистов к работе в цифровом производстве, стимулирования экспорта образовательных услуг необходимо повышение самостоятельности и мотивации к обучению, формирование индивидуальных траекторий обучающихся, изменение структуры специальностей, направлений и профилей подготовки кадров в вузах с приоритетной ориентацией на обучение в сегменте STEM-отраслей. Существует необходимость в продолжении исследований инновационных форм обучения слушателей профессиональных образовательных программ в целях максимального обеспечения доступности работников требуемых профессий и квалификаций для нужд национальной экономики и общества в целом.

Список литературы:

Акаев А.А., Десятко Д.Н., Петряков А.А., Сарыгулов А.И. Региональное развитие и система образования в условиях цифровой трансформации // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 4. С. 1031–1045. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-2>.

Булина А.О., Мозговая К.А., Пахнин М.А. Человеческий капитал в теории экономического роста: классические модели и новые подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. Т. 36. № 2. С. 163–188. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.201>.

Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Ромашкина Г.Ф., Хузяхметов Р.Р. Междисциплинарный контекст изучения человеческого капитала. Программа исследований // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 4 (20). С. 30–51. DOI: <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2019-5-4-30-51>.

Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? / Под ред. Я.И. Кузьмина, И.Д. Фрумина, П.С. Сорокина. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие / под ред. Я.И. Кузьмина, Л.Н. Овчаровой, Л.И. Яковсона. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

Ромашкина Г.Ф., Худякова М.В. Социологический анализ факторов и ресурсов человеческого капитала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 232–251. DOI: [10.15838/esc.2020.6.72.14](https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.14).

Эскиндаров М.А., Грузина Ю.М., Фирсова И.А., Мельничук М.В. Компетенции человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 199–214. DOI: [10.15838/esc.2020.6.72.12](https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.12).

Andrews M. *The Limits of Institutional Reform in Development: Changing Rules for Realistic Solutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Lutz W., Butz W.P., Samir K.C. (eds.). *World Population and Human Capital in the Twenty-First Century*. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Olimpia N. Disparities Regarding Competitiveness, Human Capital and Inclusive Development in the EU: A Cluster Analysis // *Annals — Economy Series*. 2019. Vol. 1. P. 61–71.

References:

Akaev A.A., Desyatko D.N., Petryakov A.A., Sarygulov A.I. (2020) Regional Development and the Education System in the Context of Digital Transformation. *Ekonomika regiona*. Vol. 16. No. 4. P. 1031–1045. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-2>.

Andrews M. (2013) *The Limits of Institutional Reform in Development: Changing Rules for Realistic Solutions*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bulina A.O., Mozgovaya K.A., Pakhnin M.A. (2020) Human Capital in Economic Growth Theory: Classical Models and New Approaches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*. Vol. 36. No. 2. P. 163–188. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.201>.

Davydenko V.A., Andrianova E.V., Romashkina G.F., Khuziakmetov R.R. (2019) Interdisciplinary Context of Human Capital Study. Research Program. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya*. Vol. 5. No. 4 (20). P. 30–51. DOI: <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2019-5-4-30-51>.

Eskindarov M.A., Gruzina Yu.M., Firsova I.A., Melnichuk M.V. (2020) Human Capital Competencies in High-Tech and Knowledge-Intensive Sectors of the Economy. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 3. No. 6. P. 199–214. DOI: [10.15838/esc.2020.6.72.12](https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.12).

Kuzminov Ja.I., Frumin I.D., Sorokin P.S. (eds.) (2019) *Kak sdelat' obrazovaniye dvigatelem sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya?* [How to make education an engine of social and economic development?]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki.

Kuzminov Ya.I., Ovcharova L.N., Yakobson L.I. (eds.) (2018) *Kak uvelichit' chelovecheskiy kapital i ego vklad v ekonomicheskoye i sotsial'noye razvitiye* [How to increase human capital and its contribution to economic and social development] Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki.

Lutz W., Butz W.P., Samir K.C. (eds.) (2017) *World Population and Human Capital in the Twenty-First Century*. Oxford: Oxford University Press.

Olimpia N. (2019) Disparities Regarding Competitiveness, Human Capital and Inclusive Development in the EU: A Cluster Analysis. *Annals — Economy Series*. Vol. 1. P. 61–71.

Romashkina G.F., Khudyakova M.V. (2020) Sociological Analysis of Human Capital Factors and Resources. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 13. No. 6. P. 232–251. DOI: [10.15838/esc.2020.6.72.14](https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.14).

Дата поступления/Received: 28.09.2021

Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of administration

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-89-105-121

Создание федеральной территории «Сириус» как фактор политического развития
города Сочи

Найдеров Юрий Вячеславович

Кандидат юридических наук, аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: NayderovYV@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: 2183-2242

ORCID ID: [0000-0001-6289-5573](https://orcid.org/0000-0001-6289-5573)

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с созданием федеральной территории «Сириус» и политическими последствиями, которые это влечет для города Сочи. Актуальность исследования обусловлена тем, что территория, получившая статус федеральной, была выделена из состава Сочи, но продолжает сохранять с ним тесную связь. Применение междисциплинарного подхода, метода политико-правового анализа и историко-генетического метода позволило комплексно исследовать этапы и причины создания федеральной территории «Сириус», выявить особенности ее статуса и охарактеризовать влияние на положение города Сочи. По мнению автора, создание нового публично-правового образования было связано с необходимостью перераспределения полномочий разных уровней власти, открывающего федеральному центру возможность максимально использовать потенциал объектов Имеретинской низменности для решения общегосударственных стратегических задач. История создания федеральной территории «Сириус» и продолжающиеся в научной литературе дискуссии по вопросу ее вхождения в состав Краснодарского края свидетельствуют, что текущий политико-правовой статус федеральной территории «Сириус» является результатом учета региональных интересов. Федеральная территория «Сириус» не входит в состав города Сочи, однако на переходный период до 31 декабря 2025 г. может рассматриваться вместе с ним как особый Сочинский субрегион Краснодарского края. Создание федеральной территории «Сириус» подтверждает федеральное значение Сочи и актуализирует вопрос повышения политико-правового статуса данного города, признания факта существования Сочинского субрегиона как особой политико-административной единицы. По мнению автора, создание федеральной территории «Сириус» можно рассматривать как фактор политического развития города Сочи.

Ключевые слова

Федеральная территория, Сириус, Сочи, Краснодарский край, Сочинский субрегион.

Creation of Federal Territory “Sirius” as a Factor for Sochi Political Development

Yuri V. Naidarov

PhD, postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: NayderovYV@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0001-6289-5573](https://orcid.org/0000-0001-6289-5573)

Abstract

The article discusses issues related to the creation of the federal territory “Sirius” and political consequences that this entails for the city of Sochi. The relevance of the study is defined by the fact that the territory that received the federal status was separated from Sochi, but continues to maintain a close relationship with it. The use of an interdisciplinary approach, the method of political-legal analysis and the historical-genetic method, made it possible to comprehensively study the stages and reasons for the creation of the federal territory “Sirius”, to identify the features of its status and to characterize the impact on the political situation of the city of Sochi. According to the author, one of the reasons for the creation of a new public law formation can be considered the need to carry out such redistribution of powers of public authority various levels, in which the federal level would be maximally provided with the opportunity to use the main resource potential of the objects of the Imeretinskaya lowland to solve national strategic problems. The history of the creation of the federal territory “Sirius” and the controversial nature of the issue of its joining the Krasnodar region indicate that its current political and legal status is the result of taking into account regional interests. The federal territory “Sirius” is not part of the city of Sochi, but for the transitional period till December 31, 2025 it can be considered together with it as a special Sochi sub-region of the Krasnodar region. The creation of the federal territory “Sirius” confirms the federal significance of Sochi and actualizes the issue of raising the political and legal status of this city, recognizing the objective existence of the Sochi sub-region. According to the author, the creation of the federal territory “Sirius” can be viewed as a factor in the political development of the city of Sochi.

Keywords

Federal territory, Sirius, Sochi, Krasnodar region, Sochi sub-region.

Введение

В конце 2020 г. в России возникло новое публично-правовое образование — федеральная территория (ФТ) «Сириус». В 2021 г. были сформированы ее органы власти и начался процесс создания инфраструктуры. Территория, получившая статус федеральной, была выделена из города Сочи, что делает актуальным исследование вопроса о возможных последствиях данного решения для общественно-политического развития региона.

За прошедшее время появилось большое количество научных публикаций, посвященных конституционно-правовому статусу нового публично-правового образования. Однако проблематика, связанная с влиянием создания ФТ «Сириус» на политико-правовой статус города Сочи и влиянием города на развитие «Сириуса», в научных работах практически не затронута.

Это определяет новизну данного исследования, цель которого — обосновать, что создание ФТ «Сириус» можно рассматривать как фактор развития города Сочи, изменения его общественно-политической роли.

Для достижения указанной цели представляется необходимым решить следующие задачи:

- рассмотреть причины и этапы создания ФТ «Сириус»;
- выявить особенности статуса данной федеральной территории;
- охарактеризовать влияние ФТ «Сириус» на политико-правовое положение города Сочи.

Решение этих задач потребовало использования метода политико-правового анализа, предполагающего как исследование положений нормативно-правовых актов, регламентирующих статус федеральной территории, так и выявление политических причин и обстоятельств ее появления. Кроме того, применен историко-генетический метод, который позволяет рассмотреть зарождение и этапы развития исследуемого объекта.

Федеральная территория «Сириус»: этапы и причины создания

Возможность и целесообразность создания в нашей стране федеральных территорий начала обсуждаться научной общественностью довольно давно [Лексин 2012; Праскова 2014]. Отмечалось, что препятствием к их появлению являлось положение ч. 1 ст. 67 Конституции РФ, которое не содержало упоминания о подобных территориальных образованиях. Однако данное препятствие было устранено в 2020 г., когда в указанное положение было внесено дополнение, что на территории Российской Федерации, в соответствии с федеральным законом, могут быть созданы федеральные территории и что организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом. Поэтому с юридической точки зрения можно считать, что возможность появления в нашей стране федеральных территорий возникла после вступления в силу в 2020 г. поправок в действующую Конституцию.

Вместе с тем история создания ФТ «Сириус» восходит к более раннему периоду, который предшествовал внесению изменений в Конституцию и принятию закона о ФТ «Сириус» и который необходимо исследовать для понимания причин создания и особенностей нынешнего статуса данной федеральной территории.

Начальной точкой этого процесса можно считать принятие принципиальных политических решений об обособлении территории вокруг Образовательного центра «Сириус» (ОЦ «Сириус») и установлении в ее пределах специфического порядка управления. Учитывая общегосударственное значение данного образовательного центра и находящихся рядом объектов зимней Олимпиады 2014 г., а также то, что подобные территориальные изменения затрагивали не только региональные,

но и федеральные интересы, можно утверждать, что соответствующие решения были приняты на уровне руководства страны, независимо от того, от каких акторов исходила соответствующая инициатива и в какую правовую форму эти решения в итоге были облечены.

Необходимо отметить, что «Сириус» — образовательный центр для школьников, продемонстрировавших выдающиеся успехи в науках и искусстве — с момента своего возникновения пользовался повышенным вниманием руководства страны. Он был создан по инициативе Президента РФ Образовательным Фондом «Талант и успех», который, в свою очередь, учредили 24 декабря 2014 г. российские деятели науки, спорта и искусства. Президент предложил название для центра¹, упоминал его в своих посланиях Федеральному Собранию. В частности, в послании 20 февраля 2019 г. глава государства отметил, что сочинский «Сириус» становится «настоящим созвездием»².

Каких-либо указаний на необходимость выделения территории вокруг «Сириуса» в отдельную административно-территориальную единицу в данном послании не содержалось. Однако практически одновременно жители Адлерского района Сочи выступили с инициативой, поддержанной Городским Собранием Сочи³, о выделении из территории города нового населенного пункта — поселка городского типа. Ходатайство о проведении опроса граждан относительно проведения данного преобразования было направлено Губернатору Краснодарского края⁴.

Поскольку власти любого города редко одобряют инициативы, направленные на уменьшение его территории, особенно за счет выделения перспективных пространств, можно предположить, что соответствующая инициатива исходила не только от жителей Адлерского района, но и от других акторов, имеющих влияние на городскую и краевую администрацию. Без поддержки федеральной власти вряд ли был бы дан ход инициативам, предполагающим территориальные изменения, связанные с объектами общегосударственного значения. К числу таковых относятся как ОЦ «Сириус», так и олимпийские объекты, которые продолжают использоваться для важных государственных и международных мероприятий.

В середине июля 2019 г. началась реализация плана по созданию на базе ОЦ «Сириус» инновационного научно-технологического центра, а 18 сентября того же года Президентом РФ был утвержден перечень поручений по итогам посещения образовательного центра, в числе которых значилось: «Рекомендовать администрации г. Сочи при участии образовательного фонда «Талант и успех» в целях создания и развития на территории Имеретинской низменности инновационного научно-технологического центра «Сириус» и развития этой территории как высококомфортного курорта мирового уровня обеспечить внесение в установленном порядке изменений в генеральный план и правила землепользования и застройки г. Сочи в части, касающейся территории Имеретинской низменности, а также в документацию по планировке этой территории с учетом архитектурно-градостроительной концепции ее развития»⁵.

¹ Стенограмма интервью Владимира Путина для ТАСС // Аргументы и факты [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/politics/russia/stenogramma_intervyu_vladimira_putina_dlya_tass (дата обращения: 05.09.2021).

² Послание Президента Российской Федерации от 20.02.2019 // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032> (дата обращения: 05.09.2021).

³ ПГТ Сириус: как всё начиналось // ОГД «За Сочи» [Электронный ресурс]. URL: https://ogdzasochi.ru/administr_novosti/1087-pgt-sirius-kak-vse-nachinalos.html (дата обращения: 05.09.2021).

⁴ Там же.

⁵ Перечень поручений по итогам посещения образовательного центра «Сириус» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/61579> (дата обращения: 05.09.2021).

27 сентября 2019 г. Глава Администрации Краснодарского края со ссылкой на решение Городского Собрания Сочи принял Постановление № 655⁶, согласно которому с 8 по 13 октября 2019 г. был проведен опрос жителей планировавшейся к выделению территории.

Обращает на себя внимание формулировка первого и основного вопроса в опросном листе: «Согласны ли Вы с созданием на территории муниципального образования город-курорт Сочи новой административно-территориальной единицы путем выделения из города Сочи поселка городского типа?». Из ее буквального толкования следует, что создаваемый поселок предполагалось выделить из города Сочи, но оставить в пределах территории муниципального образования город-курорт Сочи. В принципе эти понятия могут не совпадать. Однако из Устава города Сочи в редакции 2010 г., действовавшей на дату проведения опроса, следовало, что понятия «город Сочи» и «муниципальное образование город-курорт Сочи» в плане территории означали одно и то же, соответствующие наименования считались равнозначными (ч. 2 ст. 1). То есть выделение из «города Сочи» (а не какой-либо административно-территориальной единицы в его составе, например Адлерского района) подразумевало бы необходимость одновременного создания новой муниципальной единицы и уже не на территории одноименного муниципального образования, а на территории Краснодарского края.

Со всей очевидностью это проявилось позднее. Изначально же формулировку опросного листа и послуживших для него основой правовых актов можно было истолковать таким образом, что новый поселок должен остаться в составе муниципального образования город-курорт Сочи. Причем по результатам анализа принятых правовых актов данную позицию занял и проверявший их законность Краснодарский краевой суд, отметивший, что «выделение новой административно-территориальной единицы (населенного пункта) не влечет за собой изменение границ муниципального образования — городского округа — города-курорта Сочи»⁷.

Сейчас сложно сказать, понимали ли сторонники выделения сложившуюся ситуацию именно в этом духе или имел место своего рода дефект юридической техники. В любом случае подобная нечеткость создавала пространство для маневра при последующем определении правового статуса новой административно-территориальной единицы.

Согласно протоколам от 14 октября 2019 г., подводившим итог процедуре опроса, подавляющее большинство принявших участие в опросе ответило положительно на оба вопроса (создание поселка городского типа и присвоение ему наименования «Сириус»)». После проведения опроса и направления губернатором проекта соответствующего решения в Законодательное Собрание Краснодарского края последнее постановило преобразовать административно-территориальную единицу Краснодарского края город Сочи путем выделения новой административно-территориальной единицы — поселка городского типа — и одобрить предложение Городского Собрания Сочи о присвоении вновь образованному поселку как

⁶ Постановление Главы Администрации Краснодарского края от 27.09.2019 № 655 «О назначении опроса граждан по вопросу преобразования административно-территориальной единицы Краснодарского края — города Сочи путем выделения новой административно-территориальной единицы — поселка городского типа» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2300201910040009> (дата обращения: 05.09.2021).

⁷ Решение Краснодарского краевого суда от 17.02.2020 по делу № 3а-343/2020 // Краснодарский краевой суд [Электронный ресурс] URL: https://kraevoi-krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=601c6b2f-18f6-480b-b5c9-2de6fafa15e5&deloid=1540005&caseType=&new=0&doc=1&srv_num=1&hideJudge=0 (дата обращения: 05.09.2021).

⁸ Там же.

географическому объекту наименования «Сириус»⁹. Необходимо обратить внимание, что вопросы, связанные с преобразованием существующего муниципального образования, в указанном документе, вступившем в силу 7 ноября 2019 г., не затрагивались.

8 ноября 2019 г. Правительство РФ приняло Постановление о создании Инновационного научно-технологического центра «Сириус»¹⁰, который расположился в пределах образованной незадолго до этого административно-территориальной единицы.

15 января 2020 г. в очередном послании Федеральному Собранию Президент РФ заявил, что пришло время внести изменения в Основной закон страны, и уже 20 января того же года представил в Государственную думу проект закона о поправке к Конституции РФ. Однако данный проект еще не предусматривал изменений, касающихся возможности создания федеральных территорий.

1 февраля 2020 г. Правительство РФ на основании предложения Законодательного Собрания Краснодарского края издало распоряжение о присвоении наименования «Сириус» поселку городского типа, образованному «на территории города Сочи Краснодарского края»¹¹. В свете уже принятого на тот момент решения о выделении этого поселка из города Сочи вышеуказанная формулировка вызывала определенные вопросы, даже несмотря на то, что еще не были завершены процедуры, связанные с формированием территории «Сириуса». Но в данном случае важно другое. Очевидно, что к началу февраля 2020 г. уже было принято принципиальное решение о территориальном обособлении «Сириуса», однако правовая форма для этого еще окончательно определена не была или во всяком случае официально не озвучивалась.

Между тем в прессе сразу появились комментарии о том, что в Краснодарском крае появился новый город и что часть Сочи теперь официально выделена в отдельный муниципалитет — «Сириус»¹². Более того, со ссылкой на неназванные источники указывалось, что следующим шагом в развитии «Сириуса» может стать переход под прямое управление и финансирование Москвы и что «такое возможно, если перевести вновь созданное муниципальное образование в разряд городов федерального значения»¹³.

Комментируя указанное заявление, необходимо отметить, что вновь созданный населенный пункт стал все-таки поселком городского типа, а не городом. Кроме того, на тот момент была выделена именно административно-территориальная единица. Преобразование (разделение) муниципального образования еще не произошло. Что касается указания на возможный перевод «Сириуса» в разряд городов федерального значения, то оно, скорее всего, явилось результатом смешения понятий «город федерального значения» и «федеральная территория». Для статей в прессе подобные неточности, как известно, весьма распространенное явление. С учетом указанных оговорок необходимо тем не менее признать, что дальнейшая эволюция статуса территории «Сириус» в статье была в целом предсказана верно.

⁹ Постановление Законодательного Собрания Краснодарского края от 30.10.2019 № 1355-П «О преобразовании административно-территориальной единицы Краснодарского края — города Сочи путем выделения новой административно-территориальной единицы — поселка городского типа и о присвоении ему наименования как географическому объекту» // Законодательное Собрание Краснодарского края [Электронный ресурс]. URL: <https://lp.kubzsk.ru/Users/PdfViewer/Index/d8a4f5eb-fe79-4e7a-b479-9dc713c52b18/1e762a41-2862-4856-9853-6fac57431d96/CONTENT/https> (дата обращения: 05.09.2021).

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 08.11.2019 № 1428 «О создании инновационного научно-технологического центра «Инновационный научно-технологический центр «Сириус» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201911080048> (дата обращения: 05.09.2021).

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 01.02.2020 № 171-п // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002040036> (дата обращения: 05.09.2021).

¹² Замкадье растянулось до Сочи. Созданный на Кубани населенный пункт может забрать Москва // Федерал пресс [Электронный ресурс]. URL: <https://fedpress.ru/article/2424246> (дата обращения: 05.09.2021).

¹³ Там же.

Началом следующего этапа можно считать 6 февраля 2020 г., когда в СМИ появилась информация о возможности появления в России федеральных территорий, которые, как сообщалось, «будут подчиняться непосредственно центру, а не властям регионов»¹⁴. Отмечалось, что идея была озвучена на очередном заседании группы, занимавшейся разработкой поправок в Конституцию. Как указывают исследователи, «при первичном упоминании инициативы создания федеральных территорий в России в прессе отмечалось, что в Кремле об этой инициативе не знают» [Васильева и др. 2021, 125]. Так ли это на самом деле, сказать сложно. Можно лишь предположить, что в процессе обсуждения на разных уровнях власти вопроса о статусе «Сириуса» в числе прочих вариантов мог фигурировать и проект создания «федеральной территории».

Важно отметить, что в своих публичных заявлениях представители федеральной власти на тот момент не упоминали о возможности предоставления поселку «Сириус» статуса ФТ, однако в прессе уже говорили об этом. Так, портал «Федерал пресс» 6 февраля 2020 г. сообщил, что «Сириус» после поправок в Конституцию «станет «федеральной территорией» с прямым подчинением Москве»¹⁵. Эта информация была обнародована в тот момент, когда поправки к президентскому проекту еще не были внесены в Государственную Думу, а представители рабочей группы только обещали «внимательно изучить» предложение о включении в Конституцию понятия «федеральная территория»¹⁶.

14 февраля 2020 г. пресса сообщила, что на основании обращения граждан Городское Собрание Сочи назначило публичные слушания на 26 февраля того же года по вопросу преобразования уже муниципального образования город-курорт Сочи в муниципальные образования «городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края» и «городской округ «Сириус» Краснодарского края»¹⁷.

Конечно, вряд ли граждане, выступившие изначально с инициативой образования новой территориальной единицы, могли «держать руку на пульсе» и после уже принятого решения о выделении поселка городского типа «Сириус» как особой единицы осознать необходимость и выступить с обращением еще и о преобразовании муниципального образования. Тем более что даже краевой суд в вышеупомянутом решении от 17 февраля 2020 г. исходил из того, что подобное выделение не влечет за собой изменение границ муниципального образования. Логичнее предположить, что к тому моменту влиятельные акторы федерального уровня начали рассматривать «Сириус» как потенциальную федеральную территорию, а подготовительные меры к разделению муниципального образования город-курорт Сочи были шагом на пути к ее созданию. Другое дело, что тогда еще до конца не было понятно, в чем заключаются особенности статуса ФТ. Данный вопрос стал предметом последующего обсуждения в верхах.

3 марта 2020 г. в Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству была внесена поправка к президентскому проекту закона об изменениях в Конституцию РФ, предусматривающая возможность создания федеральных территорий¹⁸. Закон с указанной поправкой был принят в марте и вступил в силу 4 июля 2020 г. Параллельно

¹⁴ Клишас рассказал, каким землям могут присвоить статус «федеральных территорий» // ВМЕСТЕ-РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://vmeste-rf.tv/news/klishas-told-how-lands-can-assign-the-status-of-federal-territories/> (дата обращения: 05.09.2021).

¹⁵ Стал известен статус Сириуса после голосования за поправки в Конституцию // Федерал пресс [Электронный ресурс]. URL: <https://fedpress.ru/news/23/policy/2425814> (дата обращения: 05.09.2021).

¹⁶ Клишас: в Конституции может появиться понятие «федеральных территорий» // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200206/1564316849.html> (дата обращения: 05.09.2021).

¹⁷ Имеретинка отделяется от города Сочи и... становится отдельным городом // Привет Сочи [Электронный ресурс]. URL: https://privetsochi.ru/blog/news_sochi/84391.html (дата обращения: 05.09.2021).

¹⁸ В Госдуму внесли поправку к Конституции о «федеральных территориях» // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200303/1567867489.html?in=t> (дата обращения: 05.09.2021).

с принятием на федеральном уровне конституционных поправок в Краснодарском крае с учетом проведенных публичных слушаний был принят закон¹⁹, который преобразовал муниципальное образование город-курорт Сочи путем его разделения в:

- 1) муниципальное образование городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края;
- 2) муниципальное образование городской округ «Сириус» Краснодарского края.

Административным центром первого был определен город Сочи, а административным центром второго — поселок городского типа Сириус, с одновременным установлением границ обоих муниципальных образований.

Следует отметить, что, несмотря на утвержденное законом обособление территории вокруг «Сириуса», она не фигурировала в числе потенциальных ФТ в официальных новостях о возможности их появления и даже при обсуждении конституционных поправок²⁰. Тогда в качестве возможных федеральных территорий инициаторами поправки в Основной закон и членами соответствующей рабочей группы назывались «космодром Восточный, природные заповедники и тому подобные зоны»²¹, «Кавказские минеральные воды, озеро Байкал, военные объекты и национальные заповедники»²².

Тем не менее упоминавшиеся выше публикации «Федерал пресс», информация о подготовительных действиях на федеральном и региональном уровнях дают основания предположить, что как минимум после появления сведений о возможном внесении в Конституцию положения о федеральных территориях «Сириус» уже был в числе реальных кандидатов на получение подобного статуса. Однако информация об этом широко не распространялась, возможно, по причине того, что еще не были ясны все параметры будущего статуса и не были завершены консультации с заинтересованными лицами.

Как бы там ни было, 9 ноября 2020 г. авторы конституционной поправки о ФТ в Государственную Думу внесли проект федерального закона «О федеральной территории «Сириус»»²³. Данное событие знаменовало начало следующего этапа истории данного образования. Теперь информация о его предстоящем создании была публично озвучена на официальном уровне. В политическом плане это означало, что ФТ «Сириус» точно будет создана, так как оснований сомневаться, что соответствующий закон будет принят, не имелось.

В октябре 2020 г. был принят Устав муниципального образования «городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края»²⁴. 17 ноября того же года Министерство юстиции России включило новое «Муниципальное образование городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края» (сокращенная форма наименования — «город Сочи») в реестр муниципальных образований²⁵, зарегистрировал его Устав и, соответственно, исключил из

¹⁹ Закон Краснодарского края от 03.04.2020 № 4267-КЗ «О преобразовании муниципального образования город-курорт Сочи» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2300202004090015> (дата обращения: 05.09.2021).

²⁰ Сочинский округ Колумбия: почему центр «Сириус» станет федеральной территорией // BBC NEWS. Русская служба [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54894270> (дата обращения: 05.09.2021).

²¹ В России могут появиться «федеральные территории» // Городовой — новости дня [Электронный ресурс]. URL: <https://gorodovoy.ru/news/v-rossii-mogut-poyavitsya-federalnye-territorii> (дата обращения: 05.09.2021).

²² Клишас рассказал, каким землям могут присвоить статус «федеральных территорий» // Телеканал Совета Федерации «ВМЕСТЕ-РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://vmeste-rf.tv/news/klisshas-told-how-lands-can-assign-the-status-of-federal-territories/> (дата обращения: 05.09.2021).

²³ Законопроект № 1051718-7 // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1051718-7> (дата обращения: 05.09.2021).

²⁴ Решение Городского Собрания Сочи от 29.10.2020 № 44 // Официальный портал города-курорта Сочи [Электронный ресурс]. URL: https://sochi.ru/gorodskaya-vlast/normativno-pravovyye-akty/?ELEMENT_ID=160737 (дата обращения: 05.09.2021).

²⁵ Минюст России. Информационные банки данных // Реестр муниципальных образований [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo-search.minjust.ru:8080/bigsp/portal.html> (дата обращения: 05.09.2021).

реестра «Муниципальное образование город-курорт Сочи». А вот одновременно созданное муниципальное образование городской округ «Сириус» Краснодарского края в реестр Минюста России включено не было, вероятно, в связи с его планируемой «трансформацией» в федеральную территорию.

С учетом ряда внесенных поправок на стадии второго чтения Федеральный закон «О федеральной территории “Сириус”»²⁶ (ФЗ о Сириусе) был принят в декабре 2020 г. Благодаря этому в России появилась первая федеральная территория. По мнению Бена Ноубла и Николая Петрова [Noble, Petrov 2021], указанный нормативно-правовой акт относится к числу ключевых законов, реализующих конституционную реформу (Key constitutional reform implementation bills).

Согласно статье 1 указанного Закона, федеральной территорией «Сириус» признается имеющее общегосударственное стратегическое значение публично-правовое образование, в котором в целях обеспечения комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития территории, повышения ее инвестиционной привлекательности, необходимости сохранения олимпийского спортивного, культурного и природного наследия, создания благоприятных условий для выявления, самореализации и развития талантов, реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации устанавливаются особенности организации публичной власти и осуществления экономической и иной деятельности.

Из приведенного законодательного положения вытекает причина создания ФТ «Сириус» — необходимость достижения вышеуказанных целей, которые, с точки зрения законодателя, было затруднительно реализовать в рамках города Сочи с учетом его текущего статуса и существующей в нем организации публичной власти.

С политической точки зрения одной из причин создания нового публично-правового образования можно считать потребность осуществить такое перераспределение полномочий различных уровней публичной власти, при котором федеральному уровню максимально обеспечивалась возможность использования основного ресурсного потенциала объектов Имеретинской низменности для решения прежде всего общегосударственных стратегических задач. Соответственно, влияние властей города Сочи и Краснодарского края в пределах данной территории должно было быть существенно ограничено, но полностью не устранено с учетом небольшой площади территории и тесной инфраструктурной связи с указанным городом и краем в целом.

Важной причиной проведения преобразования, как отмечалось выше, было и несоответствие текущего правового статуса города Сочи его фактическому политическому значению. Статус обычного муниципального образования и обусловленная им организация публичной власти не позволяли в полной мере обеспечить инновационное развитие данной территории. Поэтому после принятия принципиального политического решения об обособлении расположенной вокруг «Сириуса» территории Имеретинской низменности постепенно подбирались политико-правовая модель, которая бы обеспечила особый порядок управления, но при этом сохранила определенное влияние Краснодарского края и города Сочи. В итоге был выбран новый вид публично-правового образования — федеральная территория.

Насколько удачной окажется новая форма, пока говорить рано, хотя бы по той причине, что еще не завершился переходный период (до 2025 г.), в течение или по итогам которого возможны существенные корректировки статуса территориального образования. На данный момент важно

²⁶ Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории “Сириус”» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012220082> (дата обращения: 05.09.2021).

отметить, что при создании ФТ «Сириус» были реализованы далеко не все идеи, изначально связывавшиеся со статусом федеральной территории. Вероятно, это свидетельствует о стремлении при проведении преобразования учесть интересы Краснодарского края в целом и города Сочи в частности.

Особенности статуса федеральной территории «Сириус»

Важнейшая политико-правовая характеристика российских федеральных территорий дана Конституционным Судом РФ: их статус не равен статусу субъектов Российской Федерации. Это было сделано в Заключении к закону о поправках в Конституцию, в котором суд указал, что «положение о возможности создания федеральных территорий по своему буквальному смыслу не предполагает возможности образования федеральных территорий с приданием им статуса, равного статусу субъектов Российской Федерации, и не может расцениваться как противоречащее статье 5 (часть 1) Конституции Российской Федерации, исчерпывающим образом определяющей состав России как федеративного государства (что, однако, не аналогично определению состава ее территории — статья 67, часть 1, Конституции Российской Федерации)»²⁷.

Интересно отметить, что данная аргументация судебного органа в принципе соответствует ранее сформулированному в научной литературе положению о том, что федеральные, столичные и т.п. территории «являются составными частями федерации в значении государства, но не федерации в значении союза» [Лексин 2012, 23]. Однако указанное Заключение не дает однозначного ответа на другой важный вопрос: входят ли федеральные территории в состав субъектов федерации или нет либо допустимы оба варианта?

С точки зрения теории права и самого смысла определения «федеральная» следует согласиться с позицией Н.В. Васильевой, С.В. Прасковой и Ю.В. Пятковской, которые полагают, что допущение возможности создания федеральной территории в рамках субъекта РФ «нивелирует саму идею подобных территорий» и что «невхождение федеральной территории в состав субъекта федерации является ее важнейшим содержательным признаком» [Васильева и др. 2021, 127].

Но в то же время следует учитывать, что законодатель не ограничен в создании правовых конструкций и моделей, которые по определенным причинам, прежде всего политическим и экономическим, могут отклоняться от исходных теоретических подходов. И если даже такие субъекты федерации, как автономные округа, могут входить или не входить в состав краев и областей, то почему по тем или иным причинам не может входить в состав субъекта федерации федеральная территория? Прямого запрета на это ни в Конституции, ни в Заключении Конституционного Суда нет.

Отметим, что при подготовке конституционной новеллы о возможности создания в России ФТ указывалось, что такие образования не будут включены в состав регионов²⁸. «Мы обсуждали вопрос о появлении федеральных территорий в рабочей группе по подготовке поправок в Конституцию, — отмечал член группы С.А. Белов, — но в пример такой возможной территории приводили космодром «Плесецк». Такие объекты используются для федеральных задач, но формально находятся на территории субъектов РФ, там действуют региональные и местные правовые акты. Всем было очевидно, что надо выделять такие территории с особым статусом управления»²⁹.

²⁷ Заключение Конституционного суда РФ от 16.03.2020 № 1–3 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 05.09.2021).

²⁸ В России могут появиться «федеральные территории» // Городовой — новости дня [Электронный ресурс]. URL: <https://gorodovoy.ru/news/v-rossii-mogut-poyavitsya-federalnye-territorii> (дата обращения: 05.09.2021).

²⁹ Сочинский округ Колумбия: почему центр «Сириус» станет федеральной территорией // BBC NEWS. Русская служба [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54894270> (дата обращения: 05.09.2021).

Большое значение имели и прозвучавшие в ходе обсуждения поправок в Совете Федерации замечания, что данный вопрос требует согласования с субъектами РФ и что с регионами проводились консультации³⁰.

По мнению Т.Я. Хабриевой и А.А. Клишаса, которые являлись сопредседателями рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию, создание ФТ может затронуть границы некоторых субъектов федерации и, «вероятно, создание федеральных территорий, влекущее изменение границ субъектов, должно осуществляться по согласованию с органами государственной власти соответствующих субъектов Федерации и с последующим утверждением изменения границ Советом Федерации» [Хабриева, Клишас 2020, 26]. С учетом вышесказанного становится объяснимым различие позиций исследователей по вопросу о вхождении ФТ «Сириус» в состав Краснодарского края.

Так, по мнению Н.В. Васильевой, С.В. Прасковой и Ю.В. Пятковской, нельзя однозначно ответить на вопрос о вхождении или невхождении ФТ «Сириус» в состав субъекта РФ Краснодарского края [Васильева и др. 2021]. Е.А. Василькова полагает, что федеральная территория — это часть территории субъекта РФ, на которой исключены либо существенно ограничены полномочия субъекта федерации и муниципального образования в силу значимости данной территории для развития государства, и, соответственно, ведет речь о «федеральной территории «Сириус» (Краснодарский край)» [Василькова 2021, 34]. Р.М. Дзидзоев, наоборот, считает, что, «поскольку «Сириус» обладает статусом ФТ, его территория не может входить в территориальные пределы Краснодарского края как субъекта Российской Федерации» и что «с образованием федеральной территории «Сириус» территория Краснодарского края уменьшается на эту территорию» [Дзидзоев 2021, 6].

С нашей точки зрения, отвечая на поставленный вопрос, необходимо учитывать, что до 31 декабря 2025 г. установлен переходный период, в течение которого решаются вопросы организации функционирования ФТ «Сириус» (ч. 3 ст. 47 ФЗ о Сириусе). Думается, что переходный период обусловлен не только чисто организационными соображениями (формирование органов, распределение объектов инфраструктуры и т.п.), но и политическими причинами, связанными с необходимостью окончательного определения статуса данного образования с учетом опыта его функционирования и согласования позиций заинтересованных акторов. В этот период вполне возможны изменения в статусе ФТ «Сириус» либо определение такого статуса на будущее.

Что касается нынешнего положения, то в пользу утверждения о том, что ФТ «Сириус» не входит в состав Краснодарского края, свидетельствуют:

- 1) теоретические соображения о сущности федеральных территорий;
- 2) отсутствие упоминания в действующей редакции Устава Краснодарского края не только о ФТ «Сириус», но и о муниципальном образовании «городской округ «Сириус» Краснодарского края», в то время как Устав содержит перечень муниципальных образований края;
- 3) замещение членами Совета ФТ «Сириус», в том числе главой администрации как членом Совета, государственных должностей Российской Федерации, а не государственных должностей субъекта РФ;

³⁰ Совфед поддерживает закрепление в Конституции особых федеральных территорий // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/7743661> (дата обращения: 05.09.2021).

- 4) использованная в ФЗ о Сириусе (ч. 4 ст. 47) формулировка «муниципальное образование городской округ “Сириус”», которая отличается от формулировки в законодательстве Краснодарского края — «муниципальное образование городской округ “Сириус” Краснодарского края» — отсутствием указания на субъект федерации.

Последнее можно было бы считать косвенным свидетельством или редакционной неточностью, если бы не то обстоятельство, что в изначальном проекте ФЗ о Сириусе указание на Краснодарский край присутствовало. Значит, впоследствии оно было исключено намеренно.

В пользу противоположного вывода о том, что ФТ «Сириус» входит в состав Краснодарского края, говорят следующие обстоятельства:

- 1) ни в Конституции РФ, ни в вышеупомянутом Заключении Конституционного Суда РФ нет запрета на пребывание федеральной территории в составе субъекта федерации. Каких-либо иных толкований указанного суда или четких законодательных положений по этому вопросу пока нет;
- 2) согласно Уставу Краснодарского края (п.п. 2 и 4 ст. 2), территория края обладает внутренней целостностью и делится на административно-территориальные единицы, изменение границ края осуществляется в соответствии с Конституцией РФ и федеральным законом на основе референдума края при условии одобрения и оформления этих изменений договором с сопредельными субъектами Российской Федерации. В случае с «Сириусом» изменения не касаются сопредельных субъектов федерации. Однако референдум края в любом случае должен был предшествовать созданию ФТ, если считать, как предлагает Р.М. Дзидзоев, что «Сириус» выделен из территории Краснодарского края и что территория края в результате уменьшилась. Поскольку референдума не было, приходится констатировать, что либо ФТ «Сириус» пока считается находящейся в составе Краснодарского края, либо были нарушены Устав и права субъекта федерации;
- 3) высшее должностное лицо Краснодарского края вправе назначить одного из 17 членов Совета ФТ «Сириус». Довольно сложно обосновать данную норму (п. 4 ч. 1 ст. 12 ФЗ о Сириусе), если считать, что федеральная территория выделена из состава Краснодарского края;
- 4) в пределах ФТ «Сириус» действуют законы и иные нормативные правовые акты Краснодарского края пусть даже и с учетом особенностей, предусмотренных ФЗ о Сириусе;
- 5) на территории «Сириуса» находится одноименный инновационный научно-технологический центр, при этом существует правило, что такой центр может располагаться на территории одного или нескольких субъектов РФ, о чем говорит ч. 2 ст. 3 Федерального закона «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации»³¹. Поскольку федеральная территория субъектом федерации не является, пока требуется ее «привязка» к Краснодарскому краю для соблюдения указанной правовой нормы;

- б) наконец, не отменены вышеупомянутые нормативно-правовые акты Краснодарского края, принятые до вступления в силу ФЗ о Сириусе и касающиеся территориальных образований в Имеретинской низменности.

До сих пор формально существует административно-территориальная единица Краснодарского края — поселок городского типа «Сириус», а также муниципальное образование городской округ «Сириус» Краснодарского края, административным центром которого является указанный поселок.

В то же время данное муниципальное образование, как указывалось, отсутствует в Уставе Краснодарского края и не включено в реестр Минюста России. В ФЗ о Сириусе фигурирует уже без уточнения региональной принадлежности «муниципальное образование городской округ “Сириус”», которое используется в одном значении со словосочетанием «федеральная территория “Сириус”». Все это, конечно, усложняет определение статуса данного публично-правового образования.

Тем не менее, с нашей точки зрения, можно сделать следующий вывод: на переходный период ФТ «Сириус» как публично-правовое образование все-таки находится в составе Краснодарского края, одновременно являясь еще и муниципальным образованием, и административно-территориальной единицей. Однако в дальнейшем, чтобы действительно считаться федеральной территорией, а не просто очередной территорией с особым статусом, она, вероятно, будет выведена из состава Краснодарского края с соблюдением необходимых процедур. В течение переходного периода хорошо бы найти решение вышеуказанных проблем, а также учесть ряд сопутствующих обстоятельств.

К числу таких обстоятельств относится важный вопрос о том, как повлияет создание ФТ «Сириус» на политическое развитие города Сочи и как в дальнейшем будут строиться их взаимоотношения.

Очевидно, что ФТ «Сириус» сохраняет тесную связь с «курортной столицей» России, несмотря на то, что данная территория более не входит в состав города. Данную связь подчеркнул в интервью ТАСС мэр Сочи А.П. Копайгородский: «Сириус» — это достояние не только Сочи, не только Краснодарского края, но и всей страны в целом. Это южные ворота России, там предусмотрена интеграция научного и курортного кластеров, и мы сегодня очень профессионально, качественно сотрудничаем с нашими коллегами из администрации «Сириуса» и всесторонне им помогаем. И самое главное, что все мероприятия мы проводим совместно и планируем продолжать, потому что сегодня мы — единое целое. Физически мы находимся на одной земле»³².

Связь с городом Сочи нашла отражение в особенностях статуса ФТ «Сириус» и правового регулирования общественных отношений в ее границах. В частности, положения ФЗ о Сириусе предусматривают следующее:

³¹ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707300035> (дата обращения: 05.09.2021).

³² Мэр Сочи: через десять лет это будет новый город. Интервью от 18.03.2021 // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/interviews/10924449> (дата обращения: 05.09.2021).

- полномочия органов местного самоуправления, которые в ФТ «Сириус» осуществляют его органы публичной власти, могут быть переданы на основании соглашений органам местного самоуправления городского округа Сочи;
- в случае передачи вышеуказанных полномочий в ФТ «Сириус» будут действовать муниципальные правовые акты городского округа Сочи;
- ранее принятые муниципальные правовые акты Сочи продолжают действовать до вступления в силу нормативных правовых актов ФТ «Сириус», регулирующих соответствующие отношения;
- в течение переходного периода могут перераспределяться и иные полномочия.

Влияние федеральной территории «Сириус» на политико-правовое положение города Сочи

Несмотря на правовой статус обычного муниципального образования, город Сочи отличается существенными особенностями, совокупность которых позволяет говорить о формировании особого Сочинского субрегиона. Актуальным вопросом является повышение статуса данного города, чтобы он соответствовал его текущему политическому значению [Найдеров 2021].

Известно, что огромное влияние на общественно-политическое значение Сочи оказали XXII Зимние Олимпийские игры 2014 г., а также последовавшие за ними образовательные, спортивно-культурные и политические события (создание Образовательного центра «Сириус», Чемпионат мира по футболу 2018, Саммит Россия — Африка и др.). По словам американской исследовательницы Сюзан Теннериелло (Susan Tenneriello), «сочинская сцена была первой сценой гораздо более масштабной культурной пропагандистской кампании, отражающей шаги правительства по укреплению консервативного мировоззрения. Представление в Сочи опосредовало стратегию реформ, направленную на переосмысление российской идентичности и восстановление глобального статуса России» [Tenneriello 2019, 23]. Именно в Сочи на прошедшем 21 октября 2021 г. заседании дискуссионного клуба «Валдай» Президент РФ подчеркнул, что сейчас значение разумного консерватизма как основы политического курса многократно возросло³³.

Как отмечает современный специалист по урбанистике О. Голубчиков, «Сочи стал одним из значимых мест для институциональных экспериментов с новым пространственным управлением. Являясь одним из ключевых факторов нового пространственного режима в России, сочинский мегапроект выполняет не просто геоэкономические функции, но, по сути, геоинституциональные функции, формулируя новые формы государства и пространства» [Golubchikov 2017, 251].

В этой связи закономерно возникает вопрос, не приведет ли создание ФТ «Сириус» к уменьшению общественно-политического значения Сочи, ведь ряд важных объектов оказались выведены из ведения города и включены в новое публично-правовое образование. Иными словами, сохраняется ли актуальность повышения статуса города Сочи после того, как под эти объекты создана федеральная территория, имеющая более высокий политико-правовой статус.

Речь прежде всего идет обо всех образовательных и научно-технологических центрах «Сириуса», а также об объектах олимпийского наследия, необходимость сохранения которого прямо упомянута в законе среди целей создания федеральной территории.

³³ Заседание дискуссионного клуба Валдай // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 25.11.2021).

На наш взгляд, несмотря на важность указанных объектов, далеко не они одни определяют роль Сочи в общественно-политической жизни страны [Найдеров 2021]. Да и сооружения, связанные с проведением Олимпиады, частично остались на территории данного города, если принять во внимание объекты Красной поляны.

ФТ «Сириус» — очень небольшое, по сравнению с Сочи, публично-правовое образование: как в плане территории, так и по количеству жителей. Даже с учетом его стратегического значения, политической и экономической обособленности в инфраструктурном плане данное территориальное образование объективно зависит от города Сочи и связано с ним. Нельзя также не отметить, что, несмотря на формальное невхождение одного в другое, в сознании людей, мало знакомых с тонкостями политико-административного деления и российского публичного права, «Сириус» еще долгое время будет ассоциироваться с Сочи, восприниматься скорее как особый административный район этого города, нежели как нечто отдельное от него.

Поэтому создание ФТ «Сириус» не уменьшит политическое значение города Сочи. Скорее, наоборот, «Сириус» будет «тянуть за собой» Сочи, способствуя повышению его политико-правового статуса. Можно говорить о том, что благодаря созданию ФТ «Сириус» городской округ Сочи приобрел дополнительные возможности, если принять во внимание, что на данный момент:

- ни у одно другого муниципального образования и их органов нет прямо закрепленного в федеральном законе права заключать соглашения с органами власти федеральной территории, участвовать в перераспределении полномочий органов публичной власти, регулировать своими актами отдельные отношения в пределах такой территории;
- это единственное муниципальное образование, внутри которого с пространственной точки зрения находится формально выделенная из него федеральная территория;
- укрепление связи города Сочи и «Сириуса» определяется интересом со стороны руководства последнего к ряду объектов Сочи. Так, Образовательному Фонду «Талант и Успех» передали ряд объектов, находящихся на территории Краснополянского поселкового округа Сочи³⁴.

Учитывая тесную связь ФТ «Сириус» с городом Сочи, прежде всего историческую и инфраструктурную, а также ее пространственное положение, небольшой размер территории и малую численность населения, можно рассматривать ее как часть Сочинского субрегиона, включающего в свой состав город Сочи и федеральную территорию «Сириус». Нынешний статус ФТ «Сириус», свидетельствующий о ее нахождении в течение переходного периода в составе Краснодарского края, не является препятствием для такого подхода. Более того, использование понятия «Сочинский субрегион» поможет снять противоречие между формальным выделением «Сириуса» из Сочи и тем обстоятельством, что «Сириус» фактически продолжает восприниматься как часть Сочи. Вряд ли есть смысл их жестко разделять в общественно-политическом плане и в ближайшем будущем. Представляется, что сохранение субрегионального единства «Сириуса» и Сочи будет свидетельством «разумного консерватизма» уже применительно к региональной политике.

Что касается постпереходного периода, когда ФТ «Сириус», вероятно, уже не будет считаться входящей в состав Краснодарского края, то здесь могут быть найдены иные формы поддержания ее связи с Сочи. В любом случае представляется желательным, чтобы к концу переходного периода не только окончательно прояснился статус ФТ «Сириус», но и статус города Сочи был приведен

³⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.08.2021 г. № 2266-р // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202108230007> (дата обращения: 05.09.2021).

в соответствие с его общественно-политическим значением, хотя бы путем принятия отдельного федерального закона. Подобный закон мог бы закрепить все особенности данного города, сохраняющего по ряду вопросов федеральное значение, какое имеет та его часть, которая была отделена и стала федеральной территорией «Сириус».

В целом можно утверждать, что создание ФТ «Сириус» не только отразило растущее значение города Сочи, но способствовало его дальнейшему усилению. Впоследствии указанные изменения, на наш взгляд, должны привести к признанию существования Сочинского субрегиона как особой территориальной целостности и повышению политико-правового статуса Сочи, что будет способствовать развитию как города, так и федеральной территории «Сириус».

Заключение

Создание федеральной территории «Сириус» подтверждает тезис о федеральном значении Сочи и об особой роли, которую данный город играет в общественно-политической жизни страны. Не будь этого, вряд ли на части его территории было бы образовано принципиально новое для России публично-правовое образование.

Вместе с тем данное обстоятельство свидетельствует и о том, что существующая в Сочи система публичного управления не может в полной мере считаться пригодной для организации прорывных инновационных начинаний и использования объектов, имеющих общегосударственное стратегическое значение. Не случайно, что создание на территории Имеретинской низменности отдельного муниципального образования стало лишь промежуточным этапом и статус территории затем был повышен до федерального.

Представляется, что появление ФТ «Сириус» обусловлено необходимостью создания относительно небольшого, но в то же время обеспеченного финансовыми и социальными ресурсами территориального образования с такой системой органов публичного управления, которая позволяла бы ему пребывать в орбите федерального влияния. Федеральный центр в этой ситуации может напрямую, без опосредующих звеньев реализовывать задачи, намеченные в ФЗ о Сириусе.

Вместе с тем вся история создания ФТ «Сириус», а также отсутствие определенности в вопросе о том, входит ли данная территория в состав Краснодарского края, свидетельствуют, на наш взгляд, о попытках учета региональных интересов при формировании ФТ.

По нашему мнению, в течение переходного периода, если не будет внесено принципиальных изменений в законодательство, ФТ «Сириус» останется частью Краснодарского края, но с отдельной системой публичного управления, сохраняя при этом особую связь с другой его частью — городским округом Сочи.

Создание первой федеральной территории подтвердило значение данного города для институциональных экспериментов с новым пространственным управлением, что имело для Сочи ряд политических последствий. Так, по крайней мере на переходный период, его муниципальные органы получили возможность заключать соглашения с органами публичной власти федеральной территории, участвовать в перераспределении полномочий, регулировать своими актами отдельные отношения в пределах такой территории. С другой стороны, ряд находящихся на территории Сочи объектов может оказаться под управлением органов публичной власти ФТ. Данные обстоятельства актуализируют вопрос о повышении политико-правового статуса данного города, признании существования Сочинского субрегиона как особой территориальной целостности.

Сказанное позволяет сделать вывод, что создание федеральной территории «Сириус» можно рассматривать как фактор общественно-политического развития города Сочи.

При этом остается много вопросов, требующих дальнейших исследований. К их числу относится проблема особенностей политико-правового статуса и взаимоотношений федеральной территории «Сириус» и города Сочи как в ближайшем будущем, так и после 31 декабря 2025 г.

Список литературы:

Васильева Н.В., Праскова С.В., Пятковская Ю.В. Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 124–140.

Василькова Е.А. Федеральная территория как вид территориальной организации публичной власти в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4–2. С. 33–35. DOI: <https://doi.org/10.23672/r2974-4914-7172-e>.

Дзидзоев Р.М. Институт федеральных территорий в Российской Федерации (на примере федеральной территории «Сириус») // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 2–8. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-13-2-2-8>.

Лексин И.В. Правовая асимметрия в территориальном устройстве государства: теория и практика // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 35. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk_35_dekabr_2012_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/leksin.pdf.

Найдеров Ю.В. Сочинский субрегион как политико-административная единица: особенности и перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 87. С. 83–95. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-87-83-95.

Праскова С.В. Российская модель территориальной организации: к вопросу о наличии федеральных территориальных единиц // Академический юридический журнал. 2014. № 4. С. 13–25.

Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма: ИНФРА-М, 2020.

Golubchikov O. From a Sports Mega-Event to a Regional Mega-Project: The Sochi Winter Olympics and the Return of Geography in State Development Priorities // International Journal of Sport Policy and Politics. 2017. Vol. 9. Is. 2. P. 237–255. DOI: <https://doi.org/10.1080/19406940.2016.1272620>.

Noble B., Petrov N. From Constitution to Law: Implementing the 2020 Russian Constitutional Changes // Russian Politics. 2021. Vol. 6. Is. 1. P. 130–152. DOI: <https://doi.org/10.30965/24518921-00601008>.

Tenneriello S. Staging Sochi 2014: The Soft Power of Geocultural Politics in the Olympic Opening Ceremony // Theatre Research International. 2019. Vol. 44. Is. 1. P. 23–39. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0307883318000822>.

References:

Dzidzoev R.M. (2021) Institute of Federal Territories in the Russian Federation (by the Case of the Federal Territory «Sirius»). *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2. P. 2–8. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-13-2-2-8>.

Golubchikov O. (2017) From a Sports Mega-Event to a Regional Mega-Project: The Sochi Winter Olympics and the Return of Geography in State Development Priorities. *International Journal of Sport Policy and Politics*. Vol. 9. Is. 2. P. 237–255. DOI: <https://doi.org/10.1080/19406940.2016.1272620>.

Khabrieva T.Y., Klishas A.A. (2020) *Tematicheskiy kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ "O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti"* [Thematic commentary to the Law of the Russian Federation amending the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 № 1-FKZ "On improving the regulation of certain aspects of the organization and functioning of public authority"]. Moscow: Norma: INFRA-M.

Leksin I.V. (2012) Legal Asymmetry in the Territorial Structure of the State: Theory and Practice. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 35. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk_35_dekabr_2012_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/leksin.pdf.

Naidarov Y.V. (2021) Sochi Sub-Region as a Political and Administrative Unit: Features and Perspectives. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. № 87. P. 83–95. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-87-83-95.

Noble B., Petrov N. (2021) From Constitution to Law: Implementing the 2020 Russian Constitutional Changes. *Russian Politics*. Vol. 6. Is. 1. P. 130–152. DOI: <https://doi.org/10.30965/24518921-0060108>.

Praskova S.V. (2014) The Russian Model of the Territorial Framework: On the Question of Presence of the Federal Territorial Units. *Akademicheskiiyuridicheskiy zhurnal*. No. 4. P. 13–25.

Tenneriello S. (2019) Staging Sochi 2014: The Soft Power of Geocultural Politics in the Olympic Opening Ceremony. *Theatre Research International*. Vol. 44. Is. 1. P. 23–39. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0307883318000822>.

Vasilieva N.V., Praskova S.V., Pyatkovskaya Y.V. (2021) Constitutional Status of Federal Territories in Russia: Theoretical Foundations of Legislative Regulation. *Law Enforcement Review*. Vol. 5. No. 1. P. 124–140. DOI: [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2021.5\(1\).124-140](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2021.5(1).124-140).

Vasilkova E.A. (2021) Federal Territory as a Type of Territorial Organization of Public Power in the Russian Federation. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*. No. 4–2. P. 33–35. DOI: <https://doi.org/10.23672/r2974-4914-7172-e>.

Дата поступления/Received: 10.09.2021

Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика¹

Наумов Александр Олегович

Кандидат исторических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: naumov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [2905-0930](https://elibrary.ru/2905-0930)

ORCID ID: [0000-0002-8366-5934](https://orcid.org/0000-0002-8366-5934)

Аннотация

Концепция «мягкой силы», которая была разработана на рубеже XX–XXI вв. одним из лидеров неолиберального направления современной теории международных отношений Дж. Наем-младшим, в последнее время вызывает все более устойчивый интерес со стороны отечественного академического и экспертного сообщества. Пока, однако, российские исследователи значительно уступают своим западным коллегам в деле изучения проблемы, что требует дальнейших изысканий в этой чрезвычайно актуальной области. В статье анализируются ключевые положения концепции «мягкой силы» и их рефлексия со стороны видных представителей зарубежного научного дискурса. В качестве методов исследования применяются системный подход и сравнительный анализ. Подчеркивается, что, несмотря на широкое признание заслуг Ная, западные политологи упрекали своего коллегу за недостаточную строгость работ, их академическую и концептуальную размытость, неточности и расплывчатости ключевых определений, отсутствие четко прописанного набора ресурсов, инструментов и механизмов реализации политики «мягкой силы» на международной арене. Дискуссии разворачивались по вопросу соотношения «мягкой силы» и «жесткой силы», а также оценки реальных результатов применения стратегии «мягкой силы» на практике. В результате анализа сделан вывод, что у иностранных ученых имеется немало вопросов как к теоретико-методологическим положениям данной концепции, так и к ее практической стороне. Тем не менее значение разработанного американским ученым концепта для развития историко-политологической мысли и теории международных отношений чрезвычайно велико. Именно Дж. Наю удалось создать достаточно цельную и проработанную концепцию, которая, несмотря на серьезную и порой справедливую критику со стороны других авторитетных ученых, не только была принята в научной среде, но и взята на вооружение политическими элитами ведущих держав современности.

Ключевые слова

Дж. Най, «мягкая сила», «жесткая сила», «умная сила», теория международных отношений, реализм, неореализм, неолиберализм, внешняя политика США.

Joseph Nye's Concept of Soft Power in Foreign Scientific Discourse: Interpretation and Criticism²

Alexander O. Naumov

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: naumov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-8366-5934](https://orcid.org/0000-0002-8366-5934)

Abstract

The concept of soft power which was developed at the turn of the XX–XXI centuries by one of the leaders of the neoliberal approaches in the modern theory of international relations J.S. Nye Jr. has recently gained more and more sustained interest from the domestic academic and expert community. So far, however, Russian researchers are significantly inferior to their Western colleagues in studying the problem. This circumstance requires further research in this extremely relevant scientific area. The article analyzes the key theses of the concept of soft power and the reflection on them by prominent representatives of foreign scientific discourse. A systematic approach and comparative analysis are used as research methods. It is emphasized that despite the widespread recognition of Nye's merits, Western political scientists reproached their colleague for the insufficient rigor of his works, their academic and conceptual vagueness, inaccuracy of key definitions, the lack of a clearly defined set of resources, tools and mechanisms for implementing the policy of soft power in the international arena. The discussions unfolded on the question of soft power and hard power ratio, as well as the assessment of real results of applying the soft power strategy in practice. As a result, it is concluded that foreign scientists have a lot of questions both to the theoretical and methodological components of this concept and to its practical side. Nevertheless, the significance of the Nye's concept for the development of the international relations theory is extremely great. It is J. Nye who managed to create a fairly complete and elaborated concept, which, despite serious and sometimes fair criticism from other reputable scientists, was not only accepted in the scientific community, but also adopted by the political elites of the leading powers of our time.

Keywords

J. Nye, soft power, hard power, smart power, theory of international relations, realism, neorealism, neoliberalism, US foreign policy.

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

² The research is made under the support of Interdisciplinary scientific and educational school at MSU "Preservation of world cultural and historical heritage".

Введение. Постановка проблемы

Концепция «мягкой силы» (англ. *soft power*) была разработана известным американским политологом профессором Гарвардского университета Дж. Наем-младшим. Впервые это понятие было упомянуто в опубликованной в 1990 г. статье в журнале «Форин полиси», в которой ученый высказал предположение, что, когда одно государство побуждает другие страны хотеть того же, чего хочет оно, возникает особый вид силы — «мягкая сила» (как синоним — «кооптивная сила») [Nye 1990, 166]. Появление данного термина произошло в переломный момент истории и стало частью глобального дискурса Соединенных Штатов Америки, призванного закрепить их победу в холодной войне. При этом было очевидно, что немаловажную роль в триумфе США в биполярном противостоянии сыграли именно «мягкосиловые» инструменты. Таким образом, идея реализации собственных интересов на международной арене путем формирования привлекательных образов у реципиентов была очень удачно апробирована на практике, что во многом и послужило стимулом для ее осмысления на уровне научного подхода.

Термин «мягкая сила» был введен американским ученым параллельно с понятием «жесткая сила» (англ. *hard power*). В то время как последняя реализуется за счет принуждения, угроз или подкупа, «мягкая сила» опирается на убеждение, притяжение, соблазн, добровольное согласие к взаимодействию. Будучи ярким и убежденным представителем неолиберализма, Най стремился доказать, что сила идей более могущественна, чем попытки принудить контрагента к нежелательным для него действиям, которые могут обернуться сопротивлением оказанному давлению и не только привести к эскалации конфликта, но и поставить под вопрос авторитет субъекта. В условиях фактической однополярности и тотального превосходства США в культурно-идеологической сфере, сложившихся после окончания холодной войны, такой подход приобрел значительную актуальность.

В работе 2004 г. исследователь впервые четко сформулировал определение «мягкой силы», которое он неоднократно применял в дальнейших трудах, — «способность достигать желаемого посредством притяжения, а не принуждения или платежей» [Nye 2004, x]. Спустя шесть лет в монографии «Будущее власти» Дж. Най дал более расширенную трактовку термина: «Мягкая сила — это способность влиять на других путем взаимодействия в области формирования повестки дня, оказания воздействия с помощью привлечения симпатий для достижения желаемых результатов» [Nye 2010, 21]. Другими словами, успех на международной арене, согласно теории Най, может быть достигнут за счет добровольного согласия объекта оказать поддержку в достижении результата, к которому стремиться субъект.

К ресурсам, способным генерировать «мягкую силу», изначально Дж. Най относил культуру, политические ценности (устойчивый набор значимых для общества установок, норм и правил, которые государство продвигает как на риторическом, так и на практическом уровне внутри страны и за ее пределами) и внешнюю политику (которая является легитимной, ценностно ориентированной и соответствует нормам и правилам, которые декларирует государство-субъект) [Nye 2004, 11]. И культура, и политические ценности являются исторически сложившимися переменными, в то время как внешняя политика определяется субъективными факторами, связанными с интересами находящихся у власти политиков. В дальнейшем Най дополнил набор ресурсов «мягкой силы» за счет компонентов, обычно ассоциировавшихся с «жесткой силой», включая «успешную экономику» и «профессиональную военную силу» [Nye 2010, 99].

В целом именно Дж. Най впервые перевел на концептуальный уровень идею о возможности применения государством культурно-идеологических, а не традиционных военно-силовых и/или экономических инструментов и методов для увеличения собственного

геополитического веса и влияния на международной арене. Неудивительно, что данная концепция, первоначально предназначенная для реализации целей внешней политики США, оказалась чрезвычайно популярной и вызвала огромный интерес в среде англо-американского (и не только) научного сообщества.

В последние годы концепция «мягкой силы» все чаще оказывалась и в центре внимания отечественных ученых. К настоящему моменту уже написан целый ряд статей в рецензируемых журналах и издано несколько серьезных монографий, в которых рассматриваются различные аспекты данной темы. Так, в коллективной монографии под редакцией О.Ф. Русаковой «мягкая сила» исследуется как аналитический концепт, некий дискурс, определенный инструмент современных коммуникаций [Soft Power: теория, ресурсы, дискурс 2015]. А.О. Наумов рассматривает «мягкую силу» как деструктивную технологию, применяемую для организации ненасильственных государственных переворотов [Наумов 2016]. М.А. Неймарк делает акцент на изучении роли «мягкой силы» в стремительно меняющейся системе международных отношений [Неймарк 2020], а П.Б. Паршин — на различных пониманиях категории «мягкой силы» в теории международных отношений и ее восприятии в рамках американской, российской и дальневосточной культур [Паршин 2020]. Тем не менее пока вклад российских исследователей в разработку проблемы сложно назвать достаточным. Иначе обстоит дело в западном научном дискурсе, где «мягкосиловой» проблематике уделялось и уделяется несравненно больше внимания.

Целью статьи является анализ содержания научной дискуссии в отношении ряда ключевых положений разработанной Дж. Наем концепции в современной зарубежной историографии. Представляется, что обращение к подобным сюжетам с помощью системного и сравнительного подходов позволит сделать шаг на пути всестороннего исследования феномена «мягкой силы» в отечественном дискурсе.

Результаты исследования

У созданной Дж. Наем-младшим концепции достаточно быстро образовалась целая «армия» сторонников и последователей, однако оказалось немало и тех, кто обнаружил в его теории серьезные изъяны и очевидные нестыковки.

Так, работающий в Великобритании ученый китайского происхождения Ин Фан признавал, что данная концепция обрела значительную популярность в научных и политических кругах, обращая при этом внимание на то, что в своих многочисленных трудах Най детерминирует «мягкую силу» по-разному и эти определения далеко не всегда совпадают. Поэтому, по мнению Ин Фана, действительно эффективной для теории международных отношений концепт Най будет лишь в том случае, если избавится от многочисленных нестыковок. Исследователь задается нетривиальным вопросом, который выносит в заглавие своей статьи: с чем же «мягкая сила» ассоциируется в большей степени — с притягательностью или сумбуром? В итоге он приходит к выводу, что ключевое положение концепции Най («мягкая сила» — это возможность побудить других хотеть того же, чего хотите вы) остается непроверенным, так как «неясно, как этого можно достичь в реальности» [Fan 2008, 147, 156].

Бразильские исследователи Дж. Захран и Л. Рамос отмечали, что использование термина «мягкая сила» в наевской трактовке сложно для восприятия, проблематично и сомнительно, так как оно слишком расплывчато и в нем «отсутствует строгость». Более того, по их мнению, Най лишь адаптировал понятие «жесткая сила» в качестве синонима авторитарного поведения на международной арене, а термин «мягкая сила» — как синоним кооптивной политики, в связи с чем создается еще более глубокая концептуальная проблема [Zahran, Ramos 2010, 16–18]. Сингапурский ученый Л. Мингъянг считал, что Най недостаточно

проясняет вопрос взаимодействия между «жесткой силой» и «мягкой силой» и в целом не дает ясного ответа на вопрос о границе между этими двумя проявлениями силы субъекта мировой политики [Mingjiang 2009, 3–6]. Испанский исследователь Х. Нойя, в свою очередь, критиковал в целом дуалистический подход Ная к «жесткой силе» и «мягкой силе», отмечая чрезмерную косность дефиниций данных феноменов, представленных американским ученым [Noya 2005, 4].

Авторитетный британский политолог С. Льюкс рассматривал теорию Дж. Ная в качестве «кузины» его идеи о третьем «лице силы», однако непосредственно наевский подход весьма недвусмысленно характеризовал как «тупой инструмент», отмечая, что его автору так и не удалось провести четкую грань между режимами убеждения и способами формирования предпочтений. Льюкс задавался целым рядом вопросов, на которые, по его мнению, Най так и не дал однозначного ответа: как именно носителям «мягкой силы» удастся завоевывать сердца и умы тех, кто подвержен их влиянию; как именно те, кто обладает властью, формируют предпочтения тех, кто подчиняется их власти; в какой степени, какими способами и с помощью каких механизмов могущественные агенты влияют на представления других о своих собственных интересах и др. [Lukes 2007].

Солидарен с Льюксом его соотечественник Э. Локк. С одной стороны, он замечал, что если бы ценность концепции Дж. Ная измерялась шириной и частотой ее использования, то понятие «мягкой силы» можно было бы считать исключительно успешным, отмечая при этом, что в общественных и академических кругах специалисты указывают на наличие двусмысленности в отношении ключевого термина данного концепта. Кроме того, Локк критиковал Ная за то, что тот делает акцент на субъекте воздействия «мягкой силы», не уделяя должного внимания ее объекту, а также рассматривает силу с точки зрения наличествующего ресурса, что свидетельствует об узости подхода. В целом Локк настаивал на «нестратегической природе» наевской концепции [Lock 2010].

Его коллега из американского Университета Виллановы Дж. Маттерн среди слабых сторон концепции «мягкой силы» отмечал отсутствие внятного объяснения алгоритма генерирования одного из трех ее ключевых ресурсов — привлекательных ценностей. По его мнению, симптоматичной проблемой теории Ная является то, что последний ничего не говорит о том, почему некие политические ценности являются «правильными» или как человек приобщается к таким ценностям. «С одной стороны, — писал Маттерн, — описывая якобы универсальные ценности космополитизма, демократии и мира, Най (неявно) рассматривает привлекательность как естественный объективный опыт. С другой стороны, Най подразумевает, что привлекательность — это социальный конструкт; он подчеркивает полезность публичной дипломатии для “обращения” иностранцев, чтобы их привлекали ценности субъекта воздействия. Короче говоря, Най придает привлекательности два онтологические статуса: один как необходимое условие, а другой как результат социального взаимодействия» [Mattern 2005, 591]. Т. Халл, в свою очередь, подвергал сомнению ценность наевской концепции с эвристической точки зрения, указывая на слабости в ее аналитической составляющей. «Хотя теория Ная обладает элементами, которые предрасполагают к тому, чтобы быть категорией практики, этот факт не квалифицирует “мягкую силу” как категорию анализа», — заключал Халл [Hall 2010, 191].

Известный американский специалист Дж. Галларотти в 2011 г. утверждал, что, несмотря на популярность в научных и общественных кругах, концепция «мягкой силы» получила незначительное теоретическое развитие и ее применение на практике было весьма ограниченным [Gallarotti 2011, 2]. Спустя почти десять лет профессор Уэслианского университета все же согласился, что концепт Ная стал важной частью современной теории международных отношений, продолжающей эволюционировать. При этом он делает особый акцент на проблеме методологии оценивания эффективности «мягкой силы», приводя в пример сферу большой политики,

где соответствующие показатели и индексы рассчитываются в рамках удобных и выгодных для западных стран параметров. Индикаторы же, на основе которых вычисляется потенциал «мягкой силы» других центров современного мира, например, России или Китая (включая лидерские качества и международный авторитет первых лиц или способность правительств реагировать на кризисы, поддерживать стабильность и продуцировать экономический рост в своих странах), по сути, отсутствуют. В этой связи он предлагает собственную оригинальную формулу подсчета коэффициентов продуктивности «мягкой силы», учитывающую все типы взаимодействия между ее значимыми переменными, некий интегральный показатель, основанный на очень широком круге различных параметров [Галларотти 2020, 99–102].

Исследование Галларотти является крайне актуальным, ведь значительная доля критики концепции Ная сводится к невозможности реально оценить степень эффективности влияния носителей «мягкой силы» на объекты такого воздействия. Другими словами, в ходе применения «мягкосиловых» инструментов на международной арене с неизбежностью возникает вопрос о гарантиях успеха данной стратегии, компенсации ущерба в случае провала и в целом контроле за ее реализацией со стороны официальных властей. Важную тему поднимает К. Грэй, который справедливо пишет, что крайне затруднительно предвидеть, «будет ли стратегия “мягкой силы” эффективна в отдельно взятом регионе из-за влияния локального контекста» ввиду того, что она «опасно полагается на расчеты и чувства часто не мотивированных иностранцев». Кроме того, соглашаясь с тем, что в настоящее время обосновать необходимость применения военно-силовых методов сложно, военный теоретик из США настаивает, что сей факт вовсе не говорит о том, что «жесткая сила» сошла на нет, так как далеко не все конфликты современной мировой политики можно урегулировать с помощью инструментов «мягкой силы» [Gray 2011, 32, 47].

Вообще, для представителей так называемого реалистического направления, к которым относится и Грэй, характерны недооценка потенциала «мягкой силы» и скептицизм в отношении данной внешнеполитической стратегии, связанный в первую очередь с невозможностью, на их взгляд, оценить в каком-либо выражении реальные результаты «мягкосиловой» политики. В этой связи очень интересно мнение Дж. Найт, которая приписывает ярчайшему представителю неолиберального направления Дж. Наю именно «реалистскую» позицию. Отмечая чрезвычайную популярность концепции американского ученого, она рассматривает «мягкую силу» как стратегию, с одной стороны, направленную на достижение конкретных внешнеполитических целей (что укладывается в парадигму реалистов), а с другой — как проявление международного культурного и социо-гуманитарного сотрудничества (позиция, близкая к неолиберальной теории)³.

Сам Дж. Най еще в 2007 г. писал, что проводить аналогии между дихотомией «жесткой силы» и «мягкой силы», с одной стороны, и реализмом и идеализмом, с другой, ошибочно, ведь даже «классические реалисты» никогда не отвергали значение идеологического фактора в международных отношениях. «Между концептом “мягкая сила” и “реализмом” нет никакого противоречия, — утверждал Най. — “Мягкая сила” не является формой “идеализма” или “либерализма”. Это просто одна из разновидностей силы — способ добиться желаемых результатов» [Nye 2007a, 170]. «Некоторые критики сопоставляют различие между “жесткой силой” и “мягкой силой” с различиями между “реализмом” и “идеализмом”. Для них “мягкая сила” — это не больше чем привлекательный термин для нескольких принципов, использовавшихся в либеральной международной политике, лежавших в основе внешней политики США после Второй мировой войны и коренившихся в вильсоновских традициях, — продолжал он подчеркивать спустя несколько лет. — Но они ошибаются» [Nye 2010, 254].

³ Knight J. The Limits of Soft Power in Higher Education // University World News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20140129134636725> (дата обращения: 10.08.2021).

В целом американский политолог признает, что четких критериев для разделения «жесткой силы» и «мягкой силы» не существует. В классической работе 2004 г. Най писал о том, что они родственны, потому что и одна, и другая сила являются инструментом для достижения цели, который применяется для оказания влияния. Разница между ними состоит в природе поведения субъекта и материальности ресурсов. Командная власть базируется на принуждении или побуждении, а кооптивная — на привлекательности чьей-либо культуры и ценностей. «Если исходить из того, что категорию силы мы определяем как некое взаимодействие, — утверждал Най, — то инструментарий “мягкой силы” оставляет реципиенту большую свободу выбора, чем применение других видов силы. Привлекательные образы формируются в сознании объекта, и, следовательно, он в большей степени способен контролировать процесс воздействия на него, чем, к примеру, в том случае, если у него к виску приставлен пистолет» [Nye 2007a, 169].

Най, разумеется, не призывал вовсе отказываться от использования принудительных методов влияния на международной арене, однако указывал, что эффект от применения «жесткой силы» и «мягкой силы» различается не только характером восприятия реципиента, но и временным горизонтом воздействия. Применение военного ресурса или наложение экономических санкций могут иметь быстрый и ощутимый результат, но подобные меры оправдывают себя, как правило, преимущественно в краткосрочной перспективе и, кроме того, соотносятся с финансовыми и репутационными издержками. «Мягкая сила», напротив, приобретает долгосрочный эффект воздействия, поскольку сила образов, созданных в результате ее применения, продолжает влиять на сознание объектов без оказания регулярного внешнего давления. Исследователь подчеркивает, что применение «мягкой силы» имеет более долгосрочный и рассеянный характер, который может проявляться в формировании массового влияния, а не в точечном эффекте, как в случае с «жесткой силой». Соответственно, заявляет Най, «мягкую силу» лучше применять, когда речь идет о материях общественного значения, таких как формирование демократических институтов, борьба с эпидемиями или противодействие климатическим изменениям. «“Мягкая сила”, возможно, играет незначительную роль в улаживании конфликта между США и Северной Кореей по поводу ядерной программы последней, но имеет огромное значение при реализации стратегии распространения демократии как средства предотвращения конфликтов в будущем» [Nye 2007b, 394].

По сути, Най попытался найти некую «золотую середину» — своеобразную теорию «либерального реализма», которая бы сочетала в себе наиболее релевантные подходы как реалистов, так и их идейных оппонентов. И надо признать, что в известной степени американскому ученому удалось это сделать.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что идея обретения силы и влияния на международной арене через привлекательность, конечно, не нова, но впервые на уровне полноценной историко-политологической концепции она была сформулирована только в начале 90-х гг. XX в. американским политологом Дж. Наем-младшим. Тем не менее данную концепцию следует рассматривать как результат более ранних теоретических наработок; ее идейные истоки можно обнаружить еще в сочинениях древнекитайских мудрецов, написанных более двадцати веков назад, в работах Н. Макиавелли, А. Грамши, англо-американских специалистов в области политологии второй половины XX в. Собственно и сами технологии «мягкой силы» активно применялись акторами мировой политики на протяжении всей человеческой истории. Это понимал и сам Най, отмечая еще в 1990 г., например, что в начале послевоенного периода Советский Союз смог получить

значительные геополитические дивиденды из таких «мягкосиловых» ресурсов, как «коммунистическая идеология, миф о непобедимости и международные коммунистические институты» [Nye 1990, 167].

По мере расширения и трансформации концепции «мягкой силы» под влиянием критики в академической среде, с одной стороны, и глобальных изменений в международной среде, с другой, Най выделил в 2003 г. понятие «умной силы» (англ. smart power), совмещавшей в себе инструменты как «жесткой силы», так и «мягкой силы», но изначально близкой по смыслу к последней. Этот термин подразумевал разработку долгосрочной национальной стратегии, которая бы интегрировала разрозненные инструменты и технологии применения обеих сил, переосмыслила их соотношение и предложила новые более эффективные внешнеполитические линии поведения с учетом необходимости сохранения глобального американского лидерства. Признавая, что одной «мягкой силы» для решения ряда проблем недостаточно, Най говорил о том, что «умная сила» — это не просто «мягкая сила 2.0», так как речь идет о способности соединять «жесткую силу» и «мягкую силу» в эффективную стратегию, применяемую при различных обстоятельствах» [Nye 2010, xv].

На протяжении последних тридцати лет Най оставался «законодателем мод» в сфере изучения феномена «мягкой силы». Однако, несмотря на широкое признание научных заслуг американского политолога, его работы в академической среде неоднократно подвергались критике, причем порой весьма жесткой и справедливой. Западные исследователи упрекали своего коллегу как за серьезные теоретико-методологические промахи и упущения (недостаточная научная строгость работ, их концептуальная размытость, неточность и расплывчатость ключевых определений, абстрактность и даже банальность самой теории), так и указывали на вполне конкретные изъяны его концепта (отсутствие четко прописанного набора ресурсов, инструментов и механизмов реализации политики «мягкой силы» на международной арене). Одним из самых дискуссионных являлся (и является) вопрос о соотношении «мягкой силы» и «жесткой силы». Значительная часть претензий была связана с невозможностью в рамках теории Найа вычленив алгоритм преобразования «мягкосилового» потенциала в конкретные геополитические дивиденды и объективно оценить и просчитать последние. Наконец, критики концепции указывали и на тот факт, что политический «бэкграунд» Дж.Найа порой оказывал значительное влияние на его изыскания; действительно, налицо взаимосвязь между внешнеполитическими авантюрами США в начале XXI в. и работами ученого, в которых прослеживается попытка нивелировать негативные последствия американского использования «жесткой силы» в разных уголках планеты.

И все же значение разработанного Дж.Наем-младшим концепта для развития англо-американской историко-политологической мысли трудно переоценить. Именно он ввел понятие «мягкая сила» в современную политологию и теорию международных отношений; на основе его идей в рамках зарубежного научного дискурса появились новые оригинальные концепты [Vuving 2009; Kounalakis, Simonyi 2011; Rosel et al. 2014]. В целом американскому ученому удалось создать достаточно цельную и проработанную концепцию, которая, несмотря на серьезную критику со стороны его коллег по цеху, не только была принята в академической среде, но и взята на вооружение политическим истеблишментом ведущих государств современного мира: от США и стран Европейского союза до Китая и других восточно-азиатских государств. В последнее время тема «мягкой силы» становится все более востребованной и в отечественном общественно-политическом дискурсе.

Список литературы:

- Галларотти Дж. Как измерять мягкую силу в международных отношениях // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.07>.
- Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016.
- Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2020.
- Паршин П.Б. «Мягкая сила» в лабиринте дискуссий. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2020.
- Soft Power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015.
- Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. № 4. P. 147–158. DOI: <https://doi.org/10.1057/pb.2008.4>.
- Gallarotti G. Soft Power: What It Is, Why It's Important, and the Conditions under Which It Can Be Effectively Used // Journal of Political Power. Vol. 4. Is. 1. P. 25–47. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2011.557886>.
- Gray C. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century. Carlisle, Pa.: Strategic Studies Institute, 2011.
- Hall T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics. 2010. Vol. 3. Is. 2. P. 189–211. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/poq005>.
- Kounalakis M., Simonyi A. The Hard Truth about Soft Power. Los Angeles: Figueroa Press, 2011.
- Lock E. Soft Power and Strategy: Developing a Strategic Concept of Power // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives / ed. by I. Parmar, M. Cox. London: Routledge, 2010. P. 32–50.
- Lukes S. Power and the Battle for Hearts and Minds: On the Bluntness of Soft Power // Power in World Politics / ed. by F. Berenskoetter, M.J. Williams. London: Routledge, 2007. P. 83–97.
- Mattern J.B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies. 2005. Vol. 33. Is. 3. P. 583–612. DOI: <https://doi.org/10.1177/03058298050330031601>.
- Mingjiang L. Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics. Lanham: Lexington Books, 2009.
- Noya J. The Symbolic Power of Nations // ELCANO Royal Institute Working Paper 35/2005. 2005. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/589286804f018367b397f73170baead1/035-2005-WP.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=589286804f018367b397f73170baead1>.
- Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. No 80. P. 153–171. DOI: <https://doi.org/10.2307/1148580>.
- Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
- Nye J.S. Notes for a Soft Power Research Agenda // Power in World Politics / ed. by F. Berenskoetter, M.J. Williams. London: Routledge, 2007a. P. 162–172.
- Nye J.S. The Place of Soft Power in State-Based Conflict Management // Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World / ed. by C.A. Crocker, F.O. Hampson, P. Aall. Washington: United States Institute of Peace Press, 2007b. P. 389–400.
- Nye J.S. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2010.

- Rosel L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power // Media, War and Conflict. 2014. Vol. 7. Is. 1. P. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750635213516696>.
- Vuving A.L. How Soft Power Works // Paper presented at the Panel “Soft Power and Smart Power”. American Political Science Association annual meeting. Toronto. September 3. 2009. URL: <https://apcss.org/Publications/Vuving%20How%20soft%20power%20works%20APSA%202009.pdf>.
- Zahran G., Ramos L. From Hegemony to Soft Power: Implications of a Conceptual Change // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives / ed. by I. Parmar, M. Cox. London: Routledge, 2010. P. 11–31.
- References:**
- Fan Y. (2008) Soft Power: Power of Attraction or Confusion? *Place Branding and Public Diplomacy*. No. 2. P. 147–158. DOI: <https://doi.org/10.1057/pb.2008.4>.
- Gallarotti G. (2011) Soft Power: What It Is, Why It's Important, and the Conditions under Which It Can Be Effectively Used. *Journal of Political Power*. Vol. 4. Is. 1. P. 25–47. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2011.557886>.
- Gallarotti G.M. (2020) How to Measure Soft Power in International Relations. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 1. P. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.07>.
- Gray C. (2011) Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century. Carlisle, Pa.: Strategic Studies Institute.
- Hall T. (2010) An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category. *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 3. P. 189–211. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/poq005>.
- Kounalakis M., Simonyi A. (2011) *The Hard Truth about Soft Power*. Los Angeles: Figueroa Press.
- Lock E. (2010) Soft Power and Strategy: Developing a Strategic Concept of Power. In: Parmar I., Cox M. (eds.) *Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. London: Routledge. P. 32–50.
- Lukes S. (2007) Power and the Battle for Hearts and Minds: On the Bluntness of Soft Power. In: Berenskoetter F., Williams M.J. (eds.) *Power in World Politics*. London: Routledge. P. 83–97.
- Mattern J.B. (2005) Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics. *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 33. Is. 3. P. 583–612. DOI: <https://doi.org/10.1177/03058298050330031601>.
- Mingjiang L. (2009) *Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics*. Lanham: Lexington Books.
- Naumov A.O. (2016) “*Myagkaya sila*”, “*tsvetnyye revolyutsii*” i *tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale XXI veka* [Soft power, color revolutions and technologies of the political regimes change at the beginning of the XXI century]. Moscow: ARGAMAK-MEDIA.
- Neymark M.A. (2020) “*Myagkaya sila*” v *mirovoy politike* [Soft power in world politics]. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya “Dashkov i Ko”.
- Noya J. (2005) The Symbolic Power of Nations. *ELCANO Royal Institute Working Paper (WP) 35/2005*. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/589286804f018367b397f73170baead1/035-2005-WP.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=589286804f018367b397f73170baead1>.
- Nye J.S. *Soft Power* (1990). Foreign Policy. No. 80. P. 153–171. DOI: <https://doi.org/10.2307/1148580>.
- Nye J.S. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.

Nye J.S (2007a) Notes for a Soft Power Research Agenda. In: Berenskoetter F., Williams M.J. (eds.) *Power in World Politics*. London: Routledge. P. 162–172.

Nye J.S (2007b) The Place of Soft Power in State-Based Conflict Management. In: Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P. (eds.) *Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World*. Washington: United States Institute of Peace Press. P. 389–400.

Nye J.S (2010) *The Future of Power*. New York: Public Affairs.

Parshin P.B. (2020) *“Myagkaya sila” v labirinte diskussiy* [Soft power in the maze of discussions]. Moscow: Izdatel'stvo «MGIMO-Universitet».

Rosel L., Miskimmon A., O'Loughlin B. (2014) Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power. *Media, War and Conflict*. Vol. 7. Is. 1. P. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750635213516696>.

Rusakova O.F. (ed.) (2015). *Soft Power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft Power: Theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izdatel'skiy Dom «Diskurs-Pi».

Vuving A.L. (2009) How Soft Power Works. Paper Presented at the Panel “Soft Power and Smart Power”. *American Political Science Association Annual Meeting*. Toronto. September 3. URL: <https://apcss.org/Publications/Vuving%20How%20soft%20power%20works%20APSA%202009.pdf>.

Zahran G., Ramos L. (2010) From Hegemony to Soft Power: Implications of a Conceptual Change. In: Parmar I., Cox M. (eds.) *Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. London: Routledge. P. 11–31.

Дата поступления/Received: 29.08.2021

«Русские эмигранты в Сирии»: М.И. Самсонов о положении выходцев с Кавказа в начале XX в.¹

Петрунина Ольга Евгениевна

Доктор исторических наук, профессор, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

E-mail: petrunina@narod.ru

SPIN-код РИНЦ: [4479-7104](https://elibrary.ru/4479-7104)

Аннотация

История формирования кавказских диаспор за пределами России стала изучаться в нашей стране уже в XIX в., но и сегодня является одним из актуальных направлений научных исследований. Однако она до сих пор остается слабо изученной прежде всего в силу отсутствия достаточного количества источников. Имеющиеся сведения о раннем периоде истории кавказских общин за рубежом неполны и противоречивы. Между тем на начало XX в. приходится новая волна мухаджирства с Кавказа в Османскую империю. Данная статья вводит в научный оборот новый источник — докладную записку секретаря российского консульства в Дамаске М.И. Самсонова «Русские эмигранты в Сирии» (1906). В ней изложены сведения о численности, поселениях, особенностях правового статуса и настроениях мухаджиров с Кавказа, обосновавшихся в Сирии и Заиорданье. Эти данные, собранные в ходе поездок по консульскому округу и общения с эмигрантами, автор сопроводил собственными размышлениями о причинах эмиграции кавказцев из России и их положении в Османской империи, оценил их желание и возможности вернуться обратно. В настоящей статье сведения и выводы, сделанные автором записки, сопоставляются с другими известными на сегодня данными о положении эмигрировавших в Сирию российских мусульман. Несмотря на то, что на некоторые вопросы докладная записка М.И. Самсонова дает самые общие ответы, она содержит новые сведения о жизни мухаджиров и их статусе, которые существенно дополняют современные научные знания в этой области.

Ключевые слова

История Сирии, история Османской империи, мухаджиры, эмиграция с Кавказа, этнические меньшинства.

“Russian Emigrants in Syria”: M.I. Samsonov on the Status of Expatriates from the Caucasus at the Beginning of the 20th Century²

Olga E. Petrunina

DSc (History), Professor, Historical Faculty, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Institute of Slavic Studies of RAS, Moscow, Russian Federation.

E-mail: petrunina@narod.ru

Abstract

The history of Caucasian diasporas formation outside Russia has been studied in our country since the 19th century, but even today it is one of the topical areas of scientific research. However, it still remains poorly studied, first of all due to the lack of a sufficient number of primary sources. The available information about the early period of the history of Caucasian communities abroad is incomplete and contradictory. Meanwhile, at the beginning of the 20th century there was a new wave of Muhajirism from the Caucasus to the Ottoman Empire. This article introduces to scientific community a new primary source — a memorandum of the Russian consulate secretary in Damascus M.I. Samsonov “Russian emigrants in Syria” (1906). It contains information about the number, settlements, peculiarities of the legal status, moods of muhajirs from the Caucasus who settled in Syria and Trans-Jordan. This data, collected during Samsonov’s trips around the consular district and his communications with emigrants, are accompanied by his own reflections on the reasons for the emigration of Caucasians from Russia and their status in the Ottoman Empire as well as assessment of their desire and opportunities to return back. In this article, the information and conclusions made by the author of the memorandum are compared with other known data on Russian Muslims who emigrated to Syria. Despite the fact that the memorandum of M.I. Samsonov gives the most general answers to some questions, it contains new information about the life of the muhajirs and their status, which significantly supplements present scientific knowledge in this area.

Keywords

History of Syria, Ottoman Empire history, muhajirs, expatriation from the Caucasus, ethnic minorities.

Введение

Во второй половине XIX–начале XX в. в Османской империи происходили важные этносоциальные и демографические процессы, в ходе которых постепенно менялась этническая и конфессиональная карта владений султанов. В это время страна лишилась части своих владений в Европе, где значительную часть населения составляли христиане, в то же время в страну потянулся поток беженцев-мусульман с Балкан. Низкий уровень жизни христианского населения

¹ Материалы для статьи были обнаружены в ходе работы над проектом РФФИ № 19-09-41004.

² The materials for the article have been found during the work on RFBR project № 19-09-41004.

в некоторых провинциях, в частности в Сирии, породил массовую трудовую миграцию христиан. Но в некоторых других провинциях, особенно в крупных портовых городах, христианское население, напротив, жило все лучше. Этот период ознаменовался и рядом серьезных внутренних конфликтов в Империи на этнической и конфессиональной почве, таких как друзо-маронитский конфликт, греко-болгарское и греко-арабское церковное противостояние и др. Все это вело к напряженности в этноконфессиональных отношениях, которая иногда стала принимать формы массовых погромов. На таком фоне происходило начавшееся по завершении Кавказской войны переселение в Империю кавказских мусульман-суннитов. В некоторых провинциях они внесли заметный вклад не только в изменение этнической и конфессиональной карты, но и в социально-экономическое развитие этих областей.

Общие сведения об эмигрантах-мусульманах в Сирии

«Русские эмигранты в Сирии» — так называется докладная записка, составленная секретарем российского консульства в Дамаске Михаилом Ильичом Самсоновым в начале 1906 г., которая в скором времени легла на стол посла в Константинополе Ивана Алексеевича Зиновьева³. Но речь в ней идет вовсе не о русских с этнической точки зрения, но, говоря современным языком, о российских эмигрантах-мусульманах, с которыми консульству приходилось иметь дело в границах своей юрисдикции. Все российские мусульмане, о которых писал М.И. Самсонов, были выходцами с Кавказа. Об их жизни на новой родине в то время было известно немного.

Европейские путешественники и исследователи традиционно обращали пристальное внимание на положение христианских народов Империи, не выделяя отдельных народов и племен из общей массы мусульман. Последних в лучшем случае делили на суннитов и шиитов. В османских переписях населения, ориентированных на традиционный институт миллета, также применялся такой подход. Так, перепись населения Дамаска, проведенная в 1905–1906 гг., о результатах которой докладывал в посольство временно управлявший консульством в этом городе М.И. Самсонов, зафиксировала 178705 проживавших в городе мусульман, не разделяя их по этносам. Для представителей других вероисповеданий, совокупно составлявших 22,5 тыс. чел.⁴, определить этническую принадлежность зачастую проще в силу ее совпадения с конфессиональной (иудеи, марониты, армяне-католики и др.).

Между тем к концу XIX столетия европейцы стали уделять больше внимания мусульманским этносам. Это можно заметить, в частности, по работам французского географа и востоковеда секретаря Управления оттоманского государственного долга Виталия Кюине (1833–1896) [Cuinet 1891–1894; Cuinet 1896–1901]. О выходцах из России, которых он совокупно называет черкесами и выделяет в отдельную группу среди мусульман-суннитов, В. Кюине говорит следующее: в Сирии их было немного, поселились они там после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а в Турции вообще занимались преимущественно сельским хозяйством и служили в армии, считаясь отличными воинами. В Сирийском вилайете В. Кюине насчитал 5045 черкесов, в том числе 1630 чел. В Дамасском санджаке, 2415 чел. в Хауране [Cuinet 1898, 307, 386, 458]. Из 1900 мусульманских школ Сирийского вилайета, в которых насчитывалось 34 тыс. учеников, 290 детей обучались в 23 черкесских школах [Ibid., 318].

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1718. Л. 43–46. Если не указано иное, все ссылки далее даются на этот документ.

⁴ Приложение к секретному донесению управляющего консульством в Дамаске М.И. Самсонова послу в Константинополе И.А. Зиновьеву № 5 от 5 февраля 1907 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1907. Д. 1720. Л. 11.

Как отмечает М.И. Самсонов, поток иммигрантов из России, значительный в первые годы по окончании Кавказской войны, постепенно уменьшался. Это понятно: если первая волна переселения была вызвана совпадением интересов России и Османской империи, а также кавказских элит, рассчитывавших на определенные выгоды от переселения, то к концу XIX столетия, ощутив последствия и сложности, связанные с размещением большого числа иммигрантов и их репатриацией, обе империи стали относиться к этому вопросу с большей осторожностью⁵.

Однако в начале XX в. эмиграция стала вновь расти. Возможной причиной этого российский дипломат называл «неспокойное положение» в России. Покидали Россию преимущественно представители абхазо-адыгских и тюркских народов Северного Кавказа, а также закавказские грузины-мусульмане. Об их прибытии в Сирию сообщал еще в 1900 г. тогдашний секретарь консульства в Дамаске С.В. Тухолка [Смилянская и др. 2015, 90–91].

Статус эмигрантов-мусульман

В 1905 г. в соседний с Сирийским Алеппский вилайет, по свидетельству М.И. Самсонова, прибыло около 3 тыс. российских мусульман. Интересно, что С.В. Тухолка ранее предполагал, что их будет несколько десятков тысяч [Там же, 91].

Точных сведений о количестве выехавших из России и обосновавшихся в Сирии мусульман в российском консульстве не было и достать их не представлялось никакой возможности, поскольку сами местные власти их не имели. В 1905 г. губернатор Сирийского вилайета Назим-паша предпринял попытку провести перепись черкесского населения Хаурана, но натолкнулся на вооруженное сопротивление. М.И. Самсонов не пишет, что вызвало недоверие к власти в конкретном случае. Однако после разъяснений черкесы согласились. Каждому записанному был вручен нуфус-тескере (удостоверение личности), что означало признание и властями, и ими самими их османского подданства.

Вопрос о статусе кавказских иммигрантов в Империи был довольно запутанным. С одной стороны, согласно российскому законодательству, выехавшие из страны российские подданные имели на руках заграничный паспорт, сохраняли свое подданство и имели право в течение пяти лет вернуться на родину. Османские власти стремились отобрать у иммигрантов российские паспорта, лишая их тем самым консульской защиты и возможности возвращения. В этом случае местные чиновники руководствовались правилом, что, покинув Россию по религиозным соображениям, переселенцы автоматически сменили подданство. С другой стороны, существовало распоряжение министра внутренних дел, предписывавшее выдавать нуфус-тескере только после запроса в российские консульства. В дамасское консульство таких запросов, по свидетельству М.И. Самсонова, поступало очень мало. Во всей этой неразберихе некоторые переселенцы сумели сохранить российские паспорта, обеспечивая себе возможность возвращения. Это им удавалось либо потому, что османские чиновники не успевали обойти каждого в больших группах вновь прибывших переселенцев, либо потому, что переселенцы не знали турецкого языка.

В России отношение к мусульманам-эмигрантам в начале XX в. также было неоднозначным. Возвращение в Россию мусульман, эмигрировавших по религиозным мотивам, не допускалось. Но, как уже говорилось, российские подданные, выехавшие не по религиозным мотивам, имели право вернуться. Некоторые горцы смогли вернуться на родину. Были случаи, когда репатрианты вновь занимали прежнее общественное положение и возвращали из эмиграции свои семьи.

⁵ Тимошенко Е.Н. Миграция народов Северо-Западного Кавказа в Османскую империю во второй половине XIX в. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 13–15.

М.И. Самсонов приводит случай семьи Балыкоевых из Терской области: вернувшись на родину, Магомет Балыкоев выхлопотал паспорт для своего дяди Иналуко Балыкоева с тем, чтобы тот привез из Сирии его жену. Как справедливо отмечает автор записки, подобные случаи (а они повторялись) были бы невозможны без содействия со стороны начальника Терской области. Некоторые эмигранты запрашивали разрешение на возвращение через консульство и получали утвердительный ответ. Все эти случаи свидетельствуют о том, что местные российские власти вовсе не занимались изгнанием или выселением горцев. Напротив, начальник Терской области помогал пересмотревшим свое решение эмигрантам вернуться домой. Современная исследовательница З.Х. Ибрагимова пишет о том, что российское законодательство, запрещавшее мухаджирам возвращение в Россию, делало их репатриацию крайне затруднительной [Ибрагимова 2007, 490], но приводимые М.И. Самсоновым сведения говорят о том, что местные власти часто закрывали глаза на этот запрет. Эмигранты могли вернуться сами и вернуть свои семьи. Такая непростая ситуация с репатриацией кавказцев из Османской империи не была чем-то новым: еще в 1860-е гг., в первую волну переселенцев, отношение российских властей к попыткам кавказцев вернуться было столь же неоднозначным [Берже 1882, 25–26].

М.И. Самсонов был уверен, что бóльшая часть горцев вернулась бы на родину, если бы у них была такая возможность. Помимо бюрократических и политических, были и другие факторы, препятствовавшие репатриации: недостаточное знание переселенцами турецкого языка, а также незнание своих прав. Тем не менее многие продолжали считать себя россиянами и видели в российском консуле своего заступника. По мнению исследователей, основной причиной недовольства переселенцев в Сирию и Трансиорданию в эти годы были трудности с размещением, которое затягивалось местными властями [Кушхабиев 2006, 429].

В исследованиях часто встречаются утверждения, что к эмиграции кавказские народы подталкивала угроза русификации [Ибрагимова 2007, 489]. Как утверждали черкесские собеседники М.И. Самсонова, среди них распространился слух, будто бы их станут принуждать к смешанным бракам с «кафирами-русскими». Но по приезде в Сирию они быстро убедились, что новые условия жизни не соответствовали их ожиданиям, и, угрожая смертью, стали требовать от склонившего их к переселению «предводителя Анзарова» вывезти их обратно. Вероятно, слухи о принудительной русификации распространялись среди горцев Кавказа намеренно. Что же касается исторической действительности, то уже к началу XX в. часть эмигрировавших в Османскую империю горцев полностью ассимилировалась с местным населением, чему в Сирии, несомненно, способствовало изучение священного арабского языка. Один из самых ярких примеров — убыхи, целая народность, растворившаяся среди единоверцев на Ближнем Востоке.

Еще одна причина эмиграции кавказских мусульман — обещания более сытой и благополучной жизни во владениях султана, которые давались населению некоторыми представителями местных элит, заинтересованными в эмиграции по личным политическим или экономическим причинам. К примеру, семьи рода Анзор (Анзоровых) получили земельные наделы в шесть раз больше простых иммигрантов [Кушхабиев 2006, 432].

Получив османское подданство, иммигранты получали доступ к занятию государственных должностей. Но на практике административные должности выходцы с Кавказа занимали редко. Сами они объясняли эту ситуацию «немилостью султана по отношению к находящемуся под стражей в Дамаске преклонному Фуад-паше». Самый, пожалуй, высокопоставленный черкес в Империи того времени маршал Фуад-паша (1835–1931), прозванный сумасшедшим или неистовым (Дели) за свою прямолинейность, попал в опалу за то, что подозревался в сношениях с младотурками. В 1902 г. ему было предъявлено

обвинение в организации заговора против султана Абдул-Хамида II и военный трибунал осудил его на смертную казнь, замененную на пожизненное заключение, которое он и отбывал в Дамаске. Вторым обвиняемым по этому же делу был еще один маршал северокавказского происхождения — сын Шамиля Гази-Мухаммед [Чочиев 2012, 10].

Упоминание Фуад-паши в таком контексте свидетельствует об определенной сплоченности черкесских общин, которую осознавали не только они сами, но и османские власти. Неслучайно, опасаясь возникновения организованного черкесского движения на этнической почве, Порта отправила в ссылку родственников опальных маршалов и разослала по провинциям компактно проживавших в столице черкесских иммигрантов [Там же]. Однако сведений о наличии в то время у эмигрантов из России каких-либо общественных организаций или периодических изданий нет, поскольку в период зулюма создать их было невозможно. Младотурецкая революция такие возможности открыла, и быстрое появление первых черкесских культурно-просветительских обществ (Черкесское общество единения и взаимопомощи) со своими печатными органами продемонстрировало высокую степень консолидации иммигрантских общин. Важную роль в создании и деятельности этих организаций сыграли влиятельные сановники черкесского происхождения, в частности Фуад-паша [Березгов и др. 2006, 415–419].

В то же время среди факторов, препятствовавших интеграции иммигрантов в местное общество и, напротив, способствовавших сохранению их идентичности и солидарности, современники называли низкий уровень образования. Так, заведующий действовавшим в 1911–1914 гг. Бюро заграничной агентуры Департамента полиции в Константинополе в одном из своих донесений, опубликованном Д.Ю. Араповым, писал о «некультурности мусульман» и «невежестве их духовенства» как о причине провала пропаганды панисламистской идеологии, призванной консолидировать мусульман сначала в религиозном, а затем и в политическом плане [Арапов 2006, 110].

Черкесские поселения в Сирии и Заиорданье

М.И. Самсонов собрал сведения о сирийских населенных пунктах, где жили переселенцы, о приблизительной численности иммигрантов и их роде занятий. Некоторые использовавшиеся тогда топонимы впоследствии вышли из употребления, поэтому часть названий трудно идентифицировать с более поздними.

Самым большим на тот момент черкесским селением он называет Конейтру (Эль-Кунейтру). Этот небольшой город на Голанских высотах оказался на линии фронта во время арабо-израильских войн 1967 и 1973 гг., в результате чего был полностью разрушен. Но в начале XX в. там проживала тысяча черкесских семей (домов), две трети которых занимались бакалейной и мануфактурной торговлей, а остальные — земледелием, «ибо для последнего Конейтра крайне неблагоприятна». Османские власти намеревались использовать известных своими боевыми традициями переселенцев для подавления восстаний беспокойных племен, прежде всего друзов. Поэтому их расселяли анклавами на территориях с беспокойной обстановкой [Blumi 2013, 136; Смилянская и др. 2015, 91–92]. Но земли им выделялись бедные, часто на границе земель бедуинов, с которыми у кавказцев нередко случались конфликты [Бадерхан 2001, 68–69].

Интересные факты М.И. Самсонов сообщает о селе Бойдан дамасского уезда: «Это было одно из самых населенных и лучших черкесских селений». Согласно данным исследователей, это село было основано карачаевцами и балкарцами, переселившимися в Османскую империю в 1884–1885 гг. Эмиграция представителей этих народностей продолжалась и в последующие годы, вторая ее мощная волна приходится на 1905–1906 гг. Причем часть переселенцев

настаивала на поселении поближе к местам хаджа, в частности в Сирии [Кипкеева 2014, 724–728; Тетуев 2016, 54–55]. Вероятно, в Бойдане в то время обосновались осетины⁶. Однако, по сведениям М.И. Самсонова, именно в 1905 г. множество семейств уехало из села Бойдан обратно в Россию, кто на законном основании, кто хитростью, так что в данное время в этом селении «находится лишь 40 домов и то лишь из переселившихся в Сирию лет 20 тому назад, которые уже совершенно обарабизировались и почти даже забыли родной свой язык». Аналогичным образом ассимилировались 40 черкесских семей в Думе, городе недалеко от Дамаска, и «их почти нельзя отличить от прочих, разве только по типу». В Хаме М.И. Самсонов обнаружил 60 черкесских семейств.

Кавказских иммигрантов размещали также и на территории современной Иордании, где они должны были охранять путь из Дамаска на Аравийский полуостров. Кавказские иммигранты в последней четверти XIX в. фактически возродили древний город Амман, позже ставший столицей независимого королевства [Hamed-Troyansky 2017, 605–623; Nanania 2019, 2–3]. М.И. Самсонов сообщает о 650 черкесских семьях, населявших тогда Амман. Главным их занятием было коннозаводство, однако «большого успеха они не имели». Еще триста семей обосновались в Сальте (Эс-Сальте), где занимались в основном земледелием. В окрестностях этого города, в то время переживавшего расцвет и бывшего административным центром казы (уезда), условия для сельского хозяйства были значительно лучше. Однако и здесь кавказским переселенцам приходилось бороться за землю как с бедуинскими племенами, так и с местными феллахами (крестьянами) [Бадерхан 2001, 78–79]. 250 кавказских семей проживали в Джараше — древней Герасе, также известной как ближневосточные Помпеи и разрушенной землетрясением в VIII в. н.э.; 200 чеченских семей обосновались в Ханитарке (Эз-Зарке). Это были переселенцы начала XX в., фактически основавшие этот в будущем крупный промышленный центр Иордании⁷.

В селениях Нагхур (150 семей) и Хершней (60 семей) жили преимущественно кавказцы-земледельцы, 60 черкесских семей обосновались в Арасейфе (Эр-Русейфе), 80 балкарских семей разместились в селении Метха. В Арасейфе размещалась в основном последняя волна переселенцев. Если суммировать данные о численности эмигрантов-мусульман из России в Сирии и Трансиордании на 1905 г., то получится примерно 10–12 тыс. чел. Это немного по сравнению с общей численностью населения этих областей Османской империи в то время.

Как отмечает М.И. Самсонов, ему ни разу не приходилось слышать, «чтобы эмигрировавшие были довольны своим новым положением и не пожелали вернуться обратно в свои горы Кавказа». Это происходило главным образом потому, что «турецкое правительство, крайне широкое в своих обещаниях, но к исполнению их весьма туго». Переселенцам обещали земельные наделы и денежную помощь, однако в начале XX в. местные власти с этим не спешили. Первоначально иммигрантам предоставляли ряд льгот, например освобождение от налогов и воинской повинности. Однако со временем эти льготы уменьшались и были наконец полностью отменены. Своё исследование положения переселенцев М.И. Самсонов провел в особенно сложное для них время: из России прибыли новые партии эмигрантов, расселение которых задерживалось местными властями, в результате чего вновь прибывшие оказались в тяжелом материальном положении. Это обстоятельство повлияло на общее впечатление от общения с переселенцами, сложившееся у российского дипломата, который относился к ним с явным сочувствием.

⁶ Джигоева М. Осетины в Сирии // Республика Южная Осетия. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://south-ossetia.info/osetiny-v-sirii-2/> (дата обращения: 10.08.2021).

⁷ Бадаев С.-Э.С. Вахнайская диаспора в Турции, Иордании и Сирии: история и современность. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Махачкала, 1998. С. 22–23.

Заключение

Записка М.И. Самсонова дает лишь самые общие ответы на многие вопросы, касающиеся жизни эмигрантов из России в османской Сирии. Исследователям хотелось бы знать больше об их этнической принадлежности, роде занятий, доходах, образовании, настроениях, отношениях с соседями и властями. Но в условиях скудости источниковой базы по этим вопросам содержащиеся в этом документе сведения и оценки существенно дополняют наши представления о жизни выходцев из России в османских провинциях, а также об этноконфессиональной ситуации в них.

Список литературы:

- Арапов Д.Ю. Российские мусульмане и Турция в начале XX века // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 107–112.
- Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX–первая половина XX века). Москва: ИВ РАН, 2001.
- Березгов Б.Н., Кушхабиев А.В., Чочиев Г.В. Черкесы в Турции // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 409–427.
- Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. XXXVI, октябрь. С. 1–32.
- Ибрагимова З.Х. Мир чеченцев. XIX век. М.: Пробел-2000, 2007.
- Кипкеева З.Б. Диаспора в странах Ближнего Востока // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. С. 722–729.
- Кушхабиев А.В. Черкесы в Сирии и Иордании // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 428–444.
- Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М.: Индрик, 2015.
- Тетуев А.И. Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность. Нальчик: Печатный двор, 2016.
- Чочиев Г.В. Национально-культурная и политическая деятельность черкесских элит в Османской империи в конце XIX–начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2012. № 8(47). С. 3–12.
- Blumi I. Ottoman Refugees, 1878–1939. Migration in a Post-Imperial World. London — New York: Bloomsbury, 2013.
- Cuinet V. La Turquie d'Asie. Géographie administrative. Statistique descriptive et raisonnée de chaque province de l'Asie-Mineure. T. 1–4. Paris: E. Leroux, 1891–1894.
- Cuinet V. Syrie, Liban et Palestine. Géographie administrative. Statistique descriptive et raisonnée. F. 1–4. Paris: E. Leroux, 1896–1901.
- Cuinet V. Syrie, Liban et Palestine. Géographie administrative. Statistique descriptive et raisonnée. F. 3. Paris: E. Leroux, 1898.
- Hamed-Troyansky V. Circassian Refugees and the Making of Amman, 1878–1914 // International Journal of Middle East Studies. 2017. Vol. 49. Special Issue 4. P. 605–623. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020743817000617>.
- Hanania M.D. From Colony to Capital: Reconsidering the Socio-Economic and Political History of Amman, 1878–1928 // Middle Eastern Studies. 2019. № 55. Is. 1. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1080/00263206.2018.1505612>.

References:

- Arapov D.Iu. (2006) Russian Muslims and Turkey at the Beginning of the XX century. *Vostochnyy arkhiv*. № 14–15. P. 107–112.
- Baderkhan F. (2001) *Severokavkazskaya diaspora v Turtsii, Sirii i Iordanii (vtoraya polovina XIX–pervaya polovina XX veka)* [North Caucasian diaspora in Turkey, Syria and Jordan (second half of the XIX–first half of the XX century)]. Moscow: IV RAN.
- Berezgov B.N., Kushkhabiyev A.V., Chochiyev G.V. (2006) Cherkesy v Turtsii [Circassians in Turkey]. *Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya*. Moscow: Fond im. B.Kh. Akbasheva. P. 409–427.
- Berzhe A.P. (1882) Vyseleniye gortsev s Kavkaza [Eviction of highlanders from the Caucasus]. *Russkaya starina*. Vol. XXXVI, October. P. 1–32.
- Blumi I. (2013) *Ottoman Refugees, 1878–1939. Migration in a Post-Imperial World*. London — New York: Bloomsbury.
- Chochiyev G.V. (2012) Natsional'no-kul'turnaya i politicheskaya deyatel'nost' cherkesskikh elit v Osmanskoj imperii v kontse XIX–nachale KhKh v. [National-cultural and political activities of Circassian elites in the Ottoman empire in the late XIX–early XX century]. *Izvestiya SOIGSI*. № 8(47). P. 3–12.
- Cuinet V. (1891–1894) *La Turquie d'Asie. Géographie administrative. Statistique descriptive et raisonnée de chaque province de l'Asie-Mineure*. T. 1–4. Paris: E. Leroux.
- Cuinet V. (1896–1901) *Syrie, Liban et Palestine. Géographie administrative. Statistique descriptive et raisonnée*. F. 1–4. Paris: E. Leroux.
- Cuinet V. (1898) *Syrie, Liban et Palestine. Géographie administrative. Statistique descriptive et raisonnée*. F. 3. Paris: E. Leroux.
- Hamed-Troyansky V. (2017) Circassian Refugees and the Making of Amman, 1878–1914. *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 49. Special Issue 4. P. 605–623. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020743817000617>.
- Hanania M.D. (2019) From Colony to Capital: Reconsidering the Socio-Economic and Political History of Amman, 1878–1928. *Middle Eastern Studies*. № 55. Is. 1. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1080/00263206.2018.1505612>.
- Ibragimova Z.Kh. (2007) *Mir chechentsev. XIX vek* [The world of Chechens. XIX century]. Moscow: Probel-2000.
- Kipkeyeva Z.B. (2014) Diaspora v stranakh Blizhnego Vostoka [Diaspora in the Middle East]. In: Karaketov M.D., Sabanchiyev Kh.-M.A. (eds.) *Karachayevtsy. Balkartsy*. P. 722–729.
- Kushkhabiyev A.V. (2006) Cherkesy v Sirii i Iordanii [Circassians in Syria and Jordan]. *Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya*. Moscow: Fond im. B.Kh. Akbasheva. P. 428–444.
- Smilyanskaya I.M., Gorbunova N.M., Yakushev M.M. (2015) *Syria before and during the Young Turk Revolution in Russian Consular Reports*. Moscow: Indrik.
- Tetuyev A.I. (2016) *Zarubezhnaya diaspora karachayevtsev i balkartsev: istoriya i sovremennost'* [Foreign diaspora of Karachais and Balkars: history and modernity]. Nal'chik: Pechatnyy dvor.

Дата поступления/Received: 17.08.2021

Легитимация государственных решений: возможности и ограничения убеждающей коммуникации¹

Пушкарёва Галина Викторовна

Доктор политических наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Pushkarjeva@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [3646-2998](https://elibrary.ru/3646-2998)

ORCID ID: [0000-0003-1567-5652](https://orcid.org/0000-0003-1567-5652)

Аннотация

Делиберативный поворот в государственном управлении способствовал активному распространению различных форм участия граждан в процессах разработки государственных решений. Следствием вовлеченности граждан в управленческие процессы стал рост их заинтересованности в получении качественной информации об управленческой проблеме. Для удовлетворения этого запроса государство вынуждено вносить коррективы в свою политику информационного обеспечения государственных решений, включать в нее не только инструменты информирования и манипулирования, но и убеждающей коммуникации. В данной статье оцениваются возможности и ограничения выстраивания государством убеждающей коммуникации на основе полновесной аргументации, научных доводов и доказательств. Используются данные фокусированного интервью государственных служащих и научно-экспертного сообщества, проведенного на основе специально разработанного опросника. Показано, что в связи с ростом авторитета научного знания государство все активнее прибегает к такому инструменту легитимации государственных решений, как создание образа органов государственного управления, активно сотрудничающих с научно-экспертным сообществом, опирающихся при выработке государственной политики на научные исследования и объективные доказательства. Однако реальный эффект такого инструмента в нашей стране оказывается ниже ожидаемого в силу массовых представлений о процессе принятия решений как кулуарном, закрытом, ориентированном на корыстные интересы элитарных слоев. Доказывается, что для создания модели убеждающей коммуникации, основанной на принципах открытости, объективности и доказательности, необходимы ряд условий. Во-первых, политико-административная элита должна демонстрировать реальную заинтересованность в «опрокидывании» доказательной политики в публичное пространство, в проведении открытой информационной политики. Во-вторых, научно-экспертное сообщество должно максимально воздерживаться от своих ценностных предпочтений в анализе управленческой ситуации и использовать валидные инструменты доказательной политики. В-третьих, признавая важность использования инструментов доказательной политики в публичном пространстве убеждающей коммуникации, следует учитывать необходимость их адаптации к особенностям массового восприятия.

Ключевые слова

Убеждающая коммуникация, государственные решения, легитимация, доказательная политика, научно-экспертное сообщество, публичное пространство.

Legitimizing Government Decisions: Opportunities and Limitations of Persuasive Communication²

Galina V. Pushkareva

DSc (Politics), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Pushkarjeva@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0003-1567-5652](https://orcid.org/0000-0003-1567-5652)

Abstract

The deliberative turn in public administration has contributed to the active spread of various forms of citizen participation in the development of government decisions. The consequence of the citizens' involvement in management processes was the growth of their interest in obtaining high-quality information about the management problem. To satisfy this request, the state is forced to make adjustments to its policy of information support of state decisions, to include not only information and manipulation tools, but also persuasive communication. This article assesses the possibilities and limitations of building persuasive communication by the state based on full-fledged argumentation, scientific arguments and evidence. The data of a focused interview of civil servants and the scientific and expert community, conducted on the basis of a specially developed questionnaire, are used. It is shown that in connection with the growth of scientific knowledge authority, the state is increasingly resorting to such an instrument of legitimizing state decisions as creating images of government bodies actively cooperating with the scientific and expert community, relying on scientific research and objective evidence in developing state policy. However, the real effect of such an instrument in our country turns out to be lower than expected due to mass perception of the decision-making process as behind the scenes, closed, focused on the selfish interests of the elite strata. It is proved that a number of conditions are necessary to create a model of persuasive communication based on the principles of openness, objectivity and evidence. Firstly, the political and administrative elite should demonstrate a real interest in "overturning" evidence-based politics into the public space, in pursuing an open information policy. Secondly, the scientific and expert community should refrain as much as possible from their value preferences in the analysis

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31194.

² The research is performed under the financial support of RFBR and EISR as a part of a scientific project № 21-011-31194.

of the management situation and use valid evidence-based policy tools. Thirdly, while recognizing the importance of using evidence-based policy tools in the public space of persuasive communication, one should take into account the need to adapt them to the characteristics of mass perception.

Keywords

Persuasive communication, government decisions, legitimation, evidence-based policy, scientific and expert community, public space.

Введение

Отношение граждан к политике государства, к принимаемым государственным решениям может обретать разную психоэмоциональную окраску. Это может быть разочарование, вызванное неоправдавшимися ожиданиями, или недовольство, создающее почву для протеста, или удовлетворение, настраивающее на позитивное восприятие сложившейся системы государственного управления, или безразличие, превращающее человека в пассивного созерцателя происходящих в обществе процессов. Возникающие психоэмоциональные состояния способны формировать массовые настроения в обществе, валентность которых непосредственно влияет на политическую стабильность общества, на легитимность политической власти, на результативность государственных стратегий и программ. И в этой связи особую значимость обретает вопрос о механизмах и факторах формирования отношения граждан к политике государства.

Исследование данной проблематики долгое время осуществлялось в русле двух основных подходов. В рамках первого акцент делался на способности человека самостоятельно оценивать последствия государственных решений. В рамках второго обращалось внимание на то, что на оценки значимости государственных решений влияет тип информационной среды, из которой индивид черпает основания для собственных умозаключений. Эта убежденность присутствует в целом ряде концептов, появившихся в последнее время: пропаганда [Ачкасова, Журавлева 2018], государственный PR [Чумиков, Бочаров 2020; Быков 2019], формирование повестки [McCombs 2014; Шестопап 2011; Митрохина 2019], постправда [Чугров 2017] и др.

Главной особенностью этих подходов является рассмотрение государственного управления как линейного процесса, в котором гражданам отводится роль созерцателей проводимой государственной политики, пассивных исполнителей, имеющих право реагировать на принимаемые государственные решения, но не имеющих возможности участвовать в их разработке. Однако обозначившийся в последние десятилетия двадцатого века «делиберативный поворот» [Бессетт 2011; Хабермас 2008; Chapel 2012; Павлова 2018] вылился не только в обсуждение вопроса о формах прямого участия граждан в разработке государственных решений, но и способствовал концептуальному обоснованию управленческих практик, предполагающих расширение круга участников государственного управленческого процесса. Так, в концепте «открытого правительства» прозвучали идеи прозрачности государственного управления, его отзывчивости, важности ответственного участия граждан в процессах формирования государственной политики³. С помощью концепта «доказательной политики» обосновывалась необходимость активного вовлечения в процессы разработки государственных решений научно-экспертного сообщества [Волошинская, Комаров 2015; Галлямова 2021; Oliver, Lorenc 2014]. В рамках «менеджмента публичных ценностей» осуществлялось не только концептуальное

³ Open Government: The Global Context and the Way Forward // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/publications/open-government-9789264268104-en.htm> (дата обращения: 15.09.2021); World Bank Open Government Global Solutions Group. Open Government Impact & Outcomes. Mapping the Landscape of Ongoing Research // Open Government [Электронный ресурс]. URL: <http://opengovimpact.org/img/og-impact-full-report.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

обоснование важности гражданского участия в разработке общественно значимых государственных решений, но и предлагались конкретные формы взаимодействия государства и граждан [Якимец, Никовская 2015; Stoker 2006; Пушкарева 2018].

В связи с обозначенной тенденцией встает вопрос и о корректировке технологий легитимации государственных решений. Даже минимальная вовлеченность в управленческие процессы повышает заинтересованность граждан в получении дополнительной информации о проблеме, стимулирует к ее более вдумчивому анализу, к поиску дополнительной аргументации в поддержку своей позиции. Для удовлетворения этого запроса государство должно вносить коррективы в свою политику информационного обеспечения государственных решений, включать в нее не только инструменты информирования и манипулирования, но и убеждающей коммуникации, предполагающей предоставление гражданам всесторонней информации об управленческой проблеме, стимулирующей ее самостоятельное осмысление.

С развитием цифровых технологий обсуждение государственной политики выходит за пределы политических салонов, выплескивается на площадки, к которым имеет доступ любой желающий и где он, кроме того, получает возможность не только сформулировать свое мнение о том или ином государственном решении, но и придать ему публичный характер. Участие в публичной дискуссии требует аргументации своей позиции, предъявления веских доказательств, вырабатываемых на основе доступной аналитической информации. Если государство будет запаздывать с предъявлением такой информации и не сможет доходчиво и убедительно обосновать свои решения, то это сделают политические оппоненты, оспаривающие правительственные стратегии и проекты. От того, насколько убедительным будет государство в выстраиваемой им убеждающей коммуникации, зависит и отношение граждан к ключевым государственным решениям.

В данной статье предлагается оценить потенциал используемых государством информационных технологий для легитимации государственных решений в условиях неоднородной информационной среды при имплементации в управленческую практику принципов доказательной политики. Основная задача состоит в определении возможностей и ограничений выстраивания государством убеждающей коммуникации на основе полновесной аргументации, научных доводов и доказательств, демонстрации своей готовности сотрудничать с научно-экспертным сообществом. В своих рассуждениях мы будем опираться на данные фокусированного интервью, проведенного на основе разработанного опросника⁴.

Символическая функция доказательной политики

Внедрение в практику государственного управления принципов доказательной политики предполагает установление тесного сотрудничества лиц, ответственных за разработку государственной политики, с научно-экспертным сообществом, способным профессионально и качественно исследовать управленческую ситуацию, предложить обоснованные пути ее решения и спрогнозировать результаты. Однако это сотрудничество, как справедливо указывается в научной литературе [Сунгуров, Карягин 2017; Сунгуров 2018], может выполнять не только инструментальную, способствующую применению оптимальных способов выработки государственной политики функцию, но также и функцию символическую, когда сам факт сотрудничества обретает самостоятельное значение, повышающее доверие общественности к принимаемому решению и облегчающее процесс его легитимизации. Сакрализация

⁴ В состав целевой выборки вошли представители органов государственной власти (22 респондента), научно-экспертного сообщества (8 респондентов), научно-образовательного сообщества (7 респондентов) из 10 регионов России: г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, Волгоградской, Воронежской, Кемеровской, Саратовской, Томской областей, Камчатского края, Краснодарского края, Республики Марий Эл.

государственных решений в разные исторические эпохи достигалась разными способами (провидение высших сил, мудрость правителей, воля народа), но только с развитием научного знания и верой в его объективность стало возможным освящать принимаемые решения авторитетом научно-экспертного сообщества.

Символическая функция доказательной политики не реализуется автоматически. Прежде всего необходим авторитет научного знания, в массовом сознании должна сложиться убежденность, что ученые обладают должным профессионализмом в познании мира, используемая ими методология заслуживает доверия, а выработанные с их помощью государственные стратегии и программы обоснованы, поскольку учитывают объективные закономерности и тенденции развития. Как только закрадывается сомнение в способности ученых дать объективную картину того или иного явления, ссылки лиц, принимающих решения, на мнение научного сообщества перестают вызывать необходимый эффект. Так, государственные меры по борьбе с эпидемией коронавируса в России, несмотря на активную демонстрацию участия научно-экспертного сообщества в их выработке, не получили полной поддержки россиян. По данным социологических опросов, только 40% респондентов в июле 2021 г. оценили действия властей в этой сфере как достаточные и необходимые⁵, остальные оказались под влиянием скептиков, не готовых верить ни официальной науке, ни опирающимся на выводы ученых государственным должностным лицам.

Попытки использовать авторитет научного мнения для легитимизации государственных решений наталкиваются не только на распространенные в обществе суеверия и предубеждения, но и на существующие в массовом сознании представления об уровне профессионализма научного сообщества. Чем выше оценивается интеллектуальный потенциал привлеченных для выработки государственных решений ученых-экспертов, тем больше вероятность проявления эффектов символической функции доказательной политики. Проблема состоит в том, что эти оценки формируются под влиянием целого ряда факторов, оказывающих противоречивое воздействие на отношение граждан к научному сообществу. Речь идет прежде всего о мультипарадигмальности современной науки, о присущем ей многообразии методологических подходов и теоретических школ, а следовательно, естественной для ее развития научной полемике и дискуссии. Когда такая полемика выплескивается в публичное пространство, то у непрофессионала складывается ощущение, что научное сообщество не способно выработать консенсусное мнение по волнующим обычных граждан вопросам, что наука не в состоянии дать объективную картину мира, предложить конкретные пути решения той или иной проблемы. Скепсис в оценке объективности научных экспертов, приглашенных для выработки государственных решений, присутствует не только в массовом сознании. По данным нашего исследования, каждый третий государственный служащий, участвовавший в фокусированном интервью, выразил сомнение в том, что социальные науки могут быть объективными, а каждый второй–третий представитель научно-экспертного сообщества выразил мнение, что аналитические центры могут быть объективными «лишь в той мере, в какой это необходимо официальным заказчикам».

Еще одним следствием выхода научного дискурса за пределы профессионального сообщества является усиление его ценностной составляющей, когда научные доводы начинают использоваться скорее для подкрепления отстаиваемой идеологической позиции, чем для раскрытия объективной картины и логики причинно-следственных связей, для выявления реального хода событий. Так, в научной среде есть сторонники и противники усиления роли

⁵ Коронавирус // Левада-Центр [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2021/08/06/koronavirus-3/> (дата обращения: 10.09.2021) (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента).

государства в экономике, сторонники и противники либеральной модели демократии, и каждая сторона способна предложить аргументированное обоснование своей позиции. В идеологически неоднородном обществе ценностные предпочтения ученых могут самым причудливым способом преломлять в массовом сознании факт сотрудничества государства с одной и той же частью научно-экспертного сообщества, формируя у кого-то образ власти, стремящейся принимать взвешенные и научно-обоснованные решения, а у кого-то образ власти, подбирающей себе удобных экспертов.

На эффективное развертывание символической функции доказательной политики влияют также сложившиеся в социуме представления о процессе принятия государственных решений, точнее о той роли, которая отводится в этом процессе научно-экспертному сообществу. Если в сознании общественности сложилась убежденность, что представители государства заинтересованы во взаимодействии с носителями научного знания, то условия для легитимации государственных решений посредством символической функции доказательной политики расширяются. Однако для российского общества характерна скорее подозрительность в отношении государственных должностных лиц. Больше половины россиян (56%) считают, что люди, находящиеся сейчас у власти, озабочены только своим материальным и карьерным благополучием⁶, где нет места объективному знанию и научным доказательствам.

Участники проведенного нами фокусированного интервью также разделяют эту точку зрения. Сотрудники аналитических центров (100%) и большинство представителей научно-образовательного сообщества (71,43%) выделили «обсуждение проблемы с узким кругом доверенных лиц» в качестве наиболее активно применяющегося инструмента в российской системе государственного управления при принятии решений в сфере регулирования экономических, социальных и политических процессов. В такой ситуации любые действия государственных должностных лиц, направленные на сотрудничество с научно-экспертным сообществом, будут неизбежно восприниматься как демонстративно-популистские.

Итак, с ростом авторитета научного знания в обществе государство все активнее прибегает к такому инструменту легитимизации государственных решений, как создание образа органов государственного управления, активно сотрудничающих с научно-экспертным сообществом, опирающихся при выработке государственной политики на научные исследования и объективные доказательства. Таким образом, доказательная политика обретает свою символическую функцию, обращенную в публичное пространство и артикулирующую значимые для общества качества и свойства процесса принятия государственных решений. Вместе с тем реальный вклад символической функции в легитимацию государственных решений может оказаться ниже ожидаемого в силу особенностей массового сознания, его неготовности по достоинству оценить сам факт сотрудничества государства с научным сообществом из-за доминирования стереотипов о процессе принятия решений как кулуарном, закрытом, ориентированном на корыстные интересы элитарных слоев.

Доказательная политика в публичном пространстве

Инструменты доказательной политики (сбор и анализ статистических данных, проведение социологических опросов, изучение кейсов, моделирование, проведение пилотных исследований и др.) помогают просчитывать возможные последствия принимаемых решений, трудности их имплементации, угрозы нарастания недовольства в обществе. Однако специфика

⁶ Люди у власти // Левада-Центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2021/11/09/lyudi-u-vlasti/> (дата обращения: 10.11.2021) (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента).

всех общественно значимых государственных решений состоит в том, что реакцию населения на такие управленческие инициативы невозможно спрогнозировать в полном объеме. И дело здесь не только в несовершенстве научного инструментария, но и в подвижности умонастроений масс, способных меняться под влиянием вновь возникающих обстоятельств, что требует приложения дополнительных усилий для убеждения населения в целесообразности и своевременности принятия тех или иных решений.

В ходе фокусированного интервью представители как государства, так и научного сообщества однозначно высказались о необходимости разъяснительной работы среди граждан при имплементации таких решений, которые «затрагивают интересы широких слоев населения», которые «способны вызвать недовольство граждан», которые «не получают позитивного отклика у населения», которые «могут подорвать авторитет властей в глазах населения». Серьезная информационная поддержка, по мнению участников интервью, особенно необходима при проведении реформы образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, то есть тех сфер социальной жизни, которые непосредственно определяют повседневную жизнь граждан. Как должна осуществляться эта работа и можно ли полученные с помощью инструментов доказательной политики данные, аналитические материалы использовать в разъяснительной работе среди населения для повышения эффективности убеждающей коммуникации? Иными словами, насколько уместным и оправданным является «опрокидывание» аналитического инструментария, используемого для разработки государственных стратегий, программ и проектов, в публичное пространство и использование его для легитимации соответствующих управленческих решений?

Абсолютное большинство участников фокусированного интервью считает, что разъяснительная работа среди населения должна строиться с использованием инструментов доказательной политики. Респонденты отмечали, что гражданам должны раскрываться причины принятия того или иного решения, обосновываться ожидаемые позитивные изменения, показываться возможные риски, предоставляться необходимые статистические данные и аналитические материалы. Указывалось также, что граждане должны иметь возможность не только ознакомиться с основаниями принятого решения, но и при желании перепроверить данные, провести собственную экспертизу.

Одновременно существует понимание, что реальность далека от идеальной картины. В ответах лишь 13,51% участников интервью звучало мнение, что политика властей по информационному обеспечению общественно значимых государственных решений в нашей стране строится на принципах открытости, то есть предоставления гражданам всей запрашиваемой информации, и всего 18,92% опрошенных увидели в ней элементы доказательности, то есть наличие аргументированного обоснования. Основными технологиями, которые используются государством для влияния на общественное мнение, назывались: «социальная реклама на телевидении, радио, в газетах и журналах», «участие в информационной кампании первых лиц государства», «привлечение лидеров мнений (общественных деятелей, популярных деятелей культуры, блогеров и т.п.)».

В ходе фокусированного интервью было также выявлено, что представители научно-экспертного сообщества и государственные служащие по-разному видят проводимую государством политику по информационному обеспечению общественно значимых решений. Среди первых в два раза больше тех, кто уверен, что гражданам предоставляется только та информация, которая поможет склонить их к нужному выбору, и в три раза больше тех, кто считает, что государство прибегает к технологиям, побуждающим граждан согласиться с принимаемым решением.

Результаты интервью показывают, что в сознании научной общественности доминирует образ государства, не способного на открытый диалог с населением, не готового предоставлять своим гражданам всестороннюю информацию по проблеме и обосновывать свою позицию аргументацией, основанной на научных доказательствах.

В этой связи встает вопрос: достижима ли модель информационного обеспечения общественно значимых решений на основе принципов доказательной политики? Ответ на этот вопрос может быть только комплексным, включающим, во-первых, прояснение реальной заинтересованности политико-административной элиты в инструментах доказательной политики и в проведении открытой информационной политики; во-вторых, оценку валидности используемых инструментов доказательной политики: насколько они способны дать объективную, непредвзятую характеристику управленческой проблемы; в-третьих, понимание психологии восприятия информации: готовы ли массы самостоятельно работать с аналитическими материалами, рационально подходить к предлагаемым аргументам и адекватно оценивать их объективность.

При всей значимости всех трех перечисленных факторов в фокус внимания ученых попадает главным образом первый [Макарычев 2015; Сунгуров 2020]. В адрес властей высказывается упрек, что они используют инструменты доказательной политики скорее для «продавливания» нужных решений [Lucas 2018], чем для моделирования объективных условий, требующих того или иного управленческого решения. Иными словами, логика доказательной политики используется властями не в системе разработки и принятия государственных решений, а в публичном пространстве, когда принятое по политическим соображениям решение подвергается публичному «научному» доказательству, сводящемуся к обоснованию его необходимости в силу неких объективных факторов и тенденций либо во имя достижения благих целей: обеспечения устойчивого развития общества, поддержания стабильности социальной и политической системы и т.п.

На эту особенность использования инструментов доказательной политики обратили внимание и участники фокусированного интервью. По их мнению, руководители российских органов государственной власти чаще демонстрируют готовность апеллировать к аналитическим данным для обоснования уже принятых ими решений, чем опираться на инструменты доказательной политики при их разработке. Однако и эта готовность на практике не реализуется в должной мере. Если среди опрошенных государственных служащих каждый пятый отметил, что политика государства по информационному обеспечению общественно значимых решений уже строится на принципе доказательности, то есть «аргументированного обоснования», то среди представителей научно-образовательного сообщества никто не заметил признаков реализации такого принципа в убеждающей коммуникации государства с обществом. Таким образом, в российском публичном пространстве складывается ситуация, когда общественность не видит стремления государства предложить гражданам аргументированное обоснование своей политики, хотя сами государственные служащие, по крайней мере их определенная часть, считают, что государство делает все возможное, чтобы представить публике убедительные доказательства необходимости принятия конкретных решений.

Восприятие научных доказательств

При всей важности вопроса о готовности политико-административной элиты к диалогу с общественностью на основе предъявления полученных с помощью научного инструментария «объективных доказательств» не менее значимой является проблема способности граждан эти «доказательства» заметить, понять их обоснованность, суметь их адекватно проинтерпретировать, критически оценить их валидность и качество аргументации. Готов ли рядовой гражданин

разбираться в непростых по содержанию материалах? Ведь если в основной своей массе население будет равнодушно к предъявляемым «объективным доказательствам», то встает вопрос о целесообразности усилий, направленных на выстраивание аргументированного обоснования принимаемых государственных решений в публичном пространстве.

В 80-е гг. прошлого столетия, проводя эксперименты, ученые выявили, что существуют два основных способа обработки информации индивидом: первый — активный, связанный с размышлениями, критическим отношением к сообщениям и поиском дополнительной аргументации; второй — пассивный, когда информация не подвергается дополнительному анализу, а просто принимается на веру [Chaiken 1980; Petty, Cacioppo 1986]. Было также установлено, что большую часть информации человек обрабатывает пассивным способом, поскольку, не имея времени на всестороннее обдумывание любой проблемы, склоняется обычно к упрощению, игнорирует часть информации, уменьшая тем самым свою когнитивную нагрузку [Аронсон 2006]. Экспериментально доказано, что человек приступает к мыслительной работе, когда сообщение затрагивает его лично и когда он обладает соответствующими когнитивными способностями [Богомолова 1999].

Большинство государственных решений проходят для рядовых граждан незамеченными. Их внимание концентрируется только на тех, которые касаются их непосредственно, которые потребуют от них изменения привычной модели поведения или в которых они видят угрозу своему благополучию. Это так называемые инновационные (меняющие сложившийся уклад жизни) и непопулярные (вызывающие депривацию) решения. Именно здесь у граждан возникают вопросы к государству: о причинах принятия таких решений, об их неизбежности, целесообразности, правомерности. Именно такие решения требуют дополнительной аргументации, на что обратили внимание многие участники фокусированного интервью. Чтобы согласиться с нововведением, человеку нужны убедительные доказательства его необходимости.

Проблема состоит в том, что даже если аргументация выбора государства в конкретной управленческой ситуации основана на методах доказательной политики, то это не влечет за собой автоматического принятия этой аргументации населением. При отсутствии навыков углубленной работы с информацией человеку свойственно оценивать государственные решения не на основании их соответствия объективным требованиям, выявленным с помощью научного инструментария, а по другим критериям (соответствие личным ценностям, интересам, привычному образу жизни, субъективному пониманию справедливости и т.п.). Гражданам можно предложить подготовленное учеными-экспертами развернутое экономическое обоснование необходимости повышения пенсионного возраста, но их отношение к пенсионной реформе будет складываться под воздействием других факторов: депривации, доверия/недоверия к властям, ощущения несправедливости. И нет никаких оснований говорить, что эти иррациональные мотивы будут подталкивать людей к более внимательному ознакомлению с научными доводами, подготовленными специалистами по заказу инициаторов пенсионной реформы.

Кроме того, как отмечалось выше, государство не является монополистом в создании доказательной базы проводимой политики. Современное информационное пространство быстро наполняется суждениями, отражающими альтернативные подходы к любой управленческой проблеме, и, какое бы решение ни принималось властями, всегда появятся его критики, опирающиеся в своих оценках на свои доводы и доказательства, предлагающие свои аргументы и обоснования. Чьи доводы будут приняты населением? Ответ на этот вопрос зависит не столько от глубины и

объективности представленных данных, сколько от психологических процессов восприятия социальной информации [Росс, Нисбетт 1999; Андреева 2009], способных как повышать степень восприимчивости граждан к доказательной риторике властей, так и порождать глубокий скепсис.

Одним из фильтров, отсеивающих поступающие к индивиду сообщения, является доверие к источнику информации. Чем выше доверие к коммуникатору, тем больше вероятность, что предлагаемые им аргументы будут не только услышаны, но и безоговорочно приняты без погружения в анализ их содержания. Доверие к власти, к государственным должностным лицам и государственным органам является залогом доверия и к принимаемым ими решениям, поскольку в доверии присутствует внутренняя уверенность о соответствии действий лиц, осуществляющих управленческие функции, сложившимся ожиданиям. Но доверие государственным институтам никогда не бывает абсолютным, в обществе всегда есть те, кто доверяет частично, ситуативно или не доверяет совсем. В нашей стране, по данным Левада-Центра, правительству не вполне доверяет 34% россиян, не доверяет полностью 23%, Государственной Думе — соответственно 39% и 27%, региональным (краевым, республиканским) органам власти — 36% и 21%⁷. Эта скептически настроенная часть населения будет весьма критично подходить к аргументам доказательной политики властей. Однако критичность далеко не всегда является синонимом рациональности, активной мыслительной деятельности, мотивируемой желанием самостоятельно разобраться в проблеме. Чаще индивид, экономя свою когнитивную энергию, идет по упрощенному пути: он присоединяется к тем суждениям, которые на интуитивном уровне кажутся ему правильными, он выбирает те аргументы, которые соответствуют его представлениям о причинно-следственных связях, о социальной справедливости, его ценностям и интересам.

В основе такого селективного подхода лежит описанный Л. Фестингером еще в 50-е гг. прошлого века феномен когнитивного диссонанса [Фестингер 2018]. Человеку свойственно искать подтверждение своим взглядам и в качестве значимых рассматривать те аргументы, которые соответствуют его убеждениям. Он доверяет тем источникам информации, которые транслируют суждения, не вызывающие у него когнитивного диссонанса. Достучаться до такого человека непросто, потому что он замыкается в своей «эхо камере» [Барсуков 2018], относительно замкнутом информационном поле, формирующем его картину мира.

Значит ли сказанное, что следует отказаться от использования инструментов доказательной политики в публичном пространстве? Есть по крайней мере три обстоятельства, которые побуждают дать отрицательный ответ на поставленный вопрос. Первое связано с особенностями формирования массовых представлений о сложных явлениях. В свое время П. Лазарсфельд и Э. Кац описали феномен лидера группового мнения [Katz, Lazarsfeld 1955], человека, который в простых словах доводит до своей аудитории трудно постигаемые без дополнительной подготовки доводы. Именно такие лидеры мнений и становятся основными потребителями сложной аналитической информации, которую они перерабатывают в доступные для массового человека суждения. Для них внимание аудитории является способом самоутверждения, поэтому они мотивированы на поиск соответствующей информации, обладают достаточными когнитивными способностями для ее обработки и возможностями трансляции выработанных на ее основе суждений в публичное пространство. Если государство не будет предоставлять им убедительные аналитические материалы, статистические данные и научную аргументацию по вызвавшей их интерес управленческой проблеме, то они будут искать другие источники получения такой информации.

⁷ Доверие институтам // Левада-Центр [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 10.09.2021) (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента).

Во-вторых, люди не делятся на тех, кто обрабатывает информацию только пассивным или только активным способом. В жизни каждого человека время от времени наступает момент, когда ему хочется разобраться в возникшей ситуации, получить дополнительную информацию, проверить имеющиеся факты. Как правило, это происходит в условиях неопределенности, когда в результате принятия инновационных или непопулярных государственных решений нарушается привычный ритм жизни и возникают непредвиденные проблемы. В таких условиях резко возрастает спрос на дополнительную информацию, который при отсутствии аргументированной позиции политики государства удовлетворяется за счет всевозможных слухов, способных дезориентировать граждан и вызвать рост тревожности в обществе.

Наконец, третьим обстоятельством является сама специфика государственных решений, в которых присутствует изрядная доля ценностно-ориентированного целеполагания. Решения принимаются не только потому, что возникла проблема, объективный, научный анализ которой подталкивает к выбору определенного способа ее разрешения, но и потому, что этот способ соответствует ценностной системе координат лиц, принимающих решения. Идеологическое разнообразие современного общества формирует пространство конкуренции политических сил, ориентирующихся на различные, подчас взаимоисключающие ценности (политическая стабильность/обновление власти, патерналистское государство/либеральное государство, социальные права/политические права, зеленая энергетика/традиционная энергетика и т.д.). В этой конкурентной борьбе победу одержит тот, кто сможет представить наиболее убедительные доказательства правоты своей позиции.

Признавая важность использования инструментов доказательной политики в публичном пространстве убеждающей коммуникации, следует учитывать необходимость их адаптации к особенностям массового восприятия. Профессионально не подготовленному, не обладающему специальными навыками, не владеющему научным категориальным аппаратом индивиду трудно, а часто и невозможно постичь смысл научных интерпретаций, теоретических конструкций и логики сделанных на их основе экспертных умозаключений. Задача состоит в том, чтобы придать им форму, доступную для понимания обычными гражданами, без потери основного смысла. В социальной и когнитивной психологии [Андреева 2009; Величковский 2006] описано немало эффектов восприятия, умелое использование которых помогает привлекать внимание к нужным видам информации и направлять ход мысли желаемое русло. Например, восприятие статистических данных облегчается, когда эти данные представляются в графическом виде, понимание причинно-следственных связей достигается лучше при демонстрации примеров, тупиковая, на первый взгляд, ситуация может казаться менее проблематичной, если будут предложены фасилитирующие каналы, то есть конкретные способы ее преодоления, и т.д.

Заключение

Использование инструментов доказательной политики в убеждающей коммуникации позволяет государству обеспечивать качественно иной способ легитимации своей политики. Развернутая аргументация, основанная на научных доводах и доказательствах, придает государственным решениям большую убедительность. В эпоху постправды, когда значение имеет не столько сам факт, сколько его интерпретация, важным становится, чтобы в основе этих интерпретаций лежали научные доказательства, отражающие объективную логику социального развития.

Вместе с тем доказательная политика при «опрокидывании» в публичное пространство неизбежно превращается из инструмента анализа проблемной ситуации в инструмент нормативного прогнозирования, то есть обоснования важности движения общества к определенным целям. Так, при ориентации на зеленую энергетику общественности нужны веские доказательства важности самой цели, которая должна оправдывать проводимую государством политику в этой области. Отставание государства в научной аргументации выбранных ценностных ориентиров будет восполняться доводами политических оппонентов, претендующих на расширение числа своих сторонников.

Список литературы:

- Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2009.
- Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. СПб: Прайм-Еврознак, 2006.
- Ачкасова В.А., Журавлева Н.Н. Пропагандистская составляющая государственных коммуникаций // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2018. № 4. С. 50–56.
- Барсуков Н.С. «Эхо камеры» в Интернете: иллюстрация «эффекта эха» на примере Брексита // Государство и граждане в электронной среде. 2018. № 2. С. 73–86.
- Бессетт Д.М. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти. М.: РОССПЭН, 2011.
- Богомолова Н.Н. Современные когнитивные модели убеждающей коммуникации // Мир психологии. 1999. № 3. С. 46–51.
- Быков И.А. Государственный PR и политическая элита в современной России // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 3. С. 15–23.
- Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. М.: ИЦ «Академия», 2006.
- Волошинская А.А., Комаров В.М. Доказательная государственная политики: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 4. С. 90–102.
- Галлямова Э.М. Доказательная государственная политика: возможности и ограничения // Социология. 2021. № 2. С. 158–162.
- Макарычев А.С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука. 2015. № 3. С. 9–26.
- Митрохина Т.Н. Политическая повестка дня: понятие, специфика, субъекты формирования // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 1(75). С. 176–180.
- Павлова Т.В. Делиберация как фактор конституирования поля современной политики // Политическая наука. 2018. № 2. С. 73–94.
- Пушкарева Г.В. Менеджмент публичных ценностей: можно ли говорить об аксиологическом повороте в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 312–329. DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00044.
- Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.
- Сунгуров А.Ю. Экспертное сообщество и власть: модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 130–142. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10>.

Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

Сунгуров А.Ю., Карягин М.Е. Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 144–159. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.10>.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. М.: Эксмо, 2018.

Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008.

Чургов С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>.

Чумиков А.Н., Бочаров М.Б. Государственный PR. Связи с общественностью для государственных организаций и проектов. М.: ИНФРА-М, 2020.

Шестопад Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и её восприятие гражданами // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 7–24.

Якимец В.Н., Никовская Л.И. Проблема состоятельности институтов публичной политики в контексте менеджмента публичных ценностей // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3(44). С. 57–63.

Chaiken S. Heuristic versus Systematic Information Processing and the Use of Source versus Message Cues in Persuasion // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. Is. 39. P. 752–766. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.39.5.752>.

Chapel Z. Deliberative Democracy. A Critical Introduction. New York: Palgrave Macmillan, 2012.

Katz E., Lazarsfeld P. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1955.

Lucas D.S. Evidence-Based Policy as Public Entrepreneurship // Public Management Review. 2018. Vol. 20. Is. 11. P. 1602–1622. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719037.2017.1412115>.

McCombs M. Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion. Cambridge: Polity Press, 2014.

Oliver K., Lorenc T. New Directions in Evidence-Based Policy Research: A Critical Analysis of the Literature // Health Research Policy and Systems. 2014. Vol. 12. DOI: <https://doi.org/10.1186/1478-4505-12-34>.

Petty R.E., Cacioppo J.T. Communication and Persuasion: Central and Peripheral Routes to Attitude Change. New York: Springer-Verlag, 1986.

Stoker G. Public Value Management: A New Narrative for Networked Governance? // American Review of Public Administration. 2006. Vol. 36. Is. 1 P. 41–57. DOI: <https://doi.org/10.1177/0275074005282583>.

References:

Achkasova V.A., Zhuravleva N.N. (2018) Propaganda Component of Government Communications. *Strategicheskiye kommunikatsii v biznese i politike*. No. 4. P. 50–56.

Andreeva G.M. (2009) *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspect Press.

Aronson E. (2006) *The Social Animal*. St.-Petersburg: Praym-Evroznak.

Barsukov N.S. (2018) "Echo Chamber" Effect in the Internet: An Exploration of Brexit Case. *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede*. No. 2. P. 73–86.

Bessette J.M. (2011) *The Mild Voice of Reason: Deliberative Democracy and American National Government*. Moscow: ROSSPEN.

- Bogomolova N.N. (1999) *Sovremennyye kognitivnyye modeli ubezhdayushchey kommunikatsii* [Modern cognitive models of persuasive communication]. *Mir psikhologii*. No. 3. P. 46–51.
- Bykov I.A. (2019) Governmental PR and Political Elite in Contemporary Russia. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. Vol. 3. No. 3. P. 15–23.
- Chaiken S. (1980) Heuristic versus Systematic Information Processing and the Use of Source versus Message Cues in Persuasion. *Journal of Personality and Social Psychology*. Is. 39. P. 752–766. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.39.5.752>.
- Chapel Z. (2012) *Deliberative Democracy. A Critical Introduction*. New York: Palgrave Macmillan.
- Chugrov S.V. (2017) Post-truth: Transformation of Political Reality or Self-Destruction of Liberal Democracy? *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 2. P. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>.
- Chumikov A.N., Bocharov M.B. (2020) *Gosudarstvennyy PR. Svyazi s obshchestvennost'yu dlya gosudarstvennykh organizatsiy i proyektov* [State PR. Public relations for government organizations and projects]. Moscow: INFRA-M.
- Festinger L. (2018) *A Theory of Cognitive Dissonance*. Moscow: Eksmo.
- Gallyamova E.M. (2021) Evidence-Based Public Policy: Opportunities and Limitations. *Sotsiologiya*. No. 2. P. 158–162.
- Habermas J. (2008) *Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie*. St.-Petersburg: Nauka.
- Katz E., Lazarsfeld P. (1955) *Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications*. Glencoe, Ill.: The Free Press.
- Lucas D.S. (2018) Evidence-Based Policy as Public Entrepreneurship. *Public Management Review*. Vol. 20. Is. 11. P. 1602–1622. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719037.2017.1412115>.
- Makarychev A.S. (2015) State Experts and Modes of Knowledge-Power. *Politicheskaya nauka*. No. 3. P. 9–26.
- McCombs M. (2014) *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*. Cambridge: Polity Press.
- Mitrokhina T.N. (2019) Political Agenda: Concept, Features, Trend-Setters. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. No. 1(75). P. 176–180.
- Oliver K., Lorenc T. (2014) New Directions in Evidence-Based Policy Research: A Critical Analysis of the Literature. *Health Research Policy and Systems*. Vol. 12. DOI: <https://doi.org/10.1186/1478-4505-12-34>.
- Pavlova T.V. (2018) Deliberation as the Constitution Factor of Modern Politics Field. *Politicheskaya nauka*. No. 2. P. 73–94.
- Petty R.E., Cacioppo J.T. (1986) *Communication and Persuasion: Central and Peripheral Routes to Attitude Change*. New York: Springer-Verlag.
- Pushkareva G.V. (2018) Public Value Management: Can We Talk about an Axiological Turn in Public Administration. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 68. P. 312–329. DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00044.
- Ross L., Nisbett R.E. (1999) *The Person and the Situation: Perspectives of Social Psychology*. Moscow: Aspect-Press.
- Shestopal E.B. (2011) Political Agenda of Russian Power and Its Perception by Citizens. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 2. P. 7–24.
- Stoker G. (2006) Public Value Management: A New Narrative for Networked Governance? *American Review of Public Administration*. Vol. 36. No. 1. P. 41–57. DOI: <https://doi.org/10.1177/0275074005282583>.

Sungurov A.Yu. (2018) Expert Community and Power: Models of Interaction and Problems of Civil Responsibility. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 4. P. 130–142. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10>.

Sungurov A.Yu. (2020) *Ekspertnyye soobshchestva i vlast'* [Expert communities and authorities] Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

Sungurov A.Yu., Karyagin M.E. (2017) Russian Expert Community and Government: Main Forms of Interaction. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 3. P. 144–159. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.10>.

Velichkovskiy B.M. (2006) *Kognitivnaya nauka. Osnovy psikhologii poznaniya*. [Cognitive science. Foundations of the psychology of cognition]. Moscow: ITS "Akademiya".

Voloshinskaya A.A., Komarov V.M. (2015) Evidence-Based Policy: Problems and Prospects. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. No. 4. P. 90–102.

Yakimets V.N., Nikovskaya L.I. (2015) The Problem of Consistence of Public Policy Institutions in the Context of Public Property Management. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. No. 3 (44). P. 57–63.

Дата поступления/Received: 28.09.2021

Стратегия цифровой экономики
Digital economy strategies

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-89-154-172

Выявление степени влияния цифровой среды на социально-политическую
активность молодежи¹

Леонтьева Лидия Сергеевна

Доктор экономических наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: leontieva@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [6508-6503](#)

Кудина Марианна Валерьевна

Доктор экономических наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: kudina@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5515-5825](#)

ORCID ID: [0000-0003-3923-515X](#)

Воронов Александр Сергеевич

Кандидат экономических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: voronov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [4606-5045](#)

ORCID ID: [0000-0003-0058-9217](#)

Аннотация

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью выявления векторов влияния цифровой среды на формы, уровни и направления социально-политической активности молодежи. Целью представленной статьи является выявление степени влияния цифровой среды на социально-политическую активность молодежи в зависимости от дифференциации групп по основным социально-экономическим характеристикам, определяющим степень и конвенциональность гражданско-политической активности. Основные методологические подходы включают когнитивный и информационно-институциональный подход; использован также метод онлайн-анкетирования (август–ноябрь 2021 г., выборка — 1982 респондента в возрасте от 14 до 35 лет из всех федеральных округов России). Представлены результаты исследования по формированию социального портрета типичных представителей молодежи в цифровой среде с целью выявления степени ее влияния на конкретные молодежные группы; определены положительные и отрицательные характеристики цифровой информации и качества ее влияния на практику сетевого взаимодействия, на распределение цифрового времени у конкретных групп молодежи, вовлеченных в социально-политические общественные практики. С помощью качественных и количественных методов проведен сравнительный анализ результатов по выявлению взаимозависимости базовых возрастных и социальных характеристик (статус, финансовое положение и т.д.) и ментальной заинтересованности в получении цифровой информации и ее использовании в целях формирования активной жизненной позиции. В результате выявлено, что наиболее социально активной является группа в возрасте 16–23 лет. В целом выделены следующие группы молодежи по социальным характеристикам, которые оказывают влияние на степень участия в реальных общественных практиках: «инфантильная группа», «взрослая группа» и «промежуточная группа», что в некоторой степени развивает и дополняет исследования других авторов по определению вектора влияния цифровой среды на социальную активность молодежи. Дальнейшее развитие исследования будет направлено на уточнение причин и факторов, определяющих дифференциацию состояния социально-политической активности в разных возрастных группах молодежи. Это позволит таргетировать государственную социальную политику по фокусированию интересов молодежных сообществ и вовлечению их в позитивные социальные практики. Становится возможной также разработка принципов и инструментария проактивной государственной социально-экономической политики на федеральном и региональном уровнях, направленной на предотвращение деструктивного и девиантного поведения в молодежной среде.

Ключевые слова

Цифровая среда, социальный портрет молодежи, социально-политическая активность, государственная молодежная политика, дифференциация групп молодежи.

Revealing a Degree of Digital Environment Influence on Socio-Political Activity of
Young People²

Lidiya S. Leontieva

DSc (Economics), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: leontieva@spa.msu.ru

Marianna V. Kudina

DSc (Economics), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: kudina@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0003-3923-515X](#)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31277.

² The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31277.

Aleksandr S. Voronov

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: voronov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0003-0058-9217](https://orcid.org/0000-0003-0058-9217)

Abstract

The relevance of this study is determined by the need to identify vectors of the digital environment's influence on the forms, levels and directions of socio-political activity of young people. The purpose of the presented article is to identify the degree of influence of the digital environment on the socio-political activity of young people, depending on the differentiation of groups according to the main socio-economic characteristics that determine the degree and conventionality of civil and political activity. The main methodological approaches were cognitive and information-institutional; the method of online questionnaire was used (August–November 2021, the sample was 1982 respondents aged 14 to 35 from all federal districts of Russia). The article presents the results of a study on the formation of a social portrait of typical youth representatives in the digital environment in order to identify the degree of its influence on specific youth groups. The positive and negative characteristics of digital information and the quality of its influence on the practice of networking, on the distribution of digital time among specific groups of young people involved in socio-political public practices are determined. Using qualitative and quantitative methods, a comparative analysis of the results was carried out to identify the interdependence of basic age and social characteristics (status, financial situation, etc.) and mental interest in obtaining digital information and its use in order to form an active life position. It was revealed that the most socially active group is at the age of 16–23 years. In general, the following groups of young people were identified by social characteristics that influence the degree of participation in real social practices: “infantile group”, “adult group” and “intermediate group”, which to some extent develops and complements the research of other authors to determine the vector of influence of the digital environment on the social activity of young people. Further development of the study will be aimed at clarifying the causes and factors determining the differentiation of the state of socio-political activity in different age groups of young people. This will make it possible to target the state social policy to focus the interests of youth communities and involve them in positive social practices. Also, it becomes possible to develop principles and tools for proactive state socio-economic policy at the federal and regional levels aimed at preventing destructive and deviant behavior among young people.

Keywords

Digital environment, social portrait of the youth, socio-political activity, state youth policy, differentiation of youth groups.

Введение

Динамичное развитие на основе цифровых технологий охватывает все возрастные группы и социальные слои современного российского общества. Оно заключается в формировании проникающего воздействия цифровой среды на экономические, политические, социальные и ментальные процессы, трансформируя скорость, качество, базовые характеристики как их самих, так и всех групп участников. Возникают принципиально новые социально-психологические явления, связанные с высоким уровнем социальной динамики, одним из проявлений которой становится повышение социально-политической активности молодежи. Расширение горизонтов получения новой информации через сетевое общение способствует ее многовекторности как в положительном, так и в отрицательном направлении. Состояние социально-политической активности становится одним из важнейших индикаторов жизненных стратегий определенных групп молодежи. Это определяет актуальность настоящего исследования.

Именно поэтому важными исследовательскими практическими задачами и целью представленной статьи является выявление степени влияния цифровой среды на социально-политическую активность молодежи в зависимости от дифференциации групп по основным социально-экономическим характеристикам, определяющим степень и конвенциональность гражданско-политической активности. Результаты, полученные в ходе анализа, развивают и дополняют сложившиеся подходы и существующие в этой области исследования и составляют научную новизну настоящей работы.

Цифровая среда и социально-политическая активность молодежи

Жизнь современной молодежи невозможно представить без использования информационных и коммуникационных технологий. Для нее цифровая среда вообще и цифровые средства коммуникации в частности создают неограниченные возможности для проявления своей индивидуальности, шанс присоединиться к группам, которые, по их мнению, исповедуют аналогичные ценности и отвечают их представлениям о современном мире.

Качество имплементации цифровых навыков в личностное развитие формирует новый тип культуры, которую можно охарактеризовать как культуру цифрового развития и формирования цифрового менталитета. В начале 2000-х гг. подобные тенденции оценивались исключительно на философско-концептуальном уровне западными философами [Gere 2002]. Практика сетевого взаимодействия на тот момент не достигла уровня всеобщности, влияния на процессы социально-политической активности молодых людей, групповую динамику [Green, Brady 2013]. Такая структуризация создает объективные условия для формирования относительно автономных групп молодых людей, которые оценивают роль онлайн-взаимодействия как способа концентрированного обобщения групповых потребностей в социальной, экономической, культурной и других сферах. С точки зрения вектора институционального воздействия на развитие цифровой среды и цифровых сервисов для формирования позитивных моделей социально-политического поведения необходимы специальные усилия в сфере государственного регулирования цифрового контента.

Коммуникационная цифровая среда является мультипликатором активного взаимодействия: она постоянно меняется благодаря реагированию на социально-политические события субъектами этой среды (лидерами мнений, существующими и потенциальными интернет-сообществами). Скорость и многообразие современных технологий цифровой среды, появление новых цифровых форматов, «экономики доверия», «экономики внимания», «менеджмента впечатлений», «экономики совместного использования» придают социальной активности не только временные характеристики, но и дополнительные фундаментальные основания для перехода из групп ситуационной активности в группы формирования базовых интернет-стратегий.

Для большинства групп молодых людей социально-политическая активность формируется благодаря постоянному присутствию в цифровой среде как в качестве ее субъектов, так и в качестве ее объектов. Результаты воздействия цифрового пространства переносятся на различные формы социально-политического участия молодежи в реальных событиях. С учетом отсутствия навыков «фильтрации» разнонаправленной, зачастую негативной и неправдивой информации, отсутствия ментального и институционального самоопределения реальные практики социально-политической активности могут принимать как социально значимые позитивные, так и социально опасные формы, реализуемые маргинальными способами. Налицо изменения форм социального процесса, которые в той или иной степени отражают реальную социально-политическую активность молодежи вообще и студенческой молодежи в частности: демонстрации, массовые митинги, одиночные пикеты, массовые перформансы, флешмобы [Истягина-Елисеева и др. 2020]. Так, по мнению О.А. Блиновой и Ю.А. Горбуновой, «серьезную проблему для общества представляет калькированный перенос молодежью своей социально-политической активности из пространства социальных сетей в пространство реального социума и наоборот. Последствия такого переноса крайне сложно прогнозировать, а значит, профилактировать и предотвращать» [Блинова, Горбунова 2021, 25].

Цифровизация взаимодействия по поводу политического участия приводит к активному вовлечению в политическую жизнь молодежи в возрасте 14–18 лет в связи с тем, что они располагают свободным временем, нереализованными амбициями и абстрактным представлением о политических процессах и резонансных политических событиях. Цифровая среда толкает подростков и молодых людей на участие в маргинальных политических практиках и в связи с их возрастными особенностями

[Кружкова и др. 2021]. Именно поэтому при разработке государственной проактивной политики необходимо учитывать ментальную и ценностную «податливость» этой группы молодежи и прилагать максимум межведомственных (правительственных) и общественных усилий в разработке эффективных инструментов позитивной социальной ориентации подростковой группы молодежи [Камалова, Соловьев 2020]. Необходимо учитывать при этом региональную специфику, которая связана с различием состояния исторических, социальных и религиозных факторов совокупных организационных культур регионов [Леонтьева 2019].

Проблемное поле исследования связано с определением факторов и причин дифференциации форм и направлений социально-политической активности различных групп молодежи. Определяющими характеристиками цифровой среды в этом случае становятся простота и скорость поиска единомышленников, объединяющие ресурсы Интернета, возможность переноса дискуссионных площадок в интернет-пространства, перспективы интеллектуального роста и получения альтернативного интернет-образования. На сегодняшний день на просторах Интернета присутствует огромное количество образовательных интернет-программ в области гуманитарных и социально-политических наук, которые претендуют на статус альтернативного образования. Однако, в отличие от университетских программ, они не проходят процесс профессионального рецензирования, поэтому их содержание может иметь как позитивную, так и негативную образовательную направленность. По мнению О.В. Степанова и М.О. Пухкаловой, высказанному еще в 2009 г., «становление государственной молодежной политики идет в условиях трансформации основных институтов социализации, сопровождающейся деформацией ценностно-нормативного механизма социальной регуляции» [Степанов, Пухкалова 2009, 32] и социального контроля, усиление которого необходимо в условиях развития национальной цифровой среды.

По мнению Е.В. Бродовской и Т. Хуанга, возникает поколение «цифровых бунтарей», выражающих свою политическую субъектность и возросший потенциал влияния через использование интеллектуальных ресурсов для реализации новых цифровых форматов [Бродовская, Хуанг 2019, 7]. При этом «в России Интернет является одним из немногих источников идеологически-альтернативной информации, что сильно влияет на формирование протестных установок» [Леньков и др. 2021, 33]. Протестная активность в цифровой среде является наиболее распространенной формой социально-политической активности, чему способствуют простота и доступность коммуникационного инструментария (электронная почта, мессенджеры, чаты, онлайн-дискуссии).

В составе населения можно выделить две основные группы по степени протестной активности, в которых доля молодежи является значительной. Первая группа — «протестники», открыто декларирующие свою потенциальную активность к участию в акциях массового протеста против падения уровня жизни в защиту своих прав и свобод (молодежь 18–25 лет составляет 39% от данной группы); вторая группа — «социальные активисты», активно участвующие в общественной и политической жизни (молодежь 23–35 лет составляет 39% от данной группы). В соответствии с выделенными группами молодежи можно определить, что при формировании личных позиций группы придерживаются либо асоциальных, либо просоциальных практик поведения. При этом обе группы практик отражают высокую степень социально-политической активности³.

³ Ушкин С.Г. Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе: автореф. дис... канд. социол. наук. Саранск, 2015.

Интересным и актуальным представляется подход, предложенный группой исследователей (Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Р.В. Пырма, А.А. Азаров), построенный на использовании метода кластеризации. Авторы выделили три группы социально активной молодежи на основе типов профессиональной культуры и гражданской адаптации. Первая группа — «прагматики»: демонстрируют аполитичность, нейтральное отношение к большинству политических онлайн-практик, сдержанную оценку безграничного выражения мнений в Интернете. Вторая группа — это «идеалисты», которые активно используют сетевое политическое участие для выражения политических идей на онлайн-площадках, участвуют в электронных петициях, считают возможным поддерживать сетевую деятельность политических партий и объединений. Третья группа — «традиционалисты», которые скептически относятся к собственному политическому участию в цифровой среде, негативно оценивают все политические онлайн-практики, признают значимость контроля над интернет-ресурсами [Бродовская и др. 2019].

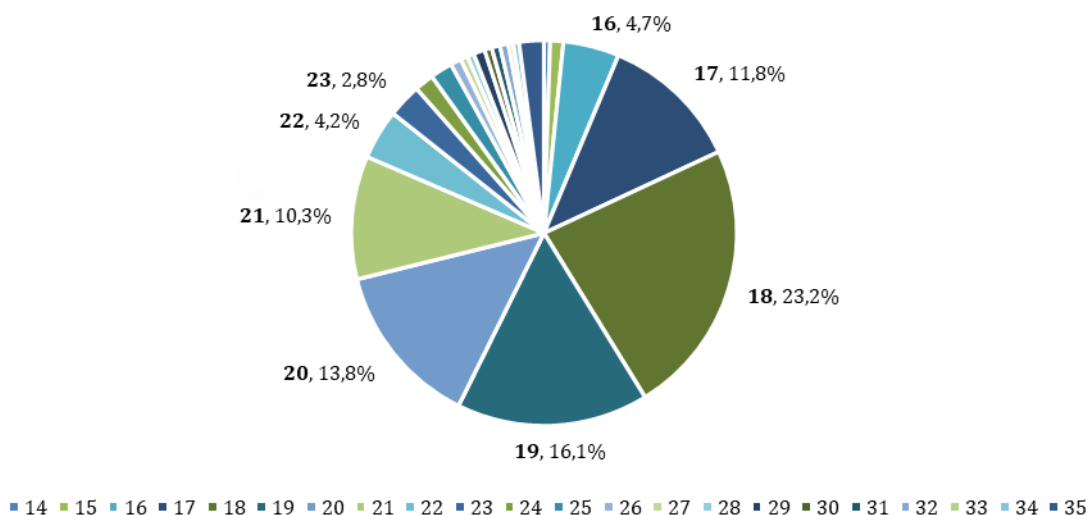
Методология и методика исследования

К ключевым методологическим подходам относятся когнитивный подход, позволяющий определить степень влияния цифровой среды на изменение личных и групповых стратегий молодых интернет-пользователей, направленных на изменение фокуса социально-политической активности; информационно-институциональный подход, позволяющий выявить и обобщить новые нормы и правила, формирующиеся в молодежной среде в процессе сетевого общения, оценить прямое и обратное воздействие институтов цифровой среды на целевые эффекты группового поведения разных групп молодежи.

В проведенном авторами исследовании использованы результаты массового опроса молодежи в формате онлайн-анкетирования (август–ноябрь 2021 г.), выборка составила 1982 респондента репрезентативно по полу, возрасту, представленности всех групп молодежи, территориальной принадлежности. В разрезе федеральных округов респонденты расположились следующим образом: Центральный федеральный округ (ЦФО) — 61,7%, Южный федеральный округ (ЮФО) — 16,9%, Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) — 10%, Приволжский федеральный округ (ПФО) — 4,2%, Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) — 2,7%, Северный федеральный округ (СФО) и Уральский федеральный округ (УрФО) — по 1,5%, Дальневосточный федеральный округ (ДФО) — 1,4%. Онлайн-анкетирование проводилось с использованием платформы Google и приглашением потенциальных респондентов, содержащим представление информации о целях осуществляемого исследования.

Результаты исследования

Результаты проведенного опроса показали, что группа молодежи в возрасте от 16 до 23 лет (87%) является наиболее активной когортой, хотя равный доступ к участию в опросе был организован для всех групп молодежи. В соответствии с авторской гипотезой и результатами исследования, именно эта группа проявляет наиболее высокую социальную и социально-политическую активность, откликается на участие в опросах и онлайн-дискуссиях, реализуя возможность высказать свои настроения и ценности. Распределение респондентов по возрастам представлено на Рисунке 1.

Рисунок 1. Распределение респондентов по возрастам⁴

Большая часть респондентов представлена студенческой молодежью (55,1% и 5,7% — студенты бакалавриата/специалитета и студенты магистратуры соответственно), а также учащимися техникумов и колледжей (24,7%). Значительную долю опрошенных составила работающая молодежь (17%). Распределение респондентов по их социальным статусам представлено на Рисунке 2.

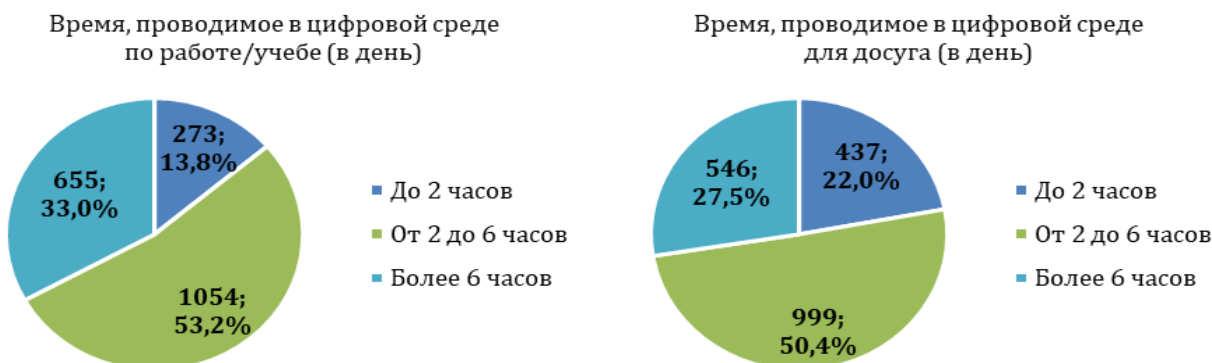
Рисунок 2. Распределение респондентов по социальным статусам⁵

Респонденты относятся к активным пользователям цифрового пространства: цифровая среда практически поглощает и рабочее, и большую часть свободного времени молодежи вне зависимости от их возраста и социального статуса (см. Рисунок 3). Только 2,7% респондентов проводят в цифровой среде суммарно по работе и/или учебе и для досуга не более 4 часов в день; напротив, 39,6% респондентов проводят в цифровой среде более трети суток (от 8 часов в день). При этом в числе последних преобладают студенты бакалавриата/специалитета (53,4%), учащиеся

⁴ Составлено авторами.

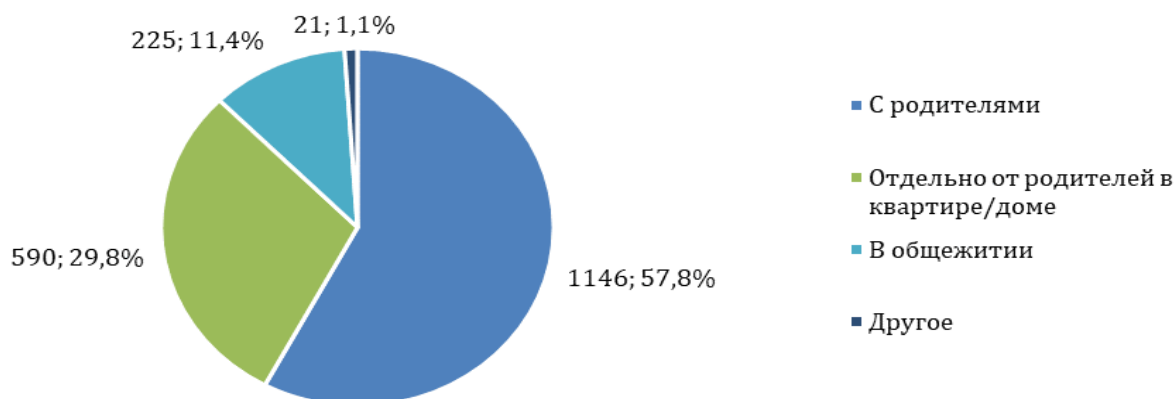
⁵ Составлено авторами. Примечание: Вопрос с множественным выбором: респонденты имели возможность выбрать более одного ответа (например, «кандидат наук» и «предприниматель»; «студент магистратуры» и «работаю в организации» и т.д.). В связи с этим сумма ответов (2455) превышает число респондентов в выборке (1982); доля респондентов, указавших соответствующий статус, рассчитана от общего числа респондентов, поэтому их сумма превышает 100%.

техникумов и колледжей (26,2%) и работники организаций (16,8%); среди тех, кто проводит в цифровой среде менее 4 часов в день, это также лидирующие группы (в том же порядке), но доли студентов бакалавриата/специалитета (39,6%) и учащихся техникумов/колледжей (20,8%) в этой группе существенно ниже, в то время как доли самозанятых (11,3%) и предпринимателей (5,7%) здесь статистически значимо выше, чем их доли в группе наиболее активных пользователей цифровой среды (5,5% и 0,9% соответственно).

Рисунок 3. Распределение респондентов по количеству времени, проводимому ими в цифровой среде⁶

Для учета в социальном портрете фактора социальной инфантильности и сепарации от родителей респондентам были заданы вопросы «Место, в котором Вы проживаете большую часть времени» (Рисунок 4) и «Укажите все имеющиеся у Вас источники средств к существованию» (Рисунок 5), что было направлено на определение степени их самостоятельности и независимости. Представленный подход к этому показателю совпадает с мнением исследователей Ж.В. Пузановой, Т.И. Лариной и А.Г. Тертышниковой [Пузанова и др. 2021, 446].

Рисунок 4. Распределение респондентов по местам проживания⁷

⁶ Составлено авторами.

⁷ Составлено авторами.

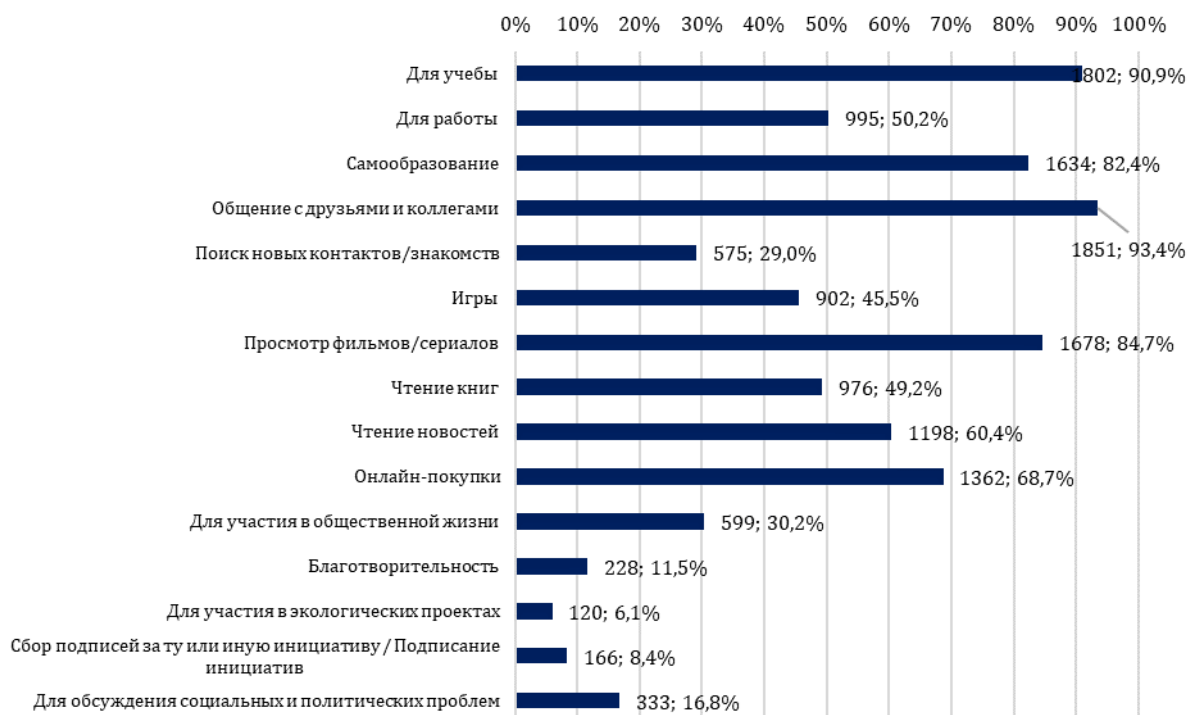

Рисунок 5. Распределение респондентов по источникам дохода⁸

Благодаря проведенному анализу удалось выявить три четко очерченные молодежные группы с точки зрения финансовой зависимости и сепарации от родителей: те, кто проживает с родителями и финансово зависит от них; те, кто имеет зависимость от родителей либо в жилищном, либо в финансовом аспекте (поскольку факт проживания вместе с родителями еще не означает наличия финансовой зависимости, как и отдельное от родителей проживание не означает финансовой независимости от них); и те, кто независим от родителей в плане места проживания и финансового благополучия. Более подробно эти группы описаны и проанализированы ниже после представления результатов опроса.

В рамках онлайн-анкетирования респондентам также задавался вопрос о целях, с которыми они используют Интернет, обеспечивая себе, таким образом, присутствие в цифровой среде (Рисунок 6).

⁸ Составлено авторами. Примечание: Вопрос с множественным выбором: респонденты имели возможность выбрать более одного ответа (например, «стипендия» и «обеспечение со стороны других лиц»; «зарботная плата» и «пенсии, другие пособия и выплаты» и т.д.). В связи с этим сумма ответов (3684) превышает число респондентов в выборке (1982); доля респондентов, указавших соответствующий статус, рассчитана от общего числа респондентов, поэтому их сумма превышает 100%.

Рисунок 6. Распределение респондентов по целям использования Интернета⁹

В первую очередь Интернет используется молодежью для общения с друзьями и коллегами (93,4%) и для учебы (90,9%); для 82,4% респондентов Интернет является площадкой для самообразования. Полученные результаты согласуются с опросом, проведенным Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ): «Среди молодых людей 18–24 лет необходимость дополнительного обучения признают 83%, а среди 25–34-летних — 81%»¹⁰.

С точки зрения преодоления цифрового разрыва второго порядка, который представляет собой неравенство в навыках активного использования технологий в повседневной деятельности [Добринская, Мартыненко 2019, 111], опрос подтверждает активное присутствие молодежи в цифровой среде: высокий процент использования Интернета в учебе, работе, для самообразования, общения, онлайн-шопинга.

Тем не менее в аспекте активности молодежи в Интернете в сферах, которые можно отнести к формам выражения своей гражданской позиции в цифровой среде — «Для участия в общественной жизни», «Благотворительность», «Для участия в экологических проектах», «Сбор подписей за ту или иную инициативу / Подписание инициатив», «Для обсуждения социальных и политических проблем», — появляется существенный разрыв по сравнению с первой группой целей использования Интернета респондентами. Однако стоит отметить, что полученные результаты являются достаточно высокими для социально-политической активности молодежи в цифровой среде при условии, что только 19% россиян в возрасте от 14 до 29 лет интересна политика¹¹. Поэтому можно согласиться с выводом, что интерес к политике у молодого поколения есть, но он носит скорее обобщенный и недетализированный характер

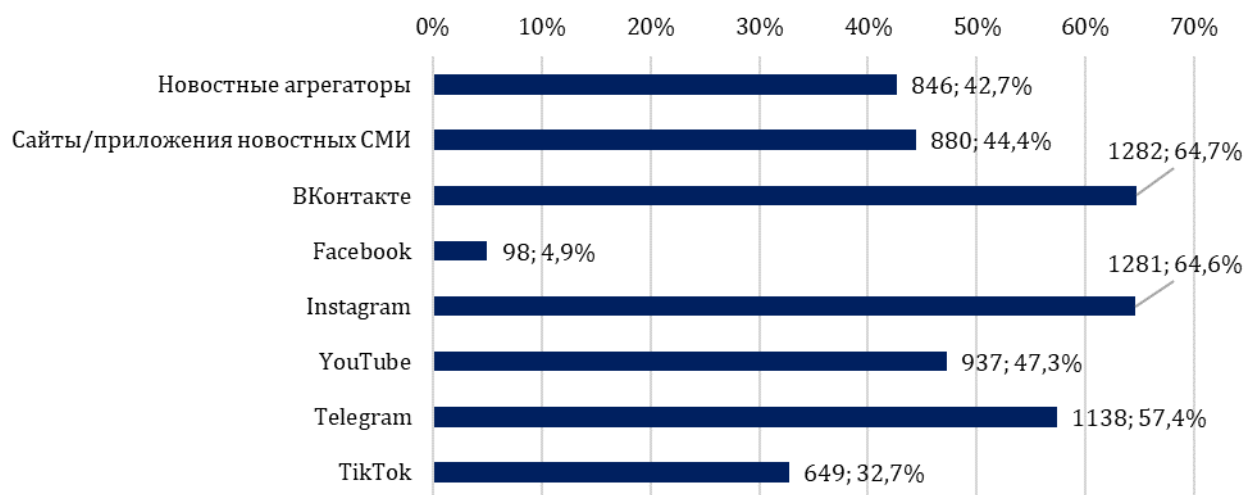
⁹ Составлено авторами. Примечание: Вопрос с множественным выбором: респонденты имели возможность выбрать более одного ответа. В связи с этим сумма ответов (14419) превышает число респондентов в выборке (1982); доля респондентов, указавших соответствующий статус, рассчитана от общего числа респондентов, поэтому их сумма превышает 100%.

¹⁰ Запрос на образование // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zapros-na-obrazovanie-1> (дата обращения: 11.10.2021).

¹¹ Более 80% российской молодежи равнодушны к политике // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni> (дата обращения: 21.10.2021).

[Селезнева, Зиненко 2020, 196]. Полученные результаты отчасти подтверждают кластеризацию молодежных групп по использованию Интернета для активного участия в социально-политических практиках [Бродовская и др. 2019].

Особое внимание было уделено цифровым источникам, к которым обращается молодежь для получения актуальной информации. Для этого респондентам был задан вопрос «Откуда Вы получаете свежую информацию/новости?» (Рисунок 7).

Рисунок 7. Распределение респондентов по цифровым источникам потребляемой информации¹²

Основными источниками информации являются социальные сети: «ВКонтакте» (64,7%), Instagram (64,6%) и Telegram (57,4%)¹³. При этом Facebook (4,9%) является аутсайдером в представленной группе источников информации. Вторая группа представлена более «классическими» источниками информации, такими как новостные агрегаторы (например, «Яндекс.Новости») (42,7%) и сайты/приложения новостных СМИ (44,4%).

Согласно данным ВЦИОМ, наибольший интерес аудитории цифровых источников информации вызывают следующие материалы: новости о событиях в стране и мире (49%), политика (42%), образование и саморазвитие (39%), юмор (37%), а также еда и рецепты (36%)¹⁴.

Респондентов также попросили оценить то, насколько они доверяют каждому из источников информации — как цифровых, указанных выше, так и традиционных (родители и родственники, друзья и сверстники). С этой целью им было предложено оценить степень достоверности информационных источников по шкале от 1 до 10, где 1 — «полностью не доверяю», 10 — «полностью доверяю». При статистической обработке полученных результатов была получена следующая таблица (Таблица 1).

¹² Составлено авторами. Примечание: Вопрос множественным выбором: респонденты имели возможность выбрать более одного ответа. В связи с этим сумма ответов (7111) превышает число респондентов в выборке (1982); доля респондентов, указавших соответствующий статус, рассчитана от общего числа респондентов, поэтому их сумма превышает 100%.

¹³ Стоит отметить, что мессенджер Telegram используется молодежью и как новостной агрегатор.

¹⁴ Медиапотребление и активность в интернете // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/mediapotrebienie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 21.10.2021).

Таблица 1. Результаты оценки респондентами степени достоверности информационных источников¹⁵

Источник информации	Среднее арифметическое	Медиана	Мода
Новостные агрегаторы	4.77	5	1
Сайты/приложения новостных СМИ	5.31	5	5
ВКонтакте	4.37	4	5
Facebook	3.71	3	1
Instagram	4.69	5	5
YouTube	4.95	5	5
Telegram	5.68	6	5
TikTok	3.55	3	1
Родители и родственники	5.37	5	5
Друзья, сверстники	5.42	5	5

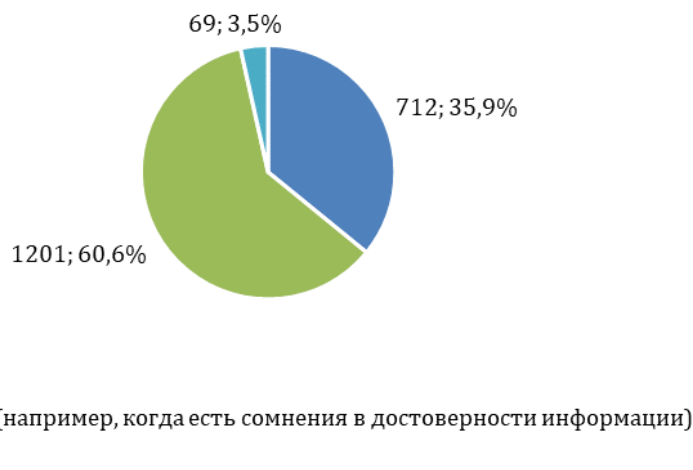
Перечисленные выше источники информации пользуются разным уровнем доверия у респондентов. По результатам обработки полученных оценок респондентов явно просматриваются «лидеры доверия», к которым относятся как цифровые платформы (Telegram, сайты/приложения новостных СМИ), так и нецифровые источники (родители и родственники, друзья, сверстники). В эту группу попали те источники информации, которые имеют показатели среднего значения выше «5», то есть респонденты склонны скорее доверять им, чем относиться к ним безразлично. К «аутсайдерам доверия» можно отнести социальные сети TikTok и Facebook в силу следующих причин: TikTok носит преимущественно развлекательный характер; Facebook проигрывает своему отечественному аналогу и прямому конкуренту «ВКонтакте» (число респондентов, использующих последний источник, почти в 13,1 раз больше, чем пользователей Facebook).

Таким образом, можно констатировать, что молодежь активно получает информацию из цифровой среды, однако не рассматривает ни один цифровой источник как достоверный.

Невысокий уровень доверия респондентов приводит к тому, что только 3,5% респондентов не перепроверяют информацию (Рисунок 8). Однако стоит заметить, что только 35,9% респондентов часто перепроверяют информацию, тогда как 60,6% респондентов перепроверяют ее от случая к случаю, например, когда у них возникают сомнения в ее достоверности. При этом причинами таких сомнений, а также неприятия и отторжения потребляемой информации становятся следующие: «Информация кажется неправдоподобной» (1638 ответов, 82,6% от общего числа респондентов); «Информация отличается от того, что Вы знали» (826 ответов, 41,7%); «Информация активно взывает к чувствам, эмоциям» (723 ответа, 36,5%)¹⁶.

¹⁵ Составлено авторами.

¹⁶ Данные получены авторами.

Рисунок 8. Распределение респондентов по частоте проверки информации¹⁷

Следует отметить, что способность респондента оценивать достоверность цифровой информации может свидетельствовать о его социально-политической зрелости.

Обсуждение результатов исследования

На основе результатов опроса молодежи можно выделить следующие ее группы, дифференцированные по основным характеристикам, определяющим степень и конвенциональность их гражданско-политической активности:

- 1) «инфантильная группа» (866 чел., или 43,7% от всех респондентов) — те, кто проживает с родителями и финансово зависит от них. 57,8% респондентов (1146 чел.) проживают с родителями, из которых 75,6% в качестве одного из источников средств к существованию указали «Обеспечение со стороны других лиц (родителей и др.)»;
- 2) «промежуточная группа» (695 чел., или 35,1% от всех респондентов) — те, кто имеет зависимость от родителей либо в жилищном (не живет с ними, но получает от них средства), либо в финансовом аспекте (живет с ними, но зарабатывает сам). Такое разделение представляется возможным, поскольку факт проживания вместе с родителями еще не означает наличия финансовой зависимости от них, как и отдельное от родителей проживание не означает наличия финансовой независимости. 35,6% респондентов (408 чел.) от числа тех, кто проживает с родителями, в качестве источника средств к существованию указали «заработную плату» и/или «предпринимательский доход, самозанятость», из которых 41,4% респондентов (169 чел.) не берут денег у других лиц, что составляет 14,7% от тех, кто живет с родителями; среди респондентов, проживающих «отдельно от родителей в квартире/доме» (29,8%, 590 чел.) или «в общежитии» (11,4%, 225 чел.), что составляет 41,1% (815 чел.) от общего числа респондентов, 64,5% (526 чел.) в качестве одного из источников средств к существованию указали «Обеспечение со стороны других лиц (родителей и др.)»;

¹⁷ Составлено авторами.

- 3) «взрослая группа» (289 чел., или 14,6% от всех респондентов) — те, кто независим от родителей в плане места проживания и финансового благополучия. 35,5% респондентов, проживающих отдельно от родителей (в квартире/доме или в общежитии), в числе источников средств к существованию не указывали на финансовую зависимость от других лиц, в том числе родителей.

Сводная матрица характеристик, детерминирующих и выделяющих конкретные группы молодежи по степени и конвенциональности их гражданско-политической активности, в том числе в цифровой среде, представлена в Таблице 2.

Таблица 2. Матрица характеристик, детерминирующих и выделяющих конкретные группы молодежи¹⁸

Возраст (лет)	Социальный статус		Популярные цифровые источники		Непопулярные цифровые источники		Источники с наиболее высокой оценкой доверия		Источники с наиболее низкой оценкой доверия		Основные цели гражданско-политического интернет-участия		Частота перепроверки информации			
	Статус	Доля (%)	Источник	Доля (%)	Источник	Доля (%)	Источник	Ср. оценка	Источник	Ср. оценка	Цель	Доля (%)	Частота	Доля (%)		
Инфантильная группа																
17-20 (74,8%) Ср.: 18,6	Студент бакалавриата/специалитета	54,0	ВКонтакте Instagram Telegram	68,0 64,9 59,4	Facebook TikTok	2,9 38,8	Telegram	6,0	Facebook TikTok	3,8 3,9	Для участия в общественной жизни Для обсуждения социальных и политических проблем	30,8 17,2	Часто Иногда Никогда	34,2 62,4 3,5		
	Учащийся техникума/колледжа	37,0					Друзья, сверстники	5,7							Родители и родственники	5,6
	Работаю в организации	20,3					Сайты/приложения новостных СМИ	5,5								
Промежуточная группа																
18-21 (71,5%) Ср.: 20,1	Студент бакалавриата/специалитета	68,6	Instagram «ВКонтакте» Telegram	68,2 65,6 58,3	Facebook TikTok	4,0 29,9	Telegram	5,6	TikTok Facebook	3,4 3,6	Для участия в общественной жизни Для обсуждения социальных и политических проблем	30,2 19,1	Часто Иногда Никогда	35,4 61,9 2,7		
	Работаю в организации	24,3					Друзья, сверстники	5,3							Сайты/приложения новостных СМИ	5,3
	Учащийся техникума/колледжа	12,8					Родители и родственники	5,3								
Взрослая группа																
18-26, 35 (75,4%) Ср.: 24,6	Работаю в организации	46,7	Instagram «ВКонтакте» Telegram	57,8 54,3 53,6	Facebook TikTok	14,2 20,8	Друзья, сверстники	5,1	TikTok Facebook ВКонтакте	2,8 3,7 3,8	Для участия в общественной жизни	31,1	Часто Иногда Никогда	43,6 52,6 3,8		
	Студент бакалавриата/специалитета	32,5					Telegram	5,1							Сайты/приложения новостных СМИ	5,1
	Студент магистратуры	15,9					Родители и родственники	4,9								

¹⁸ Составлено авторами.

Основными информационными источниками «инфантильной группы», средний возраст представителя которой составляет 18,6 лет, а основной социальный статус — студент бакалавриата/специалитета, являются социальные платформы: «ВКонтакте» (68%), Instagram (64,9%), Telegram (59,4%), YouTube (48,7%); менее популярны новостные агрегаторы (45,7%) и сайты/приложения новостных СМИ (44%); «аутсайдеры» в этой группе — TikTok (38,8%) и Facebook (2,9%). При этом «лидеры доверия» среди цифровых источников здесь — Telegram, сайты/приложения новостных СМИ, молодые люди этой группы скорее доверяют им, нежели относятся к ним нейтрально; они также скорее склонны доверять информации, получаемой в ходе общения с родителями, родственниками, друзьями, сверстниками, при этом оценки доверия к ним распределены почти равномерно; платформы-«аутсайдеры» по использованию (TikTok и Facebook) также являются отстающими и по оценкам доверия. Гражданско-политическую активность эта группа проявляет в цифровой среде в первую очередь в виде участия в общественной жизни (30,8%) и обсуждения социальных и политических проблем (17,2%). В «инфантильной группе» перепроверкой информации часто занимаются 34,2% представителей группы, а не проверяют информацию совсем 3,5%, что близко к средним значениям по всей выборке.

«Промежуточная группа», средний возраст представителя которой — 20,1 лет, а основной социальный статус — студент бакалавриата/специалитета, предпочитает получать новости из Instagram (68,2%), «ВКонтакте» (65,6%) и Telegram (58,3%); молодежь этой группы также довольно активно использует YouTube (47,9%) — чуть чаще, чем сайты/приложения новостных СМИ (47,2%), а новостные агрегаторы у нее пользуются заметно меньшей популярностью (39,6%); замыкают этот список также TikTok (29,9%) и Facebook (4,0%). Наиболее высокие оценки доверия транслируемой информации у мессенджера Telegram, также представители этой группы более склонны доверять данным сайтов/приложений новостных СМИ и информации, получаемой в ходе личного общения с близким кругом людей; ниже всего молодежь из «промежуточной группы» также оценивает достоверность информации в Facebook и TikTok, но последний источник в этой группе, в отличие от предыдущей, получил самые низкие оценки. В разрезе гражданско-политического участия эта группа чуть меньше, чем «инфантильная», использует Интернет для участия в общественной жизни (30,2%), чуть больше — для обсуждения социальных и политических проблем (19,1%), и эти цели участия также являются наиболее часто отмечаемыми. По частоте перепроверки информации «промежуточная группа» мало отличается от «инфантильной», хотя доля тех, кто никогда не перепроверяет информацию, в ней наименьшая среди всех групп (2,7%).

Что касается «взрослой группы», средний возраст представителя которой — 24,6 лет, а основной социальный статус — «Работаю в организации», то наиболее популярные источники здесь располагаются в том же порядке, что и у «промежуточной группы», но ими в целом пользуются заметно меньшие доли членов группы: Instagram (57,8%), «ВКонтакте» (54,3%) и Telegram (53,6%); сайты/приложения новостных СМИ (46,4%) здесь, в отличие от других групп, более популярны, чем YouTube (42,9%), который используют почти такое же число представителей, что и в случае с новостными агрегаторами (42,6%); снова замыкают этот перечень TikTok (20,8%) и Facebook (14,2%), но у последней социальной сети уровень использования наблюдается существенно более высокий, чем в других группах. Выше всего представители «взрослой группы» оценивают достоверность информации, получаемой от друзей и сверстников, из Telegram и сайтов/приложений новостных СМИ (примерно равные средние значения при сопоставимых показателях разброса), немного ниже оценки достоверности информации, получаемой от родителей; к «аутсайдерам доверия» во «взрослой группе» присоединилась социальная сеть «ВКонтакте», информации

из которой доверяют немногим больше, чем в случае с Facebook, а TikTok как цифровой источник получил здесь самые низкие оценки среди всех групп. Гражданско-политическую активность эта группа проявляет в цифровой среде прежде всего в виде участия в общественной жизни (31,1%); представители «взрослой группы» меньше остальных участвуют в обсуждении социальных и политических проблем (11,8%), которое по этому показателю превзошла форма участия в виде благотворительности (13,5%, что является самым высоким значением среди всех групп). Важно также отметить, что доля представителей группы, часто перепроверяющих информацию (43,6%), здесь существенно выше, чем в «инфантильной» и «промежуточной» группах, хотя и доля тех, кто информацию не перепроверяет, в этой группе наибольшая (3,8%, что мало отличается от среднего показателя по выборке).

В целом следует выделить ряд тенденций, наблюдаемых в молодежной среде при переходе из «инфантильной группы» во «взрослую», как правило, через «промежуточную группу» — процессе, в общем случае сопровождающемся ростом социально-политической зрелости молодежи. Закономерным является рост среднего возраста представителя группы, уровня его образования и степени его включенности в трудовую и предпринимательскую деятельность. При переходе в группу более высокого уровня в среднем снижается присутствие молодежи в цифровой среде (с 3,7 цифровых источников, используемых представителем «инфантильной группы», до 3,3 во «взрослой группе»), что видно на примерах социальных платформ «ВКонтакте», Telegram, YouTube и особенно TikTok; обратная тенденция отмечается лишь для площадки Facebook, которая появилась и обрела популярность в российском сегменте Интернета раньше ее аналога «ВКонтакте» и которой потому в основном пользуются представители старшей молодежи.

В целом от группы к группе наблюдается снижение доверия к любым источникам информации, большинству из них скорее не доверяют, чем относятся к ним нейтрально; более того, заметно растет доля тех, кто часто перепроверяет информацию. Наибольшая разница в оценках достоверности между «взрослой» и «инфантильной группой» характерна в первую очередь для такого источника, как TikTok; значительна она для Telegram, YouTube и «ВКонтакте»; чуть меньше — для Instagram и, что интересно, родителей и родственников; доверие к Facebook, наоборот, снижается меньше всего, а при переходе от «промежуточной» к «взрослой группе» оно даже растет.

С точки зрения гражданско-политического интернет-участия наблюдается следующая ситуация: если при переходе в группу более высокого уровня доли участвующих в общественной жизни, в экологических проектах и подписывающих (собирающих подписи за) ту или иную инициативу остаются относительно неизменными, то доля участвующих в благотворительности стабильно растет, в то время как доля обсуждающих социальные и политические проблемы во «взрослой группе» ощутимо снижается. Это может свидетельствовать, с одной стороны, о росте интереса к благотворительным проектам в более старшем возрасте, в том числе в связи с расширением финансовых возможностей молодежи, и о снижении желания выражать свою искреннюю гражданскую позицию в публичном поле по мере взросления — с другой. В любом случае всем группам молодежи (почти каждому третьему ее представителю) в значительной мере интересно участие в общественной жизни посредством цифровых площадок. Описанные характеристики и тенденции необходимо учитывать при формировании и реализации молодежной политики, направлений и механизмов мобилизации социально-политической активности молодых людей.

Представленный формат социального портрета молодежи подтверждает правильность выделения ее в качестве значимой социально-перспективной и особой группы населения. Именно поэтому поправки в Конституцию Российской Федерации определили значительную стратегическую роль молодежи в развитии общества. После длительного периода обсуждений в научном, экспертном и управленческих кругах необходимости формирования федеральной нормативной правовой базы в этой области принят закон «О молодежной политике в Российской Федерации»¹⁹. Создано реальное правовое поле для консолидации в рамках единой стратегии всех направлений государственной политики по укреплению социального статуса всех групп молодежи. На наш взгляд, требуется коренной переход от реализации контрольных и патронажных практик по отношению к различным кластерам молодежи преимущественно от 14 до 20 лет к развитию партнерских, сотрунических форм с более широкими слоями групп участников, поскольку на сегодняшний день структурные подразделения Росмолодежи взаимодействуют в основном лишь с политически лояльными группами. Необходимо, чтобы государство взаимодействовало в том числе и с критически настроенным сегментом молодого поколения [Камалова, Соловьев 2020] на уровне выведения их на открытые дискуссионные онлайн- и офлайн-площадки, привлечения к участию в дебатах и совместных конструктивных действиях. Важно, чтобы большинство социально значимых экономических запросов молодежи, связанных с профессиональным, социокультурным и ценностным развитием, поддерживалось на уровне конкретных государственных решений. Проактивная государственная молодежная политика должна быть направлена на развитие таких форм сетевого взаимодействия, которые предполагали бы расширение молодежной аудитории, вовлеченной в реальные социально-экономические преобразования с учетом специфики потребностей конкретных регионов.

Заключение

В результате проведенного исследования по определению наиболее типичных характеристик в социальном портрете активных молодых пользователей информационных ресурсов были сделаны следующие выводы. В соответствии с многовекторностью современной цифровой среды можно выделить как положительные, так и отрицательные направления ее воздействия на состояние социально-политической активности молодежи, отношение конкретных групп молодых пользователей к оценке достоверности информации, получаемой из цифровых и нецифровых источников, осознание перспектив своего участия в конкретных социально-политических практиках. Использование количественных и качественных методов позволило развить и дополнить базовые характеристики социального портрета конкретных групп молодежи как активных участников цифровой среды.

Выявлены следующие подгруппы молодежи по социальным характеристикам, которые оказывают влияние на степень участия в реальных общественных практиках: «инфантильная группа», «взрослая группа» и «промежуточная группа», что в некоторой степени развивает и дополняет исследования других авторов по определению вектора влияния цифровой среды на социальную активность молодежи. Дальнейшее развитие исследования будет направлено на уточнение причин и факторов, определяющих дифференциацию состояния социально-политической активности в разных возрастных группах молодежи. Это позволит таргетировать государственную социальную политику по фокусированию интересов молодежных сообществ и вовлечению их в позитивные социальные практики.

¹⁹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 11.10.2021).

Список литературы:

- Блинова О.А., Горбунова Ю.А. Стратегии политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве: возможные исходы // Вопросы управления. 2021. № 3. С. 20–34. DOI: [10.22394/2304-3369-2021-3-20-34](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-3-20-34).
- Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А. Стратегии цифрового поведения российской молодежи в контексте формирования гражданских и профессиональных компетенций // Свободная мысль. 2019. № 4 (1676). С. 109–118.
- Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18. DOI: [10.14515/monitoring.2019.5.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01).
- Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120. DOI: [10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120).
- Истягина-Елисеева Е.А., Бариеникова Е.Е., Болдырева А.В. Включенность российской студенческой молодежи в интернет-коммуникации как фактор формирования моделей их социально-политической активности // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 3. С. 12–20. DOI: [10.26425/2658-347X-2020-3-3-12-20](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-3-3-12-20).
- Камалова М.И., Соловьев А.И. Государственная молодежная политика: проблемы и траектории развития в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 62–83. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10109](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10109).
- Кружкова О.В., Воробьева И.В., Девятковская И.В. Ценностный портрет молодежи в контексте использования просоциальных и асоциальных маргинальных политических практик // Педагогическое образование в России. 2021. № 2. С. 150–160. DOI: [10.26170/2079-8717_2021_02_18](https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_02_18).
- Леньков Р.В., Колосова О.А., Ковалева С.В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 1. С. 31–41. DOI: [10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41).
- Леонтьева Л.С. Совокупная организационная культура как управленческий ресурс регионального развития // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 1. С. 6–11. DOI: [10.25198/2077-7175-2019-1-6](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-1-6).
- Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Тертышников А.Г. Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 444–456. DOI: [10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456).
- Селезнева А.В., Зиненко В.Е. Политическая активность российской молодежи: современные тенденции развития // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 192–208. DOI: [10.18384/2224-0209-2020-2-1012](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1012).
- Степанов О.В., Пухкалова М.О. Государственная молодежная политика как фактор снижения девиантного поведения молодежи // Теория и практика общественного развития. 2009. № 1. С. 30–36.
- Gere C. Digital Culture. London: Reaktion Books, 2002.
- Green L., Brady D. Young People Online // A Companion to New Media Dynamics / ed. by J. Hartley, J. Burgess, A. Bruns. Chichester: Blackwell Publishing, 2013. P. 461–471. DOI: [10.1002/9781118321607.ch33](https://doi.org/10.1002/9781118321607.ch33).

References:

- Blinova O.A., Gorbunova YU.A. (2021) Political Communication Strategies of Young People in the Digital Space: Possible Outcomes. *Voprosy upravleniya*. No. 3. P. 20–34. DOI: [10.22394/2304-3369-2021-3-20-34](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-3-20-34).
- Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.YU., Pyrma R.V., Azarov A.A. (2019) Strategies of the Digital Behavior of Russian Youth in the Context of Civil and Professional Competence Formation. *Svobodnaya mysl'*. No. 4 (1676). P. 109–118.
- Brodovskaya E.V., Huang T. (2019) Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest among Russian Youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. No. 5. P. 3–18. DOI: [10.14515/monitoring.2019.5.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01).
- Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. (2019) Perspectives of the Russian Information Society: Digital Divide Levels. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. Vol. 19. No. 1. P. 108–120. DOI: [10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120).
- Gere C. (2002) *Digital Culture*. London: Reaktion Books.
- Green L., Brady D. (2013) Young People Online. In: Hartley J., Burgess J., Bruns A. (eds.) *A Companion to New Media Dynamics*. Chichester: Blackwell Publishing. P. 461–471. DOI: [10.1002/9781118321607.ch33](https://doi.org/10.1002/9781118321607.ch33).
- Istyagina-Eliseeva E.A., Barijenikova E.E., Boldyreva A.V. (2020) Involvement of Russian Student Youth in Internet Communications as a Factor in the Formation of Models of Their Socio-Political. *Tsifrovaya sotsiologiya*. Vol. 3. No. 3. P. 12–20. DOI: [10.26425/2658-347X-2020-3-3-12-20](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-3-3-12-20).
- Kamalova M.I., Solovyov A.I. (2020) State Youth Policy: Problems and Ways of Development in Modern Russia. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 83. P. 62–83. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10109](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10109).
- Kruzhkova O.V., Vorobyeva I.V., Devyatovskaya I.V. (2021) Value Portrait of Youth in the Context of Using Prosocial and Asocial Marginal Political Practices. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 2. P. 150–160. DOI: [10.26170/2079-8717_2021_02_18](https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_02_18).
- Len'kov R.V., Kolosova O.A., Kovalyova S.V. (2021) Socio-Psychological Diagnostics and Forecasting Protest Behavior of Youth in the Digital Environment. *Tsifrovaya sotsiologiya*. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 31–41. DOI: [10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41).
- Leontieva L.S. (2019) Aggregate Organizational Culture as a Managerial Resource for Regional Development. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. No. 1. P. 6–11. DOI: [10.25198/2077-7175-2019-1-6](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-1-6).
- Puzanova ZH.V., Larina T.I., Tertyshnikova A.G. (2021) Infantilization of the Youth: A Methodological Approach to Measurement. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. Vol. 21. No. 3. P. 444–456. DOI: [10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456).
- Selezneva A.V., Zinenko V.E. (2020) Political Activity of Russian Youth: Current Development Trends. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. No. 2. P. 192–208. DOI: [10.18384/2224-0209-2020-2-1012](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1012).
- Stepanov O.V., Pukhkalova M.O. (2009) Public Youth Policy as Factor of Decline of Addiction Conduct of Young People. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 1. P. 30–36.

Дата поступления/Received: 10.11. 2021

Цифровизация научной и образовательной среды: управленческие аспекты

Пивоварова Марина Борисовна

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: PivovarovaMB@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [6435-8686](#)

ORCID ID: [0000-0002-9698-2744](#)

Аннотация

В эпоху четвертой, цифровой, революции, когда цифровая экономика становится основополагающим вектором развития стран, уделяется повышенное внимание роли и форме научной деятельности и образовательной системы. Вместе с формированием цифрового общества все стороны и аспекты социальной жизни и культуры претерпевают существенную трансформацию. Цифровая глобальная цивилизация характеризуется становлением единого общепланетарного информационного пространства, представляющего собой синтез теле-, радиовещания, компьютерной сети и энергетики. Границы физического и цифрового мира размываются вследствие дополненной и виртуальной реальности. В условиях новых глобальных вызовов возникает потребность в уникальных подходах к управленческим стратегиям научной деятельностью и образовательной системой, а также во внедрении искусственного интеллекта в образовательные технологии и программы для обеспечения развития человеческого потенциала и накопления человеческого капитала. Проведенное исследование позволило выявить место и роль научной деятельности в сознании российской молодежи, а также определить основные слабые стороны, ограничивающие функционирование научной деятельности в высших учебных заведениях. Их учет позволит разработать новые, актуальные подходы к управлению научной деятельностью в вузах и реализовать их научный продукт в реальном секторе экономики. Одним из условий и одной из предпосылок эффективного развития социальной сферы и экономики является развитие научной и образовательной сферы. Развитие человеческого потенциала и в целом инновационной составляющей российской науки имеет прямую зависимость от грамотного и эффективного функционирования и управления научными субъектами. Внедрение цифровых технологий в экономику и социальную сферу связано с выполнением ряда условий, которые рассматриваются в статье.

Ключевые слова

Глобальные вызовы, цифровизация, научная деятельность, система образования, управленческие стратегии.

Digitalization of Scientific and Educational Spheres: Management Aspects

Marina B. Pivovarova

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Email: PivovarovaMB@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-9698-2744](#)

Abstract

The Fourth digital revolution where digital economy has become the key factor of country's development attracts attention to the role and form of scientific activities and education system. All aspects of social life and culture are being transformed drastically together with forming of digital society. Global digital civilization characterizes as a setting of a single and common information space that is composed of merged components such as TV and radio service, computer network and energetics. The boundary of physical and digital worlds is fading away caused by the implementation of virtual aspects in usual life. Thus, it is essential to find out new approaches to managerial strategies of scientific activities and educational system in the modern condition of global challenges. Moreover, artificial intelligence should be implemented in the educational technology and program in order to provide developing of human resource and to collect human assets. The conducted research defines the place and role of scientific activities in the modern Russian society as well as distinguishes main weak points, which have been limiting functions of scientific activities in higher education. The above knowledge allows elaborating new and relevant approaches to management of scientific activities in universities and applying their scientific products in the economy. One of the condition for efficient development of social and economy is development of scientific and educational spheres. The development of human opportunity and innovation activities of Russian science in general has a direct connection with the effective management of scientific subjects. Implementation of digital technologies in the economy and social sphere is associated with fulfilling some conditions, which are considered in the research.

Keywords

Global challenges, digitalization, scientific activities, educational system, managerial strategies.

Введение

Процесс цифровизации XXI в., охватывающий глобальное сообщество, оказывает значительное влияние на развитие всех сфер жизни общества современной России: происходит формирование единого мирового пространства, стираются границы между государствами, мир становится единым. Вместе с тем, как писал К. Шваб, «мир находится на распутье» [Шваб 2021, 1]. Законодательные и общественные нормы, которые должны регулировать

технологии, находятся только в процессе формирования. Искусственный интеллект кардинально меняет существование человека и может иметь неограниченную сферу применения. Важной особенностью цифровых трансформаций является повышенная зависимость от информационных технологий и аналитических функций [Verhoefa et al. 2021].

Этот процесс способствует формированию новых подходов для решения возникающих экономических, политических, социальных и научных проблем, запускаются разнообразные механизмы формирования новых социальных процессов¹. В подобных условиях научная деятельность и знание должны быть направлены на динамичное развитие общества и способствовать его цифровому прогрессу.

На протяжении всей своей истории развития научная деятельность была направлена на решение социальных и технологических задач, а научное знание, в свою очередь, рассматривалось как средство совершенствования существующих и производство новых технологий. По мнению отечественного академика В.С. Степина, основной целью научного познания является «предвидение преобразования предметов практической деятельности (объект в исходном состоянии) в соответствующие продукты (объект в конечном состоянии). Поэтому основная цель науки — выявить законы, в соответствии с которыми изменяются и развиваются объекты» [Степин 2000, 39–40].

Государственное регулирование научной сферы в цифровую эпоху

Наука XXI в. сохраняет и увеличивает свое значение в производительных способностях и возможностях национальных государств в постиндустриальную и постмодернистскую эпоху. Теоретик и философ-постмодернист Ж. Лиотар отмечал, что «в последние десятилетия знание стало главной производительной силой, что ощутимо изменило состав активного населения в наиболее развитых странах и составило основное затруднение для развивающихся стран» [Лиотар 1998, 20].

Наступление эпохи цифровой экономики привело к внедрению сквозных цифровых технологий и открытого общества. К. Поппер писал, что «открытое общество, столь высоко ценящее мир и свободу, возникло в результате ряда глубоких и радикальных революций» [Поппер 1992, 17]. В эпоху цифровых трансформаций научная деятельность начинает выступать в форме человеческой практики, в рамках которой оценивается не только эффективность принимаемых решений, но и достигнутых целей.

Модернизация и совершенствование традиционных производственных отраслей и отраслей услуг, организации логистических операций, закупочных процедур на фоне сквозного проникновения информационных технологий и цифровизации экономических процессов создают основу для формирования рынка, а также новых подходов к аналитике, планированию и принятию управленческих решений. В качестве одной из мер поддержки развития цифровой среды и технологий со стороны правительства РФ была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации»². По оценке ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, к 2030 г. рост ВВП будет практически на половину связан с цифровизацией (1,47% из 2,75% ежегодного прироста ВВП), в первую очередь в результате повышения эффективности и конкурентоспособности всех секторов экономики³. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2020 г. на гражданскую

¹ Глобализация // Grandars [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/posledstviya-globalizacii.html> (дата обращения: 03.07.2021).

² Правительство Российской Федерации. Программа «Цифровая экономика РФ». Распоряжение от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Правительство РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

³ Цифровая трансформация // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] URL: <https://issek.hse.ru/news/469298762.html> (дата обращения: 10.09.2021).

науку из средств федерального бюджета было выделено 549 602,2 млн руб., что составило 0,51% к валовому внутреннему продукту⁴. Приоритетными направлениями для развития науки и технологий определены⁵: безопасность и противодействие терроризму; индустрия наносистем; информационно-телекоммуникационные системы; науки о жизни; перспективные виды вооружения, военной и специальной техники; рациональное природопользование; робототехнические комплексы (системы) военного, специального и двойного назначения; транспортные и космические системы; энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика.

В июле 2021 г. Министерством науки и высшего образования была разработана «Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования»⁶. Реализация стратегии предполагает создание ряда собственных цифровых платформ и систем для вузов и научных организаций, необходимых для повышения скорости производства нового знания посредством упрощения доступа исследователей к научным материалам и статистическим данным.

Новые глобальные вызовы 2020–2021 гг., обусловленные всемирной пандемией коронавирусной инфекции, а также резким падением мировых цен на нефть, по мнению А.А. Зацаринного, указывают на особую значимость и актуальность повышения эффективности управления [Зацаринный 2020]. В связи с этим Председатель Правительства М.В. Мишустин в своем выступлении в Государственной думе обозначил одну из целей правительства как повышение качества управления и акцентировал особое внимание на стимулировании цифровизации реального сектора экономики в рамках национального проекта «Цифровая экономика»⁷.

Цифровая трансформация научной деятельности

Цифровая трансформация способствует расширению возможностей креативной деятельности, но вместе с тем и меняет правила функционирования научного коллектива, а научная деятельность трансформируется в проектную, в связи с чем производство научного знания невозможно рассматривать только как автономный процесс, ценность получаемого продукта которого задана исключительно внутренней организацией самой научной деятельности. Достижения в научной сфере являются ключом к разработке новых цифровых технологий. За последнее десятилетие Китай, например, практически утроил количество научных статей в области информатики, посвященных последним технологическим разработкам, обогнав США⁸.

В рамках реализации научных проектов, которые, как правило, представляют собой коллективную деятельность, в вузах чаще встречаются матричные структуры, которые основываются на принципе двойного подчинения сотрудников, что позволяет соединить разрозненные подразделения организации в одно целое. Имеет место применение «умного управления», под которым понимается социально ориентированное управление с использованием цифрового контроля и технологий искусственного интеллекта. По мнению А.В. Тихонова и В.С. Богданова, «умное управление» внедряется в управленческие процессы многих западных

⁴ Наука и инновации // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1> (дата обращения: 10.09.2021).

⁵ Указ Президента «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» // МЧС России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/ukazy-prezidenta-rf/633> (дата обращения: 10.09.2021).

⁶ Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования // Министерство науки и высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwttujw.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

⁷ Мишустин представил Госдуме свою программу на посту премьера // РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/01/2020/5e2046379a794749e1cceb81> (дата обращения: 10.09.2021).

⁸ Galindo-Rueda F. How Are Science, Technology and Innovation Going Digital? The Statistical Evidence // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/sti/charting-the-digital-transformation-of-science-ISSA.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

государств, в том числе на уровне международных экономических союзов, и ориентируется на создание условий и для общественного контроля [Тихонов, Богданов 2020]. Они направлены, в частности, на создание эффективных механизмов «обратной связи» с общественностью по выявленным признакам нарушений обязательных требований, включая обращения граждан как способы донесения и накопления соответствующей информации.

Ключевой особенностью управленческих стратегий в научной сфере является более краткосрочный и «точечный» характер воздействия на внутреннюю структуру научной организации в связи с обостренным уровнем неопределенности. В связи с чем необходима новая цифровая парадигма развития научного знания, отвечающая современным социальным, политическим, экономическим и экологическим вызовам. Важнейшей составляющей инновационного развития в настоящее время рассматривается информация, цифровые технологии и развитие возможностей искусственного интеллекта, которые становятся особым товаром с определенным набором производственно-экономических характеристик. Попытка создания «мета-алгоритмов, способных находить алгоритмы решения любой конкретной задачи» [Петрунин 2018, 103], и есть история создания искусственного интеллекта.

Многие футурологи, в том числе Э. Тоффлер, предсказывали переход всех сфер жизни общества в цифровой формат, в том числе и в сфере образования [Тоффлер 2004]. Э. Тоффлер говорил о возникновении нового типа мышления, связанного с появлением новой информационной реальности: понятие клипового мышления вызвало много дискуссий в сфере обучения как на уровне среднего, так и высшего образования. В настоящее время в экспертном сообществе справедливо высказывается мнение о том, что управление цифровизацией всех сфер социальной жизни российского общества является основным курсом развития нашего государства.

Основным направлением управления в научной сфере становится обеспечение целостности, безопасности и доступности информации и знания, а также как никогда актуальным становится симбиоз теоретических и практических исследований, для чего необходимо объединить науку, технологии и промышленный сектор [Пивоварова 2021].

Цифровизация образования и научной среды, его виртуализация, а также использование дистанционных технологий именно в сфере образования являются неотъемлемой частью будущей новой цифровой эпохи и достижения технологического лидерства нашей страны. По данным ВЦИОМ, 82% россиян считают особым условием независимости нашей страны именно технологическое лидерство⁹. Таким образом, переход к инновационной цифровой экономике является одной из основных тенденций современного развития. По мнению М.В. Рыбаковой и Л.П. Зерновой, цифровые технологии становятся не только инструментом, но и средой существования, которая «открывает новые возможности: непрерывное образование, возможность проектирования индивидуальных образовательных маршрутов» [Рыбакова, Зернова 2020, 175]. В результате резко повышается спрос на высококвалифицированные кадры, которые должны уметь работать в среде перманентных инновационных процессов, обеспечивать генерацию креативных идей, разработку на их основе инновационных проектов, управление внедряемыми инновациями. Исследователями были выделены следующие тренды развития системы высшего образования [Исаева, Исаева 2019]:

- увеличение влияния со стороны государства в мониторинге финансовой, образовательной и научной деятельности университетов с целью повышения значимости высшего образования в глобальных масштабах;

⁹ Технологическое лидерство: актуальные вызовы // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologicheskoe-liderstvo-aktualnye-vyzovy> (дата обращения: 10.09.2021).

- крупномасштабные реформы высшего образования, ориентированные на решение новых задач и вызовов;
- образование становится важнейшей задачей, от успешного решения которой зависит качество общественных отношений, экономическое развитие государства и его престиж на мировой арене;
- глобализация и реализация принципов академической мобильности;
- массовость высшего образования.

В связи с основными трендами развития системы образования меняются и фундаментальные функции образования как социального института. У человека в цифровом обществе отсутствует право на индивидуальное созидательное безопасное одиночество, провоцирующее процессы самопознания, рефлексии своего места в окружающем мире и обществе, цели своего существования, способствующее духовному развитию [Рыбакова, Зернова 2020].

Вполне естественно, что инновационные открытия и цифровые изобретения приводят не только к развитию знаний, но и к цифровизации социальной сферы за счет внедрения информационных технологий и качественных организационных и иных преобразований. Одним из способов цифровизации в социальной сфере станет внедрение искусственного интеллекта в здравоохранение, образование и другие направления. В качестве примера можно привести экспертную систему Мусin¹⁰, которая была разработана в начале 1970-х гг. в Стэнфордском университете для диагностики заболеваний свертываемости крови. Основным назначением системы было «ассистировать» врачу в области использования антибиотиков. Ю.Ю. Петрунин отмечал, что тестирование Мусin продемонстрировало «эффективность предложенной ею терапии почти в 70% случаев, что выше, чем у врачей-инфекционистов» [Петрунин 2018, 101].

Не так широко распространен искусственный интеллект в образовании. Наиболее перспективным направлением его применения в этой сфере является адаптивное обучение, которое представляет собой комплексный подход к образовательному процессу, способный максимально учитывать индивидуальные особенности и потребности обучающихся. Искусственный интеллект в данном случае призван отслеживать каждого отдельного студента или ученика либо подстраивать порядок показа блоков курса под его способности, либо информировать преподавателя о том, какой материал усвоен хуже, а какой — лучше. Эксперименты по внедрению подобных программ в ранее консервативный процесс обучения ведутся многими передовыми технологическими компаниями. Однако на российском рынке пока доминирует взгляд на высокотехнологическое образование как на просто дистанционное, сохраняющее парадигму линейного курса — онлайн-курса. Одна из немногих платформ, позволяющих создателям онлайн-курсов использовать возможности адаптивных технологий с применением искусственного интеллекта, — это Stepik. Но даже на ней подобных курсов пока создано меньше десяти.

На данный момент в научном сообществе ведутся дискуссии об использовании технологий искусственного интеллекта в образовательной среде и научных исследованиях: способствуют ли подобные технологии накоплению и увеличению человеческого потенциала. Ученые из Германии провели исследование среди исследовательских групп и аспирантских программ различных факультетов и научно-исследовательских институтов в Университете Отто фон Герике в Магдебурге с целью изучения мнений и размышлений о вероятном будущем науки. По мнению респондентов, ученый будущего — это искусственный интеллект, который управляет большими данными [Barbazzeni, Friebe 2021]. Технократизация образовательных процессов ставит большую

¹⁰ Мусin // Полезное о медицине [Электронный ресурс] URL: https://info-farm.ru/alphabet_index/m/mycin.html (дата обращения: 01.09.2021).

проблему гуманизации образования. Принципиальное отличие современной эпохи заключается в том, что сейчас неизмеримо больше коммуникаций, строящихся в основном на процедурах передачи информации. Категория «знание» сегодня рассматривается через понятие «информация», которое выступает не столько интеллектуальным ресурсом, сколько стимулом для деятельности. Однако накопление информации не всегда способствует приращению знаний. Развитие общества тесно связано с развитием и потоков информации: в цифровую эпоху больших данных информация содержится в любом физическом носителе, а знание сохраняется только в сознании человека. И не вся информация находит отражение в сознании человека: истинные знания формируются в процессе мыслительной деятельности людей, одной из форм которой выступает и научная деятельность. Особо активно усвоение информации и приращение знания происходят в молодом возрасте. Уровень владения терминологией, относящейся к цифровой сфере, выше именно в среде молодежи и молодых ученых. По прогнозам экспертов, к 2025 г. количество молодых работников, использующих цифровые и электронные технологии, увеличится в разы и их доля достигнет 25% от общего числа всех занятых в мире¹¹. Таким образом, особое значение имеет активное вовлечение молодых людей в научную сферу.

Научная деятельность глазами московской молодежи

В феврале–апреле 2021 г. было проведено пилотажное исследование «Отношение молодежи к науке» с использованием количественного метода: анкетирование с использованием Google Форм; привлекались респонденты в возрасте 18–35 лет в режиме реального времени с целью определения мнений молодых людей о научной сфере и ее роли в развитии нашей страны. В опросе приняло участие 223 человека, из которых 72% составили женщины, а 28% — мужчины. Из числа опрошенных 68% имеют высшее законченное образование с квалификациями «бакалавр» или «магистр», 10% имеют научную степень, 17% имеют незаконченное высшее образование, 3% — средне-специальное и 2% — среднее. В исследовании приняли участие представители таких сфер профессиональной деятельности, как «Управление персоналом», «Образование», «Маркетинг», «Пиар», «Ивент», «Журналистика», «Логистика», «Здравоохранение», «Государственное управление», «Военно-промышленный комплекс», «Авиация», «Экономика».

На протяжении всей жизни человек так или иначе сталкивается с научными разработками: пользуется готовым продуктом или принимает участие в его создании. Большинство респондентов (57%) имели опыт научной деятельности и принимали участие в научно-проектной деятельности.

Респондентам было предложено привести ассоциативный ряд к слову «наука». Основными ассоциациями были: «знания», «прогресс», «развитие», «будущее», «исследование», «опыт», «лаборатории», «смысл бытия», «нахождение нового», «прогресс», «просвещение», «часть культуры общества», «механизм систематизированного и последовательного открытия знаний», «познавательная деятельность», «инновации». Отметим, что респондентами не были приведены ассоциации отрицательного характера, что соответствует позитивному представлению о науке и ее открытиях, в какой бы сфере они ни совершались. Стоит отметить, что, по мнению респондентов, наиболее важной областью знаний для инновационного развития России являются технические науки (машиноведение и инженерная механика, процессы, электротехника, энергетика), так как данные отрасли наиболее перспективны для внедрения цифровых стратегий развития общества.

¹¹ New Business Models for a New Global Landscape // BCG [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcg.com/publications/2017/globalization-new-business-models-global-landscape> (дата обращения: 10.09.2021).

Полученные данные коррелируют с проведенным исследованием ВЦИОМ, согласно которому, по мнению россиян, наша страна занимает лидирующие позиции с точки зрения технологического развития в оборонной сфере (65%), космических технологиях (42%) и атомной энергетике (41%). Замыкают первую пятерку лидеров медицина (25%) и биотехнологии/генная инженерия (13%)¹².

Гуманитарные науки по итогам исследования оказались на последнем месте по важности и значимости для инновационного развития. Однако гуманитарная составляющая является самым важным элементом для формирования «личности» человека, иначе наступает деградация гуманистической составляющей образования и архаизация общества [Рыбакова, Зернова 2020]. Технократизация мышления тормозит творческую составляющую мышления человека, трансформируются ценности человека, их смыслы и значения. Наступает кризис креативности в обществе, которая является ключевым элементом при развитии человеческого потенциала и накопления человеческого капитала. О важности развития креативности говорил Джек Ма (создатель Alibaba): «Мы должны учить детей быть инновационными, креативными и конструктивными, чтобы они могли выжить в эпоху искусственного интеллекта»¹³.

Развитие инновационной составляющей российской науки и развитие человеческого потенциала имеет прямую зависимость от грамотного и эффективного функционирования научных субъектов. По мнению респондентов, наиболее важными субъектами для развития научного потенциала нашей страны являются научные государственные организации, высшие учебные заведения и крупные наукоемкие государственные компании (Рисунок 1).

Рисунок 1. Субъекты научно-проектной деятельности, влияющие на развитие научного потенциала нашей страны (в % от числа респондентов; допускалось несколько вариантов ответа; n=223)¹⁴

¹² Технологическое лидерство: актуальные вызовы // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologicheskoe-liderstvo-aktualnye-vyzovy> (дата обращения: 10.09.2021).

¹³ Джек Ма. Креативность стала важнее диплома // Spot [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spot.uz/ru/2019/10/21/ma/> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁴ Составлено автором по данным исследования.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, на 2020 г. число научных организаций составило 4175 учреждений, из которых 1501 — государственные научные институты, 1426 — предпринимательские центры, 1080 — учреждения высшего образования и 168 — некоммерческие учреждения¹⁵.

В цифровом обществе наука занимает особое место: информация и знания являются особым ценным ресурсом. По мнению 56% респондентов, в нашей стране научное знание и инновации как главный экономический ресурс развития страны не ценятся и им не уделяется достаточно внимания со стороны государства.

Невысокий спрос на высокотехнологичные научные продукты обусловлен основными факторами, ограничивающими развитие науки. К основным факторам, мешающим функционированию научной деятельности в высших учебных заведениях как основном субъекте научно-проектной деятельности, можно отнести (Рисунок 2):

- недостаток финансирования: государственное финансирование исследований, зарплаты научных сотрудников;
- недостаток технических знаний и опыта, а также несоответствие квалификаций научных сотрудников;
- «слабость» или полное отсутствие материально-технической базы.

Рисунок 2. Основные факторы, ограничивающие успешное функционирование научных проектов в высших учебных заведениях (в % от числа опрошенных; предполагалось несколько вариантов ответа; n=223)¹⁶

Эффективное управление научной деятельностью на локальном уровне (вуза) напрямую зависит от управленческих стратегий на государственном уровне. Неординарная геополитическая ситуация и введенные странами запада санкции против России еще в 2014 г. оказали особое влияние на развитие научной сферы в нашей стране. Мнения респондентов разделились: относительное большинство считает, что санкции мешают и затормаживают инновационное развитие страны. Респондентам были высказаны следующие мнения: «Мешают и сильно, наука испытывает недостаток высокотехнологических установок, материалов, закрыт ряд совместных научных лабораторий», «Мешают, так как возвращают в эпоху изобретателей-одиночек», «Становится меньше иностранных инвесторов и международных исследований».

¹⁵ Наука и инновации // Росстат [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477?print=1> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁶ Составлено автором по данным исследования.

Особое значение респонденты придали миграции ученых как фактору стагнации отечественной науки: «Если учитывать, что научные разработки могут увеличить прибыль — то, конечно, будет гонка за умами. На текущий момент научными деятелями, которые серьезно занимаются наукой, проще идти по пути наименьшего сопротивления. Они могут уехать из нашей страны и работать там, где их ждут и поддерживают».

Вместе с высказанными суждениями о стагнации научной деятельности респонденты отметили, что научная сфера глобальна и ее развитие не останавливают географические границы, ее развитие обусловлено только планетарным масштабом, а не границами одной страны. Были высказаны следующие суждения: «Не уверена, что наука как таковая должна принадлежать какой-то определенной стране», «В моем понимании наука должна быть абстрагирована от геополитических факторов и должна носить интернациональный характер». Но стоит отметить, что далеко не во всех направлениях реализации научных проектов сохраняется данная тенденция. Все же место и роль страны на мировой арене определяются в том числе ее научными достижениями, находящими отражение в реальном секторе экономики. Транснациональная наука, с одной стороны, отвечает мировой тенденции к глобальному, единому цифровому миру, но, с другой стороны, порождает актуальную проблему суверенности государства, в том числе и цифровой.

Заключение

Как писал К. Шваб, эпоха цифровых технологий дает надежду на продолжение прогресса человечества, который уже привел к улучшению качества жизни людей после 1800 г. [Шваб 2021]. Несмотря на то, что использование цифровых технологий и искусственного интеллекта может роботизировать человека, что находит отражение в актуальном направлении трансгуманизма, развитие цифровых технологий становится главенствующим ядром современных процессов в политике, экономике и социальной жизни. В связи с чем проблема эффективности научных проектов и использование проектного управления в научной сфере как никогда актуальны, так как управлять внешними последствиями внедрения подобных технологий во все сферы жизни общества, основываясь на существующих моделях управления, невозможно.

Научная сфера стала реальным фактором, определяющим национальную политику государств. Перед наукой цифрового общества стоят задачи национального масштаба, направленные на обеспечение национальных приоритетов в нашем многогранном и противоречивом мире. Вместе с тем реализации таких направлений будет способствовать привлечение молодежи в научную сферу и использование их креативного потенциала в научных организациях, которые должны в полной мере отвечать глобальным вызовам, предъявляемым обществом. Вместе с доминированием технических направлений в научной деятельности необходимо развивать и гуманитарно-общественное направление, так как оно напрямую связано с развитием креативно мыслящей личности и накоплением человеческого капитала.

Несмотря на существующие проблемы, главной целью управления научной сферой является обеспечение высокого уровня качества реализуемого продукта или услуги, что повышает ответственность человека не только за принимаемые им решения, но в том числе и за накопление национального человеческого потенциала. Научное знание и научные разработки становятся главным стратегическим национальным ресурсом, от которого зависит будущее процветание и прогресс государства при условии достойного администрирования и надлежащей поддержки научной сферы.

Список литературы:

Зацаринный А.А. О роли научных исследований в рамках цифровой трансформации общества // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1 (1). С. 47–59. DOI: <https://doi.org/10.31249/snsn/2020.01.04>.

Исаева Т.Е., Исаева Е.С. Прыжок «азиатских тигров»: роль высшего образования в национальном сознании группы стран Восточной Азии. Ростов н/Д: Изд-во РГУПС, 2019.

Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. Москва: Издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург, 1998.

Петрунин Ю.Ю. Искусственный интеллект: ключ к будущему? // Философские науки. 2018. № 4. С. 96–113. DOI: [10.30727/0235-1188-2018-4-96-113](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-4-96-113).

Пивоварова М.Б. Трансформация управленческих стратегий в научной сфере в высшей школе // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021». М.: МАКС Пресс, 2021.

Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

Рыбакова М.В., Зернова Л.П. Цифра и российское образование: управленческие аспекты // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 171–178. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7454>.

Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс Традиция, 2000.

Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74–81. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>.

Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004.

Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции. Москва: Эксмо, 2021.

Barbazzeni B., Friebe M. Digital Scientist 2035 — An Outlook on Innovation and Education // Frontiers in Computer Science. 2021. DOI: <https://doi.org/10.3389/fcomp.2021.710972>.

Verhoefa C.P. Broekhuizen T.Y., Abhi B.B., Qi J.D., Fabiana N.M. Digital Transformation: A Multidisciplinary Reflection and Research Agenda // Journal of Business Research. 2021. Vol. 122. P. 889–901. DOI: [10.1016/j.jbusres.2019.09.022](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.09.022).

References:

Barbazzeni B., Friebe M. (2021) Digital Scientist 2035 — An Outlook on Innovation and Education. *Frontiers in Computer Science*. DOI: <https://doi.org/10.3389/fcomp.2021.710972>.

Isaeva T.E., Isaeva E.S. (2019) *Pryzhok «aziatskih tigrov»: rol' vysshego obrazovaniya v nacional'nom soznanii gruppy stran Vostochnoj Azii* [“Asian tiger” jump: The role of higher education in national conscience of East Asian countries]. Rostov n/D: Izd-vo RGUPS.

Lyotard J-F. (1998) *La condition postmoderne*. Moscow: Izdatel'stvo “ALETEJYA”, Sankt-Peterburg.

Petrinin Yu.Yu. (2018) Artificial Intelligence: Is It the Clue to the Future? *Filosofskie nauki*. No. 4. P. 96–113. DOI: [10.30727/0235-1188-2018-4-96-113](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-4-96-113).

Pivovarova M.B. (2021) Transformatsiya upravlencheskikh strategiy v nauchnoy sfere v vysshey shkole [Transformation of management strategies in scientific sphere in higher education]. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2021»*. Moscow: MAKS Press.

Popper K. (1992) *The Open Society and Its Enemies*. Moscow: Feniks, Mezhdunarodnyy fond «Kul'turnaya initsiativa».

Rybakova M.V., Zernova L.P. (2020) Digitalisation and Russian Education: Managerial Aspects. *Vlast'*. Vol. 28. No. 4. P. 171–178. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7454>.

Schwab K. (2021) *Shaping the Fourth Industrial Revolution*. Moscow: Eksmo.

Stepin V.S. (2000) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress Traditsiya.

Tikhonov A.V., Bogdanov V.S. (2020) From “Clever Regulation” to “Clever Management”: Social Problem of Digitalization of Feedbacks. *Sociologicheskie issledovaniya*. No.1. P. 74–81. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>.

Toffler E. (2004) *The Third Wave*. Moscow: ООО “Firma “Izdatel'stvo AST”.

Verhoefa C.P. Broekhuizen T.Y., Abhi B.B., Qi J.D., Fabiana N.M. (2021) Digital Transformation: A Multidisciplinary Reflection and Research Agenda. *Journal of Business Research*. Vol. 122. P. 889–901. DOI: [10.1016/j.jbusres.2019.09.022](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.09.022).

Zatsarinnyy A.A. (2020) About the Role of Scientific Research as Part of the Digital Transformation of Society. *Sotsial'nyye novatsii i sotsial'nyye nauki*. No. 1 (1). P. 47–59. DOI: <https://doi.org/10.31249/snsn/2020.01.04>.

Дата поступления/Received: 11.09.2021

Киберпреступность в России: новый вызов для общества и государства

Швыряев Павел Сергеевич

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: ShvyryaevPS@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [6531-8970](https://elibrary.ru/6531-8970)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению киберпреступности как новой угрозы современного мира. Цель анализа заключается в изучении актуального состояния киберпреступной деятельности, стремительный рост которой отмечается в Российской Федерации, и ее динамики за последние несколько лет. На основании ежемесячной статистики о состоянии преступности, публикуемой Министерством внутренних дел РФ, построены и проанализированы временные ряды по количеству официально зарегистрированных в 2017–2020 гг. преступлениях с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (киберпреступления). Показано, что киберпреступная деятельность активно развивалась в России в течение последних нескольких лет, а во время «коронакризиса» приняла черты социальной проблемы государственного масштаба. Сформулированы также ключевые факторы, которые в значительной степени способствовали возникновению негативной ситуации: низкий уровень цифровой грамотности населения на фоне процесса цифровизации, ускорившегося и углубившегося во время пандемии COVID-19; недостаточно эффективное противодействие киберпреступной деятельности (низкий уровень компетенций со стороны правоохранительных органов, несовершенство антифрод-инфраструктуры — комплекса технологий и программного обеспечения, разработанного для противодействия киберпреступной деятельности). В результате — невысокий процент раскрываемости киберпреступлений, плохой уровень подготовки к работе на опережение и оперативное пресечение преступной активности. Киберпреступность становится одной из наиболее серьезных проблем современного российского общества, наносящей огромный урон российской экономике и благосостоянию граждан. Проблема киберпреступности — сложная социальная проблема, которая требует комплексного решения с активным участием различных заинтересованных сторон: государственных органов, коммерческих и некоммерческих организаций, научного сообщества, международных партнеров. Феномен киберпреступности требует дальнейшего научного изучения для формулирования и реализации эффективных решений по противодействию в Российской Федерации.

Ключевые слова

Цифровизация, киберпреступность, социальная инженерия, кибербезопасность, цифровая грамотность, правоохранительные органы.

Cybercrime in Russia as a New Challenge for Society and State

Pavel S. Shvyriaev

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: ShvyryaevPS@spa.msu.ru

Abstract

The article is devoted to cybercrime as a new threat of modern world. The aim is to analyze the current state and dynamics of cybercriminal activity over the past few years, the rapid growth of which has been noted in the Russian Federation. The data of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the number of cybercrimes in 2017–2020 were used for analysis. Based on the data, time series were built and analyzed for the number of officially registered cybercrimes. It is shown that cybercriminal activity has been actively developing in Russia over the past few years, and during the coronavirus crisis it took on the features of a social problem of a national scale. Key factors have been formulated, which largely contributed to the formation of a negative situation: the low level of population digital literacy despite the digitalization process; inefficiency in countering cybercriminal activity (low level of competence of law enforcement agencies, imperfect antifraud infrastructure). As a result, there is a low percentage of cybercrime detection in the Russian Federation, a poor level of preparation to work proactively and promptly suppress criminal activity. Cybercrime is becoming one of the most serious problems of modern Russian society, causing enormous damage to the Russian economy and the well-being of citizens. The problem of cybercrime is a complex social problem that requires a comprehensive solution with the active participation of various stakeholders: government agencies, commercial and non-profit organizations, the scientific community, and international partners. The phenomenon of cybercrime requires further scientific study in order to formulate and implement effective solutions to counter in the Russian Federation.

Keywords

Digitalization, cybercrime, social engineering, cybersecurity, digital literacy, law enforcement agency.

Введение

Цифровизация — один из основополагающих процессов современности. ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию, орган Генеральной Ассамблеи ООН) в своем отчете, посвященном кризису COVID-19, отмечает следующие тренды цифровизации: удаленная работа и онлайн-конференции, использование соцсетей для общения и получения информации, рост электронной коммерции, защита персональных данных¹.

Пандемия COVID-19 существенным образом повлияла на поведение и привычки людей, на то, как люди используют технологии [Monteith et al. 2021, 1]. Прямо сейчас мы можем наблюдать оформление глобального цифрового мира, в который инвестируется все больше ресурсов в виде инфраструктуры, денег, технологий, идей и человеческого времени и который обособляется от мира физического и обретает свою субъектность. В выборе между физическим и цифровым миром современный человек все чаще отдает предпочтение последнему: сегодня совсем не удивительно, что люди общаются виртуально [Fors 2013, 46], оплачивают покупки безналично, работают удаленно или проводят досуг онлайн².

Цифровые технологии, снимая физические ограничения реального мира, открыли широкие возможности для новых форматов обучения [Kameneva 2020, 18], обмена информацией, работы, общения, взаимодействия и творчества для миллиардов людей. Вместе с тем по мере становления нового цифрового мира одной из главных его характеристик становятся хрупкость и неустойчивость. Сюда можно отнести как глобальные сбои, которые затрагивают миллиарды людей по всей планете³, так и феномен киберпреступности.

Борьба с киберпреступностью является одной из наиболее актуальных проблем в мире [Протасевич, Зверьянская 2011, 29]. Киберпреступность стала глобальной, международной и серьезной проблемой [Stanciu, Tinca 2017, 628]. Это негативная черта, но вместе с тем неотъемлемая часть процесса цифровизации, которая затрагивает все большее количество людей и наносит громадный урон мировой и государственной экономике. Только за 2020 г. россияне перевели мошенникам около 150 млрд рублей⁴. По заявлениям зампреда Сбербанка Станислава Кузнецова, ущерб российской экономике от киберпреступлений может достичь 6 трлн рублей к началу 2022 г.⁵, это около 5,6% от ВВП страны за 2020 г.⁶. Прогнозы экспертов по мировой экономике также неутешительны: согласно отчету Cybersecurity Ventures, в ближайшие несколько лет глобальный урон от киберпреступности будет расти на 15% ежегодно и составит 10,5 триллионов долларов США к 2025 г.⁷. Эксперты компании подчеркивают, что киберпреступность — один из главных вызовов, с которым человечество столкнется в ближайшие пару десятилетий⁸. Проблема уязвимости цифровых систем перед киберпреступностью становится

¹The COVID-19 Crisis: Accentuating the Need to Bridge Digital Divides// UNCTAD [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/dtinf2020d1_en.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

²Доля безналичных платежей в России достигла 70%// Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2021/02/12/857761-dolya-beznalichnih-platezhei-v-rossii-dostigla-70> (дата обращения: 01.09.2021); Ozimek A. Economist Report: Future Workforce [Электронный ресурс]. URL: <https://www.upwork.com/press/releases/economist-report-future-workforce> (дата обращения: 01.09.2021); Global Online Content Consumption Doubled in 2020// Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/johnkoetsier/2020/09/26/global-online-content-consumption-doubled-in-2020/?sh=596af3e92fde> (дата обращения: 01.09.2021).

³Марк Цукерберг извинился за глобальный сбой в работе сервисов Facebook// BBC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-58796393> (дата обращения: 10.10.2021).

⁴Не пойман — не разговор// Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4627498> (дата обращения: 01.09.2021).

⁵Потери экономики РФ от кибератак оценили в 6 трлн руб.// Вести.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2585133> (дата обращения: 01.09.2021).

⁶Росстат представляет первую оценку ВВП за 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/113015> (дата обращения: 01.09.2021).

⁷Cybercrime To Cost The World \$10.5 Trillion Annually By 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://cybersecurityventures.com/cybercrime-damage-costs-10-trillion-by-2025/> (дата обращения: 01.09.2021).

⁸Global Cybercrime Damages Predicted to Reach \$6 Trillion Annually by 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://cybersecurityventures.com/annual-cybercrime-report-2020/> (дата обращения: 01.09.2021).

настолько серьезной, что даже ведущие мировые компании в области кибербезопасности подвергаются успешным атакам со стороны злоумышленников⁹. Неудивительно, что в этой связи эксперты считают рост киберпреступности одной из наиболее опасных угроз информационной безопасности¹⁰.

Проблема киберпреступности привлекает внимание и российских властей. На важность вопросов кибербезопасности в современном мире обращало внимание и высшее политическое руководство страны: президент Владимир Путин¹¹, премьер-министр Михаил Мишустин, председатели Совета Федерации Валентина Матвиенко и Государственной Думы Вячеслав Володин¹². Проблема киберпреступности требует серьезных и незамедлительных мер, прежде всего со стороны государственных органов.

В ответ на рост количества преступлений в России за последние годы были созданы специальные подразделения по борьбе с кибермошенничеством¹³, запущены специальные разделы по информированию населения¹⁴; в некоторых регионах функционируют автоматизированные системы для выявления преступлений в киберпространстве¹⁵, проводятся тематические рабочие заседания на уровне парламента страны¹⁶, принимаются новые законы¹⁷; кроме того, устанавливается сотрудничество с международными партнерами¹⁸, а также вносится в ООН совместный с США проект конвенции против киберпреступности¹⁹. Несмотря на предпринимаемые действия со стороны государственных органов России, сложившаяся ситуация с уровнем киберпреступности в стране остается тревожной: российские правоохранительные органы отмечают взрывной рост (на 74%) количества зарегистрированных киберпреступлений в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом²⁰, при этом процент раскрываемости остается

⁹ When a top cybersecurity firm gets hacked, what is the takeaway for the average netizen? // USA Today [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usatoday.com/story/tech/2020/12/12/hacked-top-cybersecurity-firm-fireeye-says-nation-state-culprit/6511242002/> (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁰ Киберпреступность — самая опасная угроза информационной безопасности // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20130422/933965574.html> (дата обращения: 01.09.2021).

¹¹ Путин назвал кибербезопасность одной из важнейших тем современности // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/11637535> (дата обращения: 01.09.2021); Это просто подонки: Путин рассказал, как бороться с телефонными мошенниками // Вести.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2582333> (дата обращения: 01.09.2021).

¹² Мишустин рассказал о росте активности киберпреступности в России // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1032919/2020-07-08/mishustin-rasskazal-o-roste-aktivnosti-kiberprestupnosti-v-rossii> (дата обращения: 01.09.2021); СФ призывает к международному сотрудничеству в борьбе с киберпреступностью // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/4371805> (дата обращения: 01.09.2021); Володин предложил ужесточить наказание за телефонное мошенничество // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/07/23/volodin-predlozhit-uzhestochit-nakazanie-za-telefonnoe-moshennichestvo.html> (дата обращения: 01.09.2021); Володин предложил ужесточить наказание за телефонное мошенничество // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/07/23/volodin-predlozhit-uzhestochit-nakazanie-za-telefonnoe-moshennichestvo.html> (дата обращения: 01.09.2021).

¹³ В СК создали подразделение для борьбы с киберпреступлениями // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/956157/2019-12-19/v-sk-sozdali-podrazdelenie-dlia-borby-s-kiberprestupleniami> (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁴ На Госуслугах запущен раздел «Жизненные ситуации: финансовое мошенничество» // Сайт Министерства финансов РФ [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37587-na-gosuslugakh-zapushchen-razdel-zhiznennye-situatsii-finansovoe-moshennichestvo (дата обращения: 01.09.2018).

¹⁵ Генпрокуратура подготовила меры по борьбе с киберпреступностью в России // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9032391> (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁶ Депутаты обсудили вопросы противостояния киберпреступности // Сайт Государственной Думы РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/51067/> (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁷ Путин подписал закон о блокировке мошеннических сайтов // Сайт Парламентской Газеты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/putin-podpisal-zakon-o-blokirovke-moshennicheskikh-saytov.html> (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁸ Бортников сообщил о договоренности ФСБ с США по выявлению киберпреступников // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/06/23/875223-bortnikov-soobshchil-o-dogovorennosti-fsb-s-shha-po-viyavleniyu-kiberprestupnikov> (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁹ Россия внесла в ООН проект конвенции против киберпреступности // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/11997481> (дата обращения: 01.09.2021).

²⁰ В России зафиксирован угрожающий рост киберпреступлений // Сайт Российской Газеты [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/04/23/v-rossii-zafiksirovan-ugrozhaushchij-rost-kiberprestuplenij.html> (дата обращения: 01.09.2021).

невысоким²¹. Российская газета, официальный печатный орган Правительства РФ, назвала эту ситуацию «угрожающей»²², а в генпрокуратуре заявили об угрозе нацбезопасности со стороны киберпреступности²³.

Проблема киберпреступности в России остается острой, несмотря на деятельность властей и ведущих компаний²⁴ в сфере борьбы с незаконной деятельностью. Киберпреступность — масштабный и сложный феномен, противодействие которому требует тесной кооперации различных заинтересованных сторон: международных партнеров, государственных и правоохранительных органов, коммерческих и некоммерческих организаций, научно-исследовательского сообщества. Для реализации грамотной и эффективной политики противодействия киберпреступности важно провести глубокий анализ текущего состояния и тенденций развития феномена киберпреступности в России.

Цель данной статьи — проанализировать актуальное состояние киберпреступности в России и динамику за последние несколько лет. Для достижения заявленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать динамику развития киберпреступности в Российской Федерации в 2017–2020 гг., используя статистику Министерства внутренних дел о количестве зарегистрированных преступлений в стране;
- проанализировать новостные источники, комментарии и отчеты экспертов по проблеме киберпреступности в России и мире;
- сформулировать и обосновать ключевые факторы, которые послужили причиной ухудшения ситуации с киберпреступностью в России за последние несколько лет.

Методология исследования

Источником данных для анализа в рамках статьи является статистика Министерства внутренних дел РФ, опубликованная на официальном сайте в разделе отчетов о состоянии преступности в стране²⁵. В данном разделе начиная с января 2003 г. на ежемесячной основе публикуется отчет-характеристика о состоянии преступности в РФ за прошедший месяц. Отчет содержит резюме об общем состоянии преступности в стране, в нем отмечаются наиболее значимые изменения и тенденции. Помимо краткой характеристики, дается подробный отчет, который содержит следующую информацию: статистику в разбивке по типам преступлений, сведения о потерпевших, характеристику нарушителей порядка, сведения о раскрытых преступлениях прошлых лет, состояние и динамику преступности в регионах.

Для анализа в рамках данной статьи используется статистика по преступлениям, совершенным с использованием информационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Интересно отметить, что если в самых ранних опубликованных отчетах о преступлениях в сфере компьютерной информации давалась только общая статистика

²¹ В Генпрокуратуре заявили, что киберпреступность стала представлять угрозу нацбезопасности // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11451173> (дата обращения: 01.09.2021).

²² В России зафиксирован угрожающий рост киберпреступлений // Сайт Российской Газеты [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/04/23/v-rossii-zafiksirovan-ugrozhaishchij-rost-kiberprestuplenij.html> (дата обращения: 01.09.2021).

²³ В Генпрокуратуре заявили, что киберпреступность стала представлять угрозу нацбезопасности // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11451173> (дата обращения: 01.09.2021).

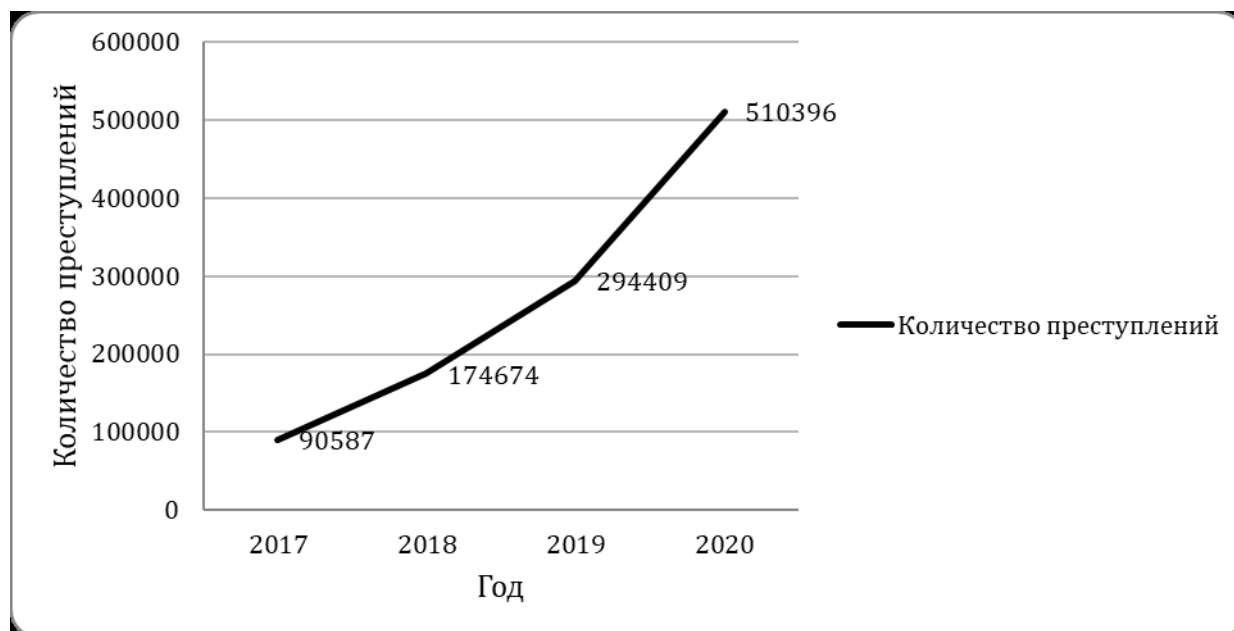
²⁴ «Мы научились защищать наших клиентов». Зампред правления Сбербанка — о кибермошенничестве и киберграмотности // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/09/07/kuznetsov/> (дата обращения: 11.10.2021); Искусственный интеллект отследит поведение клиента банка // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2021/09/21/887658-iskusstvennii-intellekt> (дата обращения: 11.10.2021).

²⁵ Состояние преступности // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 01.09.2021).

о количестве совершенных преступлений, то в последних актуальных отчетах состояние киберпреступности анализируется подробно: дается детализированная статистика в разбивке по типам совершенных преступлений, раскрываемости, приводится статистика по регионам. Сейчас в самых последних отчетах за 2021 г. раздел с характеристикой киберпреступлений занимает наибольшее количество страниц относительно аналитики по другим типам нарушений и составляет в среднем 8–9% от общего объема отчета. На основании отмеченных тенденций в составлении отчетности можно сделать вывод о том, что статистика по киберпреступности становится важным объектом анализа для составителей отчетов в МВД РФ, подчеркивается ее значимость для читателей и СМИ.

Киберпреступления: тенденции развития

Чтобы проиллюстрировать общие тенденции развития киберпреступности в России, построим график, показывающий количество официально зарегистрированных преступлений в 2017–2020 гг. (Рисунок 1).

Рисунок 1. Количество официально зарегистрированных преступлений в 2017–2020 гг., совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации²⁶

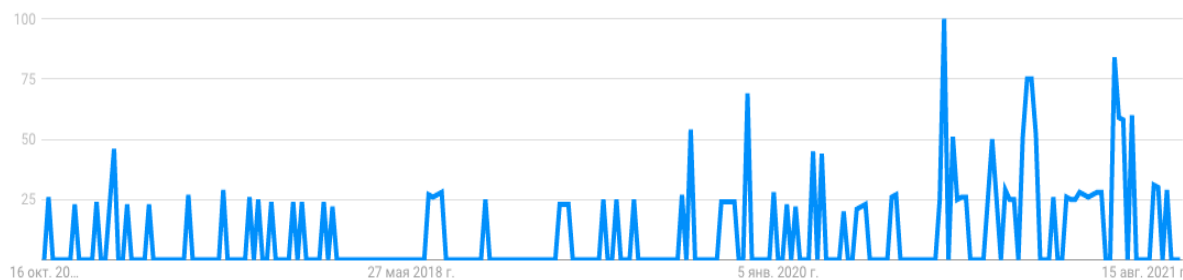
Представленные данные свидетельствуют о стабильно высоком росте количества регистрируемых киберпреступлений в последние годы в России. По всей видимости, в 2021 г. повышательный тренд сохранится: в период с января по август текущего года зарегистрировано 358,8 тысяч преступлений, что на 12,7% больше, чем за аналогичный период прошлого года²⁷.

²⁶ Составлено автором на основании: Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2017 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 01.09.2021); Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2018 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 01.09.2021); Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 01.09.2021); Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 01.09.2021).

²⁷ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–август 2021 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/26023627/> (дата обращения: 12.10.2021).

Сложившаяся ситуация серьезна, находит отклик среди общественности. В СМИ проблему кибермошенничества сравнивали с пандемией, отмечали волны кибератак, а россиян называли «легкой добычей»²⁸.

Рост интереса к проблеме кибермошенничества можно отметить и среди рядовых граждан страны. Рассмотрим динамику запросов по словосочетанию «Телефонные мошенники» в России в сервисе Google Trends.

Рисунок 2. Динамика популярности поискового запроса «Телефонные мошенники» в поисковой системе Google на территории РФ в 2016–2021 гг.²⁹

Можно отметить заметный рост количества поисковых запросов в 2020 и 2021 гг., на которые пришелся всплеск активности телефонных мошенников. Исследование Tinkoff Data³⁰ показало, что звонки от спамеров получают 98% россиян, а от мошенников — 90%. Постоянные звонки с неизвестных номеров, большая часть из которых от спамеров и мошенников³¹, — новая реальность, в которой вынуждены жить граждане России. В ответ на возникшую проблему, вызывающую раздражение у подавляющего большинства получателей звонков³², граждане активнее начали интересоваться инструментами защиты. И это показывают данные аналитического сервиса Google Trends (Рисунок 3).

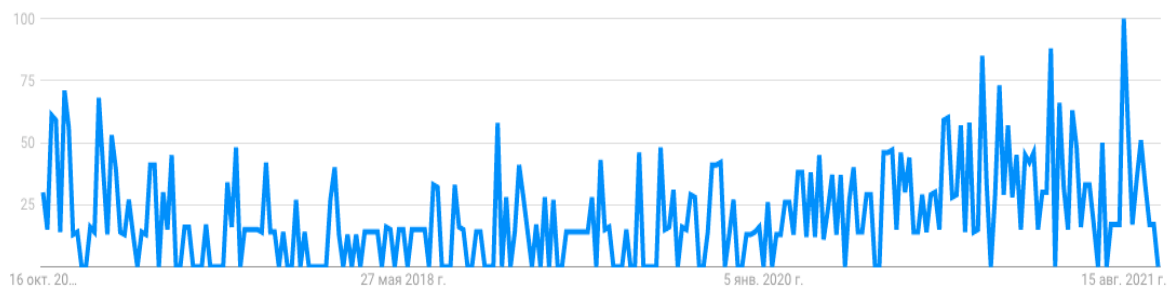
²⁸ Киберпреступность переросла в пандемию // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/forum/technologii_novoj_realnosti/columns/2020/12/02/849244-kiberprestupnost (дата обращения: 01.09.2021); Эксперты предупредили о волне повторных атак на жертв кибермошенников // РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/09/04/2020/5e8e292f9a79474e49fe1732 (дата обращения: 01.09.2021); Ну и гаджеты: россияне стали самой легкой добычей для кибермошенников // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/897320/anna-kaledina/nu-i-gadzhety-rossiiane-stali-samoi-legkoi-dobychei-dlia-kibermoshennikov> (дата обращения: 01.09.2021).

²⁹ Составлено автором с использованием аналитического сервиса Google Trends.

³⁰ Исследование Tinkoff Data: более 90% россиян сталкиваются со звонками спамеров и мошенников // Сайт компании «Тинькофф Банк» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/17052021-tinkoff-data-study-more-than-90-percent-russians-video-calls-spammers-scammers/> (дата обращения: 01.09.2021).

³¹ Там же.

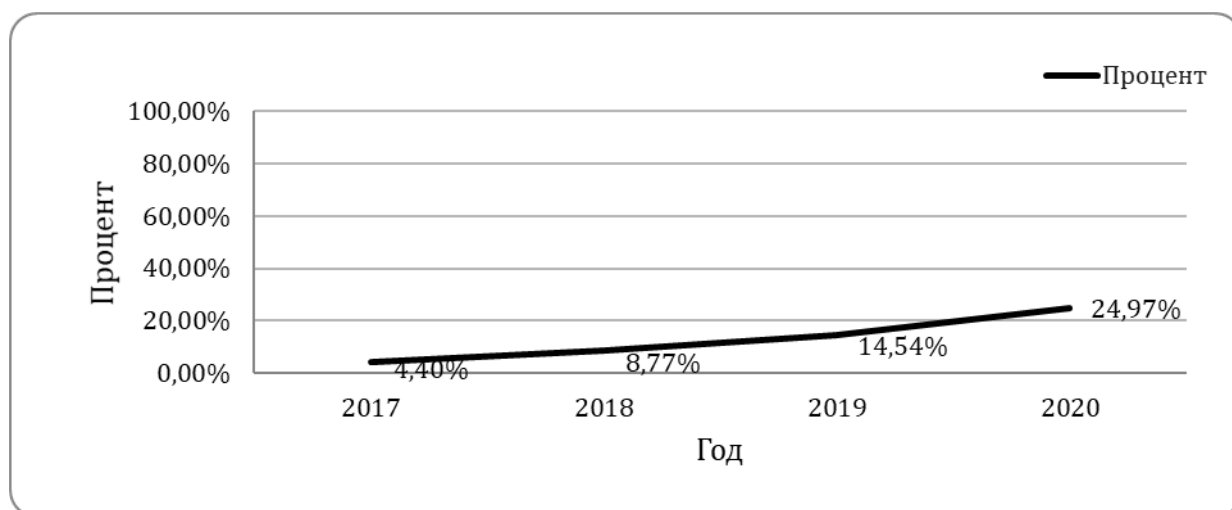
³² Там же.

Рисунок 3. Динамика популярности запроса «Антиспам» в поисковой системе Google на территории РФ в 2016–2021 гг.³³

Рост популярности запроса пришелся на начало 2020 г. и усилился в 2021 г., совпадая с волной мошеннических звонков в России: люди, столкнувшись с проблемой, пытаются решить ее самостоятельно, в том числе с помощью специальных антиспам-сервисов.

Помимо общего количества киберпреступлений, особого внимания заслуживает доля киберпреступлений среди всех зарегистрированных преступлений в России (Рисунок 4).

Рисунок 4. Доля (в процентах) киберпреступлений по годам среди всех зарегистрированных преступлений в 2017–2020 гг.³⁴

За четыре года произошел более чем пятикратный рост: в 2020 г. почти каждое четвертое преступление совершалось с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В 2021 г. стремительный рост доли преступлений продолжился и по состоянию на август 2021 г. составляет 26,5%³⁵. Таким образом, на текущий момент киберпреступление является одной из самых быстро растущих категорий преступлений в России. В наиболее

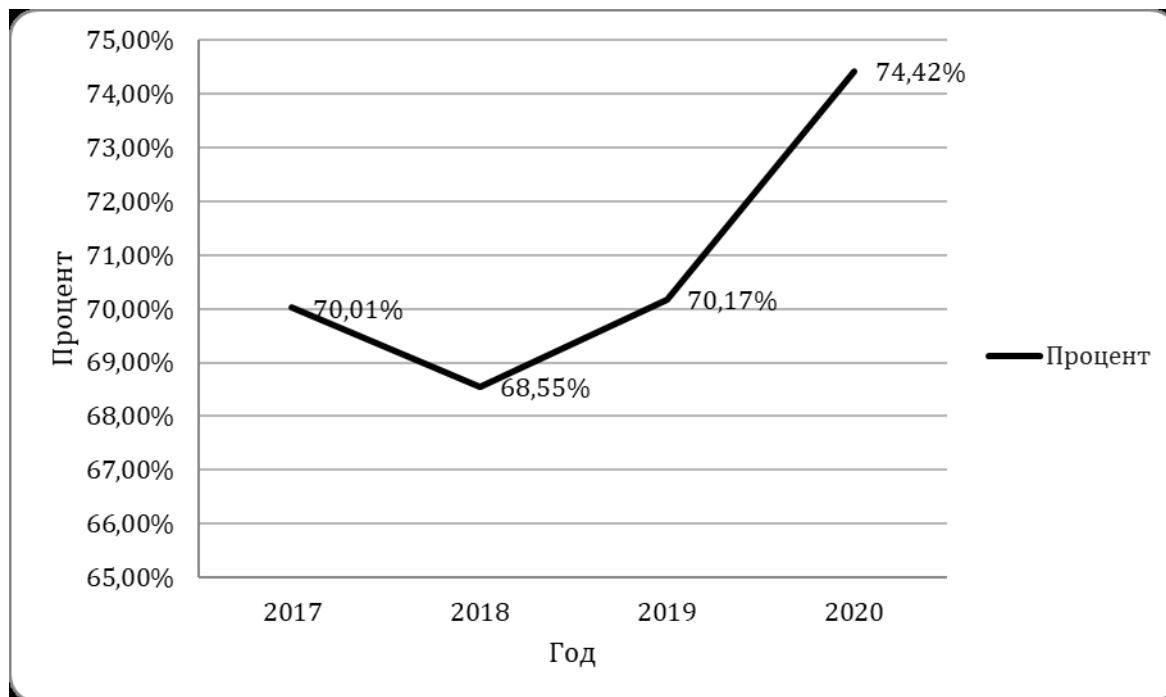
³³ Составлено автором с использованием аналитического сервиса Google Trends.

³⁴ Составлено автором на основании: Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2017 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 01.09.2021); Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2018 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 01.09.2021); Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 01.09.2021); Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 01.09.2021).

³⁵ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–август 2021 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/26023627/> (дата обращения: 01.09.2021).

экономически развитых субъектах в январе–августе 2021 г. показатель приблизился к 40%³⁶: в Москве — 39,7%, в Санкт-Петербурге — 38,9%. По всей видимости, сложившийся устойчивый тренд на увеличение доли киберпреступлений по всей стране в ближайшее время сохранится, а крупнейшие города России показывают «опережающее развитие» в данном процессе.

Одна из самых важных характеристик киберпреступности в России — это низкий процент раскрываемости (Рисунок 5).

Рисунок 5. Доля нераскрытых киберпреступлений относительно всех зарегистрированных преступлений в 2017–2020 гг.³⁷

Доля нераскрытых киберпреступлений не только остается на стабильно высоком уровне — в районе 70%, но и показывает небольшой рост в последние три года, несмотря на активную деятельность российских государственных органов и организаций, особенно банковского сектора.

Причины роста числа киберпреступлений

Прямо сейчас мы наблюдаем мощную волну цифровизации преступной деятельности, активное использование технологий при совершении противоправных действий. Но какие причины привели к столь резкому росту активности киберпреступников в последние годы? Перечислим ключевые факторы, которые, по нашему мнению, способствовали возникновению негативной ситуации с состоянием киберпреступности в стране.

Во-первых, дисбаланс между темпами цифровизации в России и ростом уровня цифровых компетенций граждан страны. Масштабы цифровизации в России велики: например, на 2020 г. пришелся рекорд по количеству выданных банковских карт³⁸, активное использование

³⁶ Там же.

³⁷ Составлено автором на основании: Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2017 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 01.09.2021); Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2018 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 01.09.2021); Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 01.09.2021); Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 г. // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 01.09.2021).

³⁸ Банки в год пандемии увеличили выдачи карт до рекорда за семь лет // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/06/03/2021/60422c739a79471a763211a7> (дата обращения: 01.09.2021).

безналичных способов оплаты³⁹, рост аудитории соцсетей⁴⁰ и их активности⁴¹. Наряду с этим сохраняется низкий уровень компетенций россиян в сфере цифровых технологий: согласно исследованию НАФИ, с 2019 г. остается неизменным количество россиян с продвинутым уровнем цифровых компетенций — 27%⁴². Авторы подчеркивают, что многие граждане до сих пор обладают недостаточными знаниями и навыками в сфере информационных технологий, необходимыми для безопасного использования цифровых продуктов. Стоит оговориться, что высокий уровень цифровых компетенций не гарантирует полную защиту от киберпреступников, особенно использующих методы социальной инженерии, однако снижает вероятность стать жертвой мошенников. На текущий момент сложилась ситуация, когда многие граждане вынужденно или добровольно пользуются цифровыми продуктами, не имея для этого достаточного уровня знаний и навыков. Такие обстоятельства — благодатная почва для роста кибермошенничества. Например, по состоянию на 2021 г. более 70% пенсионеров в России получают выплаты на банковские карты⁴³. Пожилые люди — один из наиболее уязвимых слоев населения, что подтверждается исследованиями: например, пожилой возраст положительно связан с общим уровнем доверия, в том числе и к незнакомцам [Li, Fung 2013, 352]. Данной особенностью пожилых людей нередко пользуются мошенники, эксплуатируя доверие людей преклонного возраста и совершая в отношении них финансовые преступления [DeLiema 2018, 706]. В течение пандемии пенсионерам и семьям с детьми периодически производились единовременные массовые выплаты от государства, что также привлекало внимание мошенников⁴⁴.

Часто и сами граждане создают благоприятные условия для совершения в отношении них киберпреступлений, разглашая личную информацию в соцсетях, которой эффективно пользуются преступники⁴⁵, которые совершают действия по распространению вирусов, финансовому мошенничеству, краже аккаунтов [Yulianto et al. 2016, 207]. Особенно часто стали применяться методы социальной инженерии, которые показывают высочайший уровень эффективности, принуждая человека совершать порой абсолютно абсурдные вещи, например выбрасывать собственные сбережения в окно⁴⁶. Неудивительно, что преступления с использованием методов социальной инженерии рассматриваются как серьезная угроза безопасности не только отдельно взятого человека, но и информационных сетей различных организаций [Conteh, Nabie 2016, 8]. Факты свидетельствуют о том, что в обозримом будущем именно такого рода преступления будут наиболее распространенными среди всех видов киберпреступлений [Breda et al. 2017].

Во-вторых, недостаточный уровень эффективности в противодействия киберпреступной деятельности: низкий уровень компетенций со стороны правоохранительных органов, несовершенство антифрод-инфраструктуры. Проблема подчеркивается в том числе и высшим

³⁹ Доля безналичных платежей в России достигла 70% // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2021/02/12/857761-dolya-beznalichnih-platezhei-v-rossii-dostigla-70> (дата обращения: 01.09.2021).

⁴⁰ Instagram обошел «ВКонтакте» по числу активных авторов в России // РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/30/11/2020/5fc4aa2c9a7947f4bfbce6db (дата обращения: 01.09.2021).

⁴¹ «ВКонтакте» отметил рост активности пользователей // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20211005/vkontakte-1753089397.html> (дата обращения: 17.10.2021).

⁴² Вынужденная цифровизация: исследование цифровой грамотности россиян в 2021 г. // НАФИ [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/vynuzhdennaya-tsifrovizatsiya-issledovanie-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-v-2021-godu/> (дата обращения: 01.09.2021).

⁴³ Голикова: 30,7 млн пенсионеров получат на карту 10 тысяч рублей 2 сентября // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/08/30/golikova-307-mln-pensionerov-poluchat-na-kartu-10-tysiach-rublej-2-sentiabria.html> (дата обращения: 01.09.2021).

⁴⁴ Компенсация (не) полагается: «Лаборатория Касперского» обнаружила в Google Play новые фейковые приложения с социальными выплатами // АО «Лаборатория Касперского» [Электронный ресурс]. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2021_kompensaciya-ne-polagaetsya-laboratoriya-kasperskogo-obnaruzhila-v-google-play-novye-fejkovye-prilozheniya-s-socialnymi-vyplatami (дата обращения: 01.09.2021).

⁴⁵ ЦБ: россияне слишком доверяют социальным сетям, и этим пользуются мошенники // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/interviews/6577000> (дата обращения: 01.09.2021).

⁴⁶ Мошенники стали просить россиян выбрасывать деньги в окно // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/06/18/guliki/> (дата обращения: 01.09.2021).

руководством правоохранительных органов. Так, начальник Главного управления международно-правового сотрудничества Генпрокуратуры РФ Петр Городов сообщил⁴⁷, что правоохранительные органы отстают от киберпреступников в техническом обеспечении и инструментах связи. Генпрокурор РФ Игорь Краснов на фоне растущего числа киберпреступлений заявил о том, что правоохранительные органы практически не могут противостоять киберпреступности⁴⁸. Следствием недостаточного уровня компетенций правоохранительных органов становится низкий процент раскрываемости киберпреступлений, который продолжает снижаться в последние несколько лет. Стоит подчеркнуть, что проблема быстрого роста количества преступлений существовала и до пандемии, и не заметить ее было невозможно. На основании представленных в статье данных можно отметить, что ежегодно практически удваивалось количество совершаемых киберпреступлений в России в 2018 и 2019 гг., а их доля среди всех преступлений с 2017 по 2019 гг. увеличилась в 3,3 раза. Тем не менее активных действий со стороны властей в допандемийный период не предпринималось: например, еще в 2015 г. была направлена инициатива о создании подразделения МВД по борьбе с преступлениями в соцсетях⁴⁹, в 2019 г. Владимир Путин усомнился в необходимости создания киберполиции⁵⁰. В 2021 г. президент уже констатировал проблему с раскрываемостью киберпреступлений в стране⁵¹.

Помимо низкой раскрываемости, существуют проблемы со скоростью реагирования на активность кибермошенников. Так, на Прямой линии с Владимиром Путиным в 2021 г. президент отметил, что сейчас на блокировку мошеннических фишинговых сайтов уходит до трех дней, хотя ранее уходило недели или даже месяцы⁵². Одна из особенностей фишинга — это его хорошая масштабируемость⁵³, и деятельность мошеннического сайта даже в течение нескольких минут может нанести значительный урон. Защита граждан от фишинговых сайтов — важный аспект информационной безопасности [Alsharnouby et al. 2015, 69], и стоит констатировать, что на текущий момент скорость реакции российских правоохранительных органов на такого рода преступную активность все еще недостаточно оперативная, несмотря на положительную динамику.

Таким образом, несколько лет назад был незамечен или проигнорирован тренд на зарождение новой масштабной социальной проблемы в России — киберпреступности. Было упущено время на работу с населением, подготовку инфраструктуры, соответствующих подразделений, налаживание международного сотрудничества и выстраивание законодательной базы. Сейчас можно наблюдать поспешные действия в попытке исправить ситуацию, которая становится все более критической: создание в МВД РФ и Следственном комитете подразделений по борьбе с киберпреступностью, работа по информированию граждан о новых видах мошеннических схем, запуск специальной платформы для борьбы с мошенничеством, международное сотрудничество на высочайшем уровне, технологии по определению телефонных мошенников со стороны банковского сектора.

⁴⁷ ГП: правоохранительные органы отстают в технических возможностях от киберпреступников // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/8915711> (дата обращения: 01.09.2021).

⁴⁸ Генпрокурор РФ заявил о бессилии правоохранительных органов перед киберпреступниками // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/699548> (дата обращения: 01.09.2021)

⁴⁹ МВД просят занять заботы фейковыми аккаунтами и «тролями» в соцсетях // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/585245> (дата обращения: 01.09.2021).

⁵⁰ Путин усомнился в необходимости киберполиции // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4082595> (дата обращения: 01.09.2021).

⁵¹ Путин словами «мы не успеваем» объяснил рост числа преступлений в ИТ // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/03/2021/603f6ae59a7947b29b0e9b18> (дата обращения: 01.09.2021).

⁵² Путин назвал подонками обманывающих пенсионеров телефонных мошенников // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1186294/2021-06-30/putin-nazval-podonkami-obmanyvaiushchikh-pensionerov-telefonnykh-moshennikov> (дата обращения: 01.09.2021).

⁵³ Lastdrager E. From Fishing to Phishing: Ph.D. Thesis. Enschede, 2018. P. 5. DOI: [10.3990/1.9789036544795](https://doi.org/10.3990/1.9789036544795).

Тем не менее сторона противодействия преступной деятельности в данном противостоянии занимает на текущий момент отстающую позицию: количество киберпреступлений продолжает расти, что и показали результаты исследования в рамках данной статьи.

Заключение

Результаты представленного анализа официальной статистики показали, что в России в последние годы наблюдается взрывной рост киберпреступлений, особенно усилившийся в период пандемии COVID-19. Стоит констатировать, что предпосылки зарождения и развития киберпреступности формировались в России в течение последних нескольких лет. Во-первых, это цифровизация различных сторон жизнедеятельности россиян: например, высокий интерес к банковским картам и счетам, безналичным способам оплаты, онлайн-досуг и активное использование соцсетей. Во-вторых, сохраняющийся низкий уровень цифровых компетенций граждан страны. В-третьих, низкая квалификация правоохранительных органов, несовершенство антифрод-инфраструктуры, неспособность оперативно пресекать киберпреступную деятельность и эффективно расследовать инциденты в цифровой среде. В данный момент большинство мер со стороны государства не предупреждающие, а контрмеры в ответ на уже совершенные преступления [Дерюгин 2019, 48]. За несколько лет в России сформировалась ситуация, когда большое количество новых неопытных пользователей вступили в незнакомую для себя цифровую среду, не осознавая всех рисков и опасностей своих действий. Ситуация усугубилась недостаточным уровнем подготовленности правоохранительных органов и антифрод-инфраструктуры, что в результате привело к неконтролируемому росту киберпреступности в стране, низкому проценту раскрываемости, малоэффективному противодействию преступной деятельности и невысокой скорости реагирования на кибермошенничество.

Пандемия COVID-19 и вынужденная форсированная цифровизация в России в связи с самоизоляцией послужили лишь катализаторами тех проблем, которые формировались на протяжении нескольких лет до начала «коронакризиса». Сегодня, когда о проблеме кибермошенничества говорят уже повсюду, важно сначала замедлить, а впоследствии остановить высокие на текущий момент темпы прироста новых случаев киберпреступлений. По нашему мнению, для решения этой комплексной, сложной и многогранной проблемы требуется масштабная и долгосрочная кооперативная работа государственных и правоохранительных органов, коммерческих и некоммерческих организаций, научного сообщества, активное взаимодействие с международными партнерами. Для эффективного противодействия виртуальным преступникам необходима многоуровневая институциональная система кибербезопасности, которая защищала бы и простых граждан, и государственные институты [Карпова 2014, 48]. Сейчас становится очевидным, что киберпреступность — это не просто социальная проблема, а вызов всему российскому обществу, который требует незамедлительного и жесткого ответа.

Список литературы:

Дерюгин Р.А. Киберпреступность в России: современное состояние и Актуальные проблемы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 46–49.

Карпова Д.Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. 2014. №8. С. 46–50.

Протасевич А.А., Зверьянская Л.П. Борьба с киберпреступностью как актуальная задача современной науки // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 3. С. 28–33.

- Alsharnouby M., Alaca F., Chiasson S. Why Phishing Still Works: User Strategies for Combating Phishing Attacks // *International Journal of Human-Computer Studies*. 2015. Vol. 82. P. 69–82. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2015.05.005>.
- Breda F., Barbosa H., Morais T. Social Engineering and Cyber Security // *Education and Development Conference*. Valencia, Spain. 6–8 March. 2017. P. 4204–4211. DOI: [10.21125/inted.2017.1008](https://doi.org/10.21125/inted.2017.1008).
- Conteh N.Y., Royer M.D. The Rise in Cybercrime and the Dynamics of Exploiting the Human Vulnerability Factor // *International Journal of Computer (IJC)*. 2016. Vol. 20. № 1. P. 1–12.
- DeLiema M. Elder Fraud and Financial Exploitation: Application of Routine Activity Theory // *Gerontologist*. 2018. Vol. 58. Is. 4. P. 706–718. DOI: [10.1093/geront/gnw258](https://doi.org/10.1093/geront/gnw258).
- Fors A. The Ontology of the Subject in Digitalization // *Handbook of Research on Technoself: Identity in a Technological Society* / ed. by R. Lupplicini. Hershey, PA: IGI Global, 2013. P. 45–63. DOI: <https://doi.org/10.4018/978-1-4666-2211-1.ch003>.
- Kameneva T. Didactics of Digital Century: Issues and Trends of E-Learning Development. *Фізико-математична освіта: науковий журнал*. 2020. № 4 (26). С. 13–20. DOI: <https://doi.org/10.31110/2413-1571-2020-026-4-002>.
- Li T., Fung H. Age Differences in Trust: An Investigation Across 38 Countries // *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2013. Vol. 68. Is. 3. P. 347–355. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbs072>.
- Monteith S., Bauer M., Alda M., Geddes J., Whybrow P., Glenn T. Increasing Cybercrime Since the Pandemic: Concerns for Psychiatry // *Current Psychiatry Reports*. 2021. Vol. 23. Is. 4. DOI: [10.1007/s11920-021-01228-w](https://doi.org/10.1007/s11920-021-01228-w).
- Stanciu V., Tinca A. Exploring Cybercrime — Realities and Challenges // *Journal of Accounting and Management Information Systems*. 2017. Vol. 16. Is. 4. P. 610–632. DOI: [10.24818/jamis.2017.04009](https://doi.org/10.24818/jamis.2017.04009).
- Yulianto B., Purnomo F., Madyatmadja E., Meyliana M., Prabowo H. Potential Threats of Information Disclosure in Social Media: A Systematic Literature Review // *ComTech Computer Mathematics and Engineering Applications*. 2016. Vol. 7. Is. 3. P. 201–211. DOI: <https://doi.org/10.21512/comtech.v7i3.2499>.

References:

- Alsharnouby M., Alaca F., Chiasson S. (2015) Why Phishing Still Works: User Strategies for Combating Phishing Attacks. *International Journal of Human-Computer Studies*. Vol. 82. P. 69–82. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2015.05.005>.
- Breda F., Barbosa H., Morais T. (2017) Social Engineering and Cyber Security. *Education and Development Conference*. Valencia, Spain. 6–8 March. P. 4204–4211. DOI: [10.21125/inted.2017.1008](https://doi.org/10.21125/inted.2017.1008).
- Conteh N.Y., Royer M.D. (2016) The Rise in Cybercrime and the Dynamics of Exploiting the Human Vulnerability Factor. *International Journal of Computer (IJC)*. Vol. 20. No. 1. P. 1–12.
- DeLiema M. (2018) Elder Fraud and Financial Exploitation: Application of Routine Activity Theory. *Gerontologist*. Vol. 58. Is. 4. P. 706–718. DOI: [10.1093/geront/gnw258](https://doi.org/10.1093/geront/gnw258).
- Deryugin R.A. (2019) Cybercrime in Russia: Modern Condition and Actual Problems. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. No. 2. P. 46–49.
- Fors A. (2013) The Ontology of the Subject in Digitalization. In: Lupplicini R. (ed.) *Handbook of Research on Technoself: Identity in a Technological Society*. Hershey, PA: IGI Global. P. 45–63. DOI: <https://doi.org/10.4018/978-1-4666-2211-1.ch003>.
- Kameneva T. (2020) Didactics of Digital Century: Issues and Trends of E-Learning Development. *Fiziko-matematichna osvita: naukoviy zhurnal*. No. 4 (26). P. 13–20. DOI: <https://doi.org/10.31110/2413-1571-2020-026-4-002>.

Karpova D.N. (2014) Cybercrime: A Global Challenge and Its Solution. *Vlast'*. No. 8. P. 46–50.

Li T., Fung H. (2013) Age Differences in Trust: An Investigation Across 38 Countries. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 68. Is. 3. P. 347–355. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbs072>.

Monteith S., Bauer M., Alda M., Geddes J., Whybrow P., Glenn T. (2021) Increasing Cybercrime Since the Pandemic: Concerns for Psychiatry. *Current Psychiatry Reports*. Vol. 23. Is. 4. DOI: [10.1007/s11920-021-01228-w](https://doi.org/10.1007/s11920-021-01228-w).

Protasyevich A.A., Zveryanskaya L.P. (2011) Fighting Cybercrimes as an Urgent Task for Contemporary Research. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. No. 3. P. 28–33.

Stanciu V., Tinca A. (2017) Exploring Cybercrime — Realities and Challenges. *Journal of Accounting and Management Information Systems*. Vol. 16. Is. 4. P. 610–632. DOI: [10.24818/jamis.2017.04009](https://doi.org/10.24818/jamis.2017.04009).

Yulianto B., Purnomo F., Madyatmadja E., Meyliana M., Prabowo H. (2016) Potential Threats of Information Disclosure in Social Media: A Systematic Literature Review. *ComTech Computer Mathematics and Engineering Applications*. Vol. 7. Is. 3. P. 201–211. DOI: <https://doi.org/10.21512/comtech.v7i3.2499>.

Дата поступления/Received: 01.09.2021

Исследования молодых ученых
Young scientists researches

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-89-197-212

Влияние ограничительных мер на систему образования: переход на дистанционное обучение в оценках студентов российских вузов

Григорьева Наталия Сергеевна

Доктор политических наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: grigorieva@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: 9017-7352

ORCID ID: 0000-0002-7707-6754

Андрюшков Сергей Андреевич

Студент бакалавриата, Институт новых материалов и нанотехнологий, НИТУ МИСиС, Москва, РФ.

E-mail: SergeyAndrushcov@yandex.ru

Зубков Александр Вадимович

Аспирант, химический факультет, Томский государственный университет, Томск, РФ.

E-mail: zubkov.chem@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: 7126-6117

ORCID ID: 0000-0002-7668-6534

Кулькова Полина Сергеевна

Студентка специалитета, педиатрический факультет, Казанский медицинский университет, Казань, РФ.

E-mail: 2973747@mail.ru

Хорошилова Марина Александровна

Студентка магистратуры, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: KhoroshilovaMA@spa.msu.ru

Аннотация

В марте 2020 г. вузы России, как и многих других стран, были вынуждены экстренно перейти на дистанционный формат обучения, что привело к необходимости срочной организации непрерывного обучения студентов и проведения всех аттестационных форм в новых условиях. В данной работе рассматриваются особенности и общие проблемы перехода на дистанционное обучение в системе отечественного высшего образования. Статья подготовлена по результатам анализа неструктурированных интервью студентов, в которых они обозначили те проблемы, с которыми они столкнулись весной 2020 г., а также в течение следующего учебного года: осень 2020–весна 2021. Для углубленного анализа были выбраны по временному лагу обучения интервью, в которых наиболее полно отражены проблемы перехода на дистанционное обучение в пограничных ситуациях, как например: окончание школы (выпускные экзамены), поступление в вуз, учеба на первом курсе инженерной специальности, завершение бакалавриата и поступление на первый курс магистратуры другого вуза иного профиля, год обучения по гуманитарной специальности, завершение учебы в магистратуре, поступление в аспирантуру. Двое информантов являются учащимися региональных вузов, одна студентка учится по программе специалитета. Студенты описывают положительные и отрицательные стороны удаленного обучения, одновременно обсуждая перспективы, ограничения и траектории реализации дистанционного обучения в вузах России. В статье также приводится сравнительный анализ проблем дистанционного обучения в работах российских и зарубежных исследователей. На основе выполненного исследования авторы пытаются оценить меры государственной политики в сфере образования в период первой волны пандемии COVID-19, а именно введение и организацию в вузах экстренного дистанционного обучения.

Ключевые слова

Государственная политика, образование, интернет, пандемия COVID-19, изоляция, вуз, дистанционное обучение.

Impact of Restrictive Measures on Higher Education: Transition to Distance Learning as Assessed by Russian Universities Students

Natalia S. Grigorieva

DSc (Political Sciences), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: grigorieva@spa.msu.ru

ORCID ID: 0000-0002-7707-6754

Sergey A. Andrushcov

Bachelor's degree student, Institute of New Materials and Nanotechnologies, MISIS, Moscow, Russian Federation.

E-mail: SergeyAndrushcov@yandex.ru

Alexander V. Zubkov

Postgraduate student, Faculty of Chemistry, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation.

E-mail: zubkov.chem@gmail.com

ORCID ID: [0000-0002-7668-6534](https://orcid.org/0000-0002-7668-6534)

Polina S. Kulkova

Specialist's degree student, Faculty of Pediatrics, Kazan Medical University, Kazan, Russian Federation.

E-mail: 2973747@mail.ru

Marina A. Khoroshilova

Master's degree student, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: KhoroshilovaMA@spa.msu.ru

Abstract

In March 2020, universities in Russia, like in many other countries, were forced to urgently switch to a distance learning format, which led to the need for organization of continuous teaching process as well as examinations in the new environment. This paper examines the characteristics and general problems of the transition to distance learning in the system of Russian higher education. It is based on the results of the analysis of unstructured interviews with students, in which they described the problems they faced in spring 2020, as well as during the next academic year: autumn 2020–spring 2021. For in-depth analysis, students were selected to reflect on problems of transition to distance learning in four borderline situations, such as: graduating from school (final exams), entering the university, studying in the first year of an engineering specialty, completion of a bachelor's degree and admission to the first year of a master's degree in another university of a different profile, a year of study in a humanitarian specialty, completion of studies in magistracy, admission to graduate school. Students were asked to describe both positive and negative aspects of distance learning, while discussing prospects, limitations and trajectories of the implementation of distance format in Russian universities. The article also provides a comparative analysis of the problems of distance learning as reflected in the works of Russian and foreign researchers. Based on the study, the authors provide tentative conclusions on effectiveness of public policy measures in the field of education during the first wave of the COVID-19 pandemic, namely organization of distance learning in universities.

Keywords

Public policy, education, Internet, COVID-19 pandemic, isolation, university, distance learning.

Введение

Пандемия COVID-19 вызвала крупнейшие по своим масштабам изменения в системе образования, затронув почти 1,6 миллиарда учащихся в более чем 200 странах¹. Закрытие школ, образовательных учреждений и других учебных заведений затронуло более 94% учащихся в мире. Это принесло далеко идущие трансформации всех сторон социальной сферы. Политика социального дистанцирования и ограничительного передвижения значительно нарушила традиционные образовательные практики. Повторное открытие (и последовавшее новое закрытие/открытие) образовательных учреждений после ослабления ограничений — еще одна проблема, связанная с введением многих новых стандартных операционных процедур.

В результате изоляции и социального дистанцирования из-за пандемии COVID-19 произошла смена парадигмы в способах предоставления преподавателями качественного образования через различные онлайн-платформы. Онлайн-обучение, дистанционное и непрерывное образование стали панацеей от этой беспрецедентной глобальной пандемии, несмотря на проблемы, стоящие как перед преподавателями, так и учащимися. Переход от традиционного очного обучения к онлайн-обучению стал совершенно новым опытом для учащихся и преподавателей, к которому они должны были адаптироваться очень быстро, практически не имея возможностей для альтернатив². Вузы страны внедряли «образование в чрезвычайных ситуациях» через различные онлайн-платформы и по факту вынуждены были принять систему, к которой на тот момент они были не совсем готовы [Калягин, Макарьева 2020]³.

¹ Education: From disruption to recovery // UNESCO [Электронный ресурс]. URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse> (дата обращения: 27.08.2021).

² Policy brief: Education during COVID-19 and beyond // UN [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2020/08/sg_policy_brief_covid-19_and_education_august_2020.pdf (дата обращения: 27.08.2021).

³ См. также: Уроки «стресс-теста». Вузы России в условиях пандемии и после нее // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_Доклад.pdf (дата обращения: 17.08.2021).

Важно понимать, что существуют отличия между онлайн-обучением и образовательными технологиями, применяемыми в условиях экстренного перехода вузов на дистанционное обучение. В результате этого произошла подмена понятий, и термин «онлайн-обучение» (сокращенно «онлайн») стал употребляться всякий раз, когда речь шла об отсутствии очного контакта с преподавателем. И многие исследователи сразу обратили внимание на этот факт⁴. Но в бытовом дискурсивном пространстве, в ответах студентов-информантов эти понятия чаще всего использовались как синонимы.

Исследование направлено на оценку мер государственной политики и механизма реализации онлайн-обучения, вызванного COVID-19, в высших учебных заведениях и тех проблем, с которыми столкнулась система высшего образования с точки зрения опыта и удовлетворенности студентов.

Методология исследования

Исследование носит описательный характер. Авторы постарались выделить, описать и понять проблемы, связанные с дистанционным обучением, и их возможные решения в критической ситуации первого года пандемии, а также эффективность этих решений⁵. Исследование основано на вторичных данных, в качестве которых использованы: журналы, отчеты, поисковые системы, веб-сайты международных организаций и учебных заведений, научные статьи, исследовательские работы и другие академические публикации. Метод исследования — описательное исследование, инструмент исследования — анализ интервью со студентами, проведенные в 2020–начале 2021 г.

Объектом данного исследования стали студенты (всего 20 человек; N=20), получающие высшее образование по гуманитарным, естественным и инженерным специальностям и находившиеся в указанный период в пограничных ситуациях, как например: окончание школы (выпускные экзамены), поступление в вуз, учеба на первом курсе инженерной специальности, завершение бакалавриата и поступление на первый курс магистратуры другого вуза иного профиля, год обучения по гуманитарной специальности, завершение учебы в магистратуре, поступление в аспирантуру.

Центральные вопросы, который были поставлены перед студентами, — каким образом экстренный переход в дистанционный формат обучения отразился на качестве образования, какие возникли проблемы (как они были решены) и какими они видят перспективы дистанционного образования в российских вузах.

Путь к онлайн-обучению в России: современный сценарий

Международная ассоциация университетов разместила на своем сайте информацию о событиях, касающихся воздействия пандемии COVID-19 на университеты, рекомендациях и инициативах, как наилучшим образом действовать в сложившихся условиях, а также подборку недавних страновых и международных новостей о высшем образовании и COVID-19⁶.

Очевидные плюсы дистанционного образования были описаны в научной (и не только) литературе задолго до начала пандемии, связанной с COVID-19. Онлайн-обучение — это форма взаимодействия в образовательном процессе между преподавателями и студентами с электронной поддержкой, основанной на использовании

⁴ Дистанционное обучение в экстремальных условиях // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4491/> (дата обращения: 10.08.2021).

⁵ Мельник Д. Высшее образование в мире: какие проблемы высветила пандемия // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/opinions/8306213> (дата обращения: 17.08.2021).

⁶ COVID-19: Higher Education challenges and responses // International Association of Universities [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iau-aiu.net/Covid-19-Higher-Education-challenges-and-responses> (дата обращения: 15.08.2021).

возможностей интернета. Многие проблемы онлайн-обучения давно обсуждаются в образовательном сообществе [Selwyn 2014]. Интеграция информационных и коммуникационных технологий в процесс преподавания и обучения стала фундаментальной частью образовательного процесса во многих странах мира [Matukhin, Evseeva 2014].

Переход в онлайн-режим выгоден тем, кто по многим причинам не может позволить себе посещать традиционные занятия. Такой формат предоставляет студентам возможность участвовать в курсе или программе обучения независимо от того, где они проживают [Milheim 2014] или продолжить обучение в других учебных заведениях, отличных от тех, в которых они обучаются в данное время [Sarma, Sive 2013]. Студенты, находящиеся даже в разных частях мира, могут взаимодействовать и учиться у преподавателей и сокурсников [Singh, Thurman 2019], исходя из своих интересов и потребностей, тем самым обеспечивается доступность и гибкость в процессе обучения. Такой формат считается относительно дешевым с точки зрения не только более низкой цены общей стоимости обучения в учреждении, но также транспорта и проживания. Смешанное обучение, сочетающие очное обучение с онлайн-технологиями, может повысить потенциал учащихся [Dhawan 2020]. Однако не все страны к началу пандемии COVID-19 имели достаточные технологические и финансовые ресурсы, чтобы перейти на онлайн-обучение.

Для изучения влияния пандемии COVID-19 на системы образования стран по всему миру российские исследователи провели эмпирический анализ данных из открытых источников. Они отмечают, что в среднем по странам ОЭСР 9% учащихся не имеют дома комфортного места для учебы, однако в отдельных государствах (например, Индонезия, Филиппины, Таиланд) таких учащихся более 30%, и, как правило, это учащиеся из наиболее неблагополучных семей. Но и в таких странах, как Корея, где был продемонстрирован один из самых высоких уровней учебных достижений в обследовании PISA, «каждый пятый ученик из нижнего квартиля школ по социально-экономическому статусу не имеет дома места для учебы» [Агранович, Дренев 2020].

Россия очень быстро прошла путь от «аутсайдера» до активного пользователя интернета. По данным установочного исследования проекта WEB-Index⁷, в феврале-ноябре 2020 г. интернетом в России хотя бы раз в месяц пользовались в среднем 95,6 млн человек, или 78,1% населения всей страны старше 12 лет. В среднем за день в интернет выходили 87,1 млн человек, или 71,1% населения России. Проникновение интернета в России среди населения в возрасте до 44 лет в 2020 г. превысило 90%, а среди молодых россиян в возрасте от 12 до 24 лет практически приблизилось к 100%. В группе населения 45–54 года интернетом хотя бы раз в месяц пользовались 84,2% россиян, а среди самых старших жителей страны (55+ лет) в интернет выходит примерно половина — 49,7%.

По числу интернет-пользователей (114 920 477) Россия находится на пятом месте в мире после Китая, Индии, США и Бразилии (данные приводятся по состоянию на различные даты и не всегда отражают фактическое положение). В процентном отношении это 80,9% от числа населения. По этому показателю Россия опережает Китай (54,3%), Индию (34,5%) и Бразилию (67,5%), но уступает Великобритании (94,9%), Германии (89,7%), США (87,3%), Японии (84,6%)⁸. Безусловно, это должно гарантировать хорошие перспективы для онлайн-обучения.

Что касается препятствий, то здесь основные проблемы связаны с неравномерностью доступа к интернету по территории России, наличием компьютеров в домохозяйствах и т.д.; например, население активно пользуется интернетом с мобильных устройств (среднесуточная

⁷ Аудитория интернета в России в 2020 г. // MediaScope [Электронный ресурс]. URL: <https://mediascope.net/news/1250827/> (дата обращения: 15.08.2021).

⁸ Интернет 2020 в России и мире: статистика и тренды // VC.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/future/109699-internet-2020-v-rossii-i-mire-statistika-i-trendy> (дата обращения: 15.08.2021).

мобильная аудитория интернета составила в 2020 г. 79,8 млн человек, или 65,2% населения всей страны). Интернетом на десктопе хотя бы раз в месяц пользовались 62,2 млн человек, или 50,8% от всего населения, среднесуточная аудитория интернета на десктопных устройствах составила 44,4 млн человек, или 36,3% от населения страны. Таким образом, телефон остается главным устройством для выхода в интернет среди россиян всех возрастов. Но этого недостаточно, если речь идет о масштабном, полноценном образовательном процессе.

Кроме того, трудности и проблемы, связанные с современными технологиями, могут быть связаны с ошибками загрузки, проблемами с установкой оборудования и со входом в систему, со звуком и видео и многим другим. Личное внимание также является огромной проблемой, с которой сталкивается новый образовательный формат: студенты хотят двустороннего взаимодействия, которое иногда трудно реализовать в дистанте. Зачастую онлайн-контент носит чисто теоретический характер и не позволяет студентам практиковаться и учиться эффективно. Учебный процесс не может полностью раскрыть свой потенциал, пока студенты лишены практики, особенно это касается технических, инженерных специальностей. Серьезной проблемой может быть посредственное содержание курса [Song et al. 2004], а у студентов может быть низкий уровень готовности к использованию систем управления обучением [Parkes et al. 2014] в нестандартных условиях. Значительная часть преподавателей высших учебных заведений до изоляции практически не знала методики онлайн-обучения, да и пока не существует какого-то универсального подхода — есть только отдельные специалисты и университеты в мире, которые активно подвигают новый формат. Существует множество предметов с разными потребностями, разные возрастные группы с различными запросами и ожиданиями, что требует разнообразных подходов к онлайн-обучению [Doucet et al. 2020].

Краткий обзор литературы

За последние два года появилось достаточно много научных статей, в которых рассматриваются последствия пандемии COVID-19 для образования вообще и для высшего образования в частности. Обзор актуальных работ зарубежных исследователей по анализу реализации дистанционного обучения в вузах в период пандемии показывает, что проблема обсуждается очень активно и рассматривается с различных точек зрения. В своем анализе текущих проблем дистанта авторы опираются на работу Дж. Хатти и Х. Тимперли, где отмечается, что, «чтобы продвигаться вперед в онлайн-среде обучения, студенты должны знать, какие последующие шаги следует выполнить, а преподаватели должны знать, как эти шаги могут быть оптимально облегчены» [Hattie, Timperley 2007, 87].

Уже в марте 2020 г. под эгидой Международного института по планированию образования ЮНЕСКО (UNESCO's International Institute for Educational Planning) «Журнал непрерывного образования» (IRE)⁹ объявил о выпуске специального выпуска «Образование в эпоху COVID-19», когда еще слишком мало было известно о влиянии кризиса, связанного с пандемией, на образование и на общество в целом, но уже было беспокойство по поводу тех проблем, которые обозначились на тот момент. В ответ были присланы более 150 рефератов из разных стран и со всех континентов. В результате появилась возможность собрать два двойных специальных выпуска, которые были изданы в 2020 и весной 2021 гг. Авторы из Канады, Кореи, Китая, США, Камеруна, Италии и других стран щедро делились опытом своих высших учебных заведений в сложных условиях.

⁹ Special Issue on Education in the Age of COVID-19: Understanding the consequences // UNESCO [Электронный ресурс]. URL: <https://education4resilience.iiep.unesco.org/en/resources/2020/special-issue-education-age-covid-19-understanding-consequences> (дата обращения: 29.08.2021).

Статьи первого и второго выпусков содержат множество идей, описания опыта, размышлений, предупреждений и видений будущего, которые могут помочь справиться со сложившейся ситуацией, разобраться в ней и, наконец, выйти за ее рамки. В определенной мере речь идет об обусловленном наборе ресурсов, которые можно использовать для поддержки процесса восстановления и обновления обучения в высшей школе [Stanistreet et al. 2020].

Что касается непосредственно темы данного исследования, то такого рода работы выполнялись как зарубежными исследователями, так и отечественными. Так, например, Афзалур Рахман [Rahman 2021] выполнил исследования в штате Ассам в Индии, которое было направлено на оценку механизма реализации экстренного онлайн-обучения, вызванного COVID-19, на уровне бакалавриата вузов штата, его эффективности и проблем, с которыми пришлось столкнуться студентам с точки зрения опыта и их удовлетворенности занятиями в новых условиях. Первичные данные были собраны у 132 студентов бакалавриата, выбранных случайным образом из разных провинциальных учебных заведений Ассам, с помощью анкеты в Google Form. Результат этого исследования выявил неудовлетворительную картину экстренного онлайн-обучения: плохое подключение к интернету, недостаточная ИТ-инфраструктура, нерегулярное электроснабжение, значительные затраты на передачу данных, отсутствие надлежащей среды дома, отсутствие технических и педагогических навыков у преподавателей, комфорт учащихся и так далее. Одна из самых знаковых проблем — это подключение к интернету. Автор ссылается на исследования П. Кунду¹⁰, в котором показано, что только 47% домохозяйств получают электроэнергию больше 12 часов в день и только в 8% семей с учащимися имеют компьютер с подключением к интернету. Примерно в это же время было проведено исследование на предмет внедрения онлайн-обучения во время пандемии COVID-19 на острове Мадуро в Индонезии [Febrianto et al. 2020]. В указанном ранее исследовании в статьях описывался опыт студентов как бакалавриата, так и магистратуры учреждений высшего образования Италии, Кореи, Канады, Великобритании и других стран [Stanistreet et al. 2020].

В России подобного рода исследование было проведено Центром стратегии развития образования МГУ имени М.В. Ломоносова (ЦСРО) совместно с кафедрой социологии РУДН и при содействии Российского профессорского собрания¹¹ в мае–июне 2020 г. С целью получения информации о проблемах и особенностях перехода на дистанционное обучение с точки зрения студентов было опрошено 31423 студента в различных вузах во всех субъектах РФ, а по итогам рассмотрены возможности, которые открываются с активным внедрением этой формы обучения и тех мер, которые необходимы для ее эффективной реализации [Алешковский и др. 2020].

Исследователи Томского государственного университета подготовили и опубликовали доклад, в котором систематизировали мнения студентов, полученные из университетских сообществ социальной сети с использованием инструментов Big Data [Александрова и др. 2021]. В качестве исходных данных выступили дата-сети сообщений и комментариев из социальных сетей общим количеством около 2 млн постов и комментариев, взятые из 2168 сообществ 548 высших учебных заведений РФ и их филиалов. В этом исследовании тексты (тексты постов в сообществах вузов и тексты комментариев к постам) классифицировались на основании лингвистических маркеров по нескольким тематическим категориям.

¹⁰ Kundu P. Indian Education Can't Go Online — Only 8% of Homes with Young Members Have Computer with Net Link // Scroll.in. [Электронный ресурс]. URL: <https://scroll.in/article/960939/indian-education-cant-go-online-only-8-of-homes-with-school-children-have-computer-with-net-link> (дата обращения: 09.08.2021).

¹¹ Мнения студентов вузов России о вынужденном дистанционном обучении / ЦСРО МГУ имени М.В. Ломоносова. Данные социологического исследования. (Май–июнь 2020 г. N = 31423). Исследовательский коллектив: А.Т. Гаспаршвили, О.В. Крухмалева, Н.Е. Савина.

Кроме того, в различных журналах есть интересные публикации, в которых авторы с разных сторон анализируют готовность/неготовность российских вузов к экстренному переходу на дистанционное обучение, а также перспективы высшего образования в новых реалиях [Белюченко и др. 2020; Мусихина 2021; Старцев 2020].

Результаты качественного исследования опыта студентов российских вузов в режиме дистанционного обучения в период весна 2020–весна 2021 гг.

Трудности в организации учебного процесса

Практически все студенты отмечали значительные трудности в организации учебного процесса, особенно весной 2020 г. Условно эти трудности можно разделить на технические, связанные с наличием необходимых технических средств (вплоть до наушников), и социальные, связанные с организацией социального пространства во время обучения. Многие отмечали неудобства, которые они доставляли своим близким во время учебы дома, которая растягивалась во времени на несколько часов, что нарушало привычный режим жизни «домашних». «Плохие микрофоны, не вовремя выключающиеся камеры, домашние животные и родственники, отвлекающие в самый неподходящий момент», — все эти факторы не способствовали размеренной учебной жизни:

«В апреле 2020 г. вся наша семья оказалась в режиме дистанционной работы и учебы: мама, папа перешли на удаленный режим работы, а мой младший брат, ученик 3 класса, и я (ученик 11 выпускного класса) — онлайн-учебы. Честно, сначала это был кошмар. Во-первых, нужны были одновременно 4 независимых рабочих места в одно и то же время. И потом — мы все одновременно говорили! В городе это было невыполнимо. Мы дружно переехали к бабушке за город: мама и брат разместились в комнатах в доме, папа — в бане, а я — в технической комнате на чердаке. Бедная бабушка на два месяца «поселилась» в саду. Проблему с носителями решили проще — два лэптопа у нас были, маме выдали на работе, а для младшего брата позаимствовали у родственников. Во-вторых, связь работала очень плохо, в результате приобрели роутер (и не один) для поддержки мобильной связи. Но сбои происходили постоянно. И это Московская область, где ситуация более или менее благополучная. В те дни, когда были важные для меня контрольные испытания, мы с мамой возвращались в Москву, а это уже была проблема пропусков».

Учащиеся выпускных классов обращали внимание на то, что до экстренного перехода на дистант в школах электронные ресурсы использовались в основном «для объявлений, оповещений, электронных дневников» и не были активно включены в образовательный процесс:

«...мы все оказались не готовы к моментальному переходу на дистант, и если бы я в течение 10–11 класса уже не занимался дополнительно с преподавателями, то не уверен, что успешно закончил школу. Об этом экстриме даже вспоминать не хочу, хотя спустя год, все уже представляется не таким страшным».

Инфраструктура вузов также оказалась не готова к организации дистанционного формата работы, поэтому большинство иногородних студентов (студентов из других стран) вернулись домой, но столкнулись с проблемами качественной связи, которые особенно остро ощущались весной 2020 г.:

«...в общежитии в одной комнате проживают студенты разных направлений, разных курсов и даже разных факультетов (как это было в моем случае). Поэтому, как только появилась возможность, я уехала домой. Сначала было сложно, но весной у нас был достаточно свободный

режим занятий, а к периоду второй волны (осень 2020) мы уже вполне адаптировались и организационные вопросы нас уже не волновали, да и срывы во время занятий были очень редкими, и, как правило, технические службы факультета быстро с ними справлялись...»

Вместе с тем студенты положительно оценили стремление учебных заведений адаптировать первокурсников к студенческой жизни и учебному процессу:

«...у нас в медицинском вузе в период пандемии адаптация к студенческой жизни проходила безболезненно. Например, в начале года инициативные студенты старших курсов по факультетам организовали разные мероприятия по тимбилдингу первокурсников. Они сделали это в парке на открытом пространстве, где произошло знакомство всего потока факультета...»; «...день первокурсника был проведен в онлайн режиме: нам показали записанные ролики презентации групп. Это был конкурс презентаций. Жюри подвело итоги, и объявили победителей. Но и у студентов была возможность высказать свое мнение. Было весело, и все быстро перезнакомились... разобщенность как-то сразу исчезла...»

Первокурсники медицинского университета отмечали большую организационную работу, которую проделала администрация факультетов с тем, чтобы как можно скорее адаптировать не только учебный процесс, но и социальную жизнь вуза:

«...на первой учебной неделе с первокурсниками были проведены онлайн-лекции психолога и топ-менеджмента вуза с пояснением особенностей организации учебного процесса в медицинском вузе и других направлений воспитательной деятельности вуза, где каждый студент может себя проявить и реализовать свою общественную активность».

О таком внимании говорили в основном первокурсники, и, судя по их ответам, для них это было очень важно, в то время как магистры и аспиранты вообще в беседах не касались адаптационных вопросов. Однако, прежде чем стать счастливыми первокурсниками, бывшие школьники прошли через испытания поступления в вуз с подачей документов в электронном виде или сдачей дополнительных экзаменов: *«...лично мне было особенно неудобно распечатывать различные бумаги (дома принтера тогда не было) для того, чтобы сначала их отсканировать (поиск где?), после этого загрузить на сайт. Приходилось делать по несколько попыток... и ура! — в ситуации близкой к отчаянной, ночью, это удавалось сделать. Но утром обнаруживалась ошибка, и приходилось проделывать весь процесс заново: печать, ручное заполнение, сканирование и загрузка».*

Многие ребята говорили о том, что очень боялись «не успеть все сделать вовремя», а некоторым пришлось в результате менять свои жизненные планы, но они надеются, что «полученный опыт будет использован, чтобы все-таки в магистратуре поступить туда, куда изначально мечталось».

Можно сказать, что в период начала пандемии основным вызовом для студентов и школьников стал не сам дистанционный формат, а неопределенность в процессе перехода. В жизни человека период поступления в вуз и выпуск — значимые события, от которых многое зависит. Поэтому очевидно, что выпускные экзамены в школе, вступительные экзамены в вуз, итоговые аттестации сопровождались повышением уровня стресса, что усугублялось недостатком информации и оперативных решений.

Отсутствие личного опыта обучения в дистанционном формате

Студенты в основном говорили о том, что сложности были в конце марта–апреле, особенно первые две недели. Для многих оказалось очень тяжело остаться один на один с компьютером, не хватало умения концентрировать внимание в нужном месте и в нужное время:

«...для меня самым тяжелым испытанием стал тот факт, что перед своим компьютером (или любым другим устройством для подключения к занятию) я совершенно не ощущал себя «учеником в классе». Мне было тяжело сконцентрироваться на том, что говорит преподаватель и не отвлекаться ни на что на протяжении всего занятия. В конце концов я просто дошел до того, что надевал поверх проводных наушников накладные шумоподавляющие, откладывал в сторону все отвлекающие меня предметы (книгу, телефон и т.д.) и непрерывно записывал все, что слышал».

Преподаватели в меру своих возможностей пытались использовать различные формы организации занятий:

«Большинство преподавателей читали лекции в режиме реального времени, стараясь максимально активизировать нас. Это хорошо удавалось тем, кто и во время очного обучения использовал интерактивные формы. Некоторые размещали готовые лекции на открытых ресурсах. В таком режиме было очень трудно сконцентрироваться в нужное время. Но такие записи позволяли хотя бы просматривать их еще раз... перед экзаменами это было особенно полезно. Некоторые предпочли презентации с озвучиванием... и в том, и в другом режиме резко ощущалась невозможность задать вопрос»; «...мне кажется, наихудшим вариантом была просто рассылка текста лекций или списка литературы по теме, что подразумевало самостоятельный поиск информации и самостоятельное освоение материала...»

Однако наибольшие проблемы возникли с практическими занятиями, особенно для студентов технических специальностей и студентов естественных факультетов:

«...для нас практические занятия по большинству предметов были в формате “получили задание, выполнили его и отправили ответ преподавателю — он поставил оценку, зачастую без комментариев о возможных вариантах, иных решениях”. Это сказалось во время экзамена в зимнюю сессию, когда эти альтернативы с нас начали требовать, а мы оказались не готовы...»

Опять же студенты-медики считают, что «введение дистанционной формы обучения практически не оказало воздействие на учебный процесс», однако по-разному во временном горизонте (в зависимости от волны развития пандемии COVID 19) «затронуло организацию текущего и итогового контроля».

Все информанты были единодушны в том, что «успех онлайн-курса во многом зависит от качества работы преподавателя». В новых условиях изменились его функции, он должен был действовать как гид и/или фасилитатор с обширной цифровой компетенцией. Многим преподавателям эта роль оказалась не под силу:

«...как “традиционщики” они отличные преподаватели, но им сложно было переходить и находиться в дистанционном режиме. Они теряли свою индивидуальность и были не так интересны».

Таким образом, техническая компетентность фактически становится наиболее значимым фактором, влияющим на успех онлайн-курса. Чтобы быть эффективным в онлайн-среде, преподаватель должен обладать широким спектром технических навыков, способностями к социальной поддержке. Поскольку пространство ограничено, чтобы быть интерактивным, он должен привлекать студентов другими способами, такими как дискуссионные форумы, фасилитация и т.д. В 2020 г. таких навыков у большинства преподавателей не было, а потому они пытались перенести традиционные, хорошо ими освоенные формы обучения в онлайн-формат:

«...мы были слышаны от студентов 2 курса о том, что наш преподаватель — блестящий лектор. Но мы этого не заметили. Особенно в начале. У нас были записи его лекций. Его язык требовал от нас высокой концентрации внимания, а этого не получалось. На семинарах он раздражался, считая, что мы вообще с лекцией не знакомы, мы в ответ тоже раздражались, нам казалось,

что он говорит с нами на каком-то “птичьем” языке. И только к концу семестра в декабре мы вроде начали понимать друг друга, но тут все закончилось. Наверное, он считает нас очень бестолковыми... Одна надежда... может, мы еще встретимся».

Но и студенты не были готовы учиться в новых условиях и честно в этом признавались, хотя спустя год все выглядело несколько иначе, чем весной 2020 г.:

«...как же я раздражалась по каждому поводу в марте–апреле, мне все мешало: и соседи по общежитию, и обилие письменных работ, число которых многократно увеличилось... На самом деле, я просто многое не умела: ни работу прикрепить правильно, ни вовремя ее отправить (и с удивлением обнаруживала, что время уже вышло...), ни организовать себя... Удивительное дело — времени как раз было вроде бы много, но я катастрофически ничего не успевала...»

Это приводило к тому, что результатом были недовольны и студенты, и преподаватели: студенты писали, что им «приходилось выполнять 2–3 письменные работы по каждому предмету в очень ограниченное время, качество при этом страдало», а преподаватели говорили о том, что они «с утра до ночи читают работы студентов, при этом не очень высокого качества».

Еще одна тема, которая затрагивалась в разговорах и описывалась в эссе, — потеря необходимого уровня коммуникации как по горизонтали, так и по вертикали:

«...лично для меня очень важен формат личного общения с преподавателем. Многие говорят, что нам гуманитариям было легче в дистанте, чем технарям. Мне кажется, наоборот. Технарям дана задача — он ее решил, а мне важнее нюансы, которые порой трудно объяснить, и только в ходе обсуждения можно найти неординарное решение... я писал ВКР (выпускную квалификационную работу) бакалавра. Много общался с научным руководителем, которому тоже пришлось нелегко — то, что можно было сказать, ему постоянно приходилось писать... писанины вообще было очень много, и защита в дистанте мне не понравилась... точнее она не принесла мне того удовлетворения, на которое я рассчитывал».

Оценочные мероприятия также оказались проблемным полем. Онлайн-экзамены имеют более высокий риск плагиата, поскольку студенты имеют практически полный доступ ко всему материалу курса и другим ресурсам. И, хотя в некоторых вузах уже освоен прокторинг (процедура наблюдения и контроля за дистанционными испытаниями), это не стало общим правилом, в чем честно признавались студенты, и о чем с сожалением говорили преподаватели. Студенты гуманитарного профиля, как правило, оценивали экзамены в дистанционном формате как более легкие, а технари, наоборот, говорили, что такой формат сдачи сессии для них оказался более сложным:

«В весеннюю сессию я получил оценки ниже, чем рассчитывал. Мне кажется, что преподаватель посчитал, что я списывал, но у меня просто такая привычка — я не могу говорить на камеру. Если бы сдавал очно, уверен — результат был бы другой».

Весной 2020 г. студенты испытывали страх, связанный со сдачей сессии и защитой дипломной работы в дистанционном формате, а вчерашние школьники — перед вступительными экзаменами в вуз, но уже в следующем учебном году эти вопросы практически не поднимаются. А многие честно признавались, что, сдавая экзамены онлайн, «очень просто пользоваться разными источниками, главное — немного потренироваться», что фактически обесценивает процесс проверки знаний:

«...наш университет не отменял государственные экзамены, они проводились дистанционно... к сожалению, были случаи, когда процесс проведения экзамена прерывался и не один раз, но сложнее было то, что я не видела интереса со стороны преподавателей, я технически не могла его увидеть...»

Проблемы ресурсного обеспечения, методов обучения

Без надлежащей подготовки внезапный переход от минимальной или отсутствующей цифровой инфраструктуры к ее активному пользованию оказался сложным и для студентов, и для преподавателей. Последние и администрация вузов начали пробовать различные педагогические онлайн-подходы. Следовательно, платформы для видеоконференций и онлайн-встреч, такие как Zoom, Cisco Webex и Google Meet, демонстрировали огромный рост использования. Другие средства, включая LMS и платформы социальных сетей, такие как YouTube, WhatsApp, Facebook и т.д., также стали использоваться очень широко. Российские студенты, участвовавшие в интервью, использовали платформы Zoom и Teams, Cisco WebEx Meeting, Adobe Acrobat Connect: *«...мы учимся в Zoom, кто-то из преподавателей в начале дистанта пробовал и другие варианты. Мы активно экспериментировали весной 2020, но Zoom «победил» — уже осенью 2020 и весной 2021 мы пользовались только этой платформой»; «...за первую неделю дистанта были созданы все курсы по всем предметам с расписанием и ссылками на онлайн-занятия, которые проходили в программах Zoom и Adobe Acrobat Connect. Все лекции выгружались в систему Moodle...»*

Однако учащиеся считали онлайн-классы во время COVID-19 неинтересными и сложными из-за проблем с сетью и пропускной способностью и предпочитали смешанный подход к обучению: 30% онлайн и 70% очного обучения [Sreehari 2020].

Несмотря на разброс мнений, российские информанты также считают, что смешанный вариант — наилучший способ организации экстренного дистанционного обучения:

«...еще до пандемии учебный процесс был организован таким образом, что лекции по ряду дисциплин учебных программ по всем медицинским специальностям проводились в формате онлайн... что касается практики, то... во все волны развития пандемии COVID 19 все виды практик с 1 по 6 курс обучения проводились офлайн на клинических базах практик в учреждениях здравоохранения (ЛПУ и стационары), включая работу в красных зонах...»

Что касается методов обучения, применяемых при реализации онлайн-обучения во время изоляции COVID-19, то наиболее часто используемым методом экстренного онлайн-обучения стала лекция, за которой следует обмен файлами PDF или Word в качестве дополнительных учебных материалов и выдача «домашних заданий».

Студенты условно разделили методы обучения в дистанционном режиме на «удобные» и «неудобные»:

«...к удобным следует отнести: учебные материалы (лекции, книги, учебные пособия) в электронном виде; лекции в виде презентаций с аудиозаписями авторов, доступность преподавателя через чат во время занятий... К неудобным — лабораторные работы (тяжело и неинтересно смотреть эксперимент по видео) и все, что требует работу на специальном оборудовании...»

Много вопросов возникло по поводу продолжительности посещения онлайн-занятий в день во время изоляции от COVID-19: по всем наблюдениям оно значительно увеличилось, многие занятия были перенесены на вечернее время.

Обсуждение

Пандемия, безусловно, оказала огромное воздействие на современное образование и его будущее, она изменила то, как мы учимся и как мы учим. В то же время очевидно, что экстренный перенос обучения в дистанционный формат в условиях пандемии имеет существенные отличия от правильно спланированного онлайн-обучения на основе хорошо разработанных материалов и продуманной организации учебного процесса, и поэтому необходимо оценивать положительные и

отрицательные результаты такого обучения исходя из того, что главная задача, которая решалась на тот момент, — это снижение рисков распространения коронавируса. Резкий переход на дистант — мера вынужденная и экстренная, не все высшие учебные заведения оказались готовы к этой кардинальной перестройке учебного процесса по объективным причинам: из-за разного уровня развитости информационной инфраструктуры, обеспеченности дисциплин электронными образовательными ресурсами, готовности преподавателей к использованию цифровых платформ и сервисов в образовательном процессе.

Один из выводов, который уже очевиден, — онлайн-обучение больше не вариант, это необходимость и реальность. Поэтому на данном этапе решающее значение имеет повышение качества такого обучения. При этом важны мнения не только организаторов образования, администрации вузов, преподавателей, но и студентов всех уровней образования, которые, так же как и все население страны, получили бесценный опыт жизни в условиях пандемии.

Проведенное микроисследование выявило, что студенты максимально объективно оценивают картину состоявшегося дистанционного обучения, реализованного в первый год пандемии (весна–осень 2020 г.), когда учащиеся в большей мере испытали негативные эмоции и стресс. Говоря о сложностях, они прежде всего обращают внимание на плохое подключение к интернету, недостаточную ИТ-инфраструктуру, проблемы регулярного электроснабжения, значительные затраты на передачу данных, отсутствие надлежащих условий дома и в общежитии, наконец, отсутствие технических навыков как у студентов, так и преподавателей; все это является важными звеньями в общей цепи образовательного процесса. Нужно отметить, что российские студенты не касались экономических проблем, связанных с изменением формата обучения, в то время как их зарубежные сверстники при анкетировании ставили их не ниже третьей позиции (стоимость обучения, оплата интернета и т.д.).

Вместе с тем студенты достаточно оптимистичны в оценке возможностей и перспектив дистанционного обучения в России, обращая внимание на преимущества дистанционного обучения, которые они уже сумели почувствовать, например:

- экономия времени на дорогу, что играет существенную роль, особенно в мегаполисе;
- возможность непрерывного обучения даже в случае болезни;
- вероятность совмещения учебы и работы, когда присутствовать на занятиях можно и на рабочем месте;
- обучение в более комфортной домашней (и не только) обстановке, подбираемой индивидуально каждым студентом для себя;
- совершенствование навыков самоконтроля, приобретение навыков тайм-менеджмента, самодисциплины.

Ограничения данного исследования связаны с временными условиями выполнения проекта, затрудненным доступом в поле и на сегодняшний день лимитированной эмпирической изученностью проблемы (удалось обнаружить только два исследования). Выводы ограничены в силу выборки и использованного метода, что не позволяет экстраполировать полученные результаты на всю совокупность студентов. Тем не менее полученные результаты позволяют включать их в исследовательской поле.

Важный вопрос состоит в том, насколько новый режим обучения укоренится. Учреждения образования изо всех сил пытаются найти варианты выхода из ситуации, которую они не выбирали. Если бы онлайн-образование было освоено раньше, очевидно, ситуация во время пандемии была

бы иной. Время, которое было потрачено на изучение онлайн-режимов и платформ, их усвоение, можно было бы потратить на создание инновационного учебного содержания. Исследователи оправдывают сценарное планирование как насущную потребность высших учебных заведений. Наличие надежной ИТ-инфраструктуры, независимо от географического местоположения вуза, является необходимым условием для того, чтобы качественное подключение было доступно для всех. И если в первый год экстренного дистанционного образования вопрос был в способах и своевременности доставки, то спустя год речь идет о качестве образования.

Для того, чтобы онлайн-среда стала комфортной, должен быть реализован хорошо спланированный механизм обучения, ориентированный на технические и педагогические онлайн-навыки с упором на совместное обучение, обучение на основе проектов, тематические исследования, решение проблем, дебаты, обсуждения, упражнения и т.д., что необходимо, чтобы обеспечить активное участие студентов.

Пандемия научила образовательные учреждения составлять план действий в чрезвычайных ситуациях, чтобы справиться с любыми непредвиденными ситуациями, которые могут возникнуть в будущем. Это гарантирует высокий уровень готовности учебных заведений к быстрой адаптации к альтернативным формам обучения. Таким образом, настало время, чтобы все заинтересованные стороны работали совместно над созданием, внедрением и оценкой инновационных методов, удобных для пользователя инструментами, с необходимым для учащихся содержанием, развитием педагогических и технических навыков преподавателей и прежде всего положительным отношением к инклюзивному обучению.

Прогнозируемые изменения можно разделить условно на пять групп: (1) изменения, необходимые в срочном порядке для решения проблемы продолжения обучения и исследований; (2) изменения, необходимые для будущей занятости студентов, которые уже работают или могут быть трудоустроены в течение следующих нескольких месяцев; (3) долгосрочные изменения, вызванные внезапным изменением процессов, режима работы и освоением новых ресурсов; (4) изменения в рабочей модели вузов с точки зрения их возможностей; (5) изменения на макроуровне, необходимые для содействия качественному высшему образованию в эпоху перемен.

Актуальной по-прежнему остается деятельность администрации по соблюдению в вузе и общежитиях санитарно-эпидемиологических мер. Вместе с тем часть студентов считает, что соблюдение противозидемиологических мер является также зоной личной ответственности каждого, а не только руководства вуза, и это хороший знак. Чтобы преодолеть нынешний кризис, который затронул не только образование, университеты должны мыслить инновационно и сотрудничать, чтобы смягчить последствия этой проблемы, при этом действовать быстро. Это требует готовности к переменам и изменениям в мышлении при планировании и исполнении этих планов в процессе обучения, чтобы применить новые решения для достижения результатов эффективности принимаемых мер.

И все-таки, несмотря на все реверансы в сторону дистанционного обучения (онлайн-обучения), в большинстве своем студенты признают, что в образовательном процессе «человеку нужен человек», и связывают перспективы своего обучения со смешанным форматом.

Список литературы:

- Агранович М., Дренева А. Организация образования в условиях пандемии. Практика стран ОЭСР // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 9 (111). С. 134–150.
- Александрова Ю.К., Богданова А.В., Васендина И.С., Гойко В.Л., Джангаров А.И., Митягина Е.В., Мягков М.Г., Романова Е.В., Ярмук О.В. Ситуация с качеством образования в период пандемии: что показывает анализ больших данных. Аналитический доклад. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021.
- Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. №10. С. 86–100. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100>.
- Белюченко О.П., Ждамирова И.В., Котова Е.И. Дистанционное образование: «За» и «Против» // Academy. 2020. № 8 (59). С. 44–45.
- Клягин А.В., Макарьева А.Ю. Кейсы быстрых реакций вузов в условиях пандемии. М.: НИУ ВШЭ, Институт образования, 2020.
- Минаев А.И., Исаева О.Н., Кирьянова Е.А., Горнов В.А. Особенности организации деятельности вуза в условиях пандемии // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 4. URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2020/4/29858.pdf>.
- Мусихина Л.В. Проблемы дистанционного образования // LXXXI International Correspondence Scientific and Practical Conference «International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education». Boston: Problems of Science, 2021. P. 25–28.
- Старцев М.В. Дистанционное образование: а где преимущества? // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2020. Т. 19. № 2 (44). С. 99–106.
- Dhawan S. Online Learning: A Panacea in the Time of COVID-19 Crisis // Journal of Educational Technology. 2020. Vol. 49. Is. 1. P. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047239520934018>.
- Febrianto P.T., Mas'udah S., Megasari L.A. Implementation of Online Learning during the COVID-19 Pandemic on Madura Island, Indonesia // International Journal of Learning, Teaching and Educational Research. 2020. Vol. 19. Is. 8. P. 233–254.
- Hattie J., Timperley H. The Power of Feedback // Review of Education Research. 2007. Vol. 77. Is. 1. P. 81–112. DOI: <https://doi.org/10.3102/003465430298487>.
- Matukhin D., Evseeva A. Further Professional Training as a Constituent Part of Continuing Vocational Education // 2nd International Conference in Humanities, Social Sciences and Global Business Management. Lecture Notes in Management Science. 2014. Vol. 31. P. 104–109.
- Milheim K.L. Facilitation across Cultures in the Online Classroom // International Journal of Learning, Teaching and Educational Research. 2014. Vol. 5. № 1. P. 1–11.
- Parkes M., Stein S., Reading C. Student Preparedness for University E-Learning Environments // The Internet and Higher Education. 2014. Vol. 25. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2014.10.002>.
- Rahman A. Using Students' Experience to Derive Effectiveness of COVID-19-Lockdown-Induced Emergency Online Learning at Undergraduate Level: Evidence from Assam, India // Higher Education for the Future. 2021. Vol. 8. Is. 1. DOI: <https://doi.org/10.1177/2347631120980549>.
- Sarma S., Sive H. Education: Online On-Ramps // Nature. 2013. Vol. 499. P. 277–278.
- Selwyn N. Digital Technology and the Contemporary University. London: Routledge, 2014.

Singh V., Thurman A. How Many Ways Can We Define Online Learning? A Systematic Literature Review of Definitions of Online Learning (1988–2018) // *American Journal of Distance Education*. 2019. Vol. 33. Is. 4. P. 289–306. DOI: <https://doi.org/10.1080/08923647.2019.1663082>.

Song L., Singleton E.S., Hill J.R., Koh M.H. Improving Online Learning: Student Perceptions of Useful and Challenging Characteristics // *The Internet and Higher Education*. 2004. Vol. 7. Is. 1. P. 59–70.

Sreehari P. Online Learning during the COVID-19 Lockdown: Learners' Perceptions // *Journal of Critical Reviews*. 2020. Vol. 7. Is. 19. P. 300–307. DOI: [10.31838/jcr.07.19.36](https://doi.org/10.31838/jcr.07.19.36).

Stanistreet P., Elfert M., Atchoarena D. Education in the Age of COVID-19: Understanding the Consequences // *International Review of Education*. 2020. Vol. 66. P. 627–633. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11159-020-09880-9>.

References:

Agranovich M., Dreneva A. (2020) Organizatsiya obrazovaniya v usloviyakh pandemii. Praktika stran OESR [Education during pandemic. Experience of OECD countries]. *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya*. No. 9 (111). P. 134–150.

Aleksandrova Yu.K., Bogdanova A.V., Vasendina I.S., Goyko V.L., Dzhangarov A.I., Mityagina E.V., Myagkov M.G., Romanova E.V., Yarmak O.V. (2021) *Situatsiya s kachestvom obrazovaniya v period pandemii: chto pokazyvayet analiz bol'shikh dannykh. Analiticheskiy doklad* [The situation with the quality of education during a pandemic: What the analysis of big data shows]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta.

Aleshkovskiy I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E. (2020) Russian University Students about Distance Learning: Assessments and Opportunities. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 29. No. 10. P. 86–100. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100>.

Belyuchenko O.P., Zhdamirova I.V., Kotova E.I. (2020) Distantionnoye obrazovaniye: «Za» i «Protiv» [Distance education: “For” and “Against”]. *Academy*. No. 8 (59). P. 44–45.

Dhawan S. (2020). Online learning: A panacea in the time of COVID-19 crisis. *Journal of Educational Technology*. Vol. 49. Is. 1. P. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047239520934018>.

Febrianto P.T., Mas'udah S., Megasari L.A. (2020) Implementation of Online Learning during the COVID-19 Pandemic on Madura Island, Indonesia. *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*. Vol. 19. Is. 8. P. 233–254.

Hattie J., Timperley H. (2007) The Power of Feedback. *Review of Education Research*. Vol. 77. Is. 1. P. 81–112. DOI: <https://doi.org/10.3102/003465430298487>.

Klyagin A.V., Makarieva A.Yu. (2020). *Keysy bystrykh reaktsii vuzov v usloviyakh pandemii* [Cases of rapid reactions of universities in the conditions of a pandemic]. Moscow: NIU VShE, Institut obrazovaniya.

Matukhin D., Evseeva A. (2014) Further Professional Training as a Constituent Part of Continuing Vocational Education. *2nd International Conference in Humanities, Social Sciences and Global Business Management. Lecture Notes in Management Science*. Vol. 31. P. 104–109.

Milheim K.L. (2014) Facilitation across Cultures in the Online Classroom. *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*. Vol. 5. No. 1. P. 1–11.

Minaev A.I., Isaeva O.N., Kiryanova E.A., Gornov V.A. (2020). Features of the University Organization in a Pandemic. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 4. Available: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29858>.

Musikhina L.V. (2021) Problems of Distance Education. *LXXXI International Correspondence Scientific and Practical Conference “International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education”*. Boston: Problems of Science. P. 25–28.

- Parkes M., Stein S., Reading C. (2014) Student Preparedness for University E-Learning Environments. *The Internet and Higher Education*. Vol. 25. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2014.10.002>.
- Rahman A. (2021) Using Students' Experience to Derive Effectiveness of COVID-19-Lockdown-Induced Emergency Online Learning at Undergraduate Level: Evidence from Assam, India. *Higher Education for the Future*. Vol. 8. Is. 1. DOI: <https://doi.org/10.1177/2347631120980549>.
- Sarma S., Sive H. (2013) Education: Online On-Ramps. *Nature*. Vol. 499. P. 277–278.
- Selwyn N. (2014) *Digital Technology and the Contemporary University*. London: Routledge.
- Singh V., Thurman A. (2019) How Many Ways Can We Define Online Learning? A Systematic Literature Review of Definitions of Online Learning (1988–2018). *American Journal of Distance Education*. Vol. 33. Is. 4. P. 289–306. DOI: <https://doi.org/10.1080/08923647.2019.1663082>.
- Song L., Singleton E.S., Hill J.R., Koh M.H. (2004) Improving Online Learning: Student Perceptions of Useful and Challenging Characteristics. *The Internet and Higher Education*. Vol. 7. Is. 1. P. 59–70.
- Sreehari P. (2020) Online Learning during the COVID-19 Lockdown: Learners' Perceptions. *Journal of Critical Reviews*. Vol. 7. Is. 19. P. 300–307. DOI: [10.31838/jcr.07.19.36](https://doi.org/10.31838/jcr.07.19.36).
- Stanistreet P., Elfert M., Atchoarena D. (2020) Education in the Age of COVID-19: Understanding the Consequences. *International Review of Education*. Vol. 66. P. 627–633. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11159-020-09880-9>.
- Starcev M.V. (2020) Distance Education: Where Are the Benefits? *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal "Gaudeamus"*. Vol. 19. No. 2 (44). P. 99–106.

Дата поступления/Received: 30.08.2021